

ISSN 2686-8288

Том 220
2020

ТРУДЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

КНИГА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

СПбГИК

Том 220
2020

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского
государственного института культуры

2020 • Том 220

**КНИГА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Материалы международной научной конференции
«XXI Смирдинские чтения», посвященной 100-летию
со дня рождения И. Е. Баренбаума

26–27 ноября 2020 г., Санкт-Петербург

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского государственного института культуры
2020 • Том 220

Книга в медиaproстранстве: вчера, сегодня, завтра
Материалы международной научной конференции «XXI Смирдинские чтения»,
посвященной 100-летию со дня рождения И. Е. Баренбаума

Научный журнал. Издается с 1956 г.

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия 220-го сборника научных трудов:
Л. Е. Востряков (отв. ред.), Т. В. Захарчук (зам. отв. ред.),
Д. А. Эльяшевич, М. Н. Колесникова, А. С. Шитова (отв. секретарь)

Редакторы: Д. А. Эльяшевич, М. Н. Колесникова
Верстка: А. С. Шитова
Выпускающий редактор: А. С. Шитова

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
www.spbgik.ru • e-mail: book-izdat@spbgik.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 01.12.2020. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 21,25. Тир. 100. Зак.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг».
(ООО Первый ИПХ) 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У

ISSN 2686-8288
Сайт: <http://spbgik.ru/works/>
РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37883

Киберленинка: [http://cyberleninka.ru/journal/n/
trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kultury-i-iskusstv](http://cyberleninka.ru/journal/n/trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kultury-i-iskusstv)

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Д. А. Эльяшевич. Иосиф Евсеевич Баренбаум – книговед. К 100-летию со дня рождения (D. A. Elyashevich. Iosif E. Barenbaum, the Bibliology scholar Commemorating 100th anniversary of the birth of I. E. Barenbaum) 7

А. А. Катина. Библиометрический анализ научного творчества И. Е. Баренбаума (Alyena A. Katina. Bibliometric analysis of Iosif E. Barenbaum's scientific creation) 17

Раздел 1. Книговедение. Библиографоведение

Section 1. Bibliology. Bibliography

В. А. Маркова. Еще раз к вопросу об объекте книговедения (Victoriya A. Markova. Once more on the question of the object of bibliology) 27

В. А. Мутьев. Книговедческие образовательные программы и учебные дисциплины в зарубежных вузах (Victor A. Mutyev. Book science educational programs and academic disciplines in foreign universities) 37

И. К. Стаф. Сборник новелл и местная хроника в эпоху раннего Возрождения во Франции (Irina K. Staf. Collection of nouvelles and local chronicles from the early Renaissance in France) 48

Л. Ф. Бирр-Цуркан. Benimmbücher (Свод правил поведения) XVIII в. и их роль в формировании коммуникативного поведения представителей немецкой лингвокультуры (Lilia F. Birr-Tsurkan. The 18th century Benimmbücher (Code of Conduct) and their role in developing communicative behaviour by members of German language culture. 64

А. Ю. Уткоф. Книжная торговля при иностранных приходах Санкт-Петербурга второй половины XVIII – первой половины XIX в. (Anna Ju. Utkof. Book trade in the foreign parishes of St. Petersburg in the second half of the XVIIIth – the first half of the XIXth centuries) 69

Д. В. Руднев «...Будучи почти целых сорок лет в самом дурном положении, пришла напоследок в совершенный упадок» (реорганизация типографии Морского шляхетного кадетского корпуса в 1803 г.) (Dmitrii V. Rudnev. «...Being almost the whole forty years in the worst condition, it finally fell into complete decline» (Reorganization of the printing house of the Naval Gentry Cadet Corps in 1803) 74

К. В. Петров. Источники изучения российской цензуры в системе книжных связей XIX – начала XX в. (Kirill V. Petrov. Sources for the Study of Russian Censorship in the System of Book Contacts in the 19th and Early 20th centuries) 88

Д. А. Бадалян, Г. А. Фафурин. Министр народного просвещения С. С. Уваров и закрытие газеты «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» (Dmitrii A. Badalian, Gennadii A. Fafurin. Minister of National Education Education S. S. Uvarov and ban of the newspaper «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland»).	95
Н. Г. Патрушева. «Идейные» издатели и научная книга в России в 60–70-х гг. XIX в. (Natalia G. Patrusheva. «Ideal» publishers and a scientific book in Russia in the 60–70s XIXth century).	106
Н. А. Гринченко. Книжная торговля на магистралях Главного общества российских железных дорог в 1860 – начале 1880-х гг. (Natalia A. Grinchenko. Book trade on highways Main Society of Russian Railways 1860 – early 1880s)	116
Д. А. Липатова. Эволюция книжных рейтингов в России (Daria. A. Lipatova. Evolution of book ratings in Russia)	125
А. Е. Ляндусова. Земские издания как источник изучения истории края на примере земских изданий Пермской губернии (Alexandra E. Lyandusova. The country («Zemsky») publications as the source for the study of the history of the region on the example of the country «zemsky» publications of the Perm province)	133
Е. К. Попова. Мотивы русских рукописных шрифтов XI–XVII вв. в оформлении книг в конце XIX – начале XX в. (Ekaterina K. Popova. The motives of Russian handwritten font of 11–17th century in the design of books in the late 19th – early 20th century)	138
Е. С. Корватская. «Фирменный стиль» издательств начала XX в. в детской книге (Elena S. Korvatshkaya. «Corporate style» of publishing houses of the beginning of the XXth century in children's books)	146
Л. Д. Новикова. Переписка, не лишенная занимательности для будущего историка русской печати (Lidiya I. Novikova. Correspondence that is not without its attractions for the future historian of the Russian press).	156
Н. В. Жиликова. «...Допускает широко личное усмотрение»: сюжет о цензурском произволе в отношении газеты «Сибирская жизнь» (по архивным материалам) (Natalia V. Zhilyakova. «...Allows wide personal discretion»: a plot about censorship arbitrariness in relation to the Siberian Life newspaper (based on archival materials)	165
М. К. Лопачева. Эмигрантская критика 1920–1930-х гг. – о читателе (Maria K. Lopacheva. Emigrant criticism of the 1920–1930s – about the reader)	173

О. Н. Ильина. Каталоги личных библиотек российских эмигрантов как историко-культурный источник (Olga N. Ilina. Russian emigrant's private libraries catalogues as a historical-cultural source).	182
Р. С. Гиляревский. Владимир Набоков о чтении (Ruggero S. Gilyarevskiy. Vladimir Nabokov on What is a Good Reading)	196
Н. Ю. Розова. Книги в «промежуточной» обложке:-pocketбуки в XX–XXI вв. (Nina Ju. Rozova. Books in the «intermediate» cover: pocketbooks in the XX–XXIth centuries)	203
А. В. Куликова. Электронные копии и версии отраслевых региональных биографических справочников России в сети Интернет (Angelina V. Kulikova. Electronic copies and versions of industry regional biographical directories of Russia on the Internet).	212
Е. П. Касьянова. Независимое книгоиздание Санкт-Петербурга (Ekaterina P. Kasyanova. Independent Book Publishing of St. Petersburg)	219
Н. В. Пономарева. Архивы отечественных библиографов в структуре библиотечной биографики (Nina V. Ponomareva. Archives of domestic bibliographers in the structure of library biography)	227
Г. В. Холодных. Библиография запрещенной и нелегальной литературы: критерии классификации (Galina V. Kholodnykh. Bibliography of prohibited and illegal literature: criteria classification).	233
О. А. Александрова. Декомпозиция в информационном моделировании качества электронных информационных ресурсов (Oksana A. Aleksandrova. Decomposition in information modeling of quality of electronic information resources)	241

Раздел 2. Библиотековедение • Section 2. Library Science

М. Н. Колесникова, Е. В. Бахтина. Методическая деятельность библиотек в трудах А. Н. Ванеева (Marina N. Kolesnikova, Elena V. Bakhtina. Methodical activity of libraries in the works of A. N. Vaneev)	249
Е. Г. Ахти. Зачем библиотеке методист (Elena G. Akhti. Why does the library need a methodist)	258
И. А. Молчанова. Методическая служба межпоселенческой библиотеки в обеспечении непрерывного образования специалистов (Irina A. Molchanova. Methodological service of the inter-village library in providing continuing education of specialists)	263

О. Л. Чурашева. Концепция руководства чтением А. Н. Ванеева: продолжение дискуссии (Olga L. Churasheva. A. N. Vaneev's concept of reading guidance by: continuation of the discussion)	269
Е. Л. Шаронова. Есть ли у «Библионочи» перспектива? К дискуссии по статье А. Н. Ванеева «„Библионочь“ – что это?» (Ekaterina L. Sharonova. Does the «Biblionight» have a prospect? To the discussion of A. N. Vaneev «„Biblionight“ – what is it?»)	276
Н. Н. Волкова. Как феномен социальных медиа и цифровой контент меняют философию и технологию продвижения книги и чтения в библиотечной практике (Natalia N. Volkova. How the phenomenon of social media and digital content are changing the philosophy and technology of promoting reading books in library practice)	280
М. В. Кустова. Библиотечная «цензура вкуса»: взгляд современного библиотекаря 13 лет спустя (по результатам социологического исследования) (Marya V. Kustova. Library censorship of literary taste: present-day librarian's opinion 13 year later (in view of the results of social research)	288
Н. С. Беляев. Проблемы изучения истории библиотеки Пушкинского Дома (Nikolai S. Belyaev. The problems of the studying of the history of The Library of The Pushkin House).	292
С. А. Мамаева. А. Р. Войнич-Сяноженцкий в Императорской Военно-медицинской академии (Svetlana A. Mamaeva. A. R. Voynich-Syanozhentsky in the Imperial Military-medical academy)	300
В. В. Орлов. К истории развития библиотечного законодательства в России: попытка обобщения (Viktor V. Orlov. To the history of development of library legislation in Russia: an attempt to generalize)	320
В. Э. Бежовец, Е. Г. Сочилина. Информационно-аналитические функции и структуры региона на примере Новгородской области (Vlada E. Bezhovets, Ekaterina G. Sochilina. Information and analytical functions and structures of the region on example of the Novgorod region)	326
Сведения об авторах (Information about the authors)	334

Д. А. Эльяшевич

**Иосиф Евсеевич Баренбаум – книговед
К 100-летию со дня рождения**

В статье излагается биография И. Е. Баренбаума и анализируется его вклад в развитие книговедения. Показано, что И. Е. Баренбаум рассматривал книговедение в качестве науки информационно-коммуникативного цикла. Приводятся основные сведения о достижениях И. Е. Баренбаума в сфере теории книговедения, изучения истории книжного дела и книговедческого краеведения.

Ключевые слова: И. Е. Баренбаум, теория книговедения, история книжного дела, биография, книговедческое краеведение

D. A. Elyashevich

Iosif E. Barenbaum, the Bibliology scholar

Commemorating 100th anniversary of the birth of I.E. Barenbaum

Biography of I. E. Barenbaum and analysis of his contribution to Bibliology. The publication demonstrates that for I.E. Barenbaum the Bibliology were part of the sciences dealing with the informative/communicative cycle. Contains information on the main accomplishments of I.E. Barenbaum in such fields as the theory of the Bibliology, the history of the book publishing business and research of local history through the Bibliology.

Keywords: I. E. Barenbaum, theory of the Bibliology, the publishing business history, biography, local history through bibliology

Отечественное теоретическое книговедение как самостоятельная дисциплина гуманитарного цикла имеет уже более чем вековую историю. На протяжении этого времени наука о книге в своем развитии прошла несколько этапов. Нельзя сказать, что такое развитие было постоянным поступательным движением вперед; скорее, оно представляло собою синусоиду. Зародившись на рубеже XIX–XX вв. благодаря трудам Н. М. Лисовского, русскоязычное книговедение достигло первой точки экстремума в 20-х – начале 30-х гг., когда появились теоретические работы А. М. Ловягина, А. Г. Фомина и, конечно же, М. Н. Куфаева. Этот непродолжительный период можно назвать «золотым веком» книговедческого знания, постулировавшего коммуникационную природу книги и книжного дела, их неразрывную связь с читателем и междисциплинарный характер самого книговедения как науки. Затем наступил продолжительный спад, определявшийся внешними по отношению к книговедению причинами идеологического свойства. Развитие теории науки о книге возобновилось в СССР лишь на рубеже 60–70-х гг. когда сформировались две ведущие (и часто соперничавшие друг с другом) школы теоретического книговедения – функцио-

нальная (ленинградская) и системно-типологическая (московская), на регулярной основе проводились различные книговедческие конференции и дискуссии, во множестве защищались диссертации, посвященные тем или иным проблемам науки о книге. Этот второй экстремум, так сказать, «серебряный век» книговедения был продолжительнее века золотого, но и он закончился с наступлением нового XXI столетия – нового не только хронологически, но и, в первую очередь, сущностно, поскольку произошла очередная информационная революция и книга, книжное дело буквально за несколько лет изменились до неузнаваемости. На какое-то время общее книговедение, подмененное от безысходности документоведением, вновь почти перестало существовать, оказавшись в интеллектуальном тупике, и только совсем недавно начался процесс его постепенного возрождения.

В любой науке всегда есть знаковые для нее имена – имена тех ученых, которые сделали для ее развития особенно много. В книговедении к таким именам могут быть причислены уже упоминавшиеся Н. М. Лисовский, М. Н. Куфаев, А. М. Ловягин и А. Г. Фомин, а также Н. А. Рубакин, В. С. Люблинский, А. С. Мыльников, А. А. Беловицкая. Без сомнения, к этому «сонму великих» следует отнести и И. Е. Баренбаума – одного из самых ярких представителей отечественной науки о книге не только периода ее «серебряного века», но и всей истории существования в целом. Сегодня представить себе отечественное книговедение без работ И. Е. Баренбаума совершенно невозможно.

Иосиф Евсеевич Баренбаум родился 13 июня 1921 г. в живописном Каневе в Украине. Детство и юность его прошли в маленьком городке Опочка (ныне – Псковская область). «То, что я гуманитарий, я ощутил еще на школьной скамье», – рассказывал впоследствии И. Е. Баренбаум¹. Все, кто испытывал в юности подобное ощущение, хорошо знают, что оно означает: неутолимая жажда чтения художественной литературы, сочинений по истории и филологии, совершенно особое, благоговейное отношение к Книге как таковой. В 1938 г. И. Е. Баренбаум стал студентом романского отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета. В то время там преподавали многие корифеи отечественной филологии – Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев, Г. А. Бялый, Б. Г. Реизов и другие. Общение с ним, несомненно (и сам И. Е. Баренбаум неоднократно это подчеркивал), было очень полезным для студентов, поскольку они не только сообщали конкретные знания, но и учили мыслить, прививали культуру интеллектуальной работы. Тот факт, что И. Е. Баренбаум стал выдающимся книговедом и историком книги, во многом объясняется фундаментальной общегуманитарной подготовкой, полученной им в студенческие годы. Без такой подготовки какая бы то ни было исследова-

тельская работа в книговедении совершенно невозможна; вне историко-филологической и культурологической базы она попросту превращается в профанацию науки.

Насыщенная студенческая жизнь была прервана войной: 1 сентября 1941 г. И. Е. Баренбаум ушел добровольцем на фронт. Командир взвода разведки, участие в боях на Пулковских высотах, тяжелое ранение 3 марта 1942 г., почти 2 года борьбы за жизнь в госпиталях, ордена Отечественной войны 1 степени и Красной звезды, множество медалей, среди которых почитаемая среди фронтовиков медаль «За оборону Ленинграда» – вот боевой путь, пройденный И. Е. Баренбаумом².

После демобилизации в 1944 г. И. Е. Баренбаум продолжил обучение в университете. Успешно окончив его в 1945 г., он вскоре поступил в аспирантуру Ленинградского библиотечного института (ныне Санкт-Петербургский государственный институт культуры). С этим учебным заведением впоследствии была неразрывно связана вся жизнь ученого.

Первым научным руководителем И. Е. Баренбаума-аспиранта стал М. Н. Куфаев, который с 1946 г. не только заведовал кафедрой истории Ленинградского библиотечного института, но и преподавал студентам библиографию и книговедение. После сокрушительной и совершенно несправедливой критики своих философско-книговедческих воззрений, исходившей от некоторых представителей вульгарно-социологической школы 30-х гг., научной деятельностью в «книжной» сфере он не занимался, однако это не мешало ему прививать ученикам – конечно, с поправкой на идеологические условия позднесталинской эпохи – свои представления о книге и книжном деле. Впоследствии И. Е. Баренбаум неоднократно подчеркивал то определяющее в научном плане влияние, которое оказал на него М. Н. Куфаев. «Книговедом я стал именно благодаря ему», – сказал И. Е. Баренбаум в интервью А. Кумановой в 2003 г.³ Не подлежит сомнению тот факт, что основные постулаты функциональной концепции книговедения, одним из отцов-основателей которой впоследствии стал И. Е. Баренбаум, базировались на идеях М. Н. Куфаева, сформулированных им в работах «Проблемы философии книги» и «Книга в процессе общения».

М. Н. Куфаева не стало 14 февраля 1948 г. Обучение в аспирантуре И. Е. Баренбаум заканчивал под руководством Б. Г. Реизова – крупного специалиста по истории западноевропейских литератур; современники считали его талантливым ученым, однако его общественная деятельность вызывала весьма неоднозначные оценки. В 1953 г. И. Е. Баренбаум защитил кандидатскую диссертацию «Свобода печати в теории и практике Французской революции 1848 г.»⁴. С этого момента началась его научная деятельность, продолжавшаяся свыше пятидесяти лет.

Перу И. Е. Баренбаума принадлежит свыше трехсот научных, учебно-методических и научно-популярных публикаций⁵. Помимо работ теоретического характера (и трудов по теоретическому и историческому читателеведению), о которых речь пойдет ниже, эти публикации принадлежали к нескольким крупным тематическим блокам, соответствующим главным сферам научных интересов ученого: история прогрессивно-демократического издательского дела в дореволюционной России, история книжного дела в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде, история французской книги и русско-французских книжных связей.

Исторически первым возник интерес И. Е. Баренбаума к истории русского демократического книгоиздания. Работы, посвященные этому вопросу, И. Е. Баренбаум начал публиковать во второй половине 50-х гг. Внимание ученого привлекали взаимосвязь революционно-демократического движения и русской классической литературы, деятельность таких издателей, как Н. А. Серно-Соловьевич и И. П. Огрызко (им он посвятил отдельные монографии), Н. П. Баллин, Н. Л. Тиблен и целого ряда других. Занимаясь данными вопросами, И. Е. Баренбаум ввел в научный оборот большое число неопубликованных архивных источников, задав, по сути дела, принципиально новый источниковедческий стандарт историко-книжных исследований. Итогом работы И. Е. Баренбаума в этой области стала докторская диссертация «Легальное демократическое книжное дело в России, 1856–1874 гг.», успешно защищенная в 1967 г. в Московском полиграфическом институте, и монография «Штурманы грядущей бури» (1987).

Чрезвычайно плодотворно трудился И. Е. Баренбаум в сфере, которая условно может быть названа историко-книжным краеведением. Им было опубликовано большое количество работ, в которых рассматривалась история книжного дела в городе на Неве. Эрудиция И. Е. Баренбаума в этом вопросе не имела себе равных. Принадлежащие его перу десятки статей, посвященные деятельности отдельных петербургских типографий, издателей и издательств, а также монографические исследования «Книжный Петербург – Петроград – Ленинград» (1980, 1986, совместно с Н. А. Костылевой) и «Книжный Петербург. Три века истории» (последнее было опубликовано к 300-летию города в 2003 г.) могут рассматриваться в качестве энциклопедических справочников по истории петербургского книгоиздания. Следует подчеркнуть, что в этих работах проявился и незаурядный популяризаторский талант И. Е. Баренбаума, умевшего даже о самых скучных, казалось бы, вещах писать ярко и увлекательно.

Интерес И. Е. Баренбаума к французской книге и русско-французским книжным связям зародился еще на студенческой скамье и впоследствии сопровождал его на протяжении всей жизни. И. Е. Баренбаумом было опу-

бликовано множество статей, посвященных как отдельным эпизодам истории французского книгоиздания, так и бытованию французской книги в России. Итогом деятельности в этой сфере стал выход в свет фундаментальной монографии «Французская переводная книга в России в XVIII веке» (2006), ставшей последней прижизненной публикацией ученого.

И. Е. Баренбаум был крупным организатором науки и выдающимся преподавателем. На протяжении одиннадцати лет, с 1978 по 1989 г. он возглавлял кафедру общей библиографии и книговедения Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, являлся членом редколлегий многочисленных научных изданий (в том числе, продолжающегося сборника «Книга. Исследования и материалы», энциклопедий «Книговедение» и «Книга»), непререкаемым участником различных книговедческих и библиотечно-библиографических форумов и конгрессов. И. Е. Баренбаум стал одним из инициаторов (совместно с А. В. Блюмом и И. А. Шомраковой) проведения и затем многолетним руководителем Смирдинских чтений – одной из самых известных и престижных регулярных конференций в отечественном книговедении. Чрезвычайно значим вклад И. Е. Баренбаума в становление и развитие системы высшего библиотечного и книговедческого образования в России. Им единолично и в соавторстве с И. А. Шомраковой были подготовлены и изданы основополагающие вузовские учебники по книговедению и истории книги, по сию пору успешно используемые в учебном процессе, а также различные программы учебных курсов, учебные пособия, методические рекомендации для студентов и преподавателей и иные учебно-методические работы. Под руководством И. Е. Баренбаума было защищено 40 диссертаций, среди его учеников – С. А. Пайчадзе, Н. В. Варбанец, Л. Д. Шехурина, И. С. Зверева, С. М. Якерсон, Н. Б. Лезунова, В. Я. Аскарова и другие.

Научные достижения И. Е. Баренбаума получили признание не только в России, но и за рубежом. Он неоднократно выступал с научными докладами во Франции и Великобритании и публиковал статьи в ведущих иностранных книговедческих изданиях.

И. Е. Баренбаум скончался в Санкт-Петербурге 30 декабря 2006 г.

* * *

Обзорная статья – неподходящий жанр для развернутого анализа теоретического наследия И. Е. Баренбаума. Такой анализ может быть осуществлен лишь в объемном (возможно, диссертационном) исследовании. Именно в нем могут быть по достоинству освещены как выдающиеся достижения И. Е. Баренбаума в сфере теории книговедения, так и несомненная историческая и методологическая ограниченность многих его теоре-

тических построений. Поэтому ограничимся лишь кратким обзором тех достижений, которые выдвинули И. Е. Баренбаума в ряд крупнейших теоретиков отечественной науки о книге.

Не может вызвать сомнения тот факт, что одним из важнейших достижений функциональной школы, основателем которой был И. Е. Баренбаум (вместе с А. И. Барсуком), является постулирование коммуникативной природы книги и книжного дела как их онтологической сущности и перво-степенное внимание к изучению читателя и чтения. В этом функциональная школа, безусловно, являлась прямой наследницей идей, в свое время сформулированных М. Н. Куфаевым. Вместе с тем, ни о каком функциональном подходе к изучению книги и читателя в работах М. Н. Куфаева речи не шло, подход этот был впервые сформулирован в довоенных публикациях П. Н. Беркова и И. В. Новосадского – по сути дела, могильщиков классического отечественного книговедения 20-х гг. и яростных критиков М. Н. Куфаева. Таким образом, в концепции функциональной школы И. Е. Баренбаума и А. И. Барсука изначально было заложено некоторое глубинное противоречие – противоречие между «идеалистическими» (на самом деле, вполне медиалогическими) представлениями М. Н. Куфаева о коммуникативной природе книги и, признаем откровенно, вульгарно-социологическими, выдержанными в «лучших традициях» марксистско-ленинской идеологии догмами советского книговедения 30-х гг. Не признавать наличие такого скрытого противоречия было бы неправильно, но и преувеличивать его роль, давая оценку достижениям функциональной школы, совершенно неправомерно, поскольку оно искупалось многими другими ее достоинствами.

Среди таких достоинств одной из важнейших является несомненная культуроцентричность функциональной концепции И. Е. Баренбаума. Книга и книжное дело всегда рассматривались им в максимально широком культурно-историческом контексте, они не изымались из культуры, как это часто происходит в более или менее современном нам книговедении, а, наоборот, мыслились в качестве важнейшей движущей силы цивилизационного процесса. Такой культуроцентричности, конечно же, в первую очередь способствовало блестящее историко-филологическое образование И. Е. Баренбаума, знание иностранных языков и достижений мировой гуманитарной науки.

По мысли И. Е. Баренбаума, суть функциональной школы, или функционального подхода, в книговедении заключается в том, что книга и книжное дело изучаются не сами по себе, не как самостоятельные и самоценные сущности, а в соотношении с читателем. Иными словами, предметом книговедческого анализа должны являться не отдельные факты и явления книж-

ного мира, а книга в процессе движения, своего рода «жизненный цикл» книги, ее общественные – как объективные, так и субъективные – функции. Эта идея дорогого стоит, она автоматически поднимает рассматриваемую концепцию до высот «большой» гуманитарной науки и помещает книговедение в рамки общего культурологического дискурса. В статье «Функциональный подход и его применение в книговедении» И. Е. Баренбаум писал о необходимости «изучения книги как процесса в ее движении от автора к читателю»⁶. Суммируя свои теоретические представления, И. Е. Баренбаум указывал: «Изучение функций книги, ее типов, читательских интересов составляет сердцевину функционального подхода в книговедении, также как и требование системности, рассмотрения книги как определенной системы всех ее внешних и внутренних элементов, в связи с ее содержанием и читательским адресом»⁷. Следует, однако, признать, что эти совершенно правильные по своей сути постулаты в научном творчестве самого И. Е. Баренбаума во многом остались лишь абстрактной теорией, благими пожеланиями, поскольку предлагавшийся им коммуникационный подход к книге в рамках традиционного книговедения – а функциональная школа принадлежала именно к такому традиционному книговедению – на практике принципиально неосуществим; для его успешности и эффективности требуется помещение концепта «книга» в систему медиакommunikаций.

Внутренняя противоречивость была в полной мере присуща и подходу функциональной школы к изучению читателя и чтения. С одной стороны, их возвращение в орбиту книговедения стало одним из важнейших и наиболее значимых ее достижений. В данном случае И. Е. Баренбаум вновь остался верен идеям своего учителя, поскольку куфаевская «книга в процессе общения» – это ничто иное, как общение автора и книги как медиума с читателем. С другой же стороны, нельзя сказать, что такое возвращение читателя в книговедческую орбиту было последовательным; на практике внимание к читателю во многом замыкалось на частных проблемах и не выходило на уровень серьезных обобщений. Об этом свидетельствует, среди прочего, дефиниция, данная И. Е. Баренбаумом в 1973 г.: «Историю читателя можно [...] определить как область знания, изучающую читательские интересы и круг чтения отдельных лиц и целых социальных групп и слоев, чтение ими книг и других произведений печати, имеющих хождение в тот или иной исторический период. История читателя изучает также формирование читательских интересов, отношение читателя к книге, влияние, которое книга оказывает на читателя в процессе чтения, выступая в качестве важнейшего фактора воспитания личности и формирования ее мировоззрения»⁸. Из этого определения очевидно следует, что чтение рассматривается И. Е. Баренбаумом как частная проблема, исключительно на уровне

отдельной личности и без выхода на широкие культурологические и социологические обобщения. Упоминание «целых социальных групп и слоев» в данном случае ничего сущностно не меняет, поскольку ни в работах самого И. Е. Баренбаума, ни в трудах его коллег и последователей нет указаний на то, как именно и с какой целью может и должно изучаться чтение этих групп. Таким образом, подход И. Е. Баренбаума к рассматриваемой проблеме довольно далек от взглядов школы истории чтения Р. Шартье и идей Л. Февра и А.-Ж. Мартена, в своей совокупности определяющих все развитие современного книговедения. Не исключено, что И. Е. Баренбаум, знаток французского языка, был знаком с работами этих ученых. Понятно, что полноценное осмысление их концепции в идеологических рамках советской эпохи, за которые И. Е. Баренбаум никогда не позволял себе выходить, было совершенно невозможно; однако такое – вольное или невольное – следование «параллельными курсами» уже само по себе чрезвычайно примечательно. И в любом случае, инициированные и отредактированные И. Е. Баренбаумом несколько томов «Истории русского читателя» стали важнейшей вехой в развитии отечественного книговедения.

Вполне естественным и закономерным следствием признания коммуникативной природы книги и книжного дела стало обращение И. Е. Баренбаума к проблеме международных книжных связей. Нельзя сказать, что книговедческая компаративистика была совершенно неизвестна советской науке о книге; ей, в частности, посвятили некоторые свои работы М. И. Слуховский и А. С. Мыльников. Однако именно И. Е. Баренбаум первым подошел к ней как теоретик и тем самым формально и сущностно открыл новое направление в позднесоветском книговедении. Этому во многом способствовал и выход в свет под редакцией И. Е. Баренбаума коллективного сборника «Из истории русско-советского международного книжного общения» (1987), ставшего первым отечественным изданием подобного рода. Кроме того, много лет занимаясь изучением русско-французских книжных связей, И. Е. Баренбаум своими работами сам во многом содействовал становлению российской книговедческой компаративистики.

Пожалуй, наиболее спорным и дискуссионным в теоретическом наследии И. Е. Баренбаума и всей функциональной школы в целом было представление о комплексном характере книговедения как науки. Споры о составе книговедения не новы, они начались чуть ли не с момента появления книговедения как такового и продолжаются, пусть и в сильно видоизменном виде, вплоть до сегодняшнего дня. Принцип комплексности, отстаиваемый И. Е. Баренбаумом, однозначно предполагает включение библиотекведения и библиографоведения в состав книговедения на том – в чем-то, может быть, и справедливом – основании, что каждая из этих дисциплин

в конечном итоге исследует те или иные процессы, связанные с книгой в процессе ее движения, ее, так сказать, жизненного цикла. Однако и на момент выдвижения данного принципа обе эти науки (в особенности, библиотекведение) уже довольно существенно разошлись с классическим книговедением в объекте, предмете и методах исследования; сегодня же, после четвертой информационной революции, они и вовсе обособились. То, что российская Высшая аттестационная комиссия продолжает считать их единой областью знания (специальность «Библиотекведение, библиографведение и книговедение») еще ни о чем не говорит. Если библиотекведение и библиографведение в значительной мере являются практикоориентированными дисциплинами, то книговедение в своей теоретической части все больше и больше смыкается с науками общегуманитарного характера – культурологией, коммуникативистикой, медиалогией, а в исторической – с историей идеологии. К широко понимаемому книговедению могут тяготеть разве что исторические разделы этих наук. Надо сказать, что и на момент возникновения тезиса о комплексном характере книговедения подавляющее большинство библиотекведов и библиографоведов его безоговорочно не поддержали.

Для И. Е. Баренбаума была характерна последовательность в развитии своих теоретических взглядов и завидная системность, структурированность научного мышления. Кажется, ему первому удалось построить вполне законченную систему книговедческого знания; благодаря его работам книговедение – пусть и на непродолжительное время – приобрело все формальные черты развитой самостоятельной науки. И. Е. Баренбаум предложил формулировку объекта книговедения (система «книга – книжное дело – читатель») и дал его развернутое определение. Он разработал практически безупречную для уровня развития науки 70–80-х гг. дефиницию понятия «книга»; эта дефиниция вплоть до сегодняшнего дня является одной из самых распространенных и часто используемых. В статьях И. Е. Баренбаума обрела стройный и непротиворечивый характер система книговедческих методов. Наконец, И. Е. Баренбаум немало сделал для изучения проблем источниковедения и историографии книговедения. Как бы мы сейчас не оценивали те или иные идеи И. Е. Баренбаума и всю концепцию функционального книговедения в целом (очевидно, что очень многое в ней не выдержало проверку временем), у нас есть все основания считать научное наследие И. Е. Баренбаума выдающимся явлением в истории отечественной гуманитарной науки.

В заключение приведем еще одну цитату из упоминавшегося ранее интервью И. Е. Баренбаума А. Кумановой 2003 г.: «Когда-то я задумал капитальное исследование об эволюции средств информации, от происхожде-

ния языка к искусственному интеллекту. Начал было собирать материал, думал, что займусь этим „на заслуженном отдыхе“, как у нас говорят. Но действительность показала, что этот труд для меня уже непосилен, нереален. Изучение проблемы обогащало меня многими полезными знаниями, будило мысль, поэтому я не сетую на то, что исследование не состоялось. Это могло бы стать моей „главной книгой“»⁹. Слова чрезвычайно знаменательные. По сути дела, И. Е. Баренбаум признал: все, чем на протяжении жизни он занимался в книговедении, так или иначе имело отношение к проблеме «эволюции средств информации». Перед нами – формулировка информационно-коммуникативного, медиалогического понимания книговедения. И это то, что обеспечивает сегодня и будет обеспечивать в будущем ценность, актуальность и востребованность теоретического наследия И. Е. Баренбаума.

Примечания

¹ Цит. по: Куманова А. Профессор Иосиф Евсеевич Баренбаум: портрет ученого в стиле интервью. Шумен: Аксиос, 2005. С. 18. Я благодарю проф. А. Куманову за возможность ознакомиться с этой публикацией.

² Я благодарю дочь И. Е. Баренбаума О.И. Румянцеву за уточнение биографических сведений.

³ Куманова А. Профессор Иосиф Евсеевич Баренбаум... С. 27.

⁴ Диссертация эта (на соискание ученой степени кандидата педагогических наук) была подготовлена И. Е. Баренбаумом еще в 1949 г. и представлена к защите в Ленинградском государственном библиотечном институте. Однако ее защита не состоялась – вероятно, по причинам, не имевшим отношения к науке (антисемитская кампания «борьбы с космополитизмом» и т. п.). Успешная защита с Б. Г. Реизовым в качестве руководителя, на сей раз на соискание ученой степени кандидата исторических наук, состоялась в 1953 г. в ЛГУ им. А. А. Жданова. Следует отметить, что биография И. Е. Баренбаума еще ждет своего исследователя.

⁵ Ряд исследований И. Е. Баренбаума, созданных им в последние годы жизни, а также мемуары и художественные произведения в стихах и прозе остались неопубликованными и хранятся в архиве ученого.

⁶ Баренбаум И. Е. Функциональный подход и его применение в книговедении // Книга и социальный прогресс. М.: Наука, 1986. С. 122.

⁷ Баренбаум И. Е. Функциональный подход и его применение в книговедении С. 128.

⁸ Баренбаум И. Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема // История читателя как социологическая и книговедческая проблема // История русского читателя: сб. науч. тр. Вып. 1. Л.: ЛГИК им. Н. К. Крупской, 1973. С. 6.

⁹ Цит. по: Куманова А. Профессор Иосиф Евсеевич Баренбаум... С. 26.

А. А. Катина

Библиометрический анализ научного творчества И. Е. Баренбаума

Осуществлена попытка провести библиометрический анализ работ отечественного книговеда И. Е. Баренбаума (1949–2006). В основе анализа – библиографический указатель трудов ученого (350 названий), подготовленный автором данного исследования. Показаны ключевые тематические направления, характерные для научного творчества И. Е. Баренбаума: общие вопросы книговедения, издательское дело в дореволюционной и революционной России, история книжного дела, история книжного дела во Франции, читателеведение в системе книговедения.

Ключевые слова: Иосиф Евсеевич Баренбаум, Петербургская книговедческая научная школа, книговедение, ЛГИК им. Н. К. Крупской, библиометрический анализ

Alyena A. Katina

Bibliometric analysis of Iosif E. Barenbaum's scientific creation

The author attempts to carry out a bibliometric analysis of research field of the Russian bibliologist Iosif E. Barenbaum (1949–2006). It is based on a bibliographic index of his works and bibliography about him (574 titles) compiled and prepared by the author of this paper. The key thematic areas characteristic of Iosif E. Barenbaum's research field are shown: general questions of bibliography, the history of book publishing industry in pre-revolutionary and revolutionary Russia, the history of book business in Russia the history of book business in France, reader science in the system bibliography.

Keywords: Iosif Evseevich Barenbaum, Petersburg bibliography scientific school, bibliography, LGIK of N. K. Krupskaya

13 июня 2021 года исполняется 100 лет со дня рождения одного из основоположников Петербургской книговедческой школы, автора более 300 публикаций по теоретическому и практическому книговедению, заведующего кафедрой общей библиографии и книговедения (1978–1989) Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской (ЛГИК им. Н. К. Крупской, ныне – Санкт-Петербургский государственный институт культуры (СПбГИК)), профессора *Иосифа Евсеевича Баренбаума*.

В статье предпринята попытка осуществить библиометрический анализ творчества И. Е. Баренбаума на основе библиографического указателя работ ученого (сост. А. А. Катина). Указатель составлялся для юбилейного сборника избранных работ И. Е. Баренбаума «Проблемы теории и методологии книговедения» (сост. и автор предисловия Д. А. Эльяшевич). В основу указателя легли библиографические указатели Т. С. Курбангалеевой (1988)¹ и Л. Д. Шехуриной (1996)². Указатели дополнены публикациями И. Е. Барен-

баума за 1996–2006 гг. и уточнена некоторая библиографическая информация.

За 57 лет научного творчества (1949–2006) И. Е. Баренбаумом опубликовано 350 работ. Публикационная продуктивность ученого по количеству изданных работ составляет четыре публикации в год в первую половину творческого пути (1949–1978), и семь публикаций в год во вторую половину (1979–2006). Наиболее продуктивными десятилетиями в творчестве ученого являются третье, четвертое, и пятое (1979–2006) (см. табл. 1).

Таблица 1
Публикационная продуктивность И. Е. Баренбаума (1949–2006)

Творческое десятилетие	Общее количество публикаций		Среднегодовая продуктивность	Максимально продуктивные годы
	А. ц.	%	(публ./г.)	(публ.)
I. 1949–1958	16	4,6	1,6	1955
II. 1959–1968	42	12	4,2	1965
III. 1969–1978	88	25,1	8,8	1972
IV. 1979–1988	119	34	11,9	1986
V. 1989–1998	65	18,6	6,5	1995
VI. 1999–2006	19	5,4	1,9	2006

Видовая структура микропотока публикаций И. Е. Баренбаума достаточно обширна (статья в сборнике – 189; статья в журнале – 66; статья в газете – 43; учебное пособие – 22; учебник – 3; статья в энциклопедии – 17; монография – 5; библиографический указатель – 2; автореферат диссертации – 3) (см. табл. 2).

Таблица 2
Видовая структура микропотока публикаций И. Е. Баренбаума (1949–2006)

Творческое десятилетие	Вид издания								
	Автореферат	Статья в сборнике	Статья в журнале	Статья в газете	Учебное пособие	Учебник	Статья в энциклопедии	Монография	Библиографический указатель
I. 1949–1958	2	4	11	-	1	-	-	-	-
II. 1959–1968	1	18	8	8	5	-	-	-	-
III. 1969–1978	-	34	20	20	8	-	1	-	-

IV. 1979–1988	-	55	7	12	6	1	15	3	1
V. 1989–1998	-	44	8	3	2	-	1	-	1
VI. 1999–2006	-	12	-	-	-	2	-	2	-
Итого	3	189	66	43	22	3	17	5	2

Анализ указателя трудов ученого позволил выделить пять ключевых тематических направлений в творчестве И. Е. Баренбаума: общие вопросы книговедения, издательское дело в дореволюционной и революционной России, история книжного дела в России, история книги и книжного дела во Франции, читателеведение в системе книговедения.

Первые результаты научной деятельности И. Е. Баренбаума представлены в автореферате кандидатской диссертации «Свобода печати в теории и практике французской буржуазной революции 1848 года»³, в которой было заложено одно из первых тематических направлений в творчестве ученого – история книги и книжного дела во Франции. Данное направление ученый продолжает активно развивать со второго творческого десятилетия.

Занимаясь этим вопросом, ученый параллельно изучает две другие темы: история книжного дела в России и издательское дело в дореволюционной и революционной России (ряд работ посвящен персоналиям – деятельности издателей и типографов).

Уже в первое десятилетие ученый выступает рецензентом двух монографий об истории книжного дела. Это свидетельствует о том, что И. Е. Баренбаум отслеживает литературу по теме его научных интересов, что проявляется в его научной работе на протяжении всего творческого пути⁴.

Окончание первого творческого десятилетия знаменуется выходом учебного пособия по истории книги в соавторстве с Т. Е. Давыдовой⁵, которое в 1984 г. было переиздано в виде учебника⁶. В процессе изучения истории книги И. Е. Баренбаумом был также подготовлен ряд программ курсов, учебно-методических пособий и материалов для студентов очной и заочной форм обучения библиотечных факультетов.

Во втором творческом десятилетии опубликованы 42 работы ученого. Наиболее активно в эти годы И. Е. Баренбаум занимается изучением книгоиздательства в дореволюционной и революционной России. Рассматривается издательская деятельность П. А. Гайдебурова, В. С. Ковалевского, И. П. Огрызко, Н. А. Серно-Соловьевича, И. А. Худякова и др. В этом направлении выделяется новый аспект – женская издательская артель⁷. Впоследствии этот аспект будет затронут И. Е. Баренбаумом в начале пятого творческого десятилетия (1989–1998)⁸.

Итогом в изучении темы издательского дела в дореволюционной и революционной России послужила подготовка докторской диссертации И. Е. Баренбаума, защищенная в Московском полиграфическом институте в 1967 г.⁹

Ряд работ во втором творческом десятилетии ученого затрагивает общие вопросы книговедения и библиографии, различные аспектам в преподавании специальных библиотечных дисциплин.

В этот период И. Е. Баренбаум также продолжает уделять внимание педагогической деятельности. Подготовлено учебное пособие об истории книги¹⁰, а в 1968 г. – полиграфическому и художественному оформлению книги¹¹. В 1960 и 1966 гг. ученым были опубликованы программы курсов для студентов библиотечных институтов.

В третьем творческом десятилетии И. Е. Баренбаума (опубликованы 88 работ) наряду с изучением вопросов книжного дела и книгоиздательской деятельности, ученый обращается сразу к двум тематическим направлениям: история книги и книжного дела во Франции и читателеведение в системе книговедения. Интерес к этим темам возник у И. Е. Баренбаума под влиянием его учителей – отечественного историка книги М. Н. Куфаева и филолога, крупного специалиста по истории западноевропейской литературы Б. Г. Рейзова. И. Е. Баренбаум посвятил М. Н. Куфаеву ряд работ¹².

В этот период ученый также рассматривает место библиотековедения и библиографоведения в системе книговедения.

В 1972 г. в микпотоке документов И. Е. Баренбаума появляются две работы, опубликованные за рубежом (Польша)¹³. Они посвящены теории библиотековедения и библиографии. В целом, из 350 трудов 13 (3,7 %) опубликованы в зарубежных изданиях: «Wyniki I perspekty wy Studia o ksiazce», «Roczniki biblioteczne», «Zentralblatt fur Bibliothekswesen», «Studia o ksiazce», «The Library», «Bulletin du bibliophile» и др. Географический охват: Польша, Германия, Великобритания, Франция и др. Последующие работы за рубежом публиковались с 1960 по 1995 гг. (2–5 творческие десятилетия) с интервалом в 1–3 года.

В четвертом творческом десятилетии можно увидеть присутствие всех тематических направлений в публикациях автора. Всего опубликованы 119 работ. Итогом изучения истории книжного дела стала монография «Книжный Петербург»¹⁴. Уникальность и научную значимость работы подтверждает большое количество цитирующей литературы (48 ссылок). Также в это десятилетии выходит еще одна монография «Книжный Петербург-Петроград-Ленинград» (в соавторстве с Н. А. Костылевой)¹⁵. В этих работах рассматривается один из аспектов истории книжного дела – историко-книжное краеведение, раскрывающий историю книгоиздания Петербурга.

В конце четвертого творческого десятилетия И. Е. Баренбаума вышла монография «Штурманы грядущей бури: Н. А. Серно-Соловьевич, Н. П. Баллин, А. А. Черкесов» (1987)¹⁶, которая подводит итог в изучении темы книгоиздательского дела в дореволюционной и революционной России.

В пятом творческом десятилетии И. Е. Баренбаумом было опубликовано 65 работ. Исследования продолжают развиваться в соответствии с его научными интересами. Наибольшее внимание уделяется истории книжного дела России, истории зарубежной; публикаций об издательской деятельности и истории читателеведения становится все меньше. Работы печатаются как в российских, так и в зарубежных изданиях. И. Е. Баренбаум продолжает изучать общие вопросы книговедения, библиотековедения и библиографии.

Шестое десятилетие характеризуется выходом двух монографий: «Книжный Петербург: Три века истории» (2003)¹⁷ (последняя работа И. Е. Баренбаума по теме историко-книжного краеведения) и «Французская переводная книга в России в XVIII веке» (2006)¹⁸ (последняя прижизненная публикация ученого по теме, изучением которой он занимался с самого начала творческого пути) (22 ссылки).

В 2005 г. опубликовано пособие «Всеобщая история книги»¹⁹ в соавторстве с И. А. Шомраковой. Подтовлен ряд работ, посвященных юбилейным датам из жизни крупных исследователей в области книговедения, библиотековедения, библиографии и др. (О. Д. Голубева, А. М. Ловягин, И. А. Шомракова и др.).

На протяжении всех периодов научного творчества И. Е. Баренбаум неоднократно выступал рецензентом монографий отечественных ученых в области книговедения, библиографии и др., темы исследований которых соответствовали его научным интересам (см. табл. 3).

Таблица 3. Рецензии И. Е. Баренбаума

Год выхода	Заглавие и автор рецензируемой работы
1953	Глиняные книги / Л. А. Липин, А. М. Белов /
1955	История письменности и книги / Кацпржак Е. И.
	У Вас всё впереди / Пунченко А.
	Страна большого Хапи / Петровский Н., А. Белов
1956	Основы производства печатной продукции / Добкин С. Ф.
1971	Пятьсот лет после Гутенберга. 1468–1968: статьи, исследования, материалы / Под ред. Е. С. Лихтенштейна и А. А. Сидорова
1972	Сборник методических материалов: опыт работы.
	Вып. 1. / Сост. Н. В. Варбанец, А. С. Демин и др.
	Палеография и текстология нового времени / Рейсер С. А.

1976	Библиотечное строительство в первые годы советской власти. 1917–1920 / Абрамов К. И.
1977	Советское библиографоведение: состояние, проблемы, перспективы / Барсук А. М., О. П. Коршунов
1980	Книга. Читатель. Библиотека / Сикорский Н. М.
1981	Восемьдесят пять радостей и огорчений. Размышления редактора / Вьюкова Т. В.
	Издание художественной, детской литературы, по искусству, филологии / Лавров Н. П.
1982	Библиография. Общий курс / под ред. О. П. Коршунова
1988–1989	Подвижники книги / Люблинский С. Б.

Библиометрический анализ научного творчества И. Е. Баренбаума демонстрирует широту тематического поля ученого, а также глубокую приверженность научным идеям. Большое число учебных пособий и учебников, подготовленных отдельно (или в соавторстве), по которым до сих пор осуществляется подготовка библиотечно-информационных кадров, подтверждают педагогическую состоятельность И. Е. Баренбаума. Отмечается особый интерес к учебникам «История книги» (89 ссылок), «Всеобщая история книги» (29 ссылок), «Документоведение» (15 ссылок), учебному пособию «Основы книговедения» (46 ссылок).

Под научным руководством И. Е. Баренбаума с 1969 г. было подготовлено и защищено 39 кандидатских и докторских диссертаций. Среди его аспирантов: Н. В. Варбанец, С. А. Пайчадзе, Л. Д. Шехурина, С. М. Якерсон, А. Г. Тишкина, В. Я. Аскарова и др. (см. табл. 4).

Таблица 4. Диссертации, защищенные под научным руководством И. Е. Баренбаума

Год защиты диссертации	Заглавие и автор диссертационного исследования
1969	Развитие книгоиздательского дела Вильнюса в первом тридцатилетии XIX века / Шульгина Г. Я.
1970	Возникновение и развитие книгоиздательского дела в Киргизии в свете культурной революции (1915–1941 гг.) / Бакинова Р. А.
1972	Иоганн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе / Варбанец Н. В.
	Книгоиздательское дело в СССР в послевоенный период: (некоторые тенденции развития и вопросы типологии) / Пайчадзе С. А.
1974	Марксистская книга и ее читатель в России (70-е – начало 90-х гг. XIX в.) / Костылева Н. А.
	Анна Энгельгардт – первая русская женщина-книготорговец (1838–1903): из истории демократического книжного дела в России во второй половине XIX века / Мазовецкая Э. И.

1975	Система заказа литературы центральных издательств и пути ее оптимизации. 1963–1972: проблемы координации издательской деятельности и фактических читательских потребностей / Борисович К. Л.
	Советский читатель-рабочий 20-х годов / Петровичева Л. И.
1976	Книгоиздательское дело в Казахстане в период завершения строительства социализма (1946–1958 гг.) / Рахимжанова С. Р.
1977	Декабристы-читатели французской книги / Комарницкая Ж. О.
	Книгоиздательская деятельность Казанского университета в первой половине XIX века / Парамонова Н. Б.
1978	Институт книги, документа и письма АН СССР: история и научная деятельность / Свойский М. Л.
	Государственная типографии во Франции в первой половине XVII в. и ее издания в фондах библиотек СССР / Френкель Л. М.
1979	Книгоиздательская деятельность П. Ж. Этцеля: из истории французской прогрессивной книги и русско-французских книжных связей XIX в. / Дмитриева В. А.
1980	Читатель марксистской книги (1895–1907 гг.) / Жебрак Е. Э.
	История эстонской книги 1918–1940 гг. / Лотт М. А.
	Фотокнига: (история, типологические особенности, вопросы использования в библиотечно-библиографической практике) / Шехурина Л. Д.
1981	Книга как системообразующий фактор культурной преемственности: (Опыт системного подхода) / Мысин Н. В.
1982	История эфиопской книги / Вольде-Цадык Дерибе.
	Основные этапы развития книгоиздательского дела в Советской Абхазии (1921–1981) / Гумба А. Р.
1983	Становление советского специализированного книгоиздательства на иностранных языках (1931–1938 гг.) / Журкина С. М.
	Книга чтение в жизни партизан Белоруссии / Павлова С. А.
	Становление и развитие советского книговедения в 1920–1930 годы / Симоновский В. А.
1984	Издательства и издание книг по искусству в республиках Средней Азии и Казахстана: современное состояние, перспективы развития / Исенгалиева А. Н.
	Общество эстонской литературы и его место в развитии эстонской книги и культуры / Кальвик М. А.
1985	Книга чтение в годы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) / Нарыжная С. М.
	П. Н. Берков и проблемы советского книговедения / Сералиева Ж. К.
1987	Деятельность издательства «Брокгауз и Ефрон» в Петербурге-Петрограде-Ленинграде 1889–1931 гг.: из истории прогрессивного книжного дела в России конца XIX начала XX веков / Румянцев Т. Н.

1988	Литературно-художественная книга Средней Азии и Казахстана в международном общении: на примерах литературно-художественных изданий Германской Демократической Республики / Абашов Ю. М.
	Библиофилия и ее место в системе книговедения ГДР / Тимофеева Т. К.
1989	Издание естественно-научной и технической литературы во Франции: советско-французские книжные связи. 1945–1985 гг. / Зверева И. С.
	Структура Книжной торговли и принципы формирования ассортимента: Проблемы истории, теории и методики (на примере Ленинграда) / Лезунова Н. Б.
	Инкунабулы на семитских языках (древнееврейском и арамейском) и их место в европейской книжной культуре XV века / Якерсон С. М.
1991	Читатель и книга Урала Конца XIX начала XX веков: на примере Пермской губернии / Шепелева С. В.
1992	Театральная книга в России конца XIX начала XX в.: к проблеме становления специализированных театральных издательств / Королев Д. Г.
1998	Книжное дело в Восточной Африке: Кения, Танзания, Уганда / Тишкина А. Г.
2004	Динамика концепции российского читателя: конец X-начало XXI вв. / Аскарова В. Я.
	Книгоиздательская и книготорговая деятельность Иоганна Якоба Вейтбрехта (1744–1803): из истории русско-немецких книжных связей второй половины XVIII века / Фафурин Г. А.
	Александр и Адольф Плюшары – петербургские издатели, типографы и книгопродávцы первой половины XIX века (1806–1865) / Шпаковская И. А.

В свою очередь, публикации, посвященные общим вопросам книговедения, изучению книговедения как комплексной науки, а также рассмотрению читателя и чтения в системе книговедческого знания, истории отечественной и зарубежной книги, а также монографии об историко-книжном краеведении, принесшие известность И. Е. Баренбауму, безусловно, на протяжении многих десятков лет будут вызывать интерес со стороны исследователей в области книговедения, последователей Петербургской книговедческой школы, а также студентов библиотечно-информационных факультетов вузов культуры.

Примечания

¹ Иосиф Евсеевич Баренбаум: библиогр. указ. / сост. Т. С. Курбангалеева. Казань, 1988. 24 с.

² Иосиф Евсеевич Баренбаум: библиогр. указ. тр. / сост. Л. Д. Шехурина; науч. ред. И. А. Шомракова. СПб.: СПбГАК, 1996. 47 с.

³ Баренбаум И. Е. Свобода печати в теории и практике французской буржуазной революции 1848 года: автореф. дис. ... канд. пед. наук / ЛГБИ им. Н. К. Крупской Л.: Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1949. 16 с.

⁴ Баренбаум И. Е. Глиняные книги / И. Е. Баренбаум // Смена. 1953. 22 июля. (псевд. И. Днепров). Рец. на кн.: Липин Л. А. Глиняные книги / Л. А. Липин, А. М. Белов. Л.: Детгиз, 1952. 346 с.; Баренбаум И. Е. Книга по истории книги / И. Е. Баренбаум // Полигр. производство. 1955. № 5. С. 26–28. Рец. на кн.: Кацпржак Е. И. История письменности и книги. М.: Искусство. 356 с.; Баренбаум И. Е. Пятьсот лет после Гутенберга / И. Е. Баренбаум // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 1971. Сб. 22. С. 224–248. Рец. на кн.: Пятьсот лет после Гутенберга. 1468–1968: статьи, исследования, материалы / под ред. Е. С. Лихтенштейна и А. А. Сидорова. М.: Наука, 1968. 415 с.

⁵ Баренбаум И. Е. История книги: советский период / И. Е. Баренбаум, Т. Е. Давыдова. Л.: ЛГБИ им. Н. К. Крупской, 1958. 114 с.

⁶ Баренбаум И. Е. История книги: учеб. для вузов / И. Е. Баренбаум. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1984. 248 с.

⁷ Баренбаум И. Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60–70-х гг. XIX в: женская издательская артель М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой / И. Е. Баренбаум // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 1965. Сб. 11. С. 223–241.

⁸ Баренбаум И. Е. Женщины в демократическом книжном деле 60–70-х гг. XIX века / И. Е. Баренбаум // Феминизм и российская культура. СПб.: Междунар. ин-т «Женщина и управление»: СПбГАК, 1995. С. 51–60.

⁹ Баренбаум И. Е. Легальное демократическое книжное дело в России. 1856–1874 гг.: автореф. дис. ... докт. филол. наук / МПИ. М., 1967. 54 с.

¹⁰ Баренбаум И. Е. История книги. Ч. 1. Книга в России до 1917 г.: учеб. пособие / И. Е. Баренбаум, Т. Е. Давыдова. М.: Советская Россия, 1960. 198 с.

¹¹ Баренбаум И. Е. Полиграфическое и художественное оформление книги: учеб.-методич. пособие по курсу «История книги» / И. Е. Баренбаум / ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1968. 51 с.

¹² Михаил Николаевич Куфаев, 1888–1948 // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 1974. Сб. 27. С. 189–196; Куфаев М. Н.: Избранное: тр. по книговедению и библиографоведению / сост., вступит. ст. и коммент. И. Е. Баренбаума. М.: Книга, 1981. 223 с.; Куфаев Михаил Николаевич // Книговедение: энцикл. слов. М.: Советская энцикл., 1982. С. 301; М. Н. Куфаев и некоторые спорные проблемы библиофильства // Актуальные проблемы истории и истории библиофильства: науч.-практическая конф. / ЛГИК им. Н. К. Крупской: тез. докл. Л., 1982. С. 5–7; Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948): указ. лит. / сост. и автор вступит. ст. И. Е. Баренбаум. Воронеж, 1989. 25 с.; Библиопсихология Н. А. Рубакина и библиосоциология Н. Н. Куфаева: сравнительный анализ // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: тез. сообщ. 5-й междунар. науч. конф. СПб.: изд-во РНБ, 1995. С. 15–16 и др.

¹³ Barenbaum I. E. Badania nad Historia Szytelnictwa w ZSRR / I. E. Baranbaum // Wyniki I perspekty wy Studia o ksiazce. Wroclaw, 1972. Т. 3. С. 279–299; Barenbaum I. E. Mejsze Bibliotekoznawstwa i Teorii Bibliografii w Ramach Ksiegoznawstwa / I. E. Baranbaum // Roczniki biblioteczne. 1972. № 1–2. С. 9–38.

¹⁴ Баренбаум И. Е. Книжный Петербург / И. Е. Баренбаум. М.: Книга, 1980. 255 с.

¹⁵ Баренбаум И. Е. Книжный Петербург-Петроград-Ленинград / И. Е. Баренбаум, Н. А. Костылева. Л.: Лениздат, 1986. 447 с.

¹⁶ Баренбаум И. Е. Штурманы грядущей бури: Н. А. Серно-Соловьевич, Н. П. Баллин, А. А Черкесов / И. Е. Баренбаум. М.: Книга, 1987. 256 с. (Деятели книги).

¹⁷ Баренбаум И. Е. Книжный Петербург: Три века истории: очерки изд. дела и кн. Торговли / И. Е. Баренбаум. СПб.: КультИнформПресс, 2003. 439 с.

¹⁸ Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке / И. Е. Баренбаум. М.: Наука, 2006. 439 с.

¹⁹ Всеобщая история книги: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 071201 «Библиотечно-информационная деятельность». Дисциплина «Документоведение» / И. А. Шомракова, И. Е. Баренбаум; СПбГУКИ. СПб.: Профессия, 2005. 367 с.

РАЗДЕЛ 1. КНИГОВЕДЕНИЕ. БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ

SECTION 1. BIBLIOLOGY. BIBLIOGRAPHY

УДК 002.2

В. А. Маркова

Еще раз к вопросу об объекте книговедения

Анализируются основные подходы к вопросу об объекте книговедения в контексте основных парадигм в развитии науки. Обосновывается, что ввиду признания коммуникативности как сущностного атрибута книги, целесообразно в качестве объекта коммуникации рассматривать книжную коммуникацию, которая включает в себя как саму книгу, так и все институты, связанные с ее созданием, распространением и потреблением.

Ключевые слова: книга, книжное дело, книговедение, объект книговедения, книжная коммуникация, электронная среда, постнеклассическая наука.

Victoriya A. Markova

Once more on the question of the object of bibliology

The main approaches to the question of the object of book science in the context of the main paradigms of scientific development are analyzed. The article substantiates that by recognizing the communicational aspect as an essential attribute of a book, book communication should be considered as an object of communication, which includes both the book itself and all institutions associated with its creation, distribution and consumption.

Keywords: book, book business, bibliology, object of bibliology, book communication, electronic medium, post-nonclassical science.

В рамках классического подхода каждая наука имеет свой объект исследования, выделенный фрагмент мира, выбранный для изучения. Именно объект науки позволяет четко обозначить ее контуры, отделив тем самым от других наук. Обычно, если наука является сформированной, ее объект не вызывает ни у кого сомнения, не оспаривается. Совсем иную ситуацию можно наблюдать с книговедением. Наряду с достаточно устоявшимся, занявшим место в энциклопедических изданиях и учебных пособиях, взглядом на объект книговедения как систему книги и книжного дела, в книговедческом дискурсе присутствуют и другие подходы к этому вопросу. Так, украинский книговед Н. Черныш в своем учебном пособии «Основы библиологии» указывает еще и на такие:

- книга;
- система «книга-читатель»;

- система «произведение – книга – читатель»;
- система «книга – книжное дело – читатель».

Обобщая изложенные точки зрения, исследовательница определяет объект книговедения как «произведения письменности и печати в связях с деятельностью людей, теми условиями, в которых они возникают и влияют на общественную жизнь»¹. К перечисленным выше можно добавить еще позиции А.А. Беловицкой, определившей объект книговедения как «книгу в книжном деле»², И. Г. Моргенштерна³, Г. Н. Швецово⁴ Водки⁴, считающих главным объектом книговедения «книжное дело». Д. А. Эльяшевич делает предположение, что в качестве объекта книговедения должен рассматриваться последовательный процесс «автор – письмо – текст – медиатор – чтение – читатель», взятый в единстве⁵. Иначе говоря, можно констатировать, что на сегодняшний день в научном сообществе отсутствует единый взгляд на этот жизненно важный для любой науки вопрос, и, тем самым, проблематизируется существование книговедения в качестве научной дисциплины. Подобное многообразие подходов к вопросу об объекте науки, являющееся недопустимым в рамках классической рациональности, вполне закономерно в неклассической, допускающей гипотетичность теорий, относительность научных истин, вероятностный характер закономерностей, включенность субъекта в поле исследования.

Очевидно, что книговедение как область научного знания имеет свою непростую историю, как, впрочем, и любая другая наука. Поэтому, когда мы поднимаем вопрос об объекте определенной науки, мы должны учитывать исторические традиции этой науки – то, что в процессе ее развития происходит не только накопление нового знания, но и меняются ее очертания, связанные с процессами дифференциации и интеграции научного знания. В свою очередь это вызывает и изменения отдельных компонентов научной деятельности: изучаемых объектов, средств, методов исследования. Можно констатировать, что в настоящее время книговедение столкнулось с целым рядом вызовов, которые, несомненно, должны повлечь за собой серьезные трансформационные процессы.

Методологические сложности науки о книге обусловлены еще и тем, что в книговедческом дискурсе ее традиционно рассматривают, во-первых, как комплекс родственных, тесно взаимосвязанных, но относительно самостоятельных дисциплин, во-вторых, как *комплексную* науку о книге и книжном деле. Кроме того, в последние годы присутствуют попытки встроить книговедение в иерархию других наук (документологии, ноокоммуникологии). Очевидно, что об объекте книговедения можно вести речь только тогда, когда признается наличие некоего интегрированного знания обо всех процессах, связанных с сущностью, генезисом и развитием книги,

ее производством, распространением и потреблением. И не принципиально, называем мы это комплексной наукой, «приведенным в систему научным знанием о книге»⁶ (А. А. Беловицкая) или «метатеорией книговедческого цикла»⁷ (А. В. Соколов). В любом случае, мы имеем дело с иной оптикой, под которой мы рассматриваем отдельные дисциплины, так или иначе связанные с книгой. Уместным в данном случае будет прибегнуть к метафоре картографирования – увеличение масштаба ведет к исчезновению деталей, но приводит к одновременному увеличению широты охвата. Именно к такому увеличению и должно стремиться книговедение, в том числе, и в определении своего объекта.

Как правило, критиков «книги и книжного дела» как объекта книговедения смущает, в первую очередь его двуединство. На первый взгляд, этой дуалистичности удалось избежать А. А. Беловицкой, определившей объект книговедения как «книгу в книжном деле», то есть, по сути, представившей его как коммуникативный процесс. Но даже в такой формулировке он продолжает вызывать вопросы, особенно в условиях новой коммуникативной реальности.

Первые же вопросы возникают, когда речь заходит о книге как объекте книговедения. В этой связи уместным будет обратиться к некоторым положениям статьи М. В. Раца «К вопросу о составе и структуре науки о книге», имеющим важное методологическое значение⁸. М. В. Раци отмечает: несмотря на то, что интегрирующим началом книжного дела и книговедения выступает книга, что книга является важнейшим артефактом в истории и культуре, она не должна выступать центральным объектом исследования какой-либо науки. В качестве такового объекта М. В. Раци видит человеческую деятельность, разворачивающуюся вокруг книги и в связи с ней («сфера книги»). Свое видение объектного поля книговедения он представляет метафорически в виде дерева, корни которого – системы деятельности, относящиеся к созданию книги, ствол – непосредственно книга, а крона – системы деятельности, имеющие отношение к бытованию книги в обществе. Это «дерево» погружено в поток времени, что задает и историческую перспективу исследования. Несомненным достоинством данной модели является то, что и корневище, и крона дают наглядное представление о взаимопересечении различных областей «сферы книги». В тоже время, М. В. Раци абсолютно справедливо отмечает, что «как и всякая метафора, это «дерево» обладает преимуществом наглядности, проигрывая при этом в точности», особенно в том, что касается исторического развития, поскольку отдельно взятые виды деятельности «сферы книга» возникают в определенное историческое время и тоже подвержены трансформациям⁹. Таким образом, очевидно, что совместить наглядно в одной метафоре синхронию

и диахронию оказывается практически непосильной задачей. И в том случае, если мы хотим создать более точную модель, лучше прибегать к описательным методам. Революционным для нас в подходе М. В. Раца является то, что он отказался от использования второй составляющей объекта книговедения – термина «книжное дело», заменив его на менее конкретное, но в большей мере отражающее суть явления понятие – «сферу книги».

Термин «книжное дело» обозначает «систему взаимодействующих и решающих общие задачи отраслей культуры и народного хозяйства, связанных с созданием и изготовлением книги, ее распространением и использованием», включающую издательское дело, полиграфическую промышленность, книжную торговлю, библиотечное и библиографическое дело¹⁰. Безусловно, если мы смотрим на книговедение прагматично, как на науку, являющуюся теоретической надстройкой над производственной цепочкой и решающей вопросы оптимизации процессов книгопроизводства и книгораспространения, то выбор такого объекта является вполне обоснованным. Но, если мы видим место книговедения, прежде всего, среди наук гуманитарного цикла, где оно возникло изначально, то исследовательское поле не должно ограничиваться лишь этой цепочкой, и охватывать все разнообразие бытования книги в социально-коммуникативном пространстве, включая автора и читателя. Если мы не собираемся мириться с утверждением о том, что книговедение доживает последние дни, очевидно, что наш выбор за вторым подходом. И причины этого заключаются отнюдь не в произвольности выбора объекта самим научным сообществом, а в реалиях современного развития книжной сферы.

Активное внедрение в процессы создания, распространения и потребления книги новых информационно-коммуникационных технологий привело к кардинальной трансформации сложившихся в ходе длительного исторического развития привычных отраслей, условно объединенных под единой вывеской «книжное дело». Первые попытки отрефлексировать эти процессы носили весьма показательный характер – с детской наивностью авторитеты книговедческой, библиотековедческой и библиографоведческой мысли добавляли к уже существующим понятиям прилагательное «электронный» и считали, что новая сущность постигнута, «поймана» в ловушку определения. Не будем судить их строго. В этой связи хочется вспомнить М. Маклюэна, писавшего еще в середине 60-х гг. XX в., что главная проблема нашего времени – следующая: мы живем в принципиально новую, электрическую эпоху, но продолжаем мыслить образцами эпохи господства книжной коммуникации¹¹.

В свете рассматриваемого вопроса показательным является определение электронной книги, предложенное А. А. Беловицкой. Она рассматри-

ваает ее как «актуализированное средствами „электронно-компьютерного дела“ (термин приблизительный) единство всех процессов и результатов организации электронной копии текста авторского произведения (произведений) в электронное книжное издание и распределение, перераспределение и воспроизводство электронного книжного издания теми же средствами»¹². Согласно такому представлению, электронное книгоиздание – процесс, родственный веками складывавшемуся книжному делу, и этот новый процесс А. А. Беловицкая пытается по аналогии определить как «электронно-промышленное дело».

Электронная эпоха разрушает все наши привычные представления о традиционных процессах авторской, издательской, книготорговой, читательской деятельности, она интегрирует их в единое коммуникационное пространство, делая демаркацию границ между ними задачей сложно разрешимой. Подлинное понимание особенностей электронной среды и корректное применение его к реалиям книжной сферы демонстрирует книга К. Н. Костюка «Книга в новой медийной среде»¹³. В ней автор исходит из того, что в электронной среде книга утрачивает свою «вещность», она перестает быть просто носителем, а является, по сути, потоком, процессом. Нет больше отдельных отраслей книжного дела, есть интегрированная среда, где одним из важнейших направлений деятельности является дистрибуция. В этой среде автор вполне может обойтись без издательства, воспользовавшись сервисом самопубликации, но, не решив вопрос дистрибуции, он рискует затеряться в необъятном море таких же, как он, неизвестных авторов. Автор и читатель могут срастись в единой фигуре пользователя, включившись в сетевой проект, совершенно не прибегая к услугам издательств и книжных магазинов, – в этих взаимоотношениях их роль не предусмотрена вообще. Более того, К. Н. Костюк считает, что и интернет-магазин является в определенной мере анахронизмом, попыткой перенесения реалий традиционной книжной коммуникации в электронную; в будущем он неминуемо будет вытеснен продажей доступа к электронным библиотекам. Иными словами, концепцию книги как товара (пусть в условиях электронной торговли и виртуального) сменит концепция книги как услуги. Таким образом, для нас очевидно, что реалии современной коммуникативной ситуации требуют «апгрейда» определения объекта книговедения.

В условиях постнеклассического типа рациональности предполагается соотносительность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, которые включают как внутринаучные, так и социальные ценности, и цели. Принципиально важным является то, что появление нового типа

рациональности не отменяет предыдущий, он просто меняет ракурс исследования. Если классический подход в книговедении дает возможность исследовать простые системные объекты, неклассический – сложные, то постнеклассический – саморазвивающиеся¹⁴. На наш взгляд, именно с последним мы имеем дело в современной коммуникативной среде.

Следует отметить, что дискуссионность вопроса о том, считать ли электронную книгу конвенциональным объектом книговедческих исследований, еще имевшая место в начале 90-х гг. XX в., к началу XXI в. сменилась полным единодушием. Для научного сообщества стало очевидным, что без признания электронного текста очередным этапом в эволюции книги как важнейшего в жизни человеческого сообщества артефакта, книговедение рискует сузить свое исследовательское поле до исторических изысканий, и, таким образом, стать одной из вспомогательных исторических дисциплин. В принципе, ничего плохого в таком уделе нет. Существует же во Франции весьма плодovitая школа «Истории чтения»! И все же, на наш взгляд, было бы неразумно отказываться от книговедения как имеющей богатые традиции дисциплины, рассматривающей книгу и деятельность, связанную с ней, не только исторически, но и теоретически. В этой связи нельзя не привести в пример негативный опыт Украины. На сегодняшний день итогом интеграции ее системы образования в европейское образовательное пространство и приведения номенклатуры специальностей в соответствие с европейской стало исчезновение более половины учебных и научных специальностей, одной из которых стало книговедение. В новой специальности, по которой сейчас осуществляется подготовка студентов и аспирантов, именуемой «Информационное, библиотечное и архивное дело», место книговедения можно лишь с определенной натяжкой найти среди дела «информационного». Соответственно, перестала существовать и научная специальность «Книговедение, библиотековедение, библиографоведение». Книговедение осталось лишь учебной дисциплиной с ничтожно малым количеством часов на некоторых специальностях, так или иначе причастных к процессам создания, распространения и использования книги. Иными словами, научная традиция оказалась искусственно прерванной. В то же время даже такое плачевное состояние, в котором оказалось книговедение в Украине, не дает повод отчаиваться и прекращать изучение особенностей функционирования книги, особенно сейчас, когда на наших глазах происходят революционные изменения в процессах создания, распространения и потребления информации.

Следует отметить, что книговедение, по крайней мере, со второй половины 90-х гг. XX в., стало активно интегрировать электронную книгу в лоно своего исследовательского поля, свидетельством чего стали многочислен-

ные публикации, делающие попытку осмыслить это явление¹⁵. Однако потребовалось два десятилетия до того, чтобы понятие «электронная книга» было теоретически обосновано в качестве книговедческого. Произошло это в диссертации российского книговеда Е. В. Динер. Электронную книгу она рассматривает в качестве типа документа, который характеризуется условностью, относительностью и конвенциональностью, то есть электронную книгу можно изучать как тип электронного документа, который обладает сущностными свойствами книги. «Электронная книга – это, как правило, симбиоз двух типов: книги как таковой, с одной стороны, и электронного документа, с другой стороны. Она представляет собой неаутентивный электронный документ, содержащий значимую общественную информацию, объективированную в/на любом электронном носителе и представленную посредством символьной знаковой системы или сочетанием нескольких знаковых систем; она обладает гипертекстуальностью и интерактивностью, которые позволяют осуществлять принципиально иной уровень общения с читателем по сравнению с нонэлектронной книгой. В пространственно-временном континууме электронная книга может существовать в виде авторского произведения и/или издания»¹⁶. Как видим, это определение учитывает реалии современной электронной среды. Однако нельзя игнорировать тот факт, что соотношение между книжной и электронной коммуникациями постоянно меняется в пользу электронной, и тенденции эта будет углубляться; соответственно, будут вноситься и коррективы в дефиницию электронной книги – в силу протейичной природы самой электронной среды. Кроме того, определение Е. В. Динер дано с позиций документоведческого подхода к данному явлению, а он отнюдь не является универсальным.

На наш взгляд, трансформация понятия «книга» в условиях электронной коммуникации будет проходить в направлении смещения акцента с ее материальной формы на процесс ее создания и использования. Вероятно, главным признаком, по которому книга будет выделяться в сетевом пространстве, станет аксиологический. Можно предположить, что под понятие «книга» в электронной среде будут подпадать тексты произведений определенного объема, содержащие семантическую информацию и предназначенные, прежде всего, для чтения широким кругом пользователей в сетевом сообществе; ответственность за содержание этих текстов ляжет на автора, создателя проекта, куратора, администратора сайта. В то же время, следует учитывать, что «...электронная книга – это не книга, а сложная информационная система, включающая различные устройства, программы, системы кодирования. [...] Электронная книга – это система, работающая здесь и сейчас, зачастую зависящая от слаженного взаимодействия всей инфраструктуры, от электросетей, коммуникаций и т. д.»¹⁷.

Иначе говоря, электронную книгу невозможно рассматривать вне всей той коммуникационной системы, в которой она функционирует. И это неминуемо подталкивает нас к тому, чтобы определить в качестве объекта книговедения именно книжную коммуникацию, представляющую собой динамичную, протейчную, нелинейную, многоуровневую систему взаимодействия автора и читателя посредством книги, осуществляющуюся как на синхронном, так и на диахронном уровнях, и охватывающую трансформирующиеся во времени социальные институты, деятельность которых связана с бытием книги. В обобщенном виде книжная коммуникация осуществляется на следующих уровнях, которые, безусловно, являются историчными:

1) реальный мир – автор; результатом коммуникации на этом уровне будет определенный текст;

2) автор – собственная субъективность; результатом коммуникации (автокоммуникации) на этом уровне будет достижение самопонимания благодаря акту письма;

3) текст – культурно-исторический контекст; в результате коммуникации на этом уровне текст может приобретать признаки культуры или актуализировать другие, скрытые аспекты своего содержания, а также встраиваться в общий интертекст культуры;

4) коммуникативные посредники (институт книгоиздания) – текст; в результате коммуникации на этом уровне достигается создание книги как единства материального и духовного начал, благодаря чему авторское сообщество преодолевает пространственно-временные ограничения;

5) книга – культурно-исторический контекст; в результате коммуникации на этом уровне происходит приобретение книгой коннотативной (символической) функции;

6) коммуникативные посредники (институт книгораспространения и книгохранения) – книга; результатом коммуникации на этом уровне является преодоление книгой технических и частично психологических и социальных барьеров на пути к читателю;

7) книга – читатель; в результате коммуникации на этом уровне книга приобретает статус равноправного собеседника.

8) автор – читатель; в результате коммуникации на этом уровне книга выполняет роль средства передачи текста как в пространстве, так и во времени, а также является средством обратной связи;

9) читатель – социальная память; в результате коммуникации на этом уровне происходит пополнение последней и (или) актуализация одних аспектов информации, содержащейся в ней, и временное или полное забывание других;

10) читатель – собственная субъективность; в результате коммуникации на этом уровне под влиянием книги происходят изменения в личности самого читателя;

11) читатель – читатель; результатом коммуникации на этом уровне является появление читательского сообщества с формализованными и неформализованными связями, а в предельном случае – создание самодостаточного мира, объединяющего читательское сообщество вокруг определенного текста.

Именно на изучении этих уровней коммуникации должно сосредоточить свое внимание книговедение, если оно претендует на целостный теоретический подход к тем видам деятельности, которые связаны с функционированием книги в обществе. Безусловно, этот перечень уровней коммуникации может быть расширен. Подобное «картографирование» должно осуществляться на междисциплинарной основе. Только в таком случае, избирая в качестве объекта своего изучения сложные, саморазвивающиеся системы, книговедение может претендовать на соответствие новому постнеклассическому этапу развития науки.

Примечания

¹ Черниш Н. Основы бібліології: навч. пос. Львів: Укр. акад. друкарства, 2008. С. 12.

² Беловицкая А. А. Книговедение. Общее книговедение. М.: МГУП, 2007. С. 285.

³ Моргенштерн И. Г. Книжное дело в единстве — главный предмет книговедения // Книга: Исслед. и материалы. 1982. Сб. 44.

⁴ Швецова-Водка Г. Н. Единство библиотекведения, библиографоведения и книговедения восстановлено // Книга: Исслед. и материалы. 2008. Сб. 89, ч. 1–2. С. 310.

⁵ Эльяшевич Д. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Том 217. Книга и книжное дело в XIX–XXI веке: Материалы международной научной конференции «XX Смирдинские чтения» 26–27 апреля 2018 г. С. 77.

⁶ Беловицкая А. А. Книговедение. Общее книговедение. С. 284.

⁷ Соколов А. В. Многомерная структура книговедческого знания // Книга: Исслед. и материалы. 2012. Сб. 98–99, С. 20–21.

⁸ Рац М. В. К вопросу о составе и структуре науки о книге // Книга: Исслед. и материалы. 2009. Сб. 91, ч. 1–2. С. 32–42.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Книговедение: Энциклопед. словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1982. С. 274.

¹¹ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Гипербория, Кучково поле, 2007. С. 6.

¹² Беловицкая А. А. Информация и книга // Наука о книге: традиции и инновации: материалы двенадцатой междунар. науч. конф. по пробл. книговедения: к 50-летию сбор-

ника «Книга: исследования и материалы»: Москва, 28–30 апреля 2009 г.: в 4 ч. М., 2009. Ч. 1. С. 219.

¹³ Костюк, К. Н. Книга в новой медийной среде. М.: Директ-Медиа, 2015. 432 с.

¹⁴ Попов В. В., Музыка О. А., Разуваева М. И., Уколов А. О. Особенности постнеклассической интерпретации мира // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 9–2. С. 305–308; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10243> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁵ См. напр.: Агеев В. Н. Электронная книга: новое средство коммуникации. М., 1997. 230 с.; Алексеева М. И., Барышева О. В., Гиляревский Р. С. Электронная книга : взгляд в будущее. М., 2000. 44 с.; Майстрович Т. В. Электронный документ в библиотеке: учеб.-метод. пособие. М.: Либерия, 2007. 144 с. и др.

¹⁶ Динер Е. В. Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории: автореф дис. ... докт. пед. наук: 05.25.03 библиотековедение, библиографоведение, книговедение / Моск. гос. ин-т культуры. М., 2016. С. 49.

¹⁷ Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде. С. 70.

В. А. Мутьев

**Книговедческие образовательные программы и учебные дисциплины
в зарубежных вузах**

Представлены результаты исследования тематической структуры и содержания комплексных книговедческих учебных программ, реализуемых в ведущих зарубежных университетах. Подробно анализируется дисциплина «История книги», рекомендуемая литература, преподавательские стратегии и концептуальные подходы, лежащие в их основе.

Ключевые слова: книговедение, история книги, медиа, высшее образование, педагогические практики, зарубежный опыт.

Victor A. Mutyev

**Book science educational programs and academic disciplines
in foreign universities**

Research results on the thematic structure and content of the book studies curricula implemented in leading foreign universities are presented. The discipline "History of the Book", recommended literature, conceptual approaches and teaching strategies based on them are analyzed in detail.

Keywords: book science, history of books, media, higher education, teaching practices, foreign experience.

Преподавание книговедения на протяжении всей своей истории неразрывно связано со становлением, развитием, видоизменениями науки о книге, именовании, содержании и восприятии которой многократно менялось¹ и продолжает трансформироваться по сей день. Более того, включение книговедческой проблематики в образовательные программы учебных заведений, во многом способствовало концептуализации и оформлению научного знания, развитию самой науки².

Некоторые аспекты преподавания книговедения и истории книги описаны в профессиональной печати³, однако, зарубежные образовательные практики не находят в ней должного отражения. Вместе с тем, в иностранной книговедческой литературе проблемам преподавания, как основному объекту рассмотрения, тоже посвящено незначительное число исследований⁴; они во многом дескриптивны и основываются на личном опыте авторов. Данное обстоятельство не снижает их значимости, но и не позволяет увидеть обобщенную картину, созданную в результате сравнения, сопоставления, анализа и синтеза данных.

Отчасти сложившаяся ситуация объясняется тем, что на протяжении продолжительного времени учебные курсы по истории книги находились

в плену сугубо прикладной интерпретации их назначения, предполагавшей необходимость освоения такого рода дисциплин для приобретения конкретных практических навыков, требуемых будущим библиографам, редакторам, библиотекарям⁵. Такой подход не является всецело неверным, но значительно сужает эвристический потенциал дисциплины и ограничивает ее развитие строгими институциональными рамками.

Коренные изменения пришлось на 1990-е гг. и были связаны с появлением в университетах комплексных книговедческих учебных программ и учреждением крупных научно-исследовательских, образовательных центров по истории книги (Лондон, Торонто, Эдинбург и др.). Перемены, произошедшие за последнюю четверть века, в процессе которых история книги перестала ассоциироваться исключительно с изучением печатного кодекса или манускриптов, дают хороший повод задуматься о современном содержании этой дисциплины или, вернее, комплекса дисциплин.

Сложность организации нашего исследования заключалась в том, что наименования, которые авторы присваивают разрабатываемым ими курсам по истории книги чрезвычайно разнообразны, порою витиеваты, и говорить о перспективах какой-либо унификации в этой сфере пока преждевременно, а, быть может, и нецелесообразно.

Анализ и сопоставление всех имеющихся вариаций названий и причин такой вариативности, вероятно, может стать основой самостоятельного исследования. Мы же ограничимся рассмотрением наиболее общих и регулярно встречающихся причин, к числу которых относятся традиции преподавания, принятые в образовательной организации, научные интересы кафедр, авторских коллективов, ведущих преподавателей, наличие/отсутствие в основе курса какой-либо теории или концепции, в меньшей степени – привлекательность для абитуриентов и следование терминологической моде. Такое многоголосие существенно затрудняет работу исследователя и делает практически невозможным обзор всех существующих на данный момент книговедческих учебных курсов.

В этой связи мы решили воспользоваться выборкой типичных случаев, все единицы которой соответствуют следующим критериям:

- учебный курс по истории книги входит в структуру самостоятельной, актуальной на 2020 г., книговедческой образовательной программы на уровне бакалавриата или магистратуры. Программы библиотечно-информационной направленности, даже с сильным книговедческим компонентом, как, например, в Университете Айовы (University of Iowa), Висконсинском университете в Мадисоне (University of Wisconsin-Madison) и некоторых других, в рамках данного исследования не учитывались;

- в разработке и/или реализации образовательной программы задействованы преподаватели, принимавшие участие в одном из крупнейших международных проектов по подготовке учебных изданий в области книговедения и истории книги: «Книга. Всемирная история»⁶, «Кембриджский путеводитель по истории книги»⁷, «Путеводитель по истории книги»⁸;

- информация об образовательной программе размещена на английском языке в открытом доступе на официальном Интернет-ресурсе учебного заведения.

В соответствии с заданными критериями для анализа нами были отобраны следующие программы:

1. Уровень бакалавриата:

- «Книговедение и медиалогия», Университет Торонто («Book and Media Studies», University of Toronto);
- «История книги», Лундский университет («Book History Studies», University of Lund);
- «Медиалогия и теория информации», Амстердамский университет («Media and Information Studies», University of Amsterdam);

2. Уровень магистратуры:

- «Теория книги и цифровых медиа», Лейденский университет («Book and Digital Media Studies», Leiden University);
- «История книги и цифровые гуманитарные науки», Техасский технологический университет («Book History and Digital Humanities», Texas Tech University);
- «История книги и материальная культура», Эдинбургский университет («Book History and Material Culture», University of Edinburgh);
- «История книги и печатная культура», Университет Торонто («Book History and Print Culture», University of Toronto);
- «История книги», Лондонский университет («History of the Book», University of London);
- «Текстология и цифровые исследования», Вашингтонский университет («Textual and Digital Studies», University of Washington),
- а также программа Школы изучения редких книг при Университете Вирджинии (Rare Book School, University of Virginia).

После осуществления выборки мы проанализировали описания образовательных программ, учебные планы и расширенные аннотации всех реализуемых в их рамках учебных дисциплин.

По результатам анализа удалось установить наличие четырех тематических блоков дисциплин, присутствующих в различных пропорциях во всех образовательных программах.

Первый блок дисциплин посвящен **социальной истории книги и других медиа** и включает в себя следующие курсы: «История книги», «Рукописная книга в Европе», «Печатные медиа в эпоху Просвещения», «Графическая коммуникация эпохи Модерна», «Медиа и общество», «Медиафилософия», «История цензуры», «История чтения и читателя», «Библиотеки: центры знаний прошлого, настоящего, будущего», «История книжных коллекций» и т. д.

Этот корпус дисциплин принципиален для понимания того, что изучение производства и распространения книг, имеющее длительную историю – это одновременно и гораздо более широкий разговор о том, как создаются и потребляются культурные артефакты, об их взаимодействии и воздействии на социум, которое продолжается в других медиа.

Поскольку современные технологии распространения информации – непосредственное продолжение устной, рукописной, печатной технологий, которые господствовали в предыдущие временные периоды и роль которых в настоящее время зачастую недооценена, второй блок дисциплин ориентирован на **изучение книги в современной цифровой среде** («Электронное книгоиздание», «Цифровые технологии медиа», «Цифровой доступ к культурному наследию», «Цифровые гуманитарные науки», «Электронный текст и обработка данных»).

К новой цифровой книге можно (хотя и с трудом) адаптировать систему стандартов на библиографическое описание, но представляется затруднительным осуществить книговедческое исследование, исключающее анализ программных инструментов, технологической цепочки создания, механизмов функционирования современных средств связи, без знания которых замысел, производство, распространение, потребление, видоизменение книги (любого материально зафиксированного текста) не будут понятны в полном объеме. В таком случае справедливо говорить не об истории (цифровой) книги, а, в лучшем случае, о библиографировании электронных документов, что тоже важно, но в корне отличается от собственно книговедческих задач.

Таким образом, несмотря на преобладание в содержании книговедческих программ акцентов на рукописной и печатной книге, мы фиксируем тенденцию – с нашей точки зрения, абсолютно закономерную – формирования связки традиционного контента с цифровыми коммуникациями и «новыми медиа». Представляется важным, что в таком ракурсе история книги, являющаяся, по нашему убеждению, междисциплинарной общегуманитарной областью знания, становится фундаментом для освоения курсов, связанных с изучением медиаграмотности, анализа текстов различных жанров (художественных, новостных, рекламных и т. д.), ориентированных

на получение и применение конкретных практических навыков. Без такого фундамента качественная работа современного аналитика, библиографа, литературного критика невозможна.

Подобный подход, позволяющий интегрировать книговедческую проблематику в цифровой контекст, открывает большой спектр актуальных направлений для студенческих (и не только) проектов и исследований, связанных с социальной ролью переписчиков книг, печатников, веб-мастеров и веб-дизайнеров при подготовке и распространении текстов, социокультурными факторами принятия или отторжения новых технологий диссеминации текстов и повседневными практиками их адаптации и использования, изменениями в системе взаимодействий автор – издатель – читатель и трансформацией редакторских функций, влиянием канала коммуникации на скорость распространения информации, качество контента, стратегии научного взаимодействия и многим другим.

Обеспечить возможность реализации этих проектов и исследований призван третий блок, который составляют дисциплины, посвященные проблемам **теории и методологии книговедческих исследований** (на бакалаврских программах на него отводится существенно меньше академических часов): «Организация и проведение библиометрических исследований», «Научные методы в книговедческих исследованиях» «Научно-исследовательская работа», «Методика написания магистерской диссертации», «Текстология и теория редактирования», «Анализ пользовательских предпочтений и юзабилити» (для электронных текстов).

К четвертому блоку нами отнесены **практикоориентированные дисциплины**, реализуемые, как правило, в тесном взаимодействии с городскими библиотеками, обладающими фондами рукописных и редких книг, издательствами, переплетными мастерскими, музеями, библиофилами, букинистическими магазинами, производителями электронных книг, платформами цифрового самиздата – все это позволяет открыть новые перспективы в рамках книговедческого обучения. Каждая повторная реализация курсов «Теория и практика книжного дела», «Академическое книгоиздание», «Публикационный менеджмент», «Переплетное мастерство», «Практика редактирования», «Работа с редкой и рукописной книгой», «Бизнес-планирование в книжном деле» становится воплощением научно-практического сотворчества и стимулирует новые совместные педагогические проекты.

Более эффективному получению знаний в процессе освоения образовательных программ способствует создание и эксплуатация специализированных аудиторий, в которых размещаются медиалаборатории, призванные интегрировать все необходимое для учебы студентов-книго-

ведов: небольшой фонд копий или репринтных изданий рукописных книг, инкунабул, ручной пресс, наборы шрифтов, компьютеры с программным обеспечением для верстки и дизайна, оборудование для цифровой печати и переплета. В этих же аудиториях разрабатываются и реализуются студенческие проекты, связанные с цифровизацией книги, проводятся онлайн-исследования книжного потребления. Особый эмоциональный отклик у студентов вызывает работа с ручным прессом, который приобретается для таких лабораторий, как правило, посредством фандрайзинга или при помощи благотворителей и грантовых программ.

Комплементарным по отношению к основному учебному плану становится участие в краткосрочных курсах или летних/зимних школах, позволяющее приобрести узкоспециальные книговедческие знания и навыки или повысить свою квалификацию, в том числе, в сфере преподавания книговедения. При этом заметим, что несмотря на многолетний опыт реализации специальных курсов, таких как «Преподавание истории книги» («Teaching history of the book»), которые имеют международную известность и традиционно большой набор слушателей⁹, они достаточно слабо обеспечены специальной литературой и опираются, по большей части, на работы, используемые в рамках общих курсов по истории книги, с некоторым расширением спектра рекомендуемых источников¹⁰.

Популярны среди магистрантов, аспирантов и молодых преподавателей краткосрочные курсы, реализуемые в Школе изучения редких книг при Университете Вирджинии, Лондонской школе изучения редких книг, Институте истории книги в Лионе, Центре изучения истории книги в Эдинбурге.

В каждой из бакалаврских и магистерских программ имеется курс, который предваряет все остальные и является их фундаментальной основой. Концептуально он соответствует отечественной дисциплине «Книговедение и история книги» и в зарубежной системе образования имеет схожие названия: «История книги» («History of the book»), «Введение в историю книги» («Introduction to book history»), реже – «История и теория книги» («Histories and theories of the book»), «История печатных медиа» («History of print media»), «Книжная культура» («Cultures of the book»).

Мы изучили тематическую структуру, содержательное наполнение, списки обязательной и рекомендуемой литературы по этим дисциплинам, которые будем называть базовыми. Анализ тематической структуры позволил смоделировать их обобщенное содержание.

Поскольку дисциплина «История книги» («History of the book») является основой для всего последующего обучения, она призвана обозначить ключевые концепты предметного поля, то есть в большей степени гово-

речь о книговедческих явлениях и их сущности, нежели чем о разнообразии фактов и событий, ассоциируемых с историей книги. К основополагающим аспектам рассмотрения относятся устная, письменная, печатная и электронная коммуникация как социальные феномены, обеспечивающие с разной степенью эффективности взаимодействие между людьми на протяжении исторического развития социума. Каждый из видов коммуникации неразрывно связан с используемым каналом передачи информации, обеспечивающим медиатизацию между отправителем и получателем сообщения. Поэтому изучение истории книги, начинаясь с анализа проблем устной коммуникации и истории развития письменности, далее выстраивается вокруг «медийных революций» («media revolutions»), позволяющих продемонстрировать основные вехи в истории книги (переход от рукописной книги к печатной, а затем электронной), а также социальную природу и культурно-историческую значимость этих революций. Параллельно изучаются технологии производства и распространения рукописной, печатной, электронной книги; тем самым создаются предпосылки для проведения дискуссий о технологическом детерминизме и социальном конструировании реальности, в котором книга-объект в различных видах своей материализации создает собственную семиотическую систему и оказывает влияние на формирование социально разделяемых значений, норм, правил. Сопреженностью истории книги и общественных процессов объясняется необходимость обсуждения функций и ролей всех субъектов, участвующих в книжной коммуникации: автора, редактора, издателя, книготорговца, читателя, цензора, что, в свою очередь, позволяет перейти к проблемам организации знания (от библиотек до сайтов-агрегаторов) и экономики книжного дела. Сквозной нитью базовой дисциплины выступают развитие всех печатных медиа, их взаимодействие с непечатными медиа и читательские практики, находящиеся под их влиянием. Подтемами могут быть библиофильство, общие вопросы теории и практики редактирования книжных изданий, современные каналы книгораспространения и ряд других. Основная тематика курса на программах бакалавриата географически более локализована в пределах европейской и североамериканской истории.

Значительно отличается структура дисциплины «Книжная культура» («Cultures of the book»), преподаваемая в Эдинбургском университете, где ее композиция полностью соответствует логике повествования в авторском учебнике Т. Моля, о достоинствах и недостатках которого нам уже доводилось высказываться¹¹.

Анализ курсов позволил выделить микро- и макроуровень преподавания истории книги. На микроуровне рассматривается процесс бытова-

ния в обществе одного единственного труда, его интеллектуальная, социальная, политическая история. На макроуровне осуществляется попытка объяснить сложную систему социальных интеракций между всеми субъектами, участвующими в процессе создания, распространения и потребления книг; иными словами, такой макроуровень соответствует проблеме «книга и общество». Для того, чтобы посмотреть на книговедческую проблематику с точки зрения «реальной жизни», повседневных практик и ее отражения в массовой культуре, в образовательный процесс включаются художественные произведения, фильмы, телевизионные проекты, радиопередачи, посвященные различным аспектам материализации текстов.

Мы не будем подробно анализировать обязательную и рекомендуемую студентам литературу в рамках этих дисциплин, так как это является предметом нашего отдельного продолжающегося исследования¹², но остановимся на обобщенных выводах, полученных по результатам изучения списков литературы, представленных в описаниях и расширенных аннотациях базовых курсов в отобранных нами вузах.

В образовательном процессе преимущественно используются монографические работы, к наиболее часто встречающимся (в разделе обязательного чтения) среди которых относятся труды Д.Ф. Маккензи¹³, Л. Хоусэм¹⁴, С. Робинсон¹⁵, А. Бриггс¹⁶, Дж. Рейвена¹⁷. Работа с научными монографиями, по возможности, должна демонстрировать различные точки зрения, подходы, методологию по отношению к одному предмету изучения.

Один из наиболее авторитетных американских преподавателей истории книги, Т. Беланжер, обозревая литературу, использовавшуюся им при обучении слушателей на различного рода книговедческих программах в период с 1971 г. по начало 2000-х гг., также перечисляет исключительно научные издания (монографии, журналы, продолжающиеся сборники)¹⁸. Практика очень незначительного использования учебных изданий остается распространенной в англоязычных книговедческих кругах.

Наряду с собственно книговедческими, в образовательный процесс встроены общетеоретические работы по истории медиа и коммуникаций: Р. Барта, Г. Инниса, М. Маклюэна и других классиков.

В учебной литературе приоритет отдается изданиям, подготовленным в рамках крупных международных проектов (Оксфорд, Кембридж) или авторским учебникам, подготовленным под эгидой мировых книговедческих центров (например, Эдинбургского центра изучения истории книги¹⁹).

Начинают приобретать известность и популярность интерактивные мультимедийные проекты книговедческой тематики, материалы которых

вместе с ресурсами открытого доступа активно встраиваются в образовательный процесс. К таким проектам относятся: Early Printed Books, 3D Hotbed, Codex Conquest, What Middleton Read и другие.

Проведенное исследование показало, что подходы к преподаванию истории книги разнятся в зависимости от ряда внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на организацию учебного процесса. К таким факторам относятся:

- традиционно ассоциируемое (в образовательном учреждении) с дисциплиной предметное поле, которое в качестве приоритетной может включать в себя медиалогическую, библиотечно-информационную, историческую, культурологическую, литературоведческую проблематику;
- географическая обусловленность реализации курса и языковая принадлежность авторов-разработчиков. Англоязычная и русскоязычная школы преподавания книговедения будут существенно отличаться, что справедливо и для немецкоязычной, франкоязычной и других школ, не рассматривавшихся в настоящей статье;
- хронологические границы, предопределяющие фокус курса на рукописной, печатной или электронной книге;
- расширение объекта изучения, который все чаще не ограничивается традиционной книгой и периодической печатью, но включает в себя электронные книги, аудиокниги, блоги, подкасты и т. д.;
- направленность преподавания: историческая, теоретическая, практикоориентированная (например, летние курсы, предназначенные только для специалистов библиотек, работающих в отделах редкой и рукописной книги), смешанная.

Учебные дисциплины историкокнижного содержания развиваются в тесном взаимодействии с историей науки и культуры. В этих междисциплинарных связях отчетливо проявляется двойственная сущность книговедения: общегуманитарная – с одной стороны, и формирующая основу для изучения прикладных дисциплин и анализа многообразных элементов современной системы медиатизированных коммуникаций (книг, журналов, газет, порталов, социальных сетей, блогов, баз данных и т. д.) – с другой.

В современном англоязычном университетском мире «История книги» – это дисциплина, рассматривающая, как опыт и знания приобретали в прошлом и обретают в настоящем материально зафиксированную форму, распространяются во времени и пространстве, меняя не только социокультурный ландшафт, но и свои собственные свойства под воздействием изменения каналов коммуникации.

Примечания

¹ Мигонь К. Наука о книге: очерк проблематики. М.: Книга, 1991. С. 40–71.

² Баренбаум И. Е. Исследование проблем книговедения и истории книги и их преподавание в ЛГИК // Труды Ленинградского государственного института культуры. 1988. Т. 118. С. 149–166; Леликова Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. СПб.: РНБ, 2004. 415 с.

³ Эльяшевич Д. А. Книговедение в Санкт-Петербургском государственном институте культуры // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 4–1. С. 81–86; Довнар Л. И. Университетский учебник книговедения: истоки, достижения и потребности. Часть 1. Истоки // Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2018. № 1. С. 137–146.

⁴ Teaching bibliography, textual criticism, and book history / ed. by Ann R. Hawkins. London: Pickering and Chatto, 2006. 215 p.; Hackel H. B. Practicing and Teaching Histories and Theories of the // Pacific Coast Philology. 2005. Vol. 40, №. 2. P. 3–9; The Cambridge companion to the history of the book / ed. by L. Howsam. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2015. P. 253–267.

⁵ Landon R. G. Technological advances in librarianship and printing and the teaching of the history of the book // IFLA Journal. 1984. № 10. P. 170.

⁶ The Book. A global history / ed. by M. F. Suarez and H. R. Woudhuysen. Oxford: Oxford Univ. press, 2013. 769 p.

⁷ The Cambridge companion to the history of the book / ed. by L. Howsam. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2015. 296 p.

⁸ A companion to the history of the book / ed. by S. Eliot and J. Rose. Oxford: Blackwell Publ., 2007. 618 p.

⁹ Basbanes N. A. Summer Camp for Book Nerds: Why I Keep Returning to Rare Book School // Humanities. 2014. Vol. 35. № 6. URL: <https://www.neh.gov/humanities/2014/novemberdecember/feature/summer-camp-book-nerds-why-i-keep-returning-rare-book-school> (дата обращения 02.11.2020).

¹⁰ Teaching the history of the book – advance reading list / Rare book school, University of Virginia. Charlottesville. 2020. URL: <https://rarebookschool.org/courses/history/h90/reading-list/> (дата обращения 02.11.2020).

¹¹ Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Публикации по книговедению и истории книги, используемые в учебном процессе за рубежом. Часть 1. Учебные издания // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2. С. 187–188.

¹² Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Отечественные учебники по общему книговедению // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4. С. 179–183; Они же. Отечественные учебники по истории книги // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1. С. 177–187; Они же. Публикации по книговедению и истории книги, используемые в учебном процессе за рубежом. Часть 1. Учебные издания // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2. С. 181–189.

¹³ McKenzie D. F. Bibliography and the sociology of texts. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 130 p.

- ¹⁴ Howsam L. Old books and new histories: an orientation to studies in book history and print culture. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 128 p.
- ¹⁵ Robinson S. C. The Book in Society: An Introduction to Print Culture. Peterborough, ON: Broadview, 2014. 388 p.
- ¹⁶ Briggs A., Burke P. A Social history of the media, from Gutenberg to the internet. 3rd ed. London: Polity Press, 2009. 320p.
- ¹⁷ Raven J. What is the history of the book? Cambridge: Polity Press. 2018. 196 p.
- ¹⁸ Teaching bibliography, textual criticism, and book history. P. 1–3.
- ¹⁹ Levy M., Mole T. The Broadview introduction to book history. Peterborough (Ontario): Broadview press, 2017. 256 p.

И. К. Стаф

**Сборник новелл и местная хроника
в эпоху раннего Возрождения во Франции**

Эволюция ренессансной новеллы происходила во взаимодействии с различными повествовательными жанрами и формами. На раннем этапе ее поэтика ориентируется на каноны хроники. Во Франции рецепция образца, «Декамерона» Боккаччо, приводит к отказу от обрамления и поэтического вымысла в пользу принципов новизны, исторической достоверности и локального характера описываемых событий.

Ключевые слова: Возрождение, Франция, новелла, новость, хроника, обрамление, вымысел, историческая достоверность

Irina K. Staf

**Collection of nouvelles and local chronicles
from the early Renaissance in France**

The evolution of the Renaissance novella proceeded in interaction with various narrative genres and forms. At an early period, its poetics are oriented towards the canons of the chronicle. In France, the reception of the sample, Boccaccio's "Decameron", leads to a rejection of framing and poetic fiction in favor of the principles of novelty, historical authenticity and local character of the events described.

Keywords: Renaissance, France, nouvelle, news, chronicle, framing, fiction, historical authenticity

Попытки описать историческую поэтику ренессансной новеллы, как правило, упираются в тот общепризнанный факт, что очертить строгие границы этого литературного феномена крайне сложно. Родившись, подобно Афине из головы Зевса, в виде «готового» непреложного образца, «Декамерона» Боккаччо, новелла в ходе своей эволюции принимала самые разные формы, взаимодействовала практически со всеми типами повествования, от басни, фацеции и эпистолы до апофтегмы и гуманистического диалога: на протяжении XVI в. итальянские и французские сборники, традиционно считаются новеллистическими, явственно приобретают характер «смесей». Не случайно один из исследователей именуется ее жанром-«Протеом»¹.

Неоднозначно и самоназвание жанра. Крупнейший специалист по французской новеллистике Возрождения Р. Дюбуи в одной из статей недоумевает: «Нельзя не задаться вопросом, в силу какой аберрации слово, прочно укорененное и даже замкнутое в семантическом поле *новизны*, оказалось избрано в качестве единственного обозначения литературных произведений, которые отличает лишь одна общая черта – краткость»².

Напротив, Г.-А. Перуз, описывая способы презентации новеллистических текстов, т. е. отраженные в них черты социально-исторического бытования, выделяет восемь признаков новеллы, среди которых центральное место занимает ее *устный* характер: «Новеллы не существуют без публики. [...] По своей сути и происхождению новелла есть не литературный объект, но факт (*réalité*) социального диалога»³. При этом он полагает принципиально значимой идею *новости*, заложенную в названии жанра. В другой работе, опираясь на «метапоэтические» суждения ряда авторов французских сборников, Перуз предпринимает попытку соотнести записанную литератором новеллу с городской молвой: «Вся история новеллы заключается в отделении от слухов. Молва по определению расплывчата и бесформенна, новелла же сложилась [...] как ее подробная, искусная и привлекательная формулировка. Слух был „пустяковым“ – новелла же намерена придать „событию“ (*adventure*) некий смысл... Слух анонимен – тогда как каждая новелла несет на себе печать того, кто ее „изготовил“, то есть литератора»⁴.

Вывод этот, в целом совпадающий с определением новеллы как художественной формы «казуса» у Андре Йоллеса⁵, вполне логичен, однако он вступает в противоречие с обозначенной ученым двойственностью самого понятия «молва», которое описывает, с одной стороны, коллективный источник и среду распространения слухов, а с другой – их рецепцию и моральную оценку: «...Молва функционирует отчасти наподобие античного хора, то есть как выражение социальной, если не нравственной нормы; и рассказчик, ссылаясь на нее, приглашает нас (читателей-слушателей) присоединиться к общему гласу, хранителю порядка и расхожего здравомыслия»⁶. Если рассказчик призывает читателя «присоединиться к общему гласу», то новелла не выходит за рамки «молвы»: авторская литературная обработка растворяется в коллективном *устном* бытовании новости.

Любопытно, что во французско-латинском словаре Робера Этьена⁷ слово *nouvelle* вообще не соотнесено с литературой, в отличие от слов *fabula* или *historia*. Яркий пример употребления этого слова именно в значении «новость» дает, в частности, «Кимвал мира» Бонавантюра Деперье (как известно, автора новеллистического сборника): Меркурий в третьем диалоге «Кимвала...» сокрушается: «Ну не жалость ли: хоть явись я на землю, хоть вернись на небо, вечно и мир, и боги спрашивают, нет ли у меня или не знаю ли я чего *нового*. Чтобы я мог им всякий день ловить свежие *новости*, понадобилось бы целое их море»⁸.

Для Г.-А. Перуза, как и для многих других историков, литературное бытие новеллы как жанра начинается с письменной (в широком смысле) фиксаци «новости» или «события»; именно она оказывается финальной точкой процесса, вектор которого направлен от коллективного устного бы-

тования сюжета к его авторской версии. Однако, как нам представляется, отождествлять письменную фиксацию «казусов» с рождением полноправного литературного жанра значит впасть одновременно в упрощение и в анахронизм. Во-первых, об устной ипостаси новеллы мы можем судить только по текстам – манускриптам и печатным книгам. То есть перед нами *репрезентация* устности у авторов, литературное мастерство которых не подлежит сомнению; в их число так или иначе входит большинство новеллистов, от Боккаччо и Поджо до Маргариты Наваррской, Страпаролы, Банделло или Базиле. Во-вторых, как показывают исследования последних десятилетий, печатная «новость» даже в XVI столетии немедленно возвращалась в ту самую смутную стихию молвы, из которой ее, казалось бы, призвана была вывести типографская форма. «В XVI веке [...], – пишет Д. Крузе, – мы имеем дело с неодолимой тягой к печатной информации, которую, как можно судить по обрывочным записям в семейных дневниках, сразу по появлении текста читают публично, на открытом месте общественно-го пространства, чаще всего на городской площади, и которая с этого момента *превращается в слух, в молву*»⁹. А М. Пуспен, автор великолепной диссертации о «готических брошюрах» (*pièces gothiques*) первой половины XVI в. – книжечках формата преимущественно in-8⁰, объемом, как правило, в один или, реже, два печатных листа, на народном языке, отпечатанных готическим шрифтом и распространявших тексты самого разнообразного содержания, от военных сводок и придворных новостей до религиозных наставлений и рассказов о чудесах, – прямо называет подобный способ распространения новостей «новым средством массовой информации»¹⁰. Среди них встречаются короткие прозаические и стихотворные версии хроник, рыцарских и любовных романов, причем в прологах они обычно представлены как примеры, задающие правила морали и поведения. «Готические брошюры, относящиеся к пространству литературы [...], – пишет М. Пуспен, – распространяют в народной среде тексты, которые имели очевидный успех в предыдущие столетия, либо жанр, сюжет или повествовательный мотив которых были широко распространены в Средние века. Чаще всего эти сочинения отличаются сопряжением разных типов речи: морального урока и забавного вымысла, серьезного и комического, христианских правил и куртуазных ценностей»¹¹. То есть околосредневековые «готические брошюры», своеобразный прототип «Синей библиотеки», являют собой образец апроприации высокой литературы прошлого читателями средних и низших сословий – апроприации, в которой Р. Шартье видит определяющую черту «народной» литературы и «народной» культуры¹². Перед нами та культурная среда, письменная и устная одновременно, к которой принадлежала и с которой взаимодействовала новелла Ренес-

санса. Граница между молвой и письменной/печатной «новостью», независимо от литературных достоинств последней, оказывается не только прогниваемой, но и фактически отсутствующей.

Путем аналогичной апроприации шло и усвоение культурой раннего Ренессанса «Декамерона» Боккаччо. Труды В. Бранки¹³ показали, насколько важную роль в распространении «Декамерона» сыграла городская среда. У первых итальянских продолжателей Боккаччо книга новелл стремительно утрачивает ряд элементов своей поэтики и структуры. Речь прежде всего идет об идеальном, *поэтическом* (в смысле «басен поэтов», о которых пишет Боккаччо в «Генеалогии языческих богов») измерении, какое придает «Декамерону» обрамление с его богатыми литературными отсылками и реминисценциями. В «Пекороне» (ок. 1385) сера Джованни Флорентийца, «рама» оказывается сильно редуцирована, при этом две трети новелл книги заимствованы, зачастую почти без изменений, из «Новой хроники» Джованни Виллани¹⁴. Иначе говоря, сборник, написанный, подобно «Декамерону», «к утешению и удовольствию» влюбленных, как следует из ее пролога, объединяет для читателя «тематические» сюжеты из истории Флоренции. Аналогичное взаимодействие двух нарративных форм прослеживается и в новеллах (ок. 1399–1400¹⁵) Джованни ди Якопо Серкамби, врача и торговца из Лукки, автора хроники родного города. Отказываясь от расплывчатого определения, данного новелле Боккаччо – у которого «Декамерон» включает в себя «сто новелл, или [...] басен, притч и историй» («cento novelle o favole o parabole o istorie»), – Серкамби, именуя каждый свой рассказ «примером» (exemplo), одновременно переносит фабулу обрамления в среду горожан, путешествующих под предводительством избранного ими главы (preposto), богатого купца. Показательно, что 12 новелл из его книги переходят с небольшими отличиями в текст хроники¹⁶, причем отличия эти не касаются сюжета и обусловлены не столько нормами поэтики или стилистики, сколько прагматикой обоих произведений: морально-политические уроки описанных событий в повествовании хрониста сформулированы предельно обстоятельно и ясно, тогда как в новеллах, призванных как наставлять, так и развлекать слушателей, дидактика, как правило, обрамляет рассказ, почти не вторгаясь в него.

Наконец, у самого известного из ранних продолжателей Боккаччо, Франко Саккетти, флорентийского торговца и литератора, новелла возвращает новеллу к ее изначальному, так сказать, этимологическому значению – новости, рассказа о дотоле неслыханном или неведомом: он пишет, «учитывая, как по нраву людям слушать *о вещах для них новых* (udire cose nuove)»¹⁷. Его истории, имевшие место и недавно, и в старину, суть не «басни» и не exempla, но правдивые повести о подлинных событиях: сре-

ди них есть и такие, которым он был свидетелем и которые случились с ним самим¹⁸. Парафразируя один из тезисов пролога к Четвертому дню «Декамерона», где автор, предваряя упреки в недостоверности своих новелл, иронически предлагает недоброжелателям «представить подлинные рассказы» (*che essi recassero gli originali*) и, благодаря уподоблению дам музам Парнаса, поднимает свое творение до уровня поэзии, «басен» поэтов, Саккетти развивает его в духе исторической точности: «И так как многие, в особенности же, кого [новеллы] уязвят, скажут, пожалуй, как часто говорится: «Все это басни» (*favole*), отвечу я на это, что, быть может, кое-какие в них и есть, но замыслил я составить их правдиво. Вполне возможно, как часто бывает, некая новелла будет приписана Джованни, а кто-нибудь скажет: «Это случилось с Пьеро»; будет это небольшой ошибкой, но не будет значить, что новелла не имела места...»¹⁹

Употребление в прологе слова *favole*, весьма редкого в «Трехстах новеллах», не случайно. «Басни» для Саккетти – не столько поэтический вымысел, возносящий автора на Парнас, сколько «выдумки полоумных старух», о которых пишет Боккаччо в XIV книге «Генеалогии...»²⁰. Смысл этого понятия раскрывается, например, в новелле 32, где оно используется дважды: самим автором («Куда лучшую басню, чем казентинские послы, сумел сочинить монах, о котором я расскажу в этой главе»²¹) и героем рассказа, доминиканцем, обещающим пасте прочесть проповедь о том, что ростовщичество не есть грех («И чтобы вы не подумали, что я рассказываю вам басни, так как тема эта важная, то в воскресенье утром, если у меня будет время, я скажу по этому поводу проповедь»²²); растерянные прихожане называют проповедника «плутом» (*uno ciurmatore*). Тем самым структура «Трехсот новелл» лишается сразу двух факторов, на которых зиждилось единство книги у Боккаччо или Серкамби. Вместе с поэтической «басней» Саккетти отбрасывает и вымышленное обрамление: «рама» как будто растворяется в рассказах, проявляясь время от времени то в упоминании компании, в которой оказался автор-рассказчик (нов. 37, 112 и др.), то в реакции слушателей на острое словцо героя (нов. 7, 11, 20 и др.). Главным, если не единственным структурирующим фактором его книги становится «я», субъект письма, очевидец и участник многих событий, гарантирующий их правдивость и выносящий о них свое суждение. Выражение «я, писатель» (*io scrittore*) встречается в его новеллах около трех десятков раз. Как правило, историки литературы связывают эту риторическую парадигму с традицией, заложенной Данте и Боккаччо, а также с влиянием зарождающегося гуманизма²³. Между тем в «Трехстах новеллах» явственно прослеживается воздействие нарративных принципов городской хроники – в том ее новом облике, какое она приняла в эпоху раннего Ренессанса, в частности, той

же «Новой хроники» Виллани. Виллани также включает в повествование истории из собственной жизни, отдавая предпочтение «живому» свидетельству перед книжной ученостью. Иными словами, у Виллани прослеживается то же предпочтение «живого» правдивого слова книжному знанию, какое отличает «Триста новелл». Причем хронист не только пишет от первого лица, но и не раз использует то же выражение «я, писатель». Было бы преувеличением говорить здесь о становлении авторского самосознания в современном смысле; но важно подчеркнуть, что новелла и хроника подчиняются единой тенденции²⁴, определяющей сходные принципы их поэтики. Нельзя обойти вниманием и еще одну черту, общую для «Трехсот новелл» и хроникального повествования. Как пишет Саккетти в прологе, «нет ничего удивительного в том, что сказанные новеллы большей частью флорентийские... ибо они мне близки»²⁵. В полном соответствии с городским хроникальным канонам, флорентийский горожанин ограничивает свой материал родной коммуной и теми местами, где случалось бывать ему самому. Относительно строгая локализация рассказов, отсутствующая у Боккаччо и заменившая прямые заимствования из Виллани у создателя «Пекороне», не является особенностью лишь индивидуальной риторики Саккетти. Новелла перекликается и смыкается с хроникой, подобно тому, как хроника позднего Средневековья «сближается и почти совпадает с начальными, предбоккаччиевскими формами новеллы»²⁶. О том, что эта черта имеет типологический характер, отличает определенный этап в развитии новеллистики, свидетельствуют первые французские новеллистические сборники – бургундские «Сто новых новелл» и одноименная книга горожанина из Меца Филиппа из Виньоля.

«Сто новых новелл», написанные при дворе герцога Бургундского Филиппа III Доброго и поднесенные герцогу автором-анонимом²⁷ ок. 1462 г., открываются прологом-посвящением²⁸ «моему дражайшему и досточтимому повелителю Монсеньору герцогу Бургундии, Брабанта и т. д.» (*A mon treschier et tresredoubté seigneur Monseigneur le duc de Bourgoigne, de Brabant etc.*): «Оттого что меж добрых и полезных способов провести время преизящное занятие чтением и учением весьма великолепно и похвально, и вы, досточтимый мой сеньор, скажу без лести, премного в нем преуспели, я, почтительнейший слуга ваш, желая, по долгу своему, угождать сколь возможно всем высочайшим и благороднейшим намерениям вашим, дерзаю и мыслю поднести и вручить вам малое сие творение, по вашему велению и настоянию предпринятое и заверщенное; с низжайшей мольбой принять его благосклонно. Содержит оно и излагает сто историй, изрядно схожих в содержимом, не досягающих, однако, искусного и весьма украшенного языка книги Ста новелл. И может книга сия именоваться Сто новых новелл.

А потому, что события, описанные и рассказанные в той книге Ста новелл, случились большею частью в землях и границах Италии в давнее время, и однако ж носят и сохраняют имя Новелл, можно по праву и в согласии с вполне явственной истиной озаглавить настоящую сию книгу Сто новых новелл, ибо случились они в областях Франции, Германии, Англии, Эно, Брабанта и иных местах; и еще потому, что материал, крой и фасон оных довольно недавний и весьма нового обличья»²⁹.

Характер бургундской новеллистической книги, возникшей не в городской, но в придворной среде, тем не менее по многим параметрам близок к сборнику Саккетти. Прежде всего, оба автора эксплицитно ориентируются на модель «Декамерона» («книги Ста новелл»³⁰) и при этом сходным образом переосмыслиют свой образец. Как у флорентийского пополана, так и у бургундского сеньора новелла означает «новость»: если события, о которых повествует Боккаччо, были новы в его – «давнее» – время, то новая книга рассказывает о том, что «свежо в памяти» (*de fresche memoire*). Новизна рассказов также подчеркнута в колофоне издания Антуана Верара: «Здесь кончаются Сто новых новелл, *недавно* составленные и рассказанные *новыми* людьми [т. е. современниками] и отпечатанные в Париже в 24-й день декабря 1486 года Антуаном Вераром, либрарием...» (курсив наш – И. С.)

Кроме того, события эти не вымышлены: из всех синонимов слова «новелла», которые употребляет Боккаччо, создатель сборника оставляет лишь слово «история», отбрасывая «басни» (*favole*) и «параболы» (*parabole*). Выбор этот подтвержден в заглавии списка новелл³¹: «Следует перечень сей книги, озаглавленной Сто новелл, каковая в себе содержит сто глав (*chapitres*), либо историй (*histoires*), либо, лучше сказать, новелл». Излишне оговаривать, что речь идет о декларируемых автором нарративных принципах, а не о реальном отсутствии среди новелл сборника «книжных» заимствований – источники и параллели ряда сюжетов обнаруживаются в фацециях Поджо, в фавлио, в том же «Декамероне». Однако некоторые истории подтверждаются документальными свидетельствами, в частности, перепиской приближенных герцога из архивов департамента Нор³².

Показательно, что первый французский переводчик «Декамерона», гуманист Лоран де Премьефе, в прологе-посвящении своего труда Жану I Великолепному, герцогу Беррийскому, также встает перед проблемой вымысла в новеллах Боккаччо, но решает ее иначе. Ссылаясь на авторитет античности, в частности, на прологи к комедиям Теренция, он полагает, что мудрецам (*sages hommes*) было в древности не зазорно создавать «под покровом вымысла» (*soubz fiction*) книги, имеющие целью развлечь и утешить людей глупых (*folz hommes*), тех, кто неспособен без страха и

страданий противостоять ударам судьбы. Боккачьевские «помощь и развлечение любящих» превращаются у Премьефе – как и у Саккетти – в облегчение тяжкого земного удела всех людей (но средствами вымысла!), независимо от их звания и состояния: в ста новеллах «Декамерона», по его словам, говорится «об императорах, султанах, королях, герцогах, графах и иных земных государях и сеньорах, и о мужчинах и женщинах всякого сословия»³³. Однако именно этим ученое сочинение Боккаччо отличается от «басен поэтов», комических, сатирических либо трагических, «что служат лишь к удовольствию или пользе простолюдинов», ибо в них бичуются пороки и прославляются добродетели человеческого общества в целом. Тем самым именование новелл «баснями» обосновывается у Премьефе, в духе раннего гуманизма, их морально-аллегорическим смыслом, но «Декамерон» предстает неким новым их типом, едва ли не антиподом тех античных «басен», о которых говорит сам Боккаччо в «Генеалогии богов».

Наконец, автор посвящения герцогу Бургундскому противопоставляет свою книгу «Ста новеллам» с точки зрения материала, точнее, его происхождения: если Боккаччо пишет о делах итальянских, то «новые новеллы» повествуют о делах, что случились в землях герцогства и прилегающих к ним. В самом деле, согласно подсчетам П. Шампюна, действие около двух третей новелл происходит либо во владениях Филиппа Доброго (48), либо во Франции (21)³⁴. То есть книга рассказывает о достоверных событиях, которые имели место в недавнем прошлом и памятливы тем, кто делится ими в кругу придворных герцога. Перед нами, разумеется, не собственно хроника, но своеобразный ее аналог: письменная фиксация *местных* занимательных «новостей».

В отличие от Саккетти, роль автора в рамках этой фиксации почти приравнена к роли остальных рассказчиков. «Сто новых новелл» не имеют эксплицитного обрамления, однако у каждой истории обозначено имя того, кому она принадлежит, причем среди 36 рассказчиков нет ни одного вымышленного лица: все они либо состоят при бургундском дворе, либо входят в свиту дофина, будущего короля Франции Людовика XI³⁵, который в 1456 г. бежал в Брюссель от гнева отца, Карла VII, и получил от герцога Филиппа замок в Женапе. Благодаря такой презентации новелл в книге, в отсутствие «рам», возникает своего рода имплицитный кружок, состоящий из приближенных герцога и предающийся «доброму и полезному» времяпрепровождению. Если новеллы Саккетти как бы вписаны в реальность городской жизни Флоренции, то «Сто новых новелл» оказываются вписаны в реальность придворной жизни бургундского двора. Сходный по смыслу прием несет при этом разную поэтическую нагрузку, с разными последствиями для структуры сборника. Автор-пополан, отказываясь од-

новременно от «басен» и от книжной учености, заменяет гармоническую конструкцию «Декамерона» – с его строгой иерархией уровней повествования, разбивкой на дни и значимо «круглым» числом новелл (и членов *lieta brigata*) – рассказом от первого лица. Автор-придворный, напротив, не называет своего имени, а единственным текстом, где он выступает от «от себя», оказывается пролог-посвящение герцогу Филиппу, в котором особенности поэтики новелл непосредственно связываются с фигурой государя и патрона, преуспевшего в ученых штудиях. Поэтому он подносит герцогу *книгу*³⁶, завершенную (в отличие от историй Саккетти и Серкамби) и совершенную благодаря «боккаччиевскому» количеству рассказов, а также заложенной в ее структуре придворной иерархии. Филипп Добрый – не только ее адресат, но и глава кружка: ему отдано право рассказать первую новеллу, в тексте он именуется «Монсеньор», выделяясь из прочих «монсеньоров» («монсеньор де Ларош», «монсеньор де Лоан», «монсеньор де Бовуар» и т. д.) и придворных (камердинеры Аларден и Понселе³⁷ и др.). Какое-либо *вымышленное* обрамление в этом случае становится избыточным, ибо книга, созданная по прямому велению государя, фиксирует привычные практики его двора, которым не может быть противопоставлен иной идеал. Автор же исполняет две функции: секретаря ученых придворных досугов и рассказчика, подчеркивающего свою роль лишь тем фактом, что ему принадлежит последняя новелла сборника, симметричная новелле герцога.

Таким образом, при всех отличиях, модель «Декамерона» в первом сборнике новелл на французском языке претерпевает трансформации, в целом аналогичные тем, которые характерны для ранних новеллистических собраний в Италии. Отказ от обрамления, торжество принципов новизны и исторической достоверности, в противовес «поэтическим басням», а также локальный (в широком смысле) характер описываемых событий сближают новеллу с местной хроникой.

Еще более отчетливо эти черты проявились в «Ста новых новеллах» Филиппа из Виньоля³⁸, суконщика и сапожника из Меца³⁹, снискавшего известность как историк родного города: ему принадлежит «Хроника Меца, Лотарингии и Франции»⁴⁰ (доведена до 1525 г.), а также прозаическое переложение жести «Гарен Лотарингец» (1515)⁴¹, где много внимания уделено Мецу. В прологе к сборнику⁴² автор указывает на свой образец – бургундские «Сто новых новелл»⁴³, – защищая его от нападок простецов (*simple gens*), считающих книгу вымышленной. В подражание ему и в пику невеждам он в 1505 г., выздоравливая после болезни, начинает записывать: «... многие происшествия (*adventures*), случившиеся большею частью как в благородном городе Меце, так и в окрестных землях, большинство коих

сам я узнал и видел, либо по крайней мере слышал о них рассказ от людей, достойных веры и доверия (*gens digne de foy et de creance*). Каковые происшествия и новеллы [или «новости», *pouvelles*] с тех умножал я вплоть до числа сто десять, затем же переложил их все на письмо, по порядку, одну за другой, как мог и умел менее дурно, не потому, что хотел сравнить их с какими-либо сказанными из прошлых времен, но единственно ради того, чтобы занять время, а еще дабы показать, что если б о происшествиях, случающихся каждый день в разных местах, узнал какой добрый мастер (*bon facteur*), мог бы он из них сделать и составить книгу столь же добрую, что написаны были прежде, в рассуждении того, что даже я, ничего не видевший и не познавший, нашел их вам больше сотни, большей частью случившихся в мое время»⁴⁴.

Как мы видим, понятие новеллы у Филиппа строится на тех же основных моментах, что у бургундского придворного и у Саккетти. Новелла для него есть синоним «происшествия», новости, недавно случившейся истории. «Несчастливая новость (*piteuse nouvelle*) и происшествие приключилось со мною после вашего ухода», говорит персонаж первой новеллы⁴⁵; «Во времена, когда отец мой, упокой Господь его душу, был молод и неженат, случилось такое происшествие», повествует автор в новелле 25⁴⁶; «Оказался я недавно в доброй компании, в каковой рассказывали многие славные новости (*nouvelletez*) для смеха», продолжает он в новелле 55⁴⁷. Истории эти достоверны, о чем Филипп не устаёт повторять читателям: оборот «истинная правда» (*il est vray, il est bien vray*) – один из наиболее часто встречающихся в его книге. Больше того, в прологе он призывает читателей не только извлекать из рассказов урок, дабы избегать зла и неприятностей (*inconvenient*), но и в случае, если они заметят у него ошибки, исправлять их⁴⁸. Целый ряд героев новелл упоминаются также в его «Хронике». Таков, например, золотых дел мастер по имени Жан, фигурирующий в новелле 26, в «Хронике»⁴⁹, а также в «Дневнике»⁵⁰, или знаменитый во Франции проповедник брат Жан Клере (новелла 37), который, как следует из «Хроники», посещал Мец в 1495 и 1502 гг.⁵¹, или мэтр Жан Реньо (новелла 49), кюре местной церкви⁵².

Книга Филиппа сближается со «Ста новыми новеллами» и сборником Саккетти и главной своей особенностью – локальным характером историй. Как справедливо отмечает А. Котин, «Мец выступает главным элементом, обновляющим и пересоздающим заново традиционный рассказ»⁵³. Этот «благородный город» выступает у суконщика неистощимым кладезем новостей, обычаев, проделок и шуток, которые он сохраняет для читателей. Именно местный характер историй обеспечивает их достоверность, превращая город в гаранта их правдивости. В новелле 55 один из персонажей,

слушая в компании друзей рассказы о невероятных чудесах, что случились в чужих странах, призывает собравшихся: «Господа, не будем больше говорить о вещах столь странных, но давайте говорить о том, что случилось в этих землях и что можно подтвердить, ибо говорите вы, что видели много необычных зверей и таких вещей, каким трудно поверить, однако ж мы там не были и о них не знаем»⁵⁴.

Подобно Саккетти и хронистам раннего Ренессанса, Филипп, выступая в роли правдивого свидетеля и единственного рассказчика, ведет речь от первого лица и уже в прологе называет себя по имени: «я, Филипп из Виньоля, торговец сукном и человек неученый (*simple d'entendement*)»⁵⁵. И так же, как у Саккетти, его новеллы обычно подаются как *устные* рассказы. Черта эта проявляется сразу на двух уровнях повествования. С одной стороны, условный читатель его новелл предстает не столько читателем, сколько слушателем: формулы «как вы слышали» (*comme avés ouy*) или «как вы услышите» (*comme vous orrés*) встречаются в сборнике на каждой странице. Правоммерно считать это отражением читательских практик эпохи, когда для горожан главным способом чтения по-прежнему оставалось чтение вслух. Однако в результате внутри повествовательного пространства возникает «виртуальный» кружок слушателей, перед которыми выступает рассказчик и которые сами становятся рассказчиками. Почти в каждой новелле это устное бытование истории специально фиксируется с помощью оборотов «и с тех пор над ней много смеялись» (*et de ceste chose ont ris maintes fois depuis*)⁵⁶, «и с тех пор ее не раз рассказывали во многих добрых компаниях» (*ce fut par plusieurs fois comtez et recitez en maintes bonnes compaignies*)⁵⁷ и т. п. «Читатель выступает адресатом историй, передающихся устным путем и собранных Филиппом; однако, если ему угодно, он может передавать эти истории дальше, читая их другим и в свой черед становясь рассказчиком. Очевидная цель автора – запечатлеть на письме новеллы, которые впоследствии лягут в основу устного исполнения, чтения вслух или рецитации»⁵⁸. Если в бургундских «Ста новых новеллах» отказ от вымысла приводит к созданию имплицитного кружка реальных рассказчиков-придворных, то в «Ста новых новеллах» из Меца рассказы, рожденные городом, возвращаются в стихию городской «молвы».

Однако если в новеллах Саккетти ни разу не упомянут собственно литературный труд их создателя – сборник складывается словно бы сам собой, автор не выказывает заботы о его структуре, – то Филипп, следуя примеру бургундского новеллиста, выстраивает свою книгу и постоянно напоминает читателю, что стремится довести число новелл до сотни. Многие его рассказы вводятся оборотами вроде «дабы увеличить число и завершить сто новелл»⁵⁹ или «дабы поддержать число и умножить сто новелл, желаю я

здесь рассказать о следующем происшествии»⁶⁰ и т. п. Он также стремится, в отсутствие «рамы» и разбивки на дни, объединять свои рассказы по тематическому принципу. Н. Лабер выделяет несколько таких групп: новеллы о священниках (2-18), о нищенствующих монахах (33-37), о женщинах (38-46 и 66-68), об остроумных ответах (58-65, 82-88)⁶¹. Между тем, достигнув искомого числа и завершив сборник «сотой и последней новеллой, каковая говорит и рассказывает об одном императоре-язычнике, что послал посольство...»⁶², Филипп решает довести количество рассказов до 110. Единственная, 110-я новелла, которая сохранилась из этого последнего десятка, начинается словами: «Дабы книга сия имела в себе число сто десять новелл, хочу я последним записать здесь маленький рассказ (compte), который завершит сказанное число»⁶³. Возможно, перед нами желание превзойти образец или изящная литературно-числовая игра, как полагает Н. Лабер⁶⁴. Так или иначе, перед нами осознанная позиция автора, который стремится придать творению по-своему совершенную форму.

Таким образом, в сборниках первых последователей Боккаччо прослеживается ряд сходных характеристик, которые можно считать типологическими для первого этапа эволюции новеллы. Отказ от вымысла («басен поэтов») и, как следствие, от эксплицитного обрамления, приводит к тому, что репрезентация устного рассказа, которая была в «Декамероне» главным структурообразующим элементом (диалог новеллами), перестает выполнять эту функцию, однако не исчезает, а либо становится имплицитной, как в бургундских «Ста новых новеллах», либо перемещается на уровень отдельных историй и авторского слова. Одновременно торжество принципа исторической достоверности возвращает понятие «новелла» к его вне-литературному, этимологическому значению «новости», а из множества подобных «новостей» складывается своего рода развлекательный аналог местной, городской хроники.

Примечания

¹ Goyet F. Conclusion: L'unité de Protée. // Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance. 2000. N°51–52. P. 231–246.

² Dubuis R. Le mot Nouvelle au Moyen Age: de la nébuleuse au terme générique // La Nouvelle. Définitions, transformations / Textes recueillis par B. Alluin et F. Suard. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1990. P. 14.

³ Pérouse G.-A. Des nouvelles « Vraies comme Evangile » : Réflexions sur la présentation du récit bref au XVIème siècle // La Nouvelle. Définitions, transformations... P. 92.

⁴ Pérouse G.-A. De la rumeur à la nouvelle au XVIe siècle français // Rumeurs et nouvelles au temps de la Renaissance / Directeur de la publication M.T. Jones-Davies. Paris: Klincksieck, 1997. P. 104.

⁵ Jolles A. Einfache Formen. Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Spruch, Kasus, memorabile Märchen, Witz. Vierte, unveränderte Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1968. S. 171–180.

⁶ Pérouse G.-A. De la rumeur à la nouvelle... P. 95.

⁷ Estienne R. Dictionnaire françois-latin (1549). Genève : Slatkine Reprints, 1972.

⁸ Цит. по: Des Périers B. Le Cymbalum Mundi / Introd. et annoté par Y. Delègue. Paris : Honoré Champion, 1995. P. 73; (курсив наш – И. С.).

⁹ Crouzet D. Sur la signification eschatologique des « canards » (France, fin XVe-milieu XVIe siècle) // Rumeurs et nouvelles au temps de la Renaissance... P. 25–26 (курсив наш – И. С.).

¹⁰ Pouspin M. Publier la nouvelle. Les pièces gothiques, histoire d'un nouveau média (XVe – XVIe siècles). Paris : Publications de la Sorbonne, 2016. В диссертации выделен и проанализирован корпус из более чем 2 200 изданий.

¹¹ Ibid. P. 231.

¹² Chartier R. Lectures et lecteurs «populaires» de la Renaissance à l'âge classique // Histoire de la lecture dans le monde occidental / Sous la dir. de G. Cavallo et R. Chartier. Paris: Editions du Seuil, 1997. P. 315–330; Id. Popular appropriation. The Readers and their Books // Id. Forms and Meanings. Texts, Performances, and Audiences from Codex to Computer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. P. 83–98.

¹³ Branca V. Boccaccio medievale e nuovi studi sul Decameron. Firenze: Sansoni, 1998; Idem. «Con amore volere»: narrar di mercatanti fra Boccaccio e Macchiavelli. Venezia: Marsilio, 1996, и др.

¹⁴ См. об этом, в частности: Marietti M. De la chronique à la nouvelle: la réécriture de Giovanni Villani par l'auteur du Pecorone // Arzanà. Cahiers de littérature médiévale italienne. Année 2000. no 6. La Mémoire du texte. Intertextualités italiennes. P. 105–138. Таблицу соответствий см.: Messina F. Dalla cronaca alla novella, tra historia e fabula: paradigmi interpretativi e forme di riscrittura della Nuova cronica di Giovanni Villani. Tesi di dott. Università degli Studi di Napoli «L'Orientale». 2017. P. 98–101. URL : https://unora.unior.it/retrieve/handle/11574/182090/52085/MESSINA_Felice.pdf (дата обращения 03.11.2020).

¹⁵ Так полагает автор современного двухтомного критического издания: Sercambi G. Novelle / A cura di G. Sinicropi. Bari: Laterza, 1972.

¹⁶ Сравнение текстов, общих для новеллы и хроники, см. Mari F. Giovanni Sercambi: Storia e finzione in un narratore toscano medievale. Durham theses. 2012. P. 233–248 URL: <http://etheses.dur.ac.uk/6389/> (дата обращения 03.11.2020).

¹⁷ Цит. по: Sacchetti F. Il Trecento novelle / A cura di E. Faccioli. Torino: Einaudi, 1970. P. 1. (курсив наш – И. С.).

¹⁸ Ibid. Анализ нарративных стратегий, вытекающих из этого принципа, см.: Prosenc Šegula I. «E io scrittore»: stratégies narratives et vérité historique dans le Trecentonovelle de Franco Sacchetti // Cahiers d'études italiennes. 2007. no 6. La Nouvelle italienne du Moyen Age à la Renaissance. P. 47–57.

¹⁹ Sacchetti F. Op. cit. P. 2.

²⁰ См.: Эстетика Ренессанса / пер. В. Библихина. Т. II. М.: Искусство, 1981. С. 31.

²¹ Sacchetti F. Op. cit. P. 85.

²² Ibid. Ср. новеллы 147, 158, 210, где это слово также означает попросту «ложь», «взор».

²³ См., например: Di Legami F. *Novellistica del tardo Trecento. Studi e questioni critiche // I cantieri dell'italianistica. Ricerca, didattica e organizzazione agli inizi del XXI secolo / A cura di G. Baldassarri, V. Di Iasio, G. Ferroni, E. Pietrobon*. Roma: Adi editore, 2016. P. 6; Battaglia Ricci L. *Palazzo Vecchio e dintorni: Studio su Franco Sacchetti e le fabbriche di Firenze*. Roma: Salerno ed., 1990. P. 53 sq.

²⁴ Случай Виллани не уникален: то же выражение встречается, например, у сиенского хрониста Аньоло ди Тура (Agnolo di Tura). См.: Tufano I. *Dalla cronaca alla novella // Rassegna europea di letteratura italiana*. Anno 2007. no. 29–30. P. 162.

²⁵ Sacchetti F. Op. cit. P. 1.

²⁶ Varvaro A. *Tra cronaca e novella // La novella italiana. Atti del Convegno di Caprarola (14–24 settembre 1988)*. Roma: Salerno editrice 1989. P. 169.

²⁷ Подносной экземпляр, хранившийся в библиотеке герцога, не сохранился; известен по описи 1467 (1469) г. и по каталогу 1487 г., где значится «совсем новая книга, писанная на пергамене в два столбца, крытая белой замшей, во многих местах украшенная богатыми сценами, содержащая Сто Новелл, как Монсеньора, спаси его Бог, равно и многих других его приближенных». См.: Rossi L. *Pour une édition des Cent Nouvelles nouvelles: de la copie de Philippe le Bon à l'édition d'Antoine Vérard // Le Moyen français*. 1988. Vol. 22. Du manuscrit à l'imprimé. Actes du colloque international Université McGill, Montréal, 3–4 octobre 1988 / Publ. par G. Di Stefano et R. M. Bidler. P. 71. Споры об авторе сборника продолжаются до сих пор; многие исследователи, вслед за П. Шампьоном (*Les Cent Nouvelles nouvelles / Publ. par P. Champion*. Paris: E. Droz, 1928. P. LI–LVII), склоняются к атрибуции «Ста новых новелл» одному из главных рассказчиков, Филиппу По, сеньору де Ларош (1428–1493), великому сенешалю Бургундии и крестнику герцога Филиппа; см., например: Dufournet J. *Les Cent Nouvelles nouvelles, emblème de la génération de Louis XI // Autour des Cent Nouvelles nouvelles. Sources et rayonnements, contextes et interprétations / Textes édités par J. Devaux et A. Velissariou*. Paris : Honoré Champion, 2016. P. 15–29.

²⁸ В единственном дошедшем до нас манускрипте, хранящемся в Глазго (Ms Glasgow Hunter 252) и впервые опубликованном Т. Райтом в 1858 г. (*Les Cent Nouvelles nouvelles / Publ. d'après le seul manuscrit connu avec introd. et notes par M. T. Wright*. T. 1–2. Paris: P. Jannet, 1858), посвящению предшествует список новелл. В издании 1486 г., выпущенном Антуаном Верапом (Paris, 1486; BnF Res. Y2-174), список дан после посвящения.

²⁹ Цит. по: *Les Cent Nouvelles nouvelles / Ed. critique par F.P. Sweetser*. Deuxième tirage. Genève : Droz, 1996. P. 22.

³⁰ Именно так именовался «Декамерон» в первом французском переводе Лорана де Премьефе (см. о нем также часть III, гл. 1). Л. Росси отмечает, что ориентация на книгу Боккаччо отражена и в структуре «Ста новых новелл»: «Incipit [новелл] показывают, что заглавия, содержащие краткое резюме рассказа, предворяют каждую новеллу, в соответствии с традицией „Декамерона“: деталь эта – отнюдь не второстепенный элемент в структуре произведения [...] и не должна оставаться в тени, словно простой курьез. Действительно, она показывает,

что автор прекрасно знал сочинение Боккаччо» (Rossi L. Op. cit. P. 71). Кроме того, судя по explicit, последней, сотой новеллой сборника изначально был не рассказ о превращении ку-ропатов в рыб, как в рукописи библиотеки Глазго, но историей о генуэзском купце, рассказан-ной автором: т.е., как и в «Декамероне», сборник открывался новеллой о грехе (адюльтере) и завершался восхвалением женской добродетели (см.: Rossi L. Per il testo delle Cent Nouvelles nouvelles: la centesima novella e i racconti dell'acteur // Medioevo romanzo. 1981-1983. Vol. VIII. no 3. P. 401-418).

³¹ В рукописи из Глазго оно вписано другой рукой, однако присутствует также в издании Верара (fol. a ij).

³² См.: Les Cent Nouvelles nouvelles / Publ. par P. Champion. Pièces justificatives. P. LXXIII–CXV.

³³ Цит. по: Boccace. Decameron, traduction (1411–1414) de Laurent de Premierfait / ed. G. Di Stefano. Montréal: CERES, 1998. P. 3. Ср. почти дословно совпадающий пассаж в прологе «Трехсот новелл».

³⁴ См. таблицу локализации новелл: Les Cent Nouvelles nouvelles / Publ. par P. Champion. P. LXIX.

³⁵ Ibid. P. IX–L.

³⁶ Отсюда второй, помимо «истории», синоним слова «новелла» в заглавии перечня рас-сказов – «глава» (chapitre).

³⁷ П. Шампньон отождествляет первого из них либо с Пьером Аларом, камердинером герцога, либо с оруженосцем Аларденом Бурнелем (Les Cent Nouvelles nouvelles / Publ. par P. Champion. P. XXVII), а второго – с «бедным клириком», упомянутым в хронике Ж. Шатлена (Ibid. P. XXV). По мнению Э. Купманс, речь идет скорее о Жане де Понсо ди Понселе, камерди-нере Филиппа с 1458 г. (Coormans J. Espaces ludiques: le jeu de la sociabilité bourguignonne // Autour des Cent Nouvelles nouvelles. P. 39).

³⁸ Так называлась деревушка неподалеку от Меца, где родился автор.

³⁹ Сведения о его биографии почерпнуты главным образом из его дневника: Gedenkbuch des Metzser Bürgers Philippe von Vigneulles aus den Jahren 1471 bis 1522 / Hrg. H. V. Michelant. Stuttgart: Literarischer Verein, 1852. См.: Cailly Ch. Le bourgeois de Metz au quinzième siècle: Philippe de Vigneulles. Metz: Librairie de l'Académie Impériale, 1867.

⁴⁰ La chronique de Philippe de Vigneulles. T. I–IV / Ed. par Ch. Bruneau. Metz: Société d'histoire et d'archéologie de la Lorraine, 1927-1933. См. о ней, в частности: Demarolle P. Philippe de Vigneulles chroniqueur: une manière d'écrire l'histoire // Revue des langues romanes. 1993. T. 97. no 1. Écrire l'histoire à la fin du Moyen Âge. P. 57–73.

⁴¹ См. о нем: Herbin J.-C. «La 'translation en prose' de la Geste des Loherains par Philippe de Vigneulles: une (re)trouvaille // Romania. 1988. T. 109. no 436. P. 562–565; Idem. Philippe de Vigneulles dans la Prose des Loherains // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2010. No 19. P. 385–419.

⁴² «Сто новых новелл» сохранились в рукописи, выполненной скрибом и выправленной рукой самого Филиппа (хранится в муниципальной библиотеке Меца, ms. 1562). Рукопись

сильно повреждена: в ней отсутствует начало пролога и несколько новелл; многие из дошедших до нас историй также не имеют начала и конца. Впервые издана Ш. Ливингстоном: Philippe de Vigneulles. *Les Cent nouvelles nouvelles* / ed. par Ch. H. Livingston, avec le concours de F. R. Livingston et R. H. Ivy, Jr. Genève: Droz, 1972.

⁴³ Книга, по-видимому, была ему известна по изданию Антуана Верара.

⁴⁴ Philippe de Vigneulles. *Les Cent nouvelles nouvelles*. P. 57–58.

⁴⁵ Ibid. P. 60.

⁴⁶ Ibid. P. 128.

⁴⁷ Ibid. P. 231.

⁴⁸ Тот же мотив повторяется и в «Хронике» (*La chronique de Philippe de Vigneulles*. T. IV. P. 198), и в «Дневнике» (*Gedenkbuch des Metzger Bürgers Philippe von Vigneulles...* P. 283).

⁴⁹ *La chronique de Philippe de Vigneulles*. T. IV. P. 174, 475.

⁵⁰ *Gedenkbuch des Metzger Bürgers Philippe von Vigneulles...* P. 195.

⁵¹ *La chronique de Philippe de Vigneulles*. T. III. P. 359; T. IV. P. 17.

⁵² Ibid. T. IV. P. 40.

⁵³ Kotin A. *The Narrative Imagination. Comic Tales by Philippe de Vigneulles*. Lexington: University Press of Kentucky, 1977. P. 98.

⁵⁴ Philippe de Vigneulles. *Les Cent nouvelles nouvelles*. P. 231.

⁵⁵ Ibid. P. 57.

⁵⁶ Ibid. P. 74.

⁵⁷ Ibid. P. 205.

⁵⁸ Velissariou A. *Les nouvelles de Philippe de Vigneulles (1471–1528) et leur témoignage sur la société messine // Le texte médiéval dans le processus de communication / Sous la dir. de L. Evdokimova et A. Marchandisse*. Paris : Classiques Garnier, 2019. P. 284.

⁵⁹ Philippe de Vigneulles. *Les Cent nouvelles nouvelles*. P. 136.

⁶⁰ Ibid. P. 187.

⁶¹ Labère N. «En la fourme et la maniere» des *Cent nouvelles nouvelles* de Philippe de Vigneulles // *Le recueil au Moyen Age. La fin du Moyen Age / Sous la dir. de T. Van Hemelryck et de S. Marzano. Avec la collab. d'A. Digne et de M.-M. Deproost*. Turnhout: Brepols, 2010. P. 160.

⁶² Philippe de Vigneulles. *Les Cent nouvelles nouvelles*. P. 136.

⁶³ Ibid. P. 410.

⁶⁴ «Завершенности и торжеству числа 100 Филипп де Виньольт противопоставляет символическое смещение. Умножение 10х10 он заменяет сложением – 10х10+10. Разумеется, это жест смирения; но его можно понимать и как знак уверенности и власти» (Labère N. *Op. cit.* P. 162).

Л. Ф. Бирр-Цуркан

**Benimmbücher (Сводь правил поведения) XVIII в.
и их роль в формировании коммуникативного поведения
представителей немецкой лингвокультуры**

Материалом исследования послужили немецкие Benimmbücher XVIII в., рассматриваемые автором статьи как важнейшее средство формирования коммуникативного поведения представителей немецкой лингвокультуры. В качестве средств воздействия на читателя рассматриваются ситуативная модель их построения, адресованность и используемые авторами сводов правил поведения аргументативные тактики.

Ключевые слова: Benimmbücher, коммуникативное поведение, аргументация, адресованность

Lilia F. Birr-Tsurkan

**The 18th century Benimmbücher (Code of Conduct) and their role
in developing communicative behaviour by members of German language culture**

This paper examines the 18th century German Benimmbücher. The latter are considered the most important means of developing communicative behaviour by members of German language culture. As a means of influencing the reader, a situational model of their construction, targeting and argumentative tactics used by authors of the codes of conduct are analysed.

Keywords: Benimmbücher (Code of Conduct), communicative behaviour, argumentation, targeting

Традиция так называемых Benimmbücher возникла в Германии в XVI в. Одним из первых образцов данного жанра в Европе стала книга «De civilitate» Эразма Роттердамского, впервые изданная на латыни в 1529 г. и переведенная в дальнейшем, в том числе, на немецкий язык. Изначально, как известно, печатные издания были рассчитаны на более или менее индивидуального читателя. Так, к примеру, Эразм Роттердамский обращается в своей «De civilitate» к сыну князя Адольфа Бургундского («Dem edlen und tapfern Knaben Heinrichen von Burgundien des Fürsten Adolphi zu Verian Sohne»). Но постепенно издатели обращают свою продукцию к читателю массовому, что наблюдается и в адресации Benimmbücher. Объясняется это, безусловно, прежде всего, ростом числа грамотных людей, т. е. потенциальных читателей: в 1700 г. в Германии было около 15% жителей, обученных грамоте, а к концу столетия их доля составляла уже 25%¹. Бурное развитие издательского дела в Германии XVIII в. повлекло за собой и массовое распространение сводов правил поведения. Неслучайно XVIII в. считается эпохой расцвета книгопечатания и господства духа над телом².

В немецкой литературе существует множество терминов, так или иначе связанных с нормами и правилами поведения. С одной стороны, выделяют *Anstandsliteratur*, *Standesliteratur*, *Tugend- und Zuchtliteratur*, *Benimmbücher*, за которыми стоят своды правил приличия, охватывающие широкий социальный спектр адресатов³. Эти книги могли быть адресованы различным группам населения, но большинство их все же обращено к молодежи. С другой стороны, в рамках литературы для детей и молодежи (*Kinder- und Jugendliteratur*) выделяется так называемая интенциональная литература для детей (*Intentionale Kinderliteratur*), решающим признаком которой, согласно автору термина Э. Шмидту, является интенция автора или издателя выпустить книгу для детей и молодежи, а также специфическая детская литература (*spezifische Kinderliteratur*) – термин, предложенный В. Шерфом⁴. Другие авторы говорят о наличии морализирующей литературы (*Moralisch belehrende Schriften*) как одного из жанров детской литературы, построенной в форме беседы с ребенком, и уже в ее рамках выделяют в качестве поджанра *Anstandsliteratur*⁵. Таким образом, можно говорить о взаимном переплетении *Anstandsliteratur*/*Benimmbücher* и *Kinder- und Jugendliteratur*, каждая из них может рассматриваться как часть другой.

Тематическая направленность *Benimmbücher* заложена уже в самом термине – книги о поведении. Все они содержат в себе правила поведения в определенных коммуникативных ситуациях, т. е. служат для формирования определенного коммуникативного поведения представителей данной лингвокультуры, например, «*Anweisung vernünftig zu leben*» (1744), «*Höflichkeit der heutigen Welt*» (1744), «*Die Artige Welt in allen Ständen*» (1769), «*Komplimentir- und Sittenbuch*» (1776), «*Sittenbüchlein für Kinder*» (1793) и т. д. Под коммуникативным поведением, вслед за И. А. Стерниным, нами понимается «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также отдельной личности»⁶.

Ситуативная модель построения – наиболее распространенная для *Benimmbücher*. Так, например, отдельные главы книги «*Höflichkeit der heutigen Welt*» посвящены совершенно конкретным ситуациям, что находит отражение в их названиях: «*Was man bey den Vornehmen in acht zu nehmen hat*» (На что следует обратить внимание перед важными лицами), «*Wie man sich in der Kirche zu verhalten habe*» (Как следует вести себя в церкви), «*Was zu thun, wenn uns eine vornehme Person die Ehre giebt uns zu besuchen, und wenn wir unsere Aufwartung erstatten sollen*» (Что делать, если важная персона почтит нас визитом и если мы должны нанести визит) и т. д. Однако даже если конкретная ситуация не лежит в основе отдельных глав книги, ситуативная модель так или иначе представлена в построении *Benimmbücher*, что находит отражение в изобилии условных предложе-

ний, например: «Wenn du redest, so liebe die Wahrheit, und bringe die Sache mit Bedacht vor. Will dir jemand antworten, so falle ihm nicht ins Wort» – Если ты говоришь, то люби правду и говори о деле продуманно. Если кто-то тебе хочет ответить, не перебивай его⁷.

Адресный характер Benimmbücher – важный фактор воздействия на коммуникативное поведение. Адресат может быть указан в названии («Sittenbüchlein für Kinder» – Книга о нравах для детей; «Komplimentir- und Sittenbuch für Personen bürgerlichen Standes in großen und kleinen Städten» – Книга о комплиментах и нравах для лиц бюргерского сословия в больших и малых городах), а также с большей конкретизацией в предисловии: «Dieses Büchlein soll, meiner Absicht nach, für Kinder aus gesitteten Ständen eben das seyn, was Schlossers Sittenbüchlein für Kinder des Landvolks ist» – Эта книжечка, по моему замыслу, должна стать для детей из приличных сословий тем, чем является Книга приличий Шлоссера для детей из народа⁸. «Diese Schrift ist insbesondere dem bürgerlichen Stande gewidmet, um solchen eine Unterweisung mit Klugheit zu reden, zu schreiben und zu leben zu geben» – Этот труд посвящен в особенности бюргерскому сословию, дабы научить таковых с умом говорить, писать и жить⁹. Таким образом, в качестве адресата Benimmbücher XVIII в. выступает, как правило, абстрактный читатель, представитель того или иного сословия.

Авторы Benimmbücher проповедуют определенную модель поведения и убеждают адресата в том, что именно такое поведение достойно подражания. Убеждение читателя происходит на разных уровнях. Сама композиция построена так, что автор как бы ведет читателя, заставляя следовать своей логике. Зачастую книга строится в вопросно-ответной форме. Так, например, в заглавие каждого раздела «Curieuse Affectenspiegel» И. Г. Грегори вынесен вопрос и далее дается развернутый ответ на него:

§ 1. Ist es besser einsam zu leben oder die Gesellschaften der Menschen zu besuchen? – Лучше ли жить в одиночку или посещать общество людей?¹⁰

§ 2. Durch was vor Mittel kann man zu der christlichen Klugheit gelangen? – Какими средствами можно достичь христианской мудрости?¹¹

В конце раздела, как правило, подводится итог:

Darum wehe dem der allein ist – Потому горе тому, кто одинок¹².

Und das ist also die Beantwortung der Frage ob es besser sey einsam oder in Gemeinschaft der Menschen zu leben – И это ответ на вопрос, лучше ли жить одному или в обществе людей¹³.

В качестве примера тактик аргументации, широко используемых в Benimmbücher с целью влияния на коммуникативное поведение адресата, рассмотрим таковые на материале «Curieuse Affecten-Spiegel»:

- тактика контрастивного анализа (сопоставление различных моделей поведения воспринимается адресатом как убедительные аргументы): «Вey

jenem ist weder Verstand noch Fleiß; bey diesem aber ist die Weißheit und Wissenschaft vergesellschaftet daß er nicht nur weißlich dencket sondern auch kluge Dinge verrichtet das Gute ausübet und das Böse vermeidet» – У того нет ни разума, ни прилежания; у этого представлены мудрость и знание, так что он не только мудро мыслит, но и делает умные дела, творит добро и избегает зла¹⁴;

- тактика указания на перспективу (автор указывает на возможное развитие событий, положительное или отрицательное, что также воспринимается как убедительный аргумент): «Niemand sündige auf Gnade damit ihm die Gnaden-Thür nicht versperret werde» – Никому не следует грешить против милости, дабы дверь к милости не оказалась для него запертой¹⁵;

- тактика обоснованных оценок (положительная или отрицательная оценка определенной модели поведения призвана повлиять на поведение адресата в будущем): «Wüten und Zörnen sind zwey grausame Dinge» – Ярость и гнев две ужасные вещи¹⁶;

- тактика иллюстрирования (автором приводятся общеизвестные примеры или примеры из собственного опыта, способные убедить адресата в необходимости следовать конкретным правилам поведения). В рамках этой тактики автор часто ссылается на мнение известных лиц: «Als der Groß-Herzog Cosmus von Florentz einen gelehrten aber dabey gottlosen Menschen sahe sagte er zu den Seinigen: Dieser hat zwar einen guten Wein er lieget aber in einem bösen Fasse» – Когда великий герцог Космус Флорентийский видел ученого, но безбожного человека, он говорил: у него хоть и есть хорошее вино, но хранится оно в плохой бочке¹⁷.

Таким образом, Benimmbücher, обращенные к различным социальным группам населения, но прежде всего к подрастающему поколению, нацеленные на формирование правильной модели поведения, использующие различные тактики аргументации, играли важную роль в формировании коммуникативного поведения представителей немецкой лингвокультуры XVIII века. Кроме того, своды правил поведения отражают характерную черту развития издательского дела в Германии XVIII в. – обращение не к индивидуальному, а к массовому читателю.

Примечания

¹ Hörisch Jochen. Der Sinn und die Sinne. Eine Geschichte der Medien, Frankfurt a. M.: Eichborn, 2001. S. 155.

² Gumbrecht Hans Ulrich. Medium Literatur, In: Faßler Manfred, Halbach Wulf R. (Hrsg.). Geschichte der Medien, München: Fink, 1998. S. 97.

³ Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte. Hrsg. von G. Braungart, H. Fricke, K. Grubmüller, K. Weimar u.

a., Bd. I, de Gruyter, 2010. S. 96; Schikorsky Isa. Kurze Geschichte der Kinder- und Jugendliteratur. Books on Demand, 2012. S. 15–16.

⁴ Brüggemann Theodor; Ewers Hans-Heino. Handbuch zur Kinder- und Jugendliteratur von 1750 bis 1800. Stuttgart: J.B. Metzler, 1982. S. 3–5.

⁵ Brüggemann Theodor; Ewers Hans-Heino. Handbuch zur Kinder- und Jugendliteratur von 1750 bis 1800. Stuttgart: J.B. Metzler, 1982. S. 53–54.

⁶ Стернин И.А. Коммуникативное поведение. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2000. С. 3.

⁷ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 217

⁸ Campe Joachim Heinrich. Sittenbüchlein für Kinder: Zur allgemeinen Schul-encyklopädie gehörig Braunschweig: Verlag der Schulbuchhandlung, 1793. S. 4.

⁹ Komplimentir- und Sittenbuch: für Personen bürgerlichen Standes in großen und kleinen Städten, dann zum Besten der Landleute. Wien: Joseph Kolen von Aurzbeck, 1776. S. 4.

¹⁰ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 1.

¹¹ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 2.

¹² Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 165.

¹³ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 170.

¹⁴ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 16.

¹⁵ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 180.

¹⁶ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 31.

¹⁷ Gregorii Johann Gottfried. Curieuser Affecten-Spiegel, Oder auserlesene Cautelen und sonderbahre Maximen, Die Gemüther der Menschen zu erforschen, Und sich darnach vorsichtig und behutsam aufzuführen. Frankfurt & Leipzig: Ernst Ludwig Nidrens, 1715. S. 17.

А. Ю. Уткоф

**Книжная торговля при иностранных приходах Санкт-Петербурга
второй половины XVIII – первой половины XIX в.**

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. иностранные общины оказывали существенное влияние на развитие частного книгоиздательства и книжной торговли в Санкт-Петербурге. Служители приходов писали религиозные сочинения, а также продавали различную теологическую и учебную литературу. На протяжении всего периода пасторы сдавали церковные дома в аренду под заведение небольших типографий и книжных лавок, заключая при этом подробные контракты на выгодных для них условиях, а также контролировали ассортимент изданий. В первой половине XIX в. училище св. Петра (Петришуле) выпускало литературу необходимую для осуществления учебного процесса.

Ключевые слова: книжная торговля во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., Санкт-Петербург, религиозная община, аренда, училище св. Петра

Anna Ju. Utkof

**Book trade in the foreign parishes of St. Petersburg
in the second half of the XVIIIth – the first half of the XIXth centuries**

In the second half of the XVIIIth – the first half of the XIXth centuries. Foreign communities had a significant impact on the development of private book publishing and book trade in St. Petersburg. Parish ministers wrote religious works, and sold various theological and educational literature. Throughout the entire period, pastors leased to church houses for small printing houses and bookstores, concluding detailed contracts on terms favorable to them, and also controlled the range of publications. In the first half of the XIXth century. School of St. Petra (Petrishule) published the literature necessary for the implementation of the educational process.

Keywords: book trade in the second half of the XVIII – the first half of the XIX centuries, St. Petersburg, religious community, rent, school of St. Petra.

С момента своего образования Санкт-Петербург формировался как межконфессиональный центр Российской империи. Прибывая в Россию, представители различных конфессий стремились к консолидации, образуя особые социальные институты – религиозные общины. Иностранные общины в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII – первой половине XIX в. не только имели значительное влияние на культурную и светскую жизнь членов своих организаций, но и оказывали заметное воздействие на развитие различных сфер деятельности петербургского культурного общества в целом. Лютеране, католики и реформаты жили в окружении чуждого им по языку, вероисповеданию и культуре населения, и именно это выступало в качестве того фактора, который способствовал

их объединению. Основные аспекты жизнедеятельности религиозных общин, обычаи и условия адаптации иностранцев не раз становились предметом пристального внимания и изучения исследователей, среди которых можно выделить А. Э. Алакшина, Т. Н. Таценко, архимандрита Августина (Никитина) и др.¹.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. еще сложно было говорить о какой-либо регулярной издательской и книготорговой практике, налаженной при евангелическо-лютеранских, реформаторских или римско-католических общинах. Первое официальное издательство при иностранных приходах было основано только в 1896 г. при общине св. Евгении². Но в исследуемый период сами пасторы, пробсты и другие церковные служители иностранных приходов в России писали теологические, научно-популярные сочинения, практические руководства, участвовали в их распространении и публиковали объявления о продаже книг в периодических изданиях. Таких сочинений было довольно много во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: «План расширения виноделия в российских провинциях, сочинение пастора Тиля» (1798)³, «Краткое описание мраморных и других каменных ломок, гор и каменных пород находящихся Российской Карелии» С. Алопеуса (1787), «Сокращение Краткой церковной Российской истории митрополита Платона, извлеченное пастором Гейдеке» (1808), «Слово о дерзости неверия» И. Х. Грота (1779) и др.

Кроме того, реформаторские и евангелическо-лютеранские общины сдавали принадлежащие им дома в аренду переплетчикам и книгопродавцам для размещения в них книжных лавок и магазинов, небольших типографий; в этих домах осуществлялась не только продажа книг, но и оформлялась подписка на продолжающиеся издания. Так, в 1766 г. подписку на «Универсальную историю» профессора Ф. Г. Дилтея в Санкт-Петербурге осуществлял «переплетчик Фостгер, которой жительство имеет у Реформатской кирхи господина пастора Дилтея»⁴. Сдача церковных домов или отдельных помещений в таких домах в аренду практиковалась на протяжении всей второй половины XVIII в. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» часто публиковались объявления с указанием адреса места книжной торговли в церковных домах, принадлежащих различным иностранным приходам. «На Невской перспективе в доме принадлежащем Лютеранской церкви и на Васильевском острове в такой же церкви» в 1793 г. торговал переплетчик Агатц⁵. В начале XIX в. книгопродавцы и переплетчики продолжали торговать при иностранных приходах. «У живущего на католическом церковном дворе книгопродавца Геверта вступила в продажу книга под заглавием Картинная галерея для детей к распространению их познаний и к удовлетворению их любопытству»⁶. «Вторая часть деяний Генерал

князя италийского графа Суворова-Рымниского из печати вышла. Подписка у жительствовавшего на Б. Невской перспективе на подворье Голландской церкви переплетчика Зенгбуша»⁷.

Начинали свое книжное дело с аренды церковных домов и более известные и успешные в дальнейшем книгопродавцы, и типографы. «На Литейной в училищном доме немецкой церкви Св. Анны»⁸, чуть позднее «на Невском проспекте в голландском церковном доме»⁹ осуществлял торговлю книжной продукцией Эрнст Цимсен, в дальнейшем владелец книжного магазина на Невском проспекте. «В Конюшенной улице в доме немецкой церкви Св. Петра»¹⁰ торговал книгами переплетчик Эбенау. В XIX в. несколько поколений переплетчиков и книгопродавцев Эбенау на долгие годы стали единственными комиссионерами-монополистами училища Св. Петра.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранились документально оформленные «расчеты с г. Эбенау за проданные книги школьного издания за удержанием 10% за комиссию»¹¹. Семья Эбенау поддерживала деловые отношения с училищем св. Петра на протяжении периода с 1818 по 1851 г., сначала комиссионером был Петр Филипп Саломон¹², а после его смерти в 1849 г. дело, очевидно, продолжил Иоганн Адольф Теодор, имевший, кроме того, собственную переплетную мастерскую на Невском проспекте¹³. Выбор литературы не отличался разнообразием, в основном продавались одни и те же названия, чаще всего – теологическая или учебная литература на французском или немецком языках. Тем не менее, по сравнению с пятью-шестью названиями книг, закупувавшихся и продававшихся училищем Св. Петра в конце XVIII – начале XIX в.¹⁴, школьный ассортимент значительно расширился, ежегодно продавалось 30–50 названий книг. При этом велся строгий учет не только количества проданных книг по годам, но и зачастую прослеживалось «движение» конкретного издания на протяжении нескольких лет по кварталам, что можно рассматривать в качестве своеобразного метода изучения читательского спроса¹⁵. Сотрудничество с комиссионерами Эбенау приносило определенную прибыль в кассу училища и удовлетворяло потребности преподавателей и учащихся в литературе, необходимой для осуществления учебного процесса.

Долгое время И. К. Шнор содержал свою типографию в домах, принадлежащих лютеранской церкви св. Петра и реформатской церкви. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга в фонде Французской реформатской церкви (ф. № 444) хранятся два контракта на немецком и французском языках о сдаче в найм И. К. Шнору дома на Мойке, принадлежащего реформатской церкви. В мае 1786 г. И. К. Шнор заключил подроб-

ное соглашение об аренде этого церковного имущества на определенных условиях: увеличение суммы ежегодной аренды по сравнению с бывшим арендатором Виллебрандом на 100 рублей, ремонт крыла дома и постройка новой конюшни и сарая¹⁶. В июле 1786 г. этот контракт был продлен, став еще более подробным: условия договора устанавливались шестью пунктами. В них указывалась фиксированная оплата аренды ежемесячно, ремонт печей и кухни, уборка двора, ответственность в случае пожара, продолжение постройки конюшен, фиксированная сумма оплаты аренды в последующие годы¹⁷.

Уже имея типографию в собственном доме на Васильевском острове, И. К. Шнор поддерживал тесные профессиональные и личные отношения с И. Г. Буссе, с 1801 г. – пастором церкви св. Екатерины на Васильевском острове, бывшим библиотекарем, адъюнктом и почетным членом Петербургской академии наук. В 1797 г. «адъюнкту Академии Надворному советнику Буссе и книгопродавцу Шнору именным указом было дозволено перевести на Немецкий язык и напечатать Именные указы, изданные с ноября 1796 г. и впредь выдаваемые»¹⁸. В 1798 г. Иоганн Генрих Буссе стал восприемником при крещении младшего сына издателя¹⁹, (последний получил от него имя), а после смерти типографа выступил одним из опекунов несовершеннолетних сыновей И. К. Шнора.

Лютеранская и римско-католическая консистории не ограничивались сдачей в аренду принадлежащих им домов; ассортимент выпускаемой и продаваемой литературы жестко контролировался арендодателями. Так, в 1807 г. «консистории советник и пастор при Лютеранской церкви Св. Екатерины Буссе»²⁰ ходатайствовал перед Петербургским цензурным комитетом «касательно запрещения книгопродавцу Ебенау печать вторым изданием книги под заглавием «*Petersburgische Sammlung Gottesdinstlicher Lieder*»²¹. Причиной ходатайства издания служило то, что, по мнению Буссе, книгопродавец не имел права на это издание; ходатайство было, однако, отклонено.

Таким образом, при иностранных приходах Санкт-Петербурга во второй половине XVIII – первой половине XIX в. начала развиваться частная книжная торговля и книгоиздательство. Общины, получая от сдачи церковных домов определенную выгоду, поддерживали, прежде всего, книгопродавцев-единоверцев, чаще всего, членов своих приходов. Такое сотрудничество могло быть как разовым, так долгосрочным. Развитию книготорговой деятельности способствовали возникающие личные отношения с пасторами и другими священнослужителями. Очевидно, что приходы наблюдали за ассортиментом выпускаемой и продаваемой литературы, не желая иметь из-за этого проблемы с властями. В это же время отмечены

случаи издательской и книготорговой деятельности при некоторых учебных заведениях, принадлежащих инославным общинам, в частности, можно отметить многолетнюю профессиональную связь переплетчиков семьи Эбенау и училища Св. Петра²².

Примечания

¹ Алакшин А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск, 2006. 402 с.; Таценко Т. Н. Немецкие Евангелическо- лютеранские общины в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв. // Немцы в России: петербургские немцы. Санкт-Петербург, 1999. С. 245–280; Архимандрит Августин (Никитин) Немецкая реформатская община в Санкт-Петербурге // Немцы в России: петербургские немцы. Санкт-Петербург, 1999. С. 281–320.

² Подробнее об издательстве при общине св. Евгении см. Мозохина Н. А. Издательство общины св. Евгении: на пути к книгоизданию (1896–1909) // Книжное дело в России в XIX – начале XX вв. Санкт-Петербург, 2014. Вып. 17. С. 130–144.

³ РГИА Ф. 91. Оп. 1. Д. 444.

⁴ Московские ведомости. 1766. № 45.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1793. № 8. С. 2002.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 1. С. 20.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 32. С. 1285–1286.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 78. С. 1908.

⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 87. С. 2986.

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 93. С. 2312.

¹¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 272. Оп. 1. Д. 49.

¹² Петербургский некрополь. Т. 4: С–Ф. С. 630.

¹³ Справочная книга о лицах Петроградского купечества на 1867 г. Типография И. И. Глазунова. С. 361.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–26.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 70. Л. 3, 17.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 444. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 24. С. 516. № 17892.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13528. Л. 53.

²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 777. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.

²¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.

²² ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 33, 41, 45, 49, 64, 70, 90, 91, 101, 184.

Д. В. Руднев

«...Будучи почти целая сорок лет в самом дурном положении, пришла напоследок в совершенный упадок» (реорганизация типографии Морского шляхетного кадетского корпуса в 1803 г.)

В 1803 г. директором типографии Морского кадетского корпуса был назначен С. С. Котельников. Пользуясь покровительством товарища министра морских сил П. В. Чичагова, он провел глубокую реорганизацию типографии, изменив принципы ее финансирования, обновив оборудование и изменив личный состав типографских служащих.

Ключевые слова: Министерство морских сил, П. В. Чичагов, Морской кадетский корпус, С. С. Котельников, типография, реорганизация, финансирование, оборудование, штат, зарплата.

Dmitrii V. Rudnev

«...Being almost the whole forty years in the worst condition, it finally fell into complete decline» (reorganization of the printing house of the Naval Gentry Cadet Corps in 1803)

In 1803, S. S. Kotelnikov was appointed director of the printing house of the Naval Cadet Corps. Using the support of the Vice Minister of Naval Forces P. V. Chichagov, he carried out a deep reorganization of the printing house by changing the principles of its financing, updating equipment and changing the personnel of printing house employees.

Keywords: Ministry of Naval Forces, P. V. Chichagov, Naval Cadet Corps, S. S. Kotelnikov, printing house, reorganization, financing, equipment, staff, salary.

Типография Морского кадетского корпуса была создана при Морской академии на основании именного указа Петра I от 2 января 1721 г. После преобразования Морской академии в Морской кадетский корпус она продолжала функционировать в составе этого учебного заведения. Штатное расписание 1764 г. лишило типографию казенного содержания: отныне она должна была содержать себя за счет печатания книг и морских карт, однако сохранила полную зависимость во всех вопросах управления от корпусного начальства. С 16 января 1758 г. по 18 марта 1803 г. во главе типографии стоял И. Т. Смирнов, который благодаря своим незаурядным организаторским способностям сумел поддерживать типографию в рабочем состоянии в очень стесненных финансовых условиях.

18 марта 1803 г. коллежский асессор Сергей Семенович Котельников был уволен со службы переводчика в 4 департаменте Сената и назначен директором Морской типографии на место отставленного от службы

И. Г. Смирнова¹. Сын академика Семена Котельникова возглавлял типографию менее десяти лет: после продолжительной болезни в ночь с 24 на 25 ноября 1812 г. он умер в возрасте 47 лет². Сведения о Сергее Котельникове скудны и отрывочны. Известно, что он был членом-корреспондентом Академии наук (с 19 марта 1800 г.), переводчиком и сотрудником журнала «Ежемесячные сочинения». В одиннадцатой (майской) части «Новых ежемесячных сочинений» за 1787 г. была опубликована его статья «Новые и обстоятельные известия о смерти капитана Кука, переданные Самвелом, лекарем корабля Дискрови, одного из тех, которые были под предводительством самого капитана Кука»³. Некоторое время Котельников служил переводчиком в Морском кадетском корпусе, откуда 1 января 1797 г. уволился по собственному желанию. Позже Котельников служил цензором в петербургской цензуре: в марте 1799 г. он разрешил петербургскому мещанину Петру Григорьеву напечатать в типографии Морского кадетского корпуса книгу Шарля де Муи «Железная маска, или удивительные приключения отца и сына»⁴.

На следующий день после назначения Котельникова канцелярия корпуса приказала Смирнову сдать «типографию с прочими при ней мастерствами, матриалами, всеми вещами и делами, равно и команду с имеющимися служителями»⁵. Новый директор типографии должен был не только принять дела от своего предшественника, но и, изучив состояние, в котором находится типография, предложить начальству меры по улучшению ее положения.

Первое знакомство Котельникова с типографией Морского кадетского корпуса произошло еще до официального назначения на должность директора, об этом свидетельствует его «записка о типографии» от 9 марта 1803 г. на имя товарища министра морских сил П. В. Чичагова⁶. Записка не имеет формы официального рапорта в отличие от последующих бумаг, посылаемых Котельниковым товарищу министра морских сил; в начале записки говорится о том, что она составлена во исполнение сделанного Чичаговым «препоручения».

В семи пунктах автор записки излагал наиболее важные «поправки ... для скорейшаго возстановления» типографии. Первый пункт говорил о необходимости замены четырех станков, которые «в разсуждении их строения имеют многия несовершенства, так и по причине долговременнаго употребления зделались столь ветхи, что совсем не могут производить надлежащаго действия»⁷. В последующих пунктах Котельников писал о необходимости полностью заменить оборудование, связанное с набором (кассы и комоды для литер, реалы для форм и проч.), перелить «все находящиеся в типографии литеры, исключая весьма немногия», улучшить состав

гарта для отливки литер, добавив в него королек сурьмы (*regulus antimonii*), использовать для составления чернил «самую лучшую заморскую сажу», найти более просторное и светлое помещение для типографии, улучшить положение служащих типографии (увеличить им жалованье, дать казенные квартиры «и, сверх того, определить заделные денги»).

Первая записка отражает поверхностное ознакомление Котельникова с проблемами типографии. Приняв дела у своего предшественника и лучше узнав о проблемах типографии, 2 мая 1803 г. Котельников написал Чичагову представление, в котором так охарактеризовал текущее состояние типографии: «она до такой степени разстроена и запущена, что к совершенному приблизилась разрушению, и уже нет никакой возможности ее поправить, но совсем новую завести должно»⁸. Для заведения новой типографии, по расчетам Котельникова, требовалось 9284 руб.: 3060 руб. на 5 новых печатных станков, 1224 руб. на 2 новых фигурных стана, 1500 руб. «на все прочтя к составлению типографии необходимо нужная вещи», 1500 руб. на оборудование словолитной, переплетной и гравировальной палат, 1500 руб. «на переливание литер, покупку новых, самых лучших матриц и пунсонов» и еще 500 руб. «на выучку пунсонному делу одного из словолитных учеников [*sic!*]]»⁹.

Далее директор описывал трудности с поиском средств на обновление типографского оборудования. Намереваясь осуществить эти изменения за счет сумм, полученных типографией за печатание сигнальных книг, а также за счет долга Морского кадетского корпуса и лесного департамента перед типографией (всего около 7 тыс. руб.), он позднее обнаружил, что предстоявшие траты типографии (взятые в долг товары, покупка дров и свечей, починки в доме, жалование служащим типографии) превышали эту сумму. В связи с этим Котельников просил Чичагова выдать ему заимобразно необходимую сумму для обновления типографского оборудования из средств Адмиралтейств-коллегии с условием погашать ее в рассрочку за счет печатания указов, – по словам директора типографии, ежегодно эта сумма доходила до 700 руб. и более¹⁰.

На основании представления Котельникова товарищ министра морских сил 5 мая 1803 г. обратился к императору с «запиской о средствах к возобновлению пришедшей в ветхость и разрушение Морской типографии». Пересказав в общих чертах содержание представления директора типографии, он завершал свою записку словами: «не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству высочайше повелеть отпустить из сумм, ассигнуемых на строение и поправление адмиралтейских зданий и портов, с тем хотя предположением, чтобы по приведении типографии в действие не токмо уже она на содержание ничего не требовала, но и на

уплату сей заимообразно отпущенной суммы уделяла по мере умножения ея доходов»¹¹. Император удовлетворил просьбу Чичагова, и через две недели товарищ министра писал Котельникову, чтобы он явился к правящему должностному государственного казначея Ф. А. Голубцову для получения денег. Свое письмо Чичагов заключал словами: «когда же типография приведена будет в полное благосостояние, то должно будет возврат сей суммы произвесть по мере умножения ея доходов»¹².

Возвращение этой суммы произошло спустя долгие годы уже при новом директоре типографии Густаве Ивановиче фон Гейзере¹³ при довольно курьезных обстоятельствах, связанных с попыткой напечатать третий том первого русско-английского словаря, составленного И. Н. Шишуковым¹⁴. 23 июня 1819 г. фон Гейзер представил собранную сумму в кабинет е. и. в.¹⁵ К этому времени кабинет уже не помнил об этой сумме и запросил у директора типографии информацию, «по какому указу и в какие именно сроки отпущены были из Кабинета Его Величества на заведение типографии присланные обратно деньги»¹⁶.

На переоборудование типографии у Котельникова ушло больше года. 3 сентября 1804 г. директор типографии рапортовал Чичагову о расходовании всей полученной суммы. Рапорт сопровождался пятью списками вновь введенных инструментов и вещей для типографии, словолитной и пунсонной мастерской, гравировальной, фигурной и переплетной мастерских. Эти списки показывают, что обновлен было практически весь инструментарий типографии и связанных с ней мастерских, поэтому слова Котельникова о том, что типографию «совсем новую завести должно», отнюдь не кажутся преувеличением. Наибольшие траты были связаны с приобретением пяти новых печатных станков и трех фигурных. В последнем, шестом списке «вновь введенным матрицам разных шрифтов» перечислены пять российских шрифтов (терция, цецеро, миттель, мелкий цецеро и мелкий корпус, каждого по 92 матрицы) и два латинских (цицеро и миттель, каждого по 118 матриц)¹⁷.

Реорганизация типографии не свелась к обновлению ее материальной части. По мере вхождения нового директора типографии в курс дела он, по-видимому, все более осознавал, что проблемы типографии, в том числе и разрушение ее технической части, напрямую обязаны принципам организации ее работы.

16 июля 1803 г. Котельников обратился к Чичагову с пространственным представлением на 11 страницах, в котором убеждал товарища министра взять типографию на казенное содержание¹⁸. Записка начиналась подробным историческим экскурсом в деятельность типографии. «...Нет в том сомнения, – писал Котельников, – что она заведена для удовлетворения

существенным и главнейшим нуждам флота: 1) для издания нужных мореплавателям и вообще до наук касающихся книг; 2) для издания морских карт и 3) для печатания нужных Адмиралтейской коллегии бумаг, как то шкиперских регламентов, пашпортов на иностранные и российские суда, патентов на чины и проч...». На этом основании типография должна была бы находиться при коллегии, «но как в начале заведения Морского кадетского корпуса более всего была ощутительна потребность в учебных книгах, то по сему поводу и причислена была типография к корпусу и включена в штат онаго».

Далее директор упоминал о том, что поначалу типография находилась на казенном содержании, но в 1764 г. при изменении штата корпуса «была исключена из корпусного штата, и положено содержать оную от печатания книг и морских карт». О причинах этого решения «подлинно неизвестно, но судя по обстоятельствам кажется, что поводом к тому была одна толко неосновательная надежда, что по малому числу волных типографий морская типография может от печатания книг иметь такие доходы, которые с получаемыми за печатание из Адмиралтейской коллегии будут достаточны на ее собственной и служителей содержание». Котельникову кажется странным тот факт, что лишенная в 1764 г. корпусного содержания типография от корпуса «по сие время осталась в такой же зависимости, как будто бы от онаго получает свое содержание».

Сопоставляя организацию работы волных типографий и типографии Морского кадетского корпуса, Котельников указывал на ряд существенных преимуществ у первых:

1) волные типографии с целью экономии имеют «только необходимо нужное число наборщиков и печатников, да и тех почти никогда не содержат на постоянном жалованьи»;

2) в волных типографиях «издаются такие книги, которые весьма легко печатать и которые скоро бывают раскупаемы»;

3) волные типографии имеют возможность «добровольно избирать работу выгоднейшую и лехчайшую».

У Морской типографии, отмечал директор, этих преимуществ нет:

1) она должна содержать значительно больше служащих, так как, во-первых, состоит из нескольких палат, а во-вторых, вынуждена держать на жаловании служащих, даже если работы недостаточно, иначе лишится квалифицированных работников;

2) издания, печатаемые в морской типографии, «отнимая весьма много времени, мало приносят доходов... а продажа оным столь малая, что находится великое число таковых книг, за целое полутолетие пред сим напечатанных, которые и по сие время еще не проданы»¹⁹;

3) морская типография «должна печатать то, что приказано будет».

Перевод типографии на самообеспечение отрицательно сказался на ее состоянии: «типография, лишенная всех со стороны казны пособий, начала по мере возрастания дороговизны приходить в худшее состояние; и как умножение волных типографий лишило ее всех доходов от волнопечатаемых книг, то, будучи почти целая сорок лет в самом дурном положении, пришла напоследок в совершенный упадок».

Котельников обращал внимание Чичагова на хроническую бедность служащих типографии с того момента, когда она была снята с казенного содержания: «служители всегда получали столь малое жалованье, что без других промыслов едва бы имели дневное пропитание, а одеть себя были бы совсем не в состоянии. От сея крайняя бедности происходит, что они нимало не помышляют, чтобы сделаться искуснейшими в должности, но, отправляя с крайним нерадением, ищут средств избавиться толь бедного состояния и толко неволею должны быть удерживаемы». Вследствие этого, продолжал директор типографии, одни служители развращаются, а другие «занимаются сапожным или портным промыслом и, отвлекаясь тем от настоящей должности, не доходя до посредственного в оной знания».

В конце записки Котельников предлагал несколько средств к исправлению создавшегося финансового положения, главным из которых было «взять типографию на казенное содержание, на котором она прежде находилась». Кроме того, предлагалось изменить штатное расписание типографии, оставив «необходимо нужное число мастеровых и художников», обязать типографию бесплатно печатать все заказы Адмиралтейской коллегии, разрешить типографии принимать заказы со стороны, определить наборщикам, тиснителем, набивателям и граверам сверх жалованья размер вознаграждения за работу, принимаемую типографией со стороны²⁰.

По-видимому, получив от Чичагова одобрение своего предложения, Котельников составил примерный штат Морской типографии. В архивных материалах сохранилось три недатированных варианта штата. В первом варианте штата²¹ численность персонала предполагалась в 49 человек, а годовое содержание типографии (включая годовое жалованье служащих) оценивалось в 16100 руб.; во втором варианте штатного расписания²² при численности типографского штата в 49 человек предполагалось содержание в 15140 руб. В окончательном варианте²³ число служителей было сокращено до 48 человек, годовое содержание типографии оценивалось в 15880 руб. По сравнению с первоначальными вариантами число наборщиков сократилось с 7 до 6, число сторожей – с 6 до 5 человек, зато в штатном расписании появилась должность лекаря.

На основании представления Котельникова от 16 июля 1803 г. и разработанного им штатного расписания Чичагов представил императору

доклад «О новом устройстве Морской типографии, с приложением штата оной»²⁴, который был высочайше утвержден 1 октября²⁵. Согласно новому штатному расписанию в типографии были следующие должности: директор (с годовым жалованьем 1500 руб.); корректор со знанием иностранных языков (600 руб.); 7 наборщиков (шесть из них получали по 200 руб. в год, седьмой, на которого возлагались также обязанности фактора, – 300 руб.); 7 тиснителей (один получал 200 руб., остальные по 160); 6 набивателей (каждый получал по 140 руб. в год); словолитный и пунсонный мастер (350 руб.); 3 словолитца (по 150 руб.); гравировальный мастер (500 руб.); рисовальный мастер (450 руб.); 3 гравера (по 450 руб.); 5 тиснителей фигур (2 – по 160 руб., 2 – по 140 руб., 1 – 100 руб. в год); хранитель «материалов и печатаемых книг, который хранит и выдает оныя и всему ведет приход и расход (750 руб.); канцелярист (250 руб.); 2 переплетчика (по 150 руб.), столляр (100 руб.); унтер-офицер из отставных (80 руб.); 5 сторожей (по 60 руб.) и лекарь (200 руб.). Кроме того, выделялось 400 руб. в год на содержание нескольких типографских учеников и 600 руб. – на содержание нескольких гравировальных учеников. Наконец, «на все нужные к производству работ материалы как в типографии, так и в гравировальном департаменте, в словолитной для переплетения книг (кроме бумаги, пергамента и медных досок), также на исправление машин, инструментов, на заведение новых и делание всяких вещей и напоследок дрова и свечи, на починку дома, мостовой и на наем рабочиства» 3500 руб. в год²⁶.

Остановимся на некоторых изменениях в работе типографии после ее реорганизации. В качестве директора типографии Котельников получил значительно большие полномочия, чем его предшественник.

30 октября 1803 г. директор типографии подал Чичагову представление о приеме на вакантные места новых служащих, а также о переводе на другие должности уже работавших в типографии. На этой бумаге товарищ министра морских сил наложил резолюцию, чтобы Котельников «сделал сам распоряжение как директор над типографиею»²⁷. В своем ордере от 16 ноября 1803 г. Чичагов окончательно определил порядок приема новых служащих в типографию: «...предоставляю вам принимать желающих вступить при Морской типографии на случающиеся вакансии по аттестатам и способностям их, донеся мне только о том для сведения; при назначении ж как ныне служащим, так и вновь принимаемым жалованья полагать оное сначала не полное по штату, а прибавлять потом по мере успехов и ревности их к должности»²⁸.

23 ноября Котельников доносил, что принял на службу титулярного советника Елисея Кошкина на должность граверного мастера с полным штатным жалованьем (500 руб. в год), секретаря младших портов Егора Андре-

ева на должность гравера (300 руб.), мастера печатания фигур и эстампов Алексея Маслова на должность тиснителя фигур и карт (160 руб.), старшего унтер-офицера Осипа Симичева на должность старшего тиснителя (150 руб.), главного гребного порта лекаря Ивана Шилинга на должность лекаря со штатным окладом (200 руб.).²⁹

К концу декабря 1803 г., после многочисленных увольнений, приемов на службу и перестановок в типографии служило 37 человек, а именно: директор надворный советник Сергей Котельников (с жалованьем 1500 руб. в год), корректор коллежский секретарь Николай Жарков (600 руб.), наборщики: младшие унтер-офицеры Николай Степанов и Дмитрий Козлов (по 150 руб.), ученик Иван Иванов (120 руб.); тиснители: отставной старший унтер-офицер Осип Симичев (150 руб.), Артамон Шелагин (130 руб.), Мокей Кирилов (110 руб.), Алексей Толстоногов (120 руб.), Никита Емельянов (100 руб.); набиватели: Максим Попов (110 руб.), Софон Бояринцов, Лаврентий Иванов, Наум Нестеров (по 100 руб.). При пунсонном и словолитном деле трудились: подмастерье пунсонного и словолитного искусства Федор Анбатыревы (130 руб.), словолитцы: Николай Алексеев (110 руб.), ученик Семен Васильев (80 руб.), Антон Иванов (100 руб.); в гравировальном департаменте – гравировальный мастер титулярный советник Елисей Кошкин (500 руб.), рисовальный мастер титулярный советник и кавалер Иван Урванов (450 руб.), граверы: секретарь младших портов Егор Андреев (300 руб.), подмастерья Дмитрий Дружинин (300 руб.) и Василий Яковлев (280 руб.), тиснители фигур и карт: мастер печатанья фигур и эстампов Алексей Маслов (160 руб.), унтер-офицер Иван Елачев (120 руб.), ученик Иван Тараев (80 руб.) и Михей Гаврилов (80 руб.). Кроме того, в типографии служили хранитель материалов губернский секретарь Петр Буканов (600 руб.), канцелярист Иван Шершенков (180 руб.), переплетчики Ефим Сухой (130 руб.), Яков Нозиков (120 руб.), Илья Савельев (72 руб.), столяр командор Кондратий Савельев (80 руб.), сторожи Федор Григорьев, Степан Агапов и Иван Потапов (по 60 руб.), лекарь Иван Шилинг (200 руб.). В типографии также находились не получавшие жалованья ученики наборного и гравировального искусства Иван Чешуин, Иван Сергеев, Ефим Рябов, Карп Панделев, Иван Лаврентьев, Николай Иванов, Иван Ермолаев, Иван Петров и Петр Шигалов, на содержание которых в штатном расписании была заложена сумма в 1000 руб.³⁰

Из перечисленных служащих две важные фигуры – корректор Николай Жарков и хранитель материалов Петр Буканов служили после преобразования типографии совсем недолго. Весной 1804 г. корректором становится Павел Иванович Богданов. Он происходил из мещан, окончил Сухопутный кадетский корпус, с 1795 г. служил в Выборгском пехотном полку, с

1796 г. в 1-м Морском полку, с 1798 г. в Роченсальмском гарнизонном полку вплоть до своей отставки в октябре 1803 г. в чине штаб-капитана. Из штаб-капитанов был переименован в титулярные советники. Богданов знал русский, немецкий и французский языки, а также арифметику. На момент поступления на службу в типографию ему было 30 лет³¹.

В январе 1805 г. хранителем материалов вместо Буканова стал капитан Яков Богданович фон Розенберг. Уроженец Миттавы и дворянин по происхождению, Розенберг имел 31 год от роду и до поступления в типографию служил с 1784 по 1793 г. в лейб-гвардии Преображенском полку, затем в 1-м Морском полку и наконец с 1798 г. в Роченсальмском гарнизонном полку до своей отставки в октябре 1804 г. Новый хранитель материалов владел русским, немецким и латинским языком, был обучен арифметике и геометрии³². Судя по послужным спискам, Розенберг и Богданов вполне могли быть знакомы друг с другом еще до службы в типографии.

Реорганизация типографии положительно сказалась на доходах ее сотрудников. Сравнение оклада служащих типографии за май и декабрь 1803 г.³³ показывают, что после реорганизации они стали получать в 1,5–2 раза больше. Так, у наборщиков Николая Степанова и Дмитрия Козлова годовой оклад вырос с 90 руб. до 150 руб., у переплетчика Ефима Сухого – с 84 руб. до 130 руб., тиснители Артамон Шелагин и Мокей Кирилов до реорганизации получали по 60 руб. в год, а после реорганизации – 130 и 120 руб. соответственно. Оклад вырос и у наиболее квалифицированных служащих типографии – у корректора, мастеров и подмастерьев. Например, гравер Дмитрий Дружинин стал получать 300 руб. (получал 200 руб.), корректор Николай Жарков – 600 руб. (получал 500 руб.) и т. д. Следует при этом отметить, что практически никто из служащих не получал полного штатного оклада – его еще нужно было выслужить³⁴.

Доходы работников типографии не ограничивались окладом: раз в год им выплачивалась премия. Котельников предложил выплачивать вознаграждение служащим сразу за целый год: директор, корректор, хранитель материалов и мастера должны были получать по 15%, мастеровые и служители – по 20% от заработанных типографией денег. Однако Чичагов допустил получение денежного вознаграждения директором, корректором и хранителем материалов только при их одновременном отказе от права «на протчия выгоды и отличия, сопряженные со службой». Вследствие этого они отказались от премии³⁵. Остальные служащие получали вознаграждение только в том случае, если в течение года проявили прилежание, точность в деле и успех в искусстве.

Опираясь на опыт инструментальной мастерской, директор типографии составил положение о вознаграждении, в котором установил для

разных категорий служащих объем выработки, превысив который они имели право на премирование, «потому что всякий мастерской должен вырабатывать более той суммы, чего содержание его казне стоит, в противном же случае не заслуживает никакого награждения как неискусный в своем мастерстве или к должности нерадивый»³⁶. Так, наборщик должен был набрать в месяц не менее 8 листов, тиснитель с набивателем ежедневно печатать не менее 450 листов с двух сторон «самою чистою печатью», словолитец отливать в день не менее двух тысяч литер и т. д. В конце положения предлагалось, чтобы тем мастерским, которые не вырабатывали обязательного объема работы, не только не выплачивать вознаграждения, но и «делать соразмерный тому вычет или убавку из жалованья»³⁷. Сведений о том, что на этом основании служащим когда-либо было уменьшено жалованье, не удалось обнаружить.

При Котельникове изменились принципы ежегодной отчетности типографии перед руководством: во-первых, приходно-расходные книги представлялись теперь не канцелярии Морского кадетского корпуса, а Министерству морских сил (до апреля 1805 г. непосредственно Чичагову, а затем Государственному адмиралтейскому департаменту, которому стала подчиняться Морская типография), во-вторых, изменилось число книг; в-третьих, директор получил право записывать в книги расходы и доходы самостоятельно.

При Иване Смирнове в типографии велись четыре шнурованные книги с печатью Адмиралтейств-коллегии:

- 1) для записки в приход и расход денежной казны,
- 2) для записки в приход и расход печатаемых в типографии книг, морских карт и проч.,
- 3) для записки в приход и расход бумаги и иных материалов, используемых при печати,
- 4) для записывания «всяких находящихся при типографии, вновь поступающих и выключающих за негодностью машин, инструментов и прочих вещей».

Для записи в этих книгах директор типографии всякий раз должен был просить разрешения у корпусной канцелярии.

Поначалу новый директор типографии предложил вести при типографии не четыре, а пять приходно-расходных книг: 1) штатной денежной суммы, 2) доходов типографии, 3) заготавливаемой бумаги, пергамента и медных досок для гравирования, 4) книгам, 5) машинам, инструментам и прочим вещам – и просил у Чичагова дать ему полномочия самостоятельно записывать в этих книгах, чтобы не обременять товарища министра «частым испрашиванием повелений о записке в приход и расход как денежных сумм, так и материалов и прочих вещей»³⁸.

Чичагов в ответ на рапорт Котельникова приказал ему «постараться предварительно узнать», как ведутся приходно-расходные книги в типографии Академии наук, и уведомить его об этом. Рапортом от 17 ноября 1803 г. директор Морской типографии сообщал, что «в Академической типографии течение дел такое же, как доселе было по морской типографии, и еще большим подвержено неудобствам», а вольные типографии не могут служить примером, так как «занимаются одним только книгопечатанием, и весьма редко проводят из собственных материалов, и не имеют никаких постоянных правил в разсуждении образа, как вести приход и расход». Далее Котельников предлагал вместо пяти приходно-расходных книг оставить лишь две – «одну шнурованную книгу за печатью вашего превосходительства для записывания в приход и расход как штатной суммы, так и доходов типографии, а другую, домашнюю книгу для записывания в приход и расход материалов, книг, машин, инструментов и прочих вещей». В конце каждого года обе книги следовало сдавать для освидетельствования. Чичагов согласился с этим предложением³⁹.

Таким образом, Котельников сумел добиться ослабления контроля за деятельностью типографии. Однако последствия ослабления контроля дали о себе знать очень скоро. В ноябре 1805 г. Котельникову пришлось оправдываться за многочисленные «неполности», обнаруженные при «ревизовании» приходно-расходных книг денежных сумм типографии, введенных с 27 ноября 1803 г. по 1 января 1805 г.⁴⁰. Замечания относительно ведения приходно-расходных книг возникали регулярно – вплоть до самой смерти Котельникова. При передаче дел новому директору Густаву фон Гейзеру была проведена ревизия типографии, в ходе которой обнаружился недостаток большого числа книг и бумаги⁴¹. Одновременно были обнаружены «излишние» вещи, список которых был вполне сопоставим со списком недостающих изданий, а кроме того, незаписанными в приходно-расходных книгах пять изданий типографии⁴².

После обнаружения беспорядка в делах типографии Адмиралтейский департамент, которому с 1805 г. подчинялась типография, решил примерно наказать хранителя материалов Розенберга, определив удержать из его жалованья 1264 руб. 32 коп. за «неявившиеся у него книги». Эту сумму предполагалось удерживать у Розенберга, выдавая ему половину жалованья (он получал 750 руб. в год) до погашения долга. Таким образом, погашение долга должно было занять более трех лет. Против такого определения выступил один из членов Адмиралтейского департамента статский советник Александр Федорович Лабзин, который в своем особом мнении написал, что «наказывать одного Розенберга за открывшиеся беспорядки не будет справедливо». Он справедливо отмечал, что если недостаток книг

мог быть отнесен на счет хранителя материалов, то «излишек экземпляров разных напечатанных книг никак не возможно приписать в вину ему же, потому что в печатании книг он никакого влияния иметь не мог»⁴³. Лабзин делал вывод о том, что в открывшихся беспорядках был виновен покойный директор, но его смерть «отнимает возможность исследовать сие дела допрям», и потому предлагал освободить от ответственности Розенберга, сделав ему строжайший выговор. Возможно, под влиянием мнения Лабзина министр морских сил И. И. де Траверсе освободил Розенберга от наказания.

Реформа типографии 1803 г., проведенная С. С. Котельниковым, позволила существенно улучшить ее техническое оснащение и финансовое положение. Сотрудники типографии получили значительную прибавку к своему жалованью. Наиболее важным изменением в положении типографии стало изменение принципов финансирования ее деятельности: по настоянию директора типографии она была вновь взята на казенное содержание. Котельников верно понял главную причину бедственного положения типографии. Из-за необходимости содержать себя за счет печатания книг и карт, отсутствия свободы в выборе заказов и невозможности самостоятельно назначать цену за свою работу типография недофинансировалась на протяжении нескольких десятилетий, что привело ее к упадку.

Проведенные преобразования были бы невозможны, если бы к ним не было благожелательного отношения со стороны товарища министра морских сил П. В. Чичагова, который лично выбрал и назначил Котельникова директором типографии для проведения реформы. Покровительство Чичагова реформаторским планам Котельникова позволило провести реформу типографии быстро и результативно, но была и отрицательная сторона такого покровительства – благодаря ему контроль за деятельностью типографии был ослаблен и на злоупотребления Котельникова на протяжении ряда лет закрывались глаза. Эти факты вскрылись после смерти директора в ходе проведенной ревизии.

Примечания

¹ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 1.

² Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 973. Л. 1.

³ Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Т. 3: Карамышев – Ломоносов. Пг.: [тип. Акад. наук], 1914. С. 226; Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Императорской Академии наук, а также сочинений, изданных Академиею отдельно, со времени ее основания по 1872 г. включительно. Ч. 2. Сочинения на русском языке. СПб.: [тип. Имп. Акад. наук], 1875. С. 149. № 2566.

⁴ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 730. Л. 6–6 об.; Д. 833. Л. 159.

⁵ Там же. Ф. 384. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 3–5 об.

⁷ В октябре 1803 г. типографии пришлось перепечатывать патенты, испорченные при печатании «по причине ветхости станов» (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1039. Л. 70). По указу корпусной канцелярии от 14 апреля 1803 г. Котельников подрядился со слесарным мастером Ганбергом об изготовлении четырех станов (по 562 руб. за каждый стан), однако по прошествии полугода они, видимо, еще не были готовы (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1039. Л. 44–44 об.).

⁸ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 6–6 об.

⁹ Там же. Л. 6 об. – 7.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 9–10.

¹² Там же. Л. 12–12 об.

¹³ Был назначен на должность директора Морской типографии 27 ноября 1812 г., сразу после смерти Котельникова (РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 973. Л. 2).

¹⁴ См. об этом: *Руднев Д. В.* «Такая книга, какой еще доселе в сем роде напечатано не было» (история издания первого русско-английского словаря И. Н. Шишукова) // Библиография. 2020. № 2. С. 40–53.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 80–81 об., 83–85, 87.

¹⁶ Там же. Л. 89.

¹⁷ Там же. Л. 56–62.

¹⁸ Там же. Л. 19–24.

¹⁹ На справедливость этих слов указывает сделанный И. Т. Смирновым «Щет состоящим при типографии книгам за 1801^я год» (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 997. Л. 28–30 об.). Частично данные приведены в статье: *Руднев Д. В.* Из истории книжной торговли во второй половине XVIII века (по материалам архива типографии Морского кадетского корпуса) // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 145–147.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 23–23 об.

²¹ Там же. Л. 26–27.

²² Там же. Л. 31–32.

²³ Там же. Л. 28–29.

²⁴ Доклад почти полностью приведен в книге С. Ф. Огородникова: Огородников С. Ф. Типография Морского министерства (Исторический очерк). СПб.: тип. Мор. м-ва, 1899. С. 10–12.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 27. 1802–1803. СПб., 1830. С. 909–910. № 20958.

²⁶ К № 20958. Октября 1. Штат Морской типографии // Полное собрание законов Российской империи. Т. 44. Ч. 1. Книга штатов. Отделение второе. СПб., 1830. С. 9.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 44.

²⁸ Там же. Л. 45–45 об.

²⁹ Там же. Л. 46.

³⁰ Там же. Л. 50–51.

³¹ Там же. Ф. 384. Оп. 1. Д. 18. Л. 42–42 об.

³² Там же. Д. 19. Л. 4–4 об.

³³ Данные за май 1803 г.: РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1039. Л. 35–36 об. (приведены в работе: Руднев Д. В. Книгоиздательская деятельность кадетских корпусов в XVIII веке (на материалах типографии Морского шляхетного кадетского корпуса). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 46–47).

³⁴ В мае 1805 г. счетная экспедиция Адмиралтейской коллегии, начав проверку приходно-расходных книг типографии за 1803 и 1804 гг., потребовала от Котельникова объяснений, почему выплата жалования производилась «не против высочайше утвержденного штата» и куда расходвались невыплаченные деньги (РГАВМФ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 19. Л. 47). Ответа на второй вопрос нам, к сожалению, не удалось найти.

³⁵ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 54.

³⁶ Там же. Л. 64 об.

³⁷ Там же. Л. 65 – 66.

³⁸ Там же. Ф. 384. Оп. 1. Д. 17. Л. 42–43.

³⁹ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2659. Л. 47–48 об., Ф. 384. Оп. 1. Д. 17. Л. 41–41 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 384. Оп. 1. Д. 19. Л. 170–174.

⁴¹ Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 973. Л. 33–33 об.

⁴² Там же. Л. 34–34 об.

⁴³ Там же. Л. 46.

К. В. Петров

**Источники изучения российской цензуры в системе книжных связей
XIX – начала XX в.**

Статья посвящена рассмотрению источников и методики изучения цензуры в Российской империи XIX – начала XX в. с точки зрения коммуникационной сущности данного явления. Характеризуются группы документов, которые могут служить базой исследования цензуры в системе книжных связей дореволюционного периода.

Ключевые слова: цензура в Российской империи, книжное дело в России, цензура и коммуникация, коммуникация в книжном деле, книжные связи, история книги XIX – начала XX в., история цензуры XIX – начала XX в.

Kirill V. Petrov

**Sources for the Study of Russian Censorship in the System of Book Contacts
in the 19th and Early 20th centuries**

This article focuses on examining documentary sources and methods of researching censorship in the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries from the perspective of its communication essence. The author describes different groups of documents that may provide a framework for research on censorship in the system of book contacts during the period under review.

Keywords: censorship in the Russian Empire, book industry in Russia, censorship and communication, communication in the book industry, book contacts, history of the book in the 19th and early 20th centuries, history of book censorship in the 19th and early 20th centuries

Книжные связи развиваются в разных сферах общества уже на протяжении многих веков, поэтому базой для их исследования может служить широкий круг источников: историко-архивные документы, дневники, мемуары, книгоиздательская и книготорговая документация, сетевые ресурсы, официально-правовые документы и другие.

Одной из важных проблем изучения книжных контактов, по мнению И. Е. Баренбаума, является рассредоточение источников в рамках различных отраслей знаний¹. На их широту и универсальность указывал и М. И. Слуховский. Он включал в совокупность источников исследования книжных связей, в частности, политическую историю, историю литературы, церкви, музыки, торговли, путешествий и иных областей общественной жизни, «коль скоро они отражены в книге»². А. С. Мыльников отмечал актуальность изучения экономических взаимосвязей, поскольку значимой их составляющей всегда была книжная торговля. Источниками изучения

книжных контактов, с точки зрения А. С. Мыльникова, способны служить также дипломатические и династические связи³, в рамках которых возможен обмен изданиями на межличностном уровне коммуникации.

В качестве особого синтетического типа книжных связей в общественно-политической сфере мы определяем цензуру рукописных и печатных произведений⁴. Исходя из этого, мы рассматриваем документы цензурного ведомства Российской империи как важнейший источник исследования истории книжной коммуникации. В них содержатся сведения об истории издания, распространения и использования книг и брошюр, о книжных связях в области авторского права, взаимодействии цензоров и представителей различных отраслей книжного дела – авторов, редакторов, издателей, типографов и книготорговцев.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) собраны все сохранившиеся до наших дней официальные документы центральных цензурных учреждений и столичного цензурного комитета дореволюционного периода⁵. Материалы РГИА репрезентативно отражают закономерности цензурной политики и законодательства, они позволяют проследить взаимодействие властей с национальным книгоизданием и печатью в России, а также особенности рассмотрения отдельных книг и их тематических совокупностей.

В РГИА цензурные документы хранятся в фондах Главного управления цензуры Министерства народного просвещения (ф. № 772, документы 1828–1862 гг.), Особенной канцелярии министра народного просвещения (ф. № 773, документы 1862–1863 гг.), Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания (ф. № 774, документы 1863–1865 гг.), Центрального управления по цензурному ведомству Министерства внутренних дел (ф. № 775, 1863–1865 гг.), Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (ф. № 776, 1865–1917 гг.), Петербургского (Петроградского) комитета по делам печати Министерства внутренних дел (Санкт-Петербургского цензурного комитета Министерства народного просвещения, ф. № 777, 1804–1917 гг.), Военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (ф. № 778, 1914–1917 гг.), Центрального комитета цензуры иностранной (ф. № 779, 1811–1917 гг.).

По хронологическому признаку и месту издания рассматриваемых книг можно выделить несколько видов *делопроизводственных документов цензурного ведомства* Российской империи, которые представляют ценность для исследования книжных связей дореволюционного периода, как внутригосударственных, так и межгосударственных, межнациональных:

1. *Дела о рассмотрении книг XIX – начала XX в., издававшихся в России на русском и иностранных языках.* Это один из наиболее распространенных видов документов, в которых сосредоточены тексты журналов заседаний, отчётов, отзывов, рапортов и резолюций чиновников цензурных комитетов о разрешении и запрещении книг. Они хранятся в архивных фондах Главного управления цензуры Министерства народного просвещения, Особенной канцелярии министра народного просвещения, Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, Центрального управления по цензурному ведомству Министерства внутренних дел, Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел, Петербургского (Петроградского) комитета по делам печати Министерства внутренних дел (Санкт-Петербургского цензурного комитета Министерства народного просвещения), Военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати.

2. *Дела о рассмотрении зарубежных книг XIX – начала XX в. на русском и иностранных языках.* Документы данного типа содержат сведения о коммуникации субъектов цензуры и импортеров книжной продукции, о просмотре, разрешении и запрещении книг, издававшихся за рубежом и поступавших на территорию Российской империи. Они отражены в документации Главного управления цензуры Министерства народного просвещения, Особенной канцелярии министра народного просвещения, Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, Центрального управления по цензурному ведомству Министерства внутренних дел, Главного управления по делам печати и Петербургского (Петроградского) комитета по делам печати Министерства внутренних дел, Центрального комитета цензуры иностранной.

3. *Дела о цензурных репрессиях, судебном преследовании авторов и издателей, наложении ареста на книги и уничтожении изданий 1865–1917 гг.* представлены в архивных фондах Главного управления по делам печати и Петербургского (Петроградского) комитета по делам печати Министерства внутренних дел.

Система коммуникации субъектов цензуры сочетала в себе элементы как *содержательно-текстовых* (коллективные процессы рассмотрения текстов книг с участием различных комитетов цензуры и иных ведомств, регламентация порядка рассмотрения), так и *формально-структурных* книжных связей (взаимодействие субъектов цензуры, объектом которого являлась материальная конструкция книг: изъятие, арест, уничтожение книжных тиражей, регулирование объемов книгоиздания и книгораспространения, импорта книжной продукции)⁶.

Основным источником изучения содержательно-текстовых книжных связей в коммуникационной системе цензуры являются документы первых

двух групп, обозначенных выше – *дела о рассмотрении текстов* рукописей и печатных изданий XIX – начала XX в. Эти документы дают наиболее исчерпывающее представление о содержании текстов книг, проходивших цензуру, о восприятии и оценке их допустимости со стороны цензоров.

Формально-структурные книжные связи субъектов цензуры Российской империи приобрели высшую форму институциональной организации в 60–70-х гг. XIX в. Начиная с этого времени строго регламентировались арест, уничтожение книжных экземпляров с участием цензурных, судебных органов и комитета министров. В период с 1860-х гг. по начало XX в. имели место многочисленные случаи уголовного преследования авторов, переводчиков, издателей и распространителей, уничтожения оригинальных и переводных публикаций сочинений российских и зарубежных ученых-естествоиспытателей, философов-материалистов, общественных и политических деятелей социалистического и анархистского толка. Детальную картину этих процессов наглядно иллюстрируют документы третьей выделенной нами группы источников – *дела о цензурных репрессиях 1865–1917 гг.* Данная разновидность документов представляет собой основной источник исследования *деструктивного* взаимодействия цензуры и субъектов книжного дела.

Цензура, обладая свойством всеохватности, регулировала все без исключения тематические совокупности рукописей и печатных публикаций, тексты произведений всех видов литературы и изданий: публицистические, художественные, научные и научно-популярные, учебные, справочные, религиозные и так далее. Поскольку *объект* цензуры отличался гетерогенностью, контролю подвергались связи в области издания, распространения и использования *книг разнообразного содержания*. Группировка документов по содержанию книг в архивных описях РГИА отсутствует. Однако дела о рассмотрении близких по тематике и видовой принадлежности текстов встречаются во всех цензурных фондах архива.

Цензурная коммуникация осуществлялась на различных уровнях и, соответственно, имела значительные *масштабы распространения: внутригосударственный, межгосударственный и межнациональный.*

История книжных связей *внутригосударственного* масштаба с участием цензуры (взаимодействие цензуры и национального книжного дела, а также внутриведомственные и межведомственные связи цензуры в пределах государства) отражена в документах *о рассмотрении рукописей и книг XIX – начала XX в., издававшихся в России на русском и иностранных языках*, а также в текстах *дел о цензурных репрессиях, судебном преследовании авторов и издателей, наложении ареста на книги и уничтожении изданий 1865–1917 гг.*

Сведения о книжной коммуникации цензурного ведомства и иностранных субъектов книжного дела (непосредственное взаимодействие или опосредованное российскими субъектами книжного дела), а также о *межгосударственном* взаимодействии российских и зарубежных ведомств по поводу книг содержатся в *документах о рассмотрении зарубежных изданий XIX – начала XX в. на русском и иностранных языках*. Значительная часть документов, включающих в себя информацию о фактах цензурного регулирования *импорта* книг и его правовом упорядочении, сосредоточена в фонде Центрального комитета цензуры иностранной. Например, в одном из архивных дел речь идет о ходатайстве в 1868 г. старшего советника прусского министерства финансов Г. Гельвига от имени своего правительства перед министерством внутренних дел России об облегчении условий ввоза книг и других произведений печати через границу⁷.

Как и объекту цензурного рассмотрения, *субъектам* книжного дела, которые вместе с тем являлись и участниками коммуникации с цензурой, была свойственна неоднородность: к ним относились *авторы и переводчики книг, редакторы, издатели, типографы, книгопродавцы* и другие. Цензурное ведомство взаимодействовало с *различными отраслями книжного дела*. Следовательно, при изучении истории книжных связей, помимо вышеперечисленных групп документов, могут использоваться такие материалы цензурных учреждений, как дела о рассмотрении ходатайств и жалоб авторов, издателей и книготорговцев, о надзоре за книжными лавками, библиотеками и читальнями, типографиями и литографиями.

В текстах документов, фиксировавших жалобы и ходатайства авторов, издателей и книготорговцев, нередко обнаруживается материал для исследования книжных связей *конструктивного* характера в *области защиты авторской и издательской собственности*. В редакции российского цензурного устава 1828 г. подробно и четко формулировались законодательные нормы охраны авторских и издательских прав. Делопроизводственные материалы свидетельствуют о том, что ведомство цензуры выполняло просьбы обладателей прав собственности о пресечении попыток копирования принадлежавших им изданий. Однако необходимо подчеркнуть, что зафиксированное в российском цензурном законодательстве исключительное право на литературную собственность распространялось только на отечественных подданных. Зарубежные же авторы и издатели не обладали такими правами на территории России вследствие отсутствия специальных законодательных правил⁸. Об этом свидетельствует, в частности, документы Главного управления цензуры, которое в 1829 г. отклонило ходатайство наследника Ф. Шиллера об исключительном праве распро-

странения сочинений немецкого поэта и драматурга в России в течение 25 лет после его смерти⁹.

В документах комитетов цензуры можно найти и фактическую информацию о *межгосударственных* связях в сфере охраны авторских и издательских прав. В связи с этим вновь обратимся к примерам из истории русско-немецких книжных связей. Так, в материалах Главного управления по делам печати 1869 г. имеются сведения о проекте литературной конвенции между Северогерманским союзом и Российской империей, составленном прусскими чиновниками по образцу аналогичного соглашения с Бельгией об «ограждении прав литературной собственности»¹⁰. Там же (в материалах фонда 776) подробно описывается история разработки в 1911–1913 гг. конвенции России и Германии о защите прав на литературные, художественные и фотографические произведения¹¹.

Таким образом, значимым источником изучения регулирования книжных связей цензурой являются документы общего характера, посвященные цензурной политике государства, в том числе *юридические документы* Российской империи, опубликованные в *«Полном собрании законов Российской империи»* (ПСЗ) и других официальных и неофициальных изданиях законодательных актов: *«Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате»*, *«Сборник указов и постановлений Временного правительства»*, *«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»*, *«Уголовное уложение»*.

Цензурное законодательство дает четкое представление о регламентации *вертикальных* книжных связей цензуры и гражданского общества, *горизонтальных* связей внутри цензурного ведомства и *внешних* связей цензуры с другими ведомствами по поводу рассмотрения текстов книг, контроля за книгоизданием и книгораспространением.

Охарактеризованные группы документов составляют, по нашему мнению, основную часть источниковой базы исследования книжных связей в России XIX – начала XX в. Архивные источники позволяют воссоздать целостную картину истории цензуры как коммуникационного явления, установить закономерности издания, распространения и цензурного рассмотрения текстов отдельных тематических групп литературы, бытовавшей в Российской империи. На примерах истории цензуры можно продемонстрировать многообразие типов книжных связей в условиях государственного надзора.

Примечания

¹ Баренбаум И. Е. Книжные связи как фактор международного и межнационального культурного общения (Историография. Источники. Проблематика) / И. Е. Баренбаум // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1994. Сб. 69. С. 25–26.

² Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России: старорусская книга в международных культурных связях / М. И. Слуховский. М.: Просвещение, 1964. С. 106.

³ Мыльников А. С. Международные культурные связи и некоторые вопросы книговедческой эвристики / А. С. Мыльников // Книга. Исследования и материалы. М., 1987. Сб. 54. С. 128.

⁴ См. подробнее: Петров К. В., Эльяшевич Д. А. Цензура как коммуникационное явление и тип взаимодействия в книжном деле России XIX – начала XX в. / К. В. Петров, Д. А. Эльяшевич // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2016. № 4. С. 122–128.

⁵ Среди документов исторических архивов могут быть как неопубликованные, так и опубликованные. Существуют сборники материалов и библиографические указатели архивных документов. Одним из известных указателей источников исследования цензуры в дореволюционной России является издание Л. М. Добровольского, снабжённое аннотированными описаниями. См.: Добровольский, Л. М. Запрещенная книга в России. 1825–1904. Архивно-библиографические разыскания / Л. М. Добровольский. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. 254 с.

⁶ Об авторской типологии и понятии книжных связей см. подробнее: Петров К. В. Теоретические аспекты исследования книжных связей / К. В. Петров // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4 (25). С. 91–95; Он же. Цензура в системе русско-немецких книжных связей XIX – начала XX в.: автореф. дис. канд. филол. наук : 05.25.03 / К. В. Петров; С.-Петерб. гос. ин-т культуры. СПб., 2017. С. 14–16.

⁷ РГИА. Ф. 779. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 10–11 об.

⁸ См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. 3. 1828 г. № 1979. С. 475; там же. № 1980. С. 478–480.

⁹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 98. Лл. 4–4 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Ед. хр. 236. Л. 1.

¹¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. 1908 г. Ед. хр. 21. Лл. 155–217.

Д. А. Бадалян, Г. А. Фафурин

**Министр народного просвещения С. С. Уваров
и закрытие газеты «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland»**

Исследованы обстоятельства и причины закрытия газеты «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», издававшейся в Риге в 1827–1838 гг. Выход газеты был прекращен в ходе соперничества С. С. Уварова с придворной «немецкой партией», т. к. она отстаивала интересы остзейских дворян и выступила против мер министра по введению преподавания русского языка в Дерптском учебном округе.

Ключевые слова: С. С. Уваров, Г. Г. Меркель, история журналистики, история цензуры, газета «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», «немецкая партия», Остзейские губернии

Dmitrii A. Badalian, Gennadii A. Fafurin

**Minister of National Education Education S. S. Uvarov and ban
of the newspaper «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland»**

The circumstances and reasons for the closure of the newspaper «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», published in Riga in 1827–1838, were investigated. The publication of the newspaper was stopped during the rivalry of S. S. Uvarov with the court «German party». The newspaper defended the interests of the Ostseian nobles and opposed the Minister's measures to introduce the teaching of the Russian language in the Derpt school district.

Keywords: S. S. Uvarov, G. G. Merkel, history of journalism, history of censorship, the newspaper «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», «German Party», Baltic provinces

Еженедельная газета «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» («Провинциальный листок для Кур-, Лиф- и Эстляндии») издавалась в 1827–1838 гг. в Риге на немецком языке латышским просветителем, литератором, философом Гарлибом Гельвигом Меркелем (1769–1850). Его деятельность, в том числе как публициста и издателя ряда газет, относительно хорошо изучена¹, однако история закрытия этой последней газеты Меркеля редко привлекала внимание исследователей. Впервые на нее обратил внимание В. В. Стасов, почти целиком опубликовавший всеподданнейший доклад С. С. Уварова от 12 декабря 1838 г., в результате которого Николай I запретил издание газеты с начала 1839 г.² Заметный вклад в изучение журналистской деятельности Меркеля внес С. Г. Исаков, представивший, в частности, историю закрытия «Provinzialblatt»³.

Тем не менее, обращение к архивным документам, введенным в научный оборот Исаковым, позволяет рассмотреть деятельность издателя «Provinzialblatt» и выступившего против него Уварова в новом контексте.

Речь идет о скрытой борьбе с «немецкой партией», которую министр вел в 1830–1840-е гг. в журналистике⁴. Вне ее непонятны причины закрытия газеты Меркеля, притом, что за 16 лет, которые Уваров возглавлял Министерство народного просвещения, это лишь второй (и последний) случай, когда он стал инициатором запрещения периодического издания.

В эпоху нациостроительства, т. е. формирования в обществе представлений о нации, национальной культуре, национальных интересах и всего того, что позднее назовут национальным сознанием, придворная «немецкая партия» продолжала мыслить категориями европейского космополитизма. Представления о родине и нации для остзейцев (и большинства приезжих иностранцев) заменяла идея подданства: они служили не стране, а императору, так же как их предки – своему сюзерену. Платой за службу они считали особые привилегии, дарованные немецким баронам в Прибалтийском крае, и особое положение остзейцев при дворе, в правительстве и сфере управления.

«Немецкая партия» и отстаивавшее ее интересы III Отделение видели угрозу своему влиянию в выдвинутой Уваровым программе национально ориентированного образования и его лозунге «Православие. Самодержавие. Народность». В результате возникло скрытое соперничество ведомств Бенкендорфа и Уварова, отражавшееся в журналистике: каждое из них имело подконтрольные периодические издания и стремилось ограничить деятельность изданий противной стороны.

История, предшествовавшая закрытию газеты «Provinzialblatt», получила развитие 28 апреля 1838 г., когда эта газета напечатала сообщение из Ревеля от 19 апреля: «Единственный в нашем городе католический священник отлучил одного купца, из прихожан своих, от Церкви за то, что он без его согласия и благословения женился на протестантке. Известие это несомненно»⁵.

Возможно, Уваров никогда бы не узнал об этой мелкой публикации, но 6 мая ее перепечатала газета «St.-Petersburgische Zeitung»⁶. И министр, вероятно, увидел в этом не только направленный против католиков клеветнический выпад немцев-остзейцев, но и солидаризирующихся с ними петербургских немцев. Особую щекотливость ситуации придавало то, что «St.-Petersburgische Zeitung» являлось изданием Императорской Академии наук, где традиционно была сильна «немецкая партия», а президентом Академии уже 20 лет служил сам Уваров. Эта публикация демонстрировала, что и в собственном ведомстве он далеко не всесилен. Более того, редактором «St. Petersburgische Zeitung» являлся Ф. Лоренц⁷, занявший эту должность при Уварове. Раздувать скандал с непосредственно ему подведомственной газетой было не в интересах президента Академии наук. Что же оставалось делать?

11 мая Уваров подписал отношение к вице-президенту Академии наук князю М. А. Дондукову-Корсакову (который также являлся председателем Санкт-Петербургского цензурного комитета и членом Главного управления цензуры), предложив «сделать редактору немецких „СПetersбургских ведомостей“ строгое замечание за неуместное перепечатание помянутой статьи и подтвердить ему о наблюдении на будущее время большей осмотристельности»⁸. При этом Уваров выступал именно как министр: отношение было оформлено на бланке Главного управления цензуры Министерства народного просвещения. После этого все его внимание в данном деле оказалось сосредоточено на «Provinzialblatt», а «St.-Petersburgische Zeitung» была отведена роль изредка упоминаемого статиста. Однако с начала декабря 1838 г. редактор петербургской газеты оказался смнен, тихо, без привлечения особого внимания.

В тот же день, 11 мая, Уваров подписал отношение к Рижскому военному Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту барону М. И. Палену (в ведении которого находилась цензура периодических изданий в Прибалтийском крае). Указав на сообщение в 17-м номере «Provinzialblatt», министр просил «принять надлежащие меры к предупреждению на будущее время подобной неосмотристельности со стороны цензоров»⁹.

На следующий день, 12 мая, Уваров подписал отношение к министру внутренних дел Д. Н. Блудову с просьбой: если окажется, что сообщение в «Provinzialblatt» «не имеет справедливого основания», представить проект статьи с опровержением «в здешних ведомостях»¹⁰. Лишь в июле Блудов направил Уварову копию донесения Эстляндского гражданского губернатора П. Ф. фон Бенкендорфа, в котором было сказано, что известие в «Provinzialblatt» «совершенно не основательно и совершенно вымышлено». Губернатор доложил, что в Ревеле при католической церкви состоят не один, а два католических священника; местный купец Пишё, действительно, на третий день Пасхи венчался с лютеранкой, дочерью типографщика Гресселя, но католическое духовенство не препятствовало тому: «он никогда не был отлучен от церкви, напротив того еще на страстной неделе приобщался Святых тайн, и после того каждое воскресение беспрепятственно ходил в церкву». В заключение П. Ф. Бенкендорф уведомлял: он запросил редактора газеты об имени автора сообщения и ожидает ответа, чтобы тот «мог быть подвергнут законной ответственности»¹¹.

Отметим: губернатор не предлагал наказать автора и не собирался это сделать самостоятельно, а лишь принял меры, чтобы тот «мог быть» подвергнут ответственности, если это потребует начальство. Газетное сообщение, о котором идет речь, не имело характера оригинального авторского

произведения. Оно представляло собой несколько строк в общей сводке новостей, вероятно, составленной самим издателем. Уварова же интересовал не его автор, а все издание в целом. Потому и вопрос об авторе в переписке более не поднимался.

2 июля Блудов направил Уварову проект опровержения для «St.-Petersburgische Zeitung»¹², и спустя неделю оно увидело свет¹³. В тот же день, 9 июля, министр народного просвещения, обратившись к Палену по поводу сообщения в «Provinzialblatt», предложил: «сделать цензору строгий выговор, а издателю газеты поставить на вид, что он лишится права на издание оной, если будет помещать подобные статьи»¹⁴. Отвечая министру о принятых им мерах, Пален назвал имя чиновника, занимавшегося цензурой «Provinzialblatt». Им являлся отдельный цензор в Риге, губернский директор училищ К. Э. Напиерский¹⁵.

Спустя некоторое время, Уваров бывал в Дерптском учебном округе¹⁶. В ходе поездки он встретился с Напиерским и имел с ним серьезный разговор. Об этом упомянул сам цензор в письме к Уварову 6 октября 1838 г. Именно с этого документа начался новый этап в истории столкновения министра с «Provinzialblatt».

Приведем значительный фрагмент письма Напиерского к Уварову по поводу газеты Меркеля: «...считаю себя обязанным объявить перед Вашим высокопревосходительством то же, что уже несколько раз объявлял здешнему начальству, в ведении которого находится цензура повременных изданий, т. е. что полезно было бы прекратить издание этих листов по причине вредного духа, в каком оно издается. Ибо 1) Редакция этой газеты действует очень легкомысленно, и принимает известия всякого рода, часто совершенно неосновательные или даже выдуманные с дурным намерением. – Цензору никак нельзя знать истинный вид всех обстоятельств и происшествий, и понятие о том, что годно к обнародованию так обширно или так ограничено, как кому угодно, и для определения одного нет никакого точного наставления. 2) В редакции заметны различные мнения, которые не совместны с законным порядком, напр[имер], о публичности, которую хотят давать всему, и которую простирают до того, что желают сделать публику судьей над поступками частных лиц, и даже начальственных особ и правительственных мест. 3) Понятия публики часто вводятся в заблуждение тем, что вещи выставляются не с настоящей точки зрения, а переиначиваются так как хочется редакции, я не говорю уже о гнусных нападках, о перетолкованиях, насмешках, представлении в забавном виде самых лучших намерений, которые эта газета очень часто себе позволяет, и чем она возбуждает только спор и ожесточение. 4) Наконец, издание это не имеет никакого твердого плана, потому что начатое покойным генерал-супе-

ринтендентом Зонтагом, под названием „Ostsee-Provinzen-Blatt“¹⁷, прежде издания Устава о цензуре 22 апреля 1828 г., потом перешло к нынешнему издателю, и переименовало свое название без предоставления когда-нибудь программы. Оттого цензор находится всегда в сомнении, где надлежит искать пределов этой газеты, между тем как издатель старается включить в состав ее все что только можно. Так как я цензую эти листки в продолжении восьми лет, то знаю лучше всех многочисленные замешательства, которые порождает эта газета и неприличности, которые она старалась привести в действие, хотя я и воспрепятствовал тому зачеркнув оные»¹⁸.

Понимая бесперспективность открытой борьбы с «немецкой партией» Уваров действовал против нее негласно, под прикрытием иных, оправданных в глазах верховной власти, целей. В этих обстоятельствах важное значение имела позиция Напиерского. Из слов последнего можно предположить: Уваров при разговоре с ним дал понять, что намерен прекратить издание «Provinzialblatt» и ожидает в этом помощи цензора. Тот, вероятно, быстро осознал: в деле обвинения прибалтийской газеты ему предстоит выбор – стать союзником министра или издателя газеты и тогда разделить с тем наказание¹⁹. В случае поддержки министра Напиерский мог рассчитывать на его покровительство. И действительно, спустя 5 лет он получил звание члена-корреспондента, что можно считать платой за эту и, вероятно, другие услуги, оказанные им президенту Академии наук.

Однако мотивы, на которые мог бы сослаться цензор, министр не разъяснил, и ему пришлось импровизировать, подгоняя причины под следствие. Поэтому зачастую неопределенно и невнятно выглядят его пункты с обоснованиями предельно конкретно сформулированной цели – закрытия издания. С точки зрения закона, пожалуй, только обстоятельства, изложенные Напиерским во 2-м пункте (о посягательствах «публики», т. е. общественного мнения на власть «начальственных особ и правительственных мест»), предполагали принятия исключительных мер. Но сам автор письма, похоже, не осознавал это: он не акцентировал внимание на содержании данного пункта, а смешал его с менее существенными упреками и обвинениями.

Вопрос о прекращении издания не мог быть решен без санкции императора. Чтобы поданный ему доклад имел вид документа, представляющего объективную картину, необходима была поддержка еще двух инстанций: попечителя Дерптского учебного округа Е. Б. Крафстрема, руководившего цензурой в Прибалтийских губерниях, и Главного управления цензуры.

Хотя последнее ведомство возглавлял сам Уваров, он продвигал этот вопрос осторожно, с соблюдением необходимых формальностей. После заседания Главного управления, состоявшегося 24 октября, министр, опи-

раясь на его решение, запросил у попечителя Дерптского учебного округа справку «о духе и направлении» газеты «Provinzialblatt», а также «подробнейшее указание неосновательных статей», замеченных в ней цензором. И чтобы попечитель понял, какого рода ответ от него ожидают, Уваров в письме к нему от 28 октября указал на «дурное направление» издания, которое «недавно возбудило неудовольствие правительства неблагонамеренным распространением ложного известия»²⁰.

В ответе, полученном спустя только месяц, попечитель представил подготовленные Напиерским «подробное указание и выписку за прошлые годы статей, возбудивших негодование правительства и публики»²¹, а также корректурные листы последних номеров, на которых были отмечены статьи, непропущенные цензурой²². И хотя в самом представлении Крафстром заявил, что в полной мере разделяет мнение цензора, завершая его, он выразил свое отношение не столь категорично, как Напиерский: «„Provinzialblatt“ следует изданием ограничить или вовсе прекратить»²³. Вероятно, попечитель не сразу решился вынести и это половинчатое суждение, но, в конце концов, обязанный своею должностью Уварову, он уступил ему.

Представления попечителя Дерптского учебного округа и присланных им материалов оказалось достаточно, чтобы, опираясь на них, Главное управление цензуры в своем заседании 29 ноября вынесло заключение о судьбе «Provinzialblatt»: «Беспрерывное стремление издателя к цели явно несовместной с несуществующим порядком, откровенное признание цензора, что невзирая на все старания и меры предусмотрительности с его стороны, издатель успевает помещать в свои листки статьи, злоумышленность коих незаметная, когда они рассматриваются каждая в отдельности, обнаруживается только при их сближении, опасения цензора уловками издателя быть увлеченным в неосмотрительность более важную и вредную; наконец упорство в дурных намерениях издателя, который несмотря на все замечания и подтверждения несколько не переменует образа действий своих – все это убедило Главное управление цензуры, что не остается никакого другого средства к обузданию злонамеренности, как прекращение газеты „Provinzialblatt“ с наступающего 1839 года»²⁴.

Хотя дело было представлено таким образом, что за газетой Меркеля вскрывались новые и новые нарушения закона, цензор, всякий раз дававший разрешение на ее выход в свет, никаким новым наказаниям (помимо строгого выговора, вынесенного ему еще в июле) подвергнут не был. Наоборот, Уваров теперь стремился оправдать Напиерского. В заключении Главного управления цензуры отмечалось, что, хотя «цензор не может быть совершенно освобожден от обвинения в недостатке осмотрительно-

сти; однако справедливость требует принять в его извинение, что ему не могут быть известны все действия правительства и частные случаи, и что оттого искажение оных или злонамеренные намеки на них под видом событий давнопрошедшего времени легко могут укрыться от его внимания. Известие из Ревеля было даже запрещено цензором и напечатано по разрешению местного начальства»²⁵.

Поддерживая Напиерского, Уваров позволил себе резкий выпад в адрес прибалтийского генерал-губернатора: «...затруднения цензуры увеличиваются тем еще, что главное местное начальство, ведению которого по §22 Устава подлежит цензура периодических изданий в Остзейских губерниях, не только не приняло в уважение представлений цензора, неоднократно деланных оному о необходимости прекратить издание „Provinzialblatt“ по причине вредного духа, в каком оно издается, но даже в начале нынешнего года без всякого сношения с высшим цензурным ведомством, позволило издателю расширить круг своего действия прибавлением особых листов под названием „Supplement zum Provinzialblatt“ вопреки последовавшему в 1832 году высочайшему повелению о недозволении новых периодических изданий без разрешения Его Величества»²⁶.

Спустя две недели, 12 декабря, Уваров представил Николаю I докладную записку, составленную на основе аргументов, заимствованных из письма Напиерского и заключений Главного управления цензуры. При этом министр указал лишь два более или менее конкретных примера вопиющего нарушения закона: «...издатель старается особенно посеять несогласия между религиозными партиями в Остзейских губерниях и вооружать университетское юношество против мер, которые принимаются к водворению между оным благочиния»²⁷.

Заявив императору, что «к обузданию злонамеренности, не остается никакого другого средства, как прекращение газеты», Уваров, заканчивая записку, добавил: «...в Риге кроме газеты „Provinzialblatt“ издается еще 10 других периодических изданий»²⁸. В тот же день Николай I утвердил заключение Главного управления²⁹, а днем позже известие о том было направлено прибалтийскому губернатору Палену и попечителю Дерптского учебного округа. Министр не стал объяснять им мотивов принятого решения, а лишь сослался на волю императора³⁰.

Что же послужило подлинной причиной закрытия «Provinzialblatt»? Из названных Уваровым примеров нарушения этой газетой законов первый связан с выдуманной историей об отлучении от Церкви. Однако нападки немцев-лютеран на католическое меньшинство для министра были скорее удобным поводом, а не причиной. На настоящую же причину намекал сам Меркель, отметив в мемуарах, что, когда зимой 1837/1838 гг. Уваров, при-

езжал в Ригу, он «из-за своего удивившего всех распоряжения снискал всеобщее презрение»³¹. Ненависть остзейцев к министру вызвали его меры по организации преподавания русского языка в учреждениях Дерптского учебного округа³². Так, на рубеже 1836–1837 гг. было объявлено, что через 3 года без знания русского языка нельзя будет стать учителем в гимназии или училище округа, а через 5 лет – студентом Дерптского университета. Стремление Уварова включить учебные заведения округа в систему образования империи были восприняты остзейцами как шаг к ликвидации существовавшего в их крае положения «государства в государстве». Вскоре против министра была развернута кампания жалоб и обращений местных дворян³³.

«Provinzialblat» поддержала противников введения русского языка в Дерптском учебном округе. Газета нередко рассуждала об образовании в Прибалтике так, словно, речь шла о германской окраине. Например, пастор Рихтер из Доблена наставлял: «...необходимо, чтобы в школах страны, где преподается немецкий язык, ученикам постоянно говорили: знание этого языка никак не изменит их». И в то же время о латышском крестьянстве пастор утверждал: «Чужеземцы изо всех сил пытаются направить его разум. Немецкое или русское племя объединит латвийское племя; немецкий или русский дух поглотит латышский дух. Латыш погибнет (пусть и через века); он превратится в русского или немца»³⁴. Очевидно, что «чужеземцами» автор называл титульную нацию империи.

Подобные публикации не могли не возмутить министра, но обращаясь к императору, он должен был скрывать подлинные причины возмущения, чтобы столкновение с прибалтийской газетой не воспринималось монархом как вызванное «партийными» или личными мотивами.

Раздражение Уварова должно было усиливаться тем, что из еженедельника Меркеля черпали информацию другие прибалтийские и русские газеты. Из последних, главным образом, враждебные министру – «Северная пчела» и «Сын Отечества», издававшиеся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем³⁵. Добавим, что Меркель, читавший прессу на нескольких европейских языках, так и не удосужился выучить русский. Его представления о русской культуре ненамного превышали уровень знания ее остзейским и германским дворянством. Так, Меркель явно недооценивал творчество В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, на гибель которого «Provinzialblat» никак не отреагировала; в ней не появилось ни одной строчки, посвященной Н. В. Гоголю³⁶. При этом Исаков отметил: «Неизменно положительно, если не сказать восторженно, отзывался Г. Меркель о Н. И. Грече»³⁷. Наравне с ним Меркель считал крупнейшим русским писателем Булгарина, называя его «апостолом русской изящной словесности в Европе»³⁸.

Итак, обратившись к газете «Provinzialblatt» Уваров увидел в ней не тот образ Меркеля, который на протяжении XX в. создавала отечественная историографии, т. е. «прибалтийского Вольтера», просветителя, вождя «прибалтийской демократии», борца за интересы латышских крестьян и яркого публициста эпохи борьбы с Наполеоном, а того, кем он стал в 1820–1830-е гг.: энергичного защитника сословных и узконациональных интересов немецкого меньшинства в Остзейском крае.

Примечания

¹ Библиографию, посвященную различным аспектам деятельности Меркеля см.: Орлов А. А. Меркель // Новая иллюстрированная электронная энциклопедия немцев в России. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5735> (дата обращения 02.11.2020), а также в указанных ниже работах С. Г. Исакова.

² [Стасов В. В.]. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. 113. № 3. С. 584–585.

³ Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века (обзор) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение. Тарту, 1966. С. 196–199; Он же. Русская культура и литература на страницах некоторых немецких прибалтийских периодических изданий 1810–1830-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 392–430.

⁴ На роль «немецкой партии» в литературной борьбе впервые указал О. А. Проскурин (Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 317–360). Описание феномена этой «партии», ее участия в журнальной борьбе 1830–1840-х гг., а также связанную с ней историографию см.: Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение: скрытая механика покровительства и наказания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 2. С. 128–157. URL: <https://philosophy.hse.ru/issue/view/805> (дата обращения 02.11.2020); Бадалян Д. А. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218.

⁵ Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. 1838. 28 April. № 17. S. 67.

⁶ St.-Petersburgische Zeitung. 1838. 6/18 Mai. № 99. S. 440.

⁷ Фридрих Лоренц (1803–1861) – историк, прусский подданный, работал в России в 1832–1857 гг.: профессор всеобщей истории Главного педагогического института, с 1840 г. член-корреспондент Академии наук; в 1832 г. женился на уроженке Лифляндии Ю. Мазон. Подробнее см.: Фафурин Г. А. Профессорский десант из Германии в Петербург // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12. СПб., 2019. С. 132–147.

⁸ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1096. Л. 3–3 об.

⁹ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁰ Там же. Л. 4–4 об.

¹¹ Там же. Л. 9–9 об.

¹² Там же. Л. 7–7 об.

¹³ St.-Petersburgische Zeitung. 1838. 9/21 Juli. № 152. S. 678.

¹⁴ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1096. Л. 12 об.

¹⁵ Там же. Л. 13. Карл Эдуард Напиерский (1793–1864) – историк, выпускник богословского факультета Дерптского университета. О нем см.: Цензоры Российской империи: конец XVIII – начало XX века. Биобиблиограф. спр. / Редкол.: В. Р. Фирсов и др. СПб., 2013. С. 264; А. П. Напиерский, Карл-Эдуард Яковлевич // Русский биографический словарь. Т. 11. СПб., 1914. С. 55–57.

¹⁶ С 12 августа по 19 сентября 1838 г. Уваров находился в поездке для осмотра различных учебных заведений (Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высш. и центр. учреждений, 1802–1917: Биобиблиогр. справ. СПб., 2002. С. 763).

¹⁷ Карл Готлоб Зонтаг (1765–1827) – генерал-суперинтендент и президент Лифляндской евангелической консистории, литератор и общественный деятель, создал и в 1823–1827 гг. издавал еженедельник «Ostsee-Provinzen-Blatt». После смерти Зонтага издателем еженедельника стал Меркель, который преобразовал его в «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland».

¹⁸ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1126. Л. 3–4 об.

¹⁹ Согласно Уставу о печати, цензор в полной мере отвечал за пропущенные им неблагонамеренные суждения. Так, при запрещении журнала «Телескоп» за помещенное в нем «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева (скандал вокруг которого раздуло III Отделение), А. В. Болдырев, разрешивший публикацию письма, был не только уволен с поста цензора, но и с должностей ректора и профессора Московского университета (позднее, в 1838 г., Николай I позволил назначить ему пенсию как вышедшему в отставку по выслуге лет).

²⁰ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1126. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 7. Копию «выписки» Напиерского см.: Л. 9–12 об. Такую же «выписку» статей с «неблагонамеренными» суждениями из журнала «Московский телеграф» Уваров, добиваясь его закрытия, представил в 1834 г. императору.

²² Там же. Л. 13–17 об.

²³ Там же. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 20–20 об.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 19 об. – 20.

²⁷ Там же. Л. 24 об. – 25.

²⁸ Там же. Л. 26 об.

²⁹ Там же. Л. 23.

³⁰ Там же. Л. 27, 28.

³¹ Merkel G. Die Geschichte meiner liefländischen Zeitschriften // Baltische Monatsschrift / Hrsg. A. von Tideboehl. Riga, 1898. Bd. XLV. H. 4. S. 302.

³² См. Шевченко М. М. Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С. С. Уварова // Величие и язвы Российской Империи: международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова / сост. В. Б. Каширин. М., 2012. С. 127–134.

³³ См. Дело о принятии мер к усилению изучения русского языка в учебных заведениях Дерптского округа: РГИА. Ф. 733. Оп. 57. Д. 78.

³⁴ Richter. Ueber Schulbildung der Letten // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. 1837. № 5. 4 Februar. S. 18–19.

³⁵ Исакова С. Г. Русская культура и литература... С. 392.

³⁶ Там же. С. 405, 416–417.

³⁷ Там же. С. 417, 421.

³⁸ Там же. С. 418; см.: С. 405–406, 414, 418–421.

Н. Г. Патрушева

«Идейные» издатели и научная книга в России в 60–70-х гг. XIX в.

Хотя деятельность демократических издателей второй половины XIX в. с достаточной полнотой освещена в работах отечественных исследователей, совокупное рассмотрение пропаганды научной книги, которая велась «идейными» издателями и была одной из легальных форм борьбы, являясь трибуной для пропаганды научных знаний и материалистического мировоззрения, не нашла отражения в литературе.

Ключевые слова: книговедение, издание научной литературы, демократические издатели, И. Е. Баренбаум

Natalia G. Patrusheva

«Ideal» publishers and a scientific book in Russia in the 60–70s XIXth century

Although the activities of democratic publishers of the second half of the XIX century. with sufficient completeness was covered in the works of domestic researchers, the aggregate consideration of the propaganda of a scientific book, which was conducted by «ideological» publishers and was one of the legal forms of struggle, being a platform for the propaganda of scientific knowledge and a materialistic worldview, was not reflected in the literature.

Keywords: Book science, publication of scientific literature, democratic publishers, I. E. Barenbaum

В трех сериях коллективной монографии «Книга в России», подготовленной в секторе книговедения Отдела редких книг Российской Национальной библиотеки, содержатся три специальные главы, посвященные изданию научной литературы в разные хронологические периоды. Они построены однотипно и состоят из трех основных частей: издания Академии наук, университетов и научных обществ¹. Поскольку научную литературу выпускали и частные издательства, в первом томе первой серии первоначально предполагалось добавить небольшой параграф об издании научной литературы демократическими или так называемыми «идейными» издателями. Но подготовка главы «Революционно-демократические и прогрессивные издательства, типографии и книжные магазины в 1850–1870-х гг.» одним из известных отечественных книговедов – доктором филологических наук Иосифом Евсеевичем Баренбаумом², специально занимавшимся этой темой, повлекла методически верное решение отказаться от дополнительного параграфа в главе о научной книге.

Спустя почти 30 лет после выхода первого тома серии «Книга в России» и в преддверии юбилея И. Е. Баренбаума мы решили опубликовать подго-

товленный тогда небольшой материал с некоторыми изменениями редакционного характера, поскольку, несмотря на то, что деятельность демократических издателей второй половины XIX в. с достаточной полнотой освещена в работах отечественных исследователей³, совокупное рассмотрение пропаганды научной книги, которая велась «идейными» издателями, не нашла отражения в литературе. В данном кратком очерке сделана попытка показать основные направления выпуска научной книги деятелями демократического движения в 60–70-е гг. XIX в. В качестве одного из источников привлечены рецензии на изданные книги, публиковавшиеся в журналах «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» (их было выявлено около шестидесяти).

Переломное время, которое переживала Россия, порождало интерес как к познанию законов развития общества, так и к изучению фундаментальных естественных наук. В это время в Западной Европе были сделаны выдающиеся открытия в естествознании, сыгравшие огромную роль в развитии наук. «Вспомним, – писал в 1907 г. К. А. Тимирязев, – всеобъемлющее открытие Майера и Гельмгольца – закон сохранения энергии [...] Вспомним быстрый рост учения о клеточке, приковавшей всех биологов к микроскопу и, наконец, ошеломившее всех [...] учение Дарвина, и мы должны будем признать, что во всей истории естествознания не найдется других 10–15 лет, в пределах которых изучение природы сделало бы такие дружные одновременные и колоссальные шаги»⁴.

Существенный вклад в пропаганду научной литературы в России внесли издатели, в той или иной степени связанные с демократическим движением: Н. Л. Тиблен, И. П. Огрызко, О. И. Бакст, В. О. Ковалевский, Н. П. Поляков, Ф. Ф. Павленков, а также типографы: Ф. С. Сущинский, М. А. Куколь-Яснопольский, А. Ф. Головачев, А. М. Котомин и многие другие. Научная книга составляла большую часть выпускаемой ими продукции, тематика изданий была чрезвычайно разнообразна. Внимание уделялось, в соответствии с потребностями русского общества, как общественным наукам (истории, философии, политической экономии), так и естественным (биологии, медицине, химии, физике).

К переводу и редакции книг для пропаганды материалистического мировоззрения обращались и деятели революционного движения: М. А. Антонович, В. А. Зайцев, Г. А. Лопатин, А. Д. Путята, Д. И. Писарев, А. Н. Пыпин, Н. Г. Чернышевский, и отечественные ученые: Н. И. Бекетов, А. М. Бутлеров, И. И. Мечников, И. М. Сеченов.

Стремясь облегчить восприятие специальной литературы, демократические журналы «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» помещали рецензии на новые книги, пропагандировали взгляды и

деятельность отечественных и зарубежных ученых⁵. М. А. Антонович, член редакции «Современника», отмечал, что главная задача заключалась в том, чтобы чтение книг «было разумно, чтобы оно действительно просвещало и развивало головы читателей»⁶. «Цель нашей деятельности, – подчеркивал Д. И. Писарев, – [...] возбудить в развивающемся уме желание идти трудною дорогою основательного учения в те области знания, о которых мы рассказываем»⁷.

Демократические издатели уделяли большое внимание выпуску трудов отечественных и западноевропейских историков, философов, экономистов, которые принято называть «левыми».

С 1858 г. при «Современнике» началось издание серии «Историческая библиотека»⁸. Она была задумана как собрание сочинений лучших европейских и американских ученых-историков XVIII–XIX вв. Удалось выпустить только исследование Ф. К. Шлоссера, которому, по словам Н. А. Добролюбова, принадлежало «первое место между всеми современными [...] историками»⁹ – «История восемнадцатого и девятнадцатого столетия» (1858–1860). Следует отметить также исследование ученика и последователя Ф. К. Шлоссера Г. Гервинуса. М. А. Антонович писал, что «особенное достоинство» истории Г. Гервинуса – это «ее дух, непоколебимая честность и гуманность, вся она проникнута самым искренним сочувствием ко всему, что было и есть лучшего в истории, любовью к свободе»¹⁰.

Из работ по всеобщей истории демократические издатели отбирали, главным образом, те, в которых освещались революционные события за рубежом, борьба французского, американского и других народов за свободу. Наибольшее внимание уделялось изучению опыта освободительного движения и революционной борьбы во Франции. Это работы А. Токвиля (1861), по свидетельству «Русского слова», «первостепенного мыслителя эпохи»¹¹; Г. Гарнье-Паже, Л. Блана и др.

В тех случаях, когда содержание подготавливаемого к выпуску исследования в какой-то мере не соответствовало взглядам издателя и переводчика, текст сопровождался предисловием или примечаниями, в которых позиция автора по отдельным вопросам подвергалась критике. Так, например, редактор книги Г. Зибеля «История французской революции и ее времени 1789–1795» отмечал, что автор «с пристрастием относится к действиям защитников интересов чернорабочих или предводителей социальной революции»¹². Эти примечания привлекли внимание журнала «Библиотека для чтения», который заявил, что большинство их «положительно лишне; есть и такие, которые, по-видимому, приписаны только затем, чтобы дать редакции возможность заявить свой чистокровный либерализм»¹³.

Выходили также исследования, посвященные истории Америки, Англии, Германии, Испании и других стран. Г. Е. Благоветлов дал высокую оценку книге Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии», отметив, что это произведение сильного таланта и глубоких соображений¹⁴. Н. Г. Чернышевский писал: «Нечего и говорить о том, заслуживает ли одобрения г. Тиблен за намерение издать перевод сочинений Маколея [...] писатель замечательного ума, очень тонко знающий жизнь, всегда будет поучителен, каковы бы ни были научные его недостатки»¹⁵. В. А. Зайцев отмечал, что книга Д. Л. Мотле «История Нидерландской революции и основания Республики соединенных провинций»¹⁶ «считается в Европе лучшим сочинением по этому предмету»¹⁷.

Большое внимание демократические издатели уделяли вопросам отечественной истории. В числе выпущенных ими работ следует назвать работы А. П. Шапова¹⁸, исследования М. И. Семевского¹⁹, В. О. Ключевского²⁰, В. С. Иконникова²¹, Н. И. Веселовского²², К. Н. Бестужева-Рюмина и др.

В 1863–1865 гг. И. П. Огрызко издал учебник по истории средних веков М. М. Стасюлевича²³. В предисловии автор изложил свой взгляд на преподавание истории, требуя уделять как можно больше внимания изучению источников. «Русский вестник» поместил на нее рецензию историка В. И. Герье, выступившего против каких-либо нововведений в преподавании. «В эпоху великих реформ, – писал он, – всякий хочет быть реформатором, всякий считает своим долгом раскатать какой-нибудь столбик, поддерживающий общественное здание»²⁴. Рецензия вызвала резкий протест со стороны А. Н. Пыпина. Он дал высокую оценку сочинению М. М. Стасюлевича, считая его «весьма полезным для преподавания, как бы ни вопияли против него заботливые господа, которым везде мерещится ересь и раскачивание столбиков»²⁵.

Демократические издатели выпускали труды по философии западноевропейских мыслителей: П. Ж. Прудона²⁶, Б. Бауэра²⁷, Дж. Г. Льюиса²⁸, Г. Спенсера²⁹ и др. В 1865 г. без указания имени автора вышла книга Р. Оуэна «Образование человеческого характера»³⁰. «Такие книжки – истинная редкость для нас и имеют полное право на успех», – подчеркивал журнал «Русское слово»³¹.

Большое внимание было уделено и выпуску книг по политической экономике. В 1865 г. вышло в свет сочинение Дж. С. Милля в переводе Н. Г. Чернышевского. Издатель А. Н. Пыпин писал, что цель перевода Милля была – дать русскому читателю книгу, «признанную за лучшее, самое верное и глубокомысленное изложение теории, основанной Адамом Смитом»³². Рецензируя ее, М. А. Антонович отмечал, что Дж. С. Милль «как критик и истолкователь настоящего экономического положения, не оставляет желать

ничего лучшего [...], но [...] он отлично понимает все недостатки настоящего, но не может придумать средств, действительных для совершенного устранения их»³³. В 1872 г. Н. П. Поляковым был издан первый том «Капитала» К. Маркса в переводе Г. А. Лопатина, Н. Ф. Даниельсона и Н. Н. Любавина³⁴.

Исследования по естествознанию в 1860-е гг. читали не только специалисты, но и представители русского общества, занимающиеся самообразованием. «Все схватились за химию, физику, физиологию и другие отделы естественных наук», – признавал издатель М. О. Вольф³⁵.

Демократические издатели считали, что распространение естествонаучных знаний помогало формировать материалистическое мировоззрение. Журнал «Русское слово» подчеркивал, что естествознание имеет «главное значение» в преподавании и воспитании³⁶. Палеонтолог В. О. Ковалевский отмечал, что «науки вообще, а естественные науки в особенности, имеют целью улучшить и возвысить весь уровень человеческой и общественной жизни»³⁷.

Развитие отечественной биологической науки в это время было связано с изучением эволюционной теории Ч. Дарвина, утвердившей материалистическую философию в биологии. Разработка ее отдельных положений учеными способствовала появлению новых дисциплин: палеонтологии, сравнительной анатомии, физиологии, эмбриологии.

Отмечая изданный А. И. Глазуновым основной труд Ч. Дарвина «О происхождении видов» (1864), журнал «Русское слово» писал: «Сочинению Дарвина суждено составить эпоху в науке и, разрушив ветхие основы естествознания, открыть ему бесконечный горизонт впереди»³⁸. В свою очередь М. А. Антонович подчеркивал, что для «читателей неспециалистов важны не подробности в сочинении Дарвина, а его общая мысль, главная руководящая идея»³⁹. В типографии А. Ф. Головачева была напечатана книга о кругосветном путешествии Ч. Дарвина на корабле «Бигль», во время которого было сделано много ценных наблюдений по ботанике, зоологии, геологии, палеонтологии, антропологии и этнографии⁴⁰. Еще один большой труд Ч. Дарвина по теории эволюции в переводе И. М. Сеченова «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» был издан А. А. Черкесовым (1871–1872). Последователь Ч. Дарвина В. О. Ковалевский, лично знавший английского естествоиспытателя, много сделал для популяризации его идей в России. В 1872 г. им была издана книга «О выражении ощущений у человека и животных». Перевод осуществлялся А. О. Ковалевским и М. А. Боковой (Сеченовой) непосредственно с корректурных листов, присланных Ч. Дарвиным⁴¹.

Выпускались также работы сторонников и последователей учения Ч. Дарвина: Т. Г. Гексли⁴², К. Фогта⁴³, Э. Геккеля⁴⁴ и др. Интересно отметить,

что некоторые из них ранее придерживались других взглядов. Характерна в этом отношении рецензия, появившаяся в журнале «Русское слово» на книгу К. Фогта «Человек и его место в природе» (1863–1865)⁴⁵. В ней отмечалось, что автора «нельзя не уважать [...] за благородное беспристрастие, с которым он отказался в пользу Дарвина от своей теории происхождения видов, которую столько лет защищал, пока не убедился в справедливости противников»⁴⁶.

Труды И. М. Сеченова оказали плодотворное влияние на развитие естествознания и материалистической философии. Большой популярностью пользовались его работы «Рефлексы головного мозга» (1866), «Физиология нервной системы» (1866), «Физиология растительных процессов» (1871) и др.⁴⁷ Издавались также труды зарубежных физиологов в переводе и под редакцией И. М. Сеченова. Так, В. О. Ковалевским был издан «Краткий учебник физиологии» Л. Германна⁴⁸, получивший высокую оценку М. А. Антоновича⁴⁹.

О. И. Бакстом и Н. Л. Тибленом были выпущены труды создателей клеточной теории (явившейся одним из крупнейших обобщений в естествознании XIX в.) – М. И. Шлейдена и Т. Шванна⁵⁰.

Успехи естествознания оказали большое влияние на развитие медицины. Шире стали применять методы точных наук, экспериментальные приемы исследования. Многие разделы медицины были представлены трудами передовых исследователей. Две работы терапевта В. А. Манассеина, профессора медико-хирургической академии⁵¹, были изданы Л. Ф. Пантелеевым. Его книга «О значении психических влияний» получила высокую оценку Н. К. Михайловского⁵². Кроме того, Е. П. Печаткиным была выпущена работа Р. Вирхова по онкологии⁵³. Н. П. Поляков издал «Руководство к патологической гистологии» Э. Риндфлейша (1867). В. О. Ковалевский – труды по психиатрии В. Гринингера и Ф. Винслова⁵⁴.

Несмотря на то, что книги стоили в среднем от 2 до 5 рублей, издателям они обходились еще дороже, и тем не менее, студентам делалась уступка в 20 % на курс гистологии А. Келликера⁵⁵.

Труды отечественного врача-гигиениста Ф. Ф. Эрисмана заложили основы для развития в России гигиены как самостоятельной науки⁵⁶. И. М. Сеченов считал, что «до него гигиена существовала в России лишь номинально, а в его руках она стала деятельным началом против многих общественных недочетов и язв»⁵⁷.

В 1860–1870-х гг. развитие в России химической науки, тесно связанной с производством, пошло быстрыми темпами. «За какие-нибудь 10–15 лет, – писал К. А. Тимирязев, – русские химики не только догнали своих старших европейских собратьев, но порою даже выступали во главе движения.

Успехи химии были несомненно самым выдающимся явлением и на общем фоне возрождения наук в ту знаменательную эпоху»⁵⁸. Издавались труды Д. И. Менделеева, Н. И. Любавина. В переводе трудов зарубежных ученых принимал участие А. М. Бутлеров.

Физика также переживала небывалый расцвет. Демократические издатели знакомили отечественного читателя с работами таких известных ученых, как М. Фарадей⁵⁹, Дж. Тиндаль⁶⁰, А. Фик⁶¹, П. Г. Тэт⁶², Г. Гельмгольц⁶³, Г. Кребс⁶⁴.

Кроме того, выпускались книги по технике, психологии, литературоведению, юридическим наукам, но их было немного.

Несмотря на то, что с 1865 г. именно для научных изданий сложилась благоприятная цензурная обстановка (отечественные издания объемом более десяти печатных листов освобождались от предварительной цензуры), монографии по общественным наукам иногда подвергались запрещению⁶⁵. Так, например, книга К. Ф. Неймана «История Американских Соединенных Штатов», в переводе И. А. Худякова, изданная О. И. Бакстом (1873) была уничтожена «как вредная по своему антимонархическому и антирелигиозному направлению»⁶⁶.

Издание научной книги деятелями демократического движения было одной из легальных форм борьбы, являлось трибуной для пропаганды научных знаний, материалистического мировоззрения.

Оценивая деятельность И. И. Билибина, В. О. Ковалевского, Н. П. Полякова и других демократических издателей, П. Н. Ткачев подчеркивал, что они во многом способствовали ознакомлению русского общества «со многими замечательными трудами многих замечательных мыслителей»⁶⁷.

Примечания

¹ Книга в России, 1861–1881 / под ред. И. И. Фроловой. М., 1988. Т. 2. С. 103–139; Книга в России, 1881–1895 / под ред. И. И. Фроловой. СПб., 1997. С. 135–164; Книга в России, 1895–1917 / под ред. И. И. Фроловой. СПб., 2008. С. 377–407.

² Книга в России, 1861–1881 / под ред. И. И. Фроловой. М., 1988. Т. 1. С. 86–155.

³ См., например: Давиташвили Л. Ш. В. О. Ковалевский. М., 1951; Баренбаум И. Е. Иосафат Огрызко. М., 1964; Баренбаум И. Е. Издательская деятельность Н. Л. Тиблена // Книга и графика. М., 1972. С. 179–186; Баренбаум И. Е. Типограф М. А. Куколь-Яснопольский и демократическое книжное дело 60-х годов XIX в. // Проблемы рукописной и печатной книги. Л., 1976. С. 276–291; Люблинский С. Б. Демократическое издательство Л. Ф. Пантелеева // Книга: исслед. и материалы. М., 1983. С. 81–97 и др.

⁴ Тимирязев К. А. Сочинения / К. А. Тимирязев. М., 1937. Т. 8. С. 143.

⁵ См., например: Благосветлов Г. Е. Историческая школа Бокля // Русское слово. 1863. № 1. С. 1–24; Антонович М. А. Единство сил природы // Современник. 1865. № 1. С. 15–66;

Михайловский Н. К. О литературной деятельности Ю. Г. Жуковского // Отечественные записки. 1871. № 4. С. 227–254.

⁶ Современник. 1864. № 3. С. 66.

⁷ Гексли Т. Г. Уроки элементарной физиологии / Т. Г. Гексли. СПб., 1877. Предисловие. С. VII–VIII.

⁸ См. об «Исторической библиотеке»: Баренбаум И. Е. Книгоиздательская деятельность Н. Г. Чернышевского в годы демократического подъема // Книга: исслед. и материалы. М., 1973. Т. 16. С. 94–110; Козлова Л. Е., Плимак Е. Г. «Явление чрезвычайно важное и любопытное»: (об «Исторической библиотеке» Н. Г. Чернышевского) // История СССР. 1978. № 5. С. 72–88.

⁹ Современник. 1858. № 12. С. 253.

¹⁰ Современник. 1864. № 6. С. 178.

¹¹ Русское слово. 1861. № 5. С. 83.

¹² Зибель Г. История французской революции и ее времени (1789–1795): в 4 т. СПб., 1863–1867. С. 1.

¹³ Библиотека для чтения. 1864. № 1. С. 33.

¹⁴ Русское слово. 1863. № 1. С. 1.

¹⁵ Современник. 1860. № 12. С. 221–224.

¹⁶ Мотлей Д. Л. История Нидерландской революции и основания Республики соединенных провинций: в 3 т. СПб.: Тип. А. Ф. Головачева и А. М. Котомина, 1865–1871.

¹⁷ Русское слово. 1865. № 3. С. 85.

¹⁸ Шапов А. П. Земство и раскол / А. П. Шапов. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчиков, 1862; Его же. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. СПб.: Изд. Н. П. Поляков, 1870.

¹⁹ Семевский М. И. Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб.: Изд. И. П. Огрызко, 1864.

²⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. М.: Изд. К. Т. Солдатенков, 1871.

²¹ Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов / В. С. Иконников. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчиков, 1873.

²² Веселовский Н. И. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего / Н. И. Веселовский. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1877.

²³ Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: в 3 т. / М. М. Стасюлевич СПб., 1863–1865.

²⁴ Русский вестник. 1863. № 7. С. 338.

²⁵ Современник. 1864. № 4. С. 266.

²⁶ Прудон П. Ж. Искусство, его основания и общественное назначение / пер. под ред. Н. С. Курочкина. СПб.: Тип. А. Ф. Головачева, 1865; Его же. Французская демократия / пер. под ред. Н. К. Михайловского. СПб. Тип. А. Ф. Головачева, 1867; Его же. Литературные материалы СПб.: Тип. М. А. Куколь-Яснопольского, 1865.

²⁷ Бауэр Б. История философии в общепонятном изложении для образованной публики для учащихся / под ред. М. А. Антоновича. СПб.: Изд. О. И. Бакст, 1866.

- ²⁸ Льюис Дж. Г. История философии от начала ее в Греции до настоящего времени: в 3 т. СПб.: Тип. Н. Л. Тиблена и К°. (П. А. Неклюдова), 1855–1867.
- ²⁹ Спенсер Г. Собрание сочинений: в 7 т. СПб., 1866–1869; Его же. Основания социологии: в 2 т. / пер. Г. А. Лопатина. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1876–1877.
- ³⁰ Оуэн Р. Образование человеческого характера. СПб.: Изд. И. И. Билибина (тип. М. А. Куколь-Яснопольского), 1865.
- ³¹ Русское олово. 1865. № 11. С. 16.
- ³² Милль Дж. С. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. СПб.: Тип. А. Ф. Головачева, 1865. Т. 1. С. III.
- ³³ Современник. 1865. № 2. С. 244.
- ³⁴ Грин Ц. И. Переводчик и издатель «Капитала»: очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., 1985. 255 с.
- ³⁵ Вольф М. О., 1853–1873: к 25-летию издательской деятельности М. О. Вольфа. СПб., 1878. С. 10.
- ³⁶ Русское слово. 1864. № 3. С. 57.
- ³⁷ Давиташвили Л. Ш. В. О. Ковалевский. М., 1951. С. 37.
- ³⁸ Русское слово. 1864. № 1. С. 15.
- ³⁹ Современник. 1864. № 3. С. 67–72.
- ⁴⁰ Дарвин Ч. Путешествие вокруг света на корабле «Бигль»: в 2 т. / пер. под ред. А. Н. Бекетова. СПб., 1865.
- ⁴¹ Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1872.
- ⁴² Гексли Т. Г. О положении человека в ряду органических веществ / пер. А. Н. Бекетов. СПб.: Изд. Н. Л. Тиблен, 1854; Его же. О причинах явлений в органической природе. СПб.: Изд. В. О. Ковалевский, 1864; Его же. Начальные основания сравнительной анатомии. СПб.: Изд. В. О. Ковалевский, 1865; Гексли Т. Г. и Мартин. Практические работы по ботанике и зоологии / пер. А. Я. Герд. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеев, 1877.
- ⁴³ Фогт К. Зоологические очерки, или Старое и новое из жизни людей и животных / пер. под ред. В. О. Ковалевского. СПб., 1864; Его же. Чтения о полезных и вредных животных. СПб.: Тип. М. А. Куколь-Яснопольского, 1865; Его же. Физиологические письма: в 2 т. СПб.: Изд. Н. П. Поляков, 1867.
- ⁴⁴ Геккель Э. Учение об органических формах, основанное на теории превращения видов / под ред. И. И. Мечникова. СПб.: Изд. А. В. Заленского, 1869.
- ⁴⁵ Издатель П. А. Гайдебуров.
- ⁴⁶ Русское слово. 1863. № 12. С. 12.
- ⁴⁷ Печатались в типографиях А. Ф. Головачева и Ф. С. Сушинского.
- ⁴⁸ Германн Л. Краткий учебник физиологии / Л. Германн. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1865. С. 1.
- ⁴⁹ Современник. 1865. № 1. С. 15–66.
- ⁵⁰ Шлейден М. И. Древность человеческого рода, происхождение видов и положение человека в природе / пер. Н. И. Бакста. СПб.: Изд. О. И. Бакст, 1865; Шванн Т. Анатомия человеческого тела. СПб.: Изд. Н. Л. Тиблен, 1865.

- ⁵¹ Манассеин В. А. О значения психических влияний. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1877; Его же. Лекции общей терапии. СПб., 1879.
- ⁵² Отечественные записки. 1877. № 10. С. 287–290.
- ⁵³ Вирхов Р. Учение об опухолях: в 3 т. / пер. под ред. Н. Руднева. СПб.: Тип. М. А. Куколь-Яснопольского, 1866–1868; Его же. Изложение учения о трихинах о указателем на предупредительные меры этой болезни. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1864; Его же. Четыре лекции о жизни и болезненном состоянии. СПб. Тип. А. Ф. Головачева, 1865; Его же. Сборник статей по естествознанию и медицине. Харьков: Изд. А. В. Заленского, Е. Любарского, 1866.
- ⁵⁴ Гризингер В. Душевные болезни / пер. под ред. Ф. В. Овсянникова. СПб., 1867; Винслов Ф. Болезни мозга и души: в 2 т. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1870–1873.
- ⁵⁵ Келлиker А. Гистология, или Учение о тканях человека. СПб.: Изд. В. О. Ковалевский, 1865. Вып. 1.
- ⁵⁶ Эрисман Ф. Ф. Профессиональная гигиена, или Гигиена умственного и физического труда. СПб., 1877; Его же. Общедоступная гигиена. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1868.
- ⁵⁷ Автобиографические записки И. М. Сеченова. М., 1907. С. 191.
- ⁵⁸ Тимирязев К. А. Сочинения. М., 1939. Т. 8. С. 154–155.
- ⁵⁹ Фарадей М. Силы природы и их соотношения / пер. В. Ф. Лугинин. СПб.: Изд. О. И. Бакст, 1865; Его же. История свечи / пер. под ред. Н. И. Бекетова. Харьков: Изд. А. В. Заленский и Е. Любарский, 1866.
- ⁶⁰ Тиндаль Дж. Устройство вселенной. СПб.: Изд. Е. П. Печаткин (тип. М. А. Куколь-Яснопольского), 1866; Его же. Тепло и холод. Материя и сила / пер. под ред. Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Изд. Н. П. Полякова (тип. В. Ф. Демакова), 1869.
- ⁶¹ Фик А. Силы природы в их взаимных отношениях / под ред. А. М. Бутлерова. СПб.: Русская книжная торговля (тип. В. Ф. Демакова), 1870.
- ⁶² Тэт П. Г. Обзор некоторых из новейших успехов физических знаний с прибавлением отдельной лекции по силе / пер. под ред. И. М. Сеченова. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеев, 1877.
- ⁶³ Гельмгольц Г. Закон сохранения силы. Харьков: Изд. А. В. Заленского и Е. Любарского, 1865.
- ⁶⁴ Кребс Г. Превращение энергии. СПб.: Изд. И. И. Билибина (тип. В. Ф. Демакова), 1879.
- ⁶⁵ См.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1325–1904. М., 1963. С. 68–122.
- ⁶⁶ См.: Баренбаум И. Е. Издатель-шестидесятник О. И. Бакст: (по цензурным материалам) // Книга: исслед. и материалы. М., 1981. Сб. 43. С. 108.
- ⁶⁷ Ткачев П. Н. Сочинения: в 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 243.

Н. А. Гринченко

**Книжная торговля на магистралях Главного общества
российских железных дорог в 1860 – начале 1880-х гг.**

В контрактах между Главным обществом российских железных дорог и книгопродавцами содержатся сведения об условиях аренды помещений для торговли, ассортименте изданий в продаже, именах контрагентов. Эти документы являются источником изучения книжной торговли на магистралях железных дорог, развитие которой способствовало транспортировке печатной продукции в отдаленные регионы России.

Ключевые слова: книжная торговля, Главное общество российских железных дорог, книготорговый ассортимент

Natalia A. Grinchenko

**Book trade on highways Main Society of Russian Railways
1860 – early 1880s**

The contracts between the Main Society of Russian Railways and booksellers contain information about the terms of renting premises for trade, the assortment of publications for sale, and the names of contractors. These documents are a source for studying book trade on railways, the development of which facilitated the transportation of printed materials to remote regions of Russia.

Keywords: book trade, the Main Society of Russian Railways, bookselling assortment.

В истории отечественного книжного дела железные дороги играли двоякую роль. Во-первых, они использовались в качестве быстрого и дешевого способа транспортировки печатной продукции большими партиями в отдаленные регионы России, что положительно сказывалось на развитии провинциальной книжной торговли и распространении образования. Во-вторых, на станциях железных дорог «из постоянных шкафов и ларей», а также на железнодорожных линиях в пассажирских поездах разносчиками книг и газет осуществлялась продажа печатной продукции.

Создание Главного общества российских железных дорог относится к 1857 г. Оно было организовано для строительства и эксплуатации сети железных дорог, которая соединила 26 губерний, столицы, основные судходные реки, порты на Балтийском и Черном морях. В 1860–1880-е гг. в ведении Главного общества находились следующие магистрали: С.-Петербургско-Варшавская железная дорога и ее ветвь к прусской границе, Московско-Нижегородская линия и Николаевская железная дорога (открытие последней состоялось в 1851 г.)¹. В 1894 г. эти магистрали были выкуплены в казну.

Сохранились договоры Главного общества российских железных дорог и книгопродавцев о производстве книжной торговли на железнодорожных станциях, в которых возможность приобретения книг и газет пассажирами во время пути признавалась «одним из удобств, доставляемых проезжающим»². Архивные документы позволяют установить имена контрагентов, условия аренды, ассортимент изданий в продаже. Материалы цензурного ведомства раскрывают особенности надзора за этим направлением книжной торговли. С 1865 г.³ контроль под наблюдением Главного управления по делам печати возлагался на особых должностных лиц: в столицах – инспекторов, которые находились в подчинении генерал-губернаторов, а в губерниях – чиновников особых поручений, назначаемых губернаторами. Желавшие открыть книжный магазин, лавку или кабинет для чтения должны были получить разрешение: в столицах – от генерал-губернатора⁴, в провинции – от губернатора. Законом устанавливались правила книжной торговли в разнос, которая осуществлялась с разрешения местного полицейского начальства⁵.

Контрагентами Главного общества российских железных дорог, осуществлявшими книжную торговлю в 1860–1880-е гг., являлись: петербургский книгопродавец Владимир Александрович Максимов, торговавший у Синего моста в доме Гаврилова; петербургский купец 2-й гильдии, издатель Василий Егорович Генкель (магазин находился у Певческого моста в доме Утина)⁶; рижский гражданин Лев Карлович (Оттомарович) Клейн; земский деятель, издатель, владелец типографии, князь Владимир Владимирович Оболенский⁷; В. П. Ланцерт – издатель-редактор «Вестника железных дорог и пароходства» (СПб., 1873–1876), «Спутника по русским железным дорогам» (СПб., 1875–1876) и других справочников этой же тематики.

Первый контракт, заключенный с Максимовым о книжной торговле на С.-Петербурго-Варшавской дороге, вступил в силу 1 января 1863 г., в марте этого же года с этим же книгопродавцем был подписан договор о продаже печатной продукции на Московско-Нижегородской дороге. С 1866 г. аренда была продлена, в самом начале 1868 г. в сферу его торговли вошла и Николаевская магистраль, но уже в феврале дело, оцененное в 6000 р., перешло «в руки опытного и имеющего связи книгопродавца»⁸ Генкеля. Ему же перешли долги Максимова в размере 4000 р. и издававшаяся его сотрудником Аркадием Васильевичем Эвальдом с мая 1867 по октябрь 1868 г. «Газета железных дорог и пароходства»⁹. Эвальд принимал активное участие в книжной торговле на линиях Общества «по особому условию», заключенному сначала с Максимовым, а потом с Генкелем¹⁰.

Приступив к торговле, Генкель предпринял ее реорганизацию, вложив значительные средства: «он вошел в соглашение с французскими и гер-

манскими книгопродавцами по приобретению от них наиболее распространенных изданий; потом вследствие недостатка удобных для чтения по железным дорогам русских книг сам приступил к изданию таковых и, наконец, [...] заказал для станций Николаевской дороги шкафы, дабы по устройству их прекратить продажу чрез кондукторов». «Вообще, – сообщалось в Совет Управления Общества осенью 1868 г. в ходе подготовки договора аренды, – взявшись за это дело, Генкель не жалел ни средств, ни трудов для его улучшения. Его опытность в книжном деле, значительные торговые связи в России и за границей и пользующаяся доверием фирма ручаясь, что мало помалу это дело в его руках достигнет того хорошего состояния, в котором находится за границей»¹¹.

Договор с Генкелем продлевался дважды, каждый раз на три года – с 1869 г. и с 1872 г.; второй был подписан совместно с Клейном¹². В 1875 г. соглашение продлено с последним на год¹³. Но вскоре контракт с ним был расторгнут из-за разорения контрагента, а право продажи печатной продукции на станциях и линиях Общества перешло Оболенскому как предложившему высшую цену¹⁴. С января 1882 г. контрагентом Общества стал Ланцерт¹⁵.

В контрактах, заключавшихся между Главным обществом российских железных дорог и книгопродавцами, оговаривались права и обязанности сторон¹⁶. Общество предоставляло контрагенту «исключительное право» на продажу различных видов печатной продукции: книг, брошюр, журналов, газет, карт, планов, распространение которых было разрешено цензурой: «сочинений литературного, исторического и ученого содержания, художественных изданий и вообще всего, что относится до книжной торговли и на что между пассажирами могли бы найтись покупатели, и в том числе журналов, ведомостей и газет, всякого рода объявлений, дорожников, географических карт, дорожных книжечек, путеводителей, планов и проч., продажа которых дозволена правительством»¹⁷. Книгопродавцы имели право торговать только в зданиях железнодорожных станций. Если обнаруживался факт продажи изданий в других местах, контракт расторгался. Торговля книгами осуществлялась из «шкафчиков», сделанных на средства арендатора по установленной начальством дороги модели из определенного сорта древесины. Они устанавливались в указанных начальником станции местах. Кроме того, приказчики перед отходом пассажирских поездов разносили книги, газеты и журналы в особой корзине «по платформе перед окнами вагонов, дабы находящиеся уже на месте пассажиры имели полную возможность купить у них, что пожелают»¹⁸.

Цена издания указывалась на каждом томе. Для отечественных книг она не могла превышать цен, установленных в книжных магазинах Санкт-

Петербурга; для заграничных изданий ее можно было увеличить на 25%. Стоимость отдельных номеров периодических изданий не должна была превышать цен, установленных редакциями.

В договорах оговаривался срок аренды. Обычно он составлял 3 года с 1 января наступающего года. В некоторых случаях книготорговцы (например, Генкель) ходатайствовали о заключении контракта на 5 лет, объясняя свое желание необходимостью покрыть расходы. Достигнуть этого можно было за более продолжительный период.

Стоимость аренды постоянно возрастала. Максимов договором, действие которого начиналось в 1863 г. и распространялось на одну С.-Петербургско-Варшавскую дорогу, обязывался выплачивать 300 р. серебром в год с выплатой за каждые три месяца вперед. В марте того же года с ним был заключен трехлетний контракт на книжную торговлю на Московско-Нижегородской линии за 100 р. ежегодно¹⁹. С 1866 г. контракт с Максимовым был продлен с выплатой прежней арендной суммы: 300 р. за Варшавскую и 100 р. – за Нижегородскую дороги, в 1868 г. за право торговли на трех дорогах (с учетом и Николаевской) ему следовало платить 1000 р. в год. Договор, заключенный с Генкелем на право продажи печатной продукции на трех магистралях с 1869 г., предусматривал арендную плату 2650 р. серебром в год²⁰. В 1882 г. в контракте с Ланцетом, заключенном на 5 лет, она составила 3500 р. ежегодно²¹.

Повышение арендной платы было вызвано, как отмечал Генкель, «исключительно конкуренцией»²². Так, заключению договора с ним в 1869 г. предшествовали торги, в которых кроме него участвовали кронштадтский мещанин Василий Багликов (он торговал изданиями на Царскосельской и Петергофской дорогах и просил передать ему аренду трех дорог за 1600 р.) и Н. И. Прокофьев, который предлагал 3025 р. Общество не могло принять условия последнего, так как претендент предполагал использовать «поездную прислугу», что было недопустимо.

Совет Управления Общества первоначально остановил свой выбор на кандидатуре Багликова как предложившего большую сумму. Генкель в прошении писал, что такое решение Совета могло привести к потере «не только 12 000 р., уже затраченных в эту торговлю, но еще большей, так как шкафы и книги, находящиеся на станциях, придется продать за бесценок, а при самых лучших обстоятельствах не более как за половину цены»²³. Книгопродавец оценивал свой убыток в 15 000 или 16 000 р. и вынужден был согласиться на условия своего конкурента, чтобы иметь возможность сохранить затраченный капитал. В случае отказа продления договора, по словам Генкеля, он будет «совершенно разорен».

Генкель и Эвальд, претендуя на аренду, надеялись на заинтересованность Совета Управления Общества в надежных и известных ему аренда-

торов: «не думаем, чтобы Главное общество, приобретя лишних 100 или 200 р., много выиграло от таких торговцев, а публика уж наверно будет в проигрыше»²⁴. Передача торговли другому лицу, по их мнению, могла «совершенно» разорить дело, «так добросовестно устроенное Максимовым и на реставрирование которого Генкель затратил уже много труда и денег, не имея еще ни одной копейки барыша, а рассчитывая единственно на будущее»²⁵. Общество подписало соглашение с Генкелем как с лицом, зарекомендовавшим себя в качестве надежного арендатора. Продление с ним договора поддерживали директоры Николаевской, Варшавской и Нижегородской дорог. Кроме того, арендатору было предоставлено «исключительное и безвозмездное право» размещать в станциях С.-Петербургско-Варшавской железной дороги частные объявления, разрешенные цензурой и не наносившие вреда интересам Общества, определенного размера с оплатой каждого не более 50 к. в год²⁶.

Кроме выплаты арендной платы, контрагент брал на себя обязательство обеспечивать Общество бесплатно газетами на сумму, указанную в договоре: Максимова следовало доставлять 3 ежедневные и одну еженедельную газеты, годовая подписная цена которых составляла не менее 75 р. Эта выплата для Генкеля за «Санкт-Петербургские ведомости», «Правительственный вестник», «Голос», «Биржевые ведомости», «Полицейские ведомости» и «Journal de Saint-Pétersbourg» составляла 100 р. в год.

Общество обладало правом по ценам, им установленным, осуществлять через контрагента продажу печатной продукции, относившейся к работе железных дорог, – расписаний движения поездов, тарифов и других материалов. Общество предоставляло книготорговцу место для торговли, а арендатор был обязан сам ходатайствовать о получении разрешения на открытие и ведение дела, оплачивать пошлину за торговое свидетельство и другие налоги²⁷. На книготорговце, заключившем договор с Обществом, лежала «личная исключительная ответственность»²⁸ за исполнение этих условий.

Контрагент сам нанимал приказчиков-продавцов и выплачивал им жалование, контролировал их работу. В случае поступления на них жалоб Общество было в праве требовать их увольнения и разрыва контракта²⁹. На станциях, где имелись буфеты, книготорговец имел право передать их владельцам и торговлю книгами, но в продаже печатной продукции не могли участвовать ни начальники станций, ни служащие Общества. В случае пожара Общество не несло ответственность за убытки контрагента. Начальство дороги не отвечало за пропажу книг, но обязывалось не предоставлять право торговли в течение определенного договором срока другому арендатору.

В договорах оговаривался допустимый вес ежедневно перевозимой печатной продукции. Максимов имел право перевозить по С.-Петербургско-Варшавской железной дороге ежедневно не более 10 фунтов (4 кг) на каждую станцию с тем, чтобы общий вес груза, отправленного из столицы, не превышал 150 фунтов (60 кг). В контракте Генкеля перевозки между станциями остались в тех же пределах, но вес ежедневных отправок по всем магистралям Общества не должен был превышать 350 фунтов. (140 кг). За другой груз следовало платить по установленному тарифу.

Общество брало на себя обязательство предоставить контрагенту право на определенное количество бесплатных проездов по железнодорожным линиям для осуществления контроля за работой приказчиков. Максимов (сам или его доверенное лицо) имел возможность 6 раз в год проехать от С.-Петербурга до Варшавы и далее до прусской границы и обратно; Генкель были разрешены ежегодно 4 поездки по каждой дороге (Николаевской, С.-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской).

При заключении контракта книгопродавец вносил залог; он имел право прервать договор до истечения установленного срока с возвращением ему залога, но удержанием уже внесенной платы. Все споры между сторонами решались судом. Тексты договоров литографировались в количестве 80 экз. и рассылались по станциям.

Главное содержание торговли на станциях железных дорог составляла продажа газет, но их пересылка имела особенности: их следовало заблаговременно доставлять на вокзалы и станции для оформления соответствующих документов, что требовало времени. Из-за особенностей печатания газеты могли быть привезены перед самым отправлением поезда, часто не было достаточно времени для соблюдения всех формальностей. До 1872 г. редакции газет принимали непроданные экземпляры обратно, затем этот порядок был отменен.

Помимо этих обстоятельств, продажу газет осложняли цензурные приостановления некоторых из них. В июне 1872 г. Клейн просил Совет Управления Общества отсрочить выплату арендного взноса за весенние месяцы, поскольку обороты торговли были столь низки, что не покрывались продажей изданий Общества (расписаний движения поездов и справочников). Кроме того, как отмечал книготорговец, запрещение «двух наиболее распространенных газет „Голоса“ и „Нового времени“³⁰ и изъятие из розничной продажи „Петербургского листка“ и „газеты“³¹ ограничило сбыт существеннейшего предмета [...] торговли до minimum'a, а на многих станциях обратная выручка не покрывает наемной платы за помещение шкапчика, т. е. 120 р. в год»³². В январе 1875 г. Клейн вновь сетовал на запрет розничной продажи ряда газет («Голоса», «Нового времени», «Русского мира», «Пе-

тербургской газеты», «Санкт-Петербургских ведомостей»), добавляя, что «само расписание поездов весьма невыгодно отражается на операциях с книжным делом, так как спрос главных покупателей – пассажиров курьерских поездов за поздним отправлением и ранним прибытием в столицу, а равно и по кратковременности остановок на станциях» снижался³³.

Книжная торговля на линиях железных дорог привела к разорению Максимова и Генкеля. В октябре 1869 г. последний писал в Совет Управления Общества: «Обороты моей торговли книгами и газетами на железных дорогах так незначительны в сравнении с расходами и постоянными потерями и убытками, что существование мое при настоящих условиях равняется беспрерывной агонии»³⁴. В июне 1872 г. Клейн сообщал о «ничтожности оборотов книжной торговли на станциях»³⁵.

Видимо, более прочной было предприятие Ланцера, устроенное «на солидных коммерческих основаниях»³⁶; он продавал российские и европейские серийные новейшие издания. В конце 1884 г. за два года до истечения контракта Ланцера с Главным обществом российских железных дорог право продажи произведений печати на Николаевской и С.-Петербург-Варшавской линиях за 10 000 р. перешло А. С. Суворину, который к началу XX в. осуществлял книжную торговлю на 50 железнодорожных станциях. Организованное в 1907 г. «Товарищество торговли произведениями печати на станциях железных дорог „Контрагентство печати“», ведущая позиция в котором принадлежала И. Д. Сытину, стало арендатором 600 киосков на станциях 28 крупных магистралей³⁷.

Примечания

¹ Помимо этого, в рассматриваемые десятилетия железнодорожное строительство осуществлялось и по многим другим направлениям – это были казенные дороги или дороги, построенные акционерными кампаниями.

² РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 5. Л. 12 об.

³ ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. № 41990.

⁴ С мая 1866 инспекторский надзор в С.-Петербурге был передан обер-полицмейстеру при генерал-губернаторе.

⁵ См. также: ПСЗ. Собр. 2. Т. 43. № 45973. См.: Мсерианц З. М. Законы о печати: настол. справ. книга. М., 1899. С. 112–113; Фальброк Г. А., Чарнолуский В. И. Библиотеки (общественные и народные) и книжная торговля. СПб., 1905. С. 72–84; Вальденберг Д. В. Справочная книга о печати всей России. СПб., 1911. С. 74. См. также: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013. С. 131, 227–231.

⁶ См.: Сборник сведений по книжно-литературному делу. Ч. 1. Издание книгопродавца А. Черенина. М., 1867. С. 123; Есин Б. И. Русская дореволюционная газета, 1702–1917 гг.:

краткий очерк. М., 1971. С. 34; Лапшина Г. С. Издатель и пропагандист русской литературы В. Е. Генкель // Книга: исслед. и материалы. М., 1978. Сб. 36. С. 81–91; Динерштейн Е. А. «Контрагентство А.С.Суворина» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 1994. Вып. 7. С. 50–66; Баренбаум И. Е. Книжный Петербург: Три века истории: очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. С. 425. Среди его изданий следует назвать «Календарь для всех» (СПб.: издание В.Е.Генкеля, 1869–1872), в одном из разделов которого печаталось расписание движения поездов с указанием стоимости проезда.

⁷ См.: Кирьянова Е. Г. Пути сообщения и тверское книжное дело (последняя четверть XVIII – XIX вв.) // «Государева дорога» и ее дворцы: материалы межрегиональной науч. конф., 19–21 нояб. 2002 г. / Тверская обл. картинная галерея. Тверь, 2003. С. 67–80; Степанов С. В. Петербургский издатель Владимир Оболенский и его вклад в книжное дело Петербургской губернии XIX в. // Печать и слово Санкт-Петербурга: сб. науч. тр. Петербургские чтения, 2013. СПб., 2014. Ч. 2. С. 41–51; Его же. Книжная торговля на северо-западе России в XIX – начале XX века // Библиосфера. 2016. № 3. С. 16.

⁸ РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 354. Л. 8 об.; 17 – 17 об.

⁹ Газета железных дорог и пароходства / ред.-изд. А. Эвальд. СПб., 1867–1868. В газете бесплатно печатались объявления и отчеты Главного общества российских железных, расписания движения поездов.

¹⁰ РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 354. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 9 об.

¹² Там же. Д. 398. Л. 6–7 об. В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Клейн участвовал в предприятии Генкеля (во время отъезда последнего за границу) на основании выданного ему «приказщицкого свидетельства» (там же. Л. 2 об.).

¹³ Там же. Ф. 776. Оп. 11-1874. Д. 109. Л. 5.

¹⁴ РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 398. Л. 100. В торгах приняли участие другие претенденты на эту торговлю: Д. Н. Овсянников – доверенное лицо московского купца Авериана Федоровича Живарина, Екатерина Константиновна Гудвилович (урожденная Оленина), в течение 8 лет производившая «книжную и газетную торговлю по всем замосковским железным дорогам», М. О. Вольф, В. Е. Генкель и М. П. Надеин (там же. Л. 29, Л. 35, 40, 58).

¹⁵ Там же. Ф. 776. Оп. 20. Д. 537.

¹⁶ Там же. Ф. 258. Оп. 5. Д. 5. Л. 26–27 об.; Д. 354. Л. 47 – 52 об.

¹⁷ Там же. Д. 354. Л. 47–47 об.

¹⁸ Там же. Л. 47 об.

¹⁹ Там же. Д. 5. Л. 37–38 об.

²⁰ Там же. Д. 354. Л. 24.

²¹ Там же. Ф. 776. Оп. 20. Д. 537. Л. 17 об.

²² Там же. Ф. 258. Оп. 5. Д. 354. Л. 28.

²³ Там же. Л. 16 – 16 об.

²⁴ Там же. Л. 9 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 55 об.

²⁷ См.: Книга в России, 1861–1881 / РНБ. М., 1990. Т. 2. С. 144.

²⁸ РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 5. Л. 27; Д. 354. Л. 49.

²⁹ В августе 1866 г. варшавский обер-полицмейстер сообщил в дирекцию С.-Петербургско-Варшавской дороги, что «некто Кондратов», занимаясь на станции Варшавской железной дороги продажей «русских книг, принадлежащих Санкт-Петербургскому временному купцу статскому советнику Максимову», «обращается с пассажирами невежливо и, несмотря на неоднократные напоминания полиции, не исправляется, так что на него постоянно возникают жалобы». Жандармское управление требовало «безотлагательно устранить» Кондратова от продажи книг (РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 5. Л. 64–64 об.). В ноябре 1873 г. начальником Жандармского полицейского управления капитаном Патериным был составлен акт по делу приказчика книгопродавца Клейна – Шемякина, производившего в пьяном виде беспорядки на Динабургской станции в буфете 1-го класс (там же. Ф. 258. Оп. 5. Д. 398. Л. 31).

³⁰ См. подробнее: Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг.: система административных взысканий: справочное издание / РНБ; сост. и автор вступ. ст. Н. Г. Патрушева; ред. М. А. Бенина. СПб., 2011. 412 с.

³¹ Указана «Петербургская газета». См.: Периодическая печать и цензура в Российской империи... С. 94–95, 100.

³² РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 398. Л. 16–16 об.

³³ Там же. Л. 48 об.

³⁴ РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 354. Л. 59 об.

³⁵ Там же. Д. 398. Л. 16.

³⁶ Там же. Ф. 776. Оп. 20. Д. 537. Л. 22.

³⁷ Динерштейн Е. А. «Контрагентство А. С. Суворина». С. 64; Его же. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 283–290. См. также: Д. М. Сорокалетие газеты «Новое время», 1876–1916 гг. // Ист. вестн. 1916. № 4. С. 178.

Д. А. Липатова

Эволюция книжных рейтингов в России

Статья посвящена истории и современному состоянию отечественных книжных рейтингов. Показана эволюция списков ранжированных по популярности книг: от отчетов публичных библиотек дореволюционной России и социологических исследований чтения до рейтингов бестселлеров и читательских интернет-голосований.

Ключевые слова: книжный рейтинг, популярные книги, бестселлер, онлайн-голосование

Daria. A. Lipatova

Evolution of book ratings in Russia

The article is devoted to the history and current state of Russian book ratings. It tells about evolution of lists of the most sought after books: from reports of public libraries in pre-revolutionary Russia and sociological research of reading to ratings of bestsellers and Internet voting of readers.

Keywords: book rating, popular books, bestseller, Internet voting

Рейтинг (от англ. to rate – «оценивать, давать оценку») – это ранжирование, расстановка приоритетов, оценка, порядок, классификация. Рейтинг означает определение какого-либо оценочного параметра или группы параметров по определенному алгоритму оценки, по заданной шкале ранжирования. По сути, рейтинг представляет собой систему рангового распределения качества на основе количественных показателей.

В русском языке слово рейтинг имеет два основных значения:

- 1) мера популярности кого-либо или чего-либо (рейтинг политика, рейтинг вуза, рейтинг телеканала или отдельной телепередачи);
- 2) список лидеров по какому-либо показателю.

Считается, что в России рейтинговые системы появились лишь в конце XX в., а до этого момента не имели распространения в нашей стране и воспринимались как явление западной буржуазной культуры. Отчасти это действительно так, достаточно сказать, что самого термина «рейтинг» мы не встретим в БСЭ ни второго, ни третьего издания.

Однако представляется возможным назвать рейтингом любой список неких объектов, ранжированных в соответствии с определенным показателем, например, популярностью. Если объектом оценивания является книга, то книжными рейтингами можно считать списки литературных произведений (и их авторов), сгруппированные в последовательности от наиболее востребованных у читателя к менее популярным. При таком допу-

щении, оказывается, что еще задолго до появления в нашей лексике слова «рейтинг», имели место примеры их составления.

Доподлинно не известно, когда и кем был сформирован первый книжный рейтинг. Осмелимся предположить, что потребность в ранжировании культурных объектов возникла вместе с зачатками массовой культуры. Или иначе: рейтинги книг становятся актуальными только при наличии в обществе массового чтения. По мнению американского исследователя-русиста Джеффри Брукса, массовое чтение в России формируется не ранее, чем со второй половины XIX в., точнее – с момента отмены крепостного права¹.

В это же время, то есть в 1860-е гг., публичные и частные библиотеки начинают выпускать периодические (как правило, ежегодные) отчеты о своей деятельности. Сами отчеты не представляли собой какого-либо новшества. К примеру, Императорская публичная библиотека с самого момента своего основания составляла подобные годовые отчеты, где, помимо прочего, приводились статистические данные о составе читателей, о требованиях на литературу и ее выдаче. Однако информация о книговыдаче была ограничена указанием наиболее популярных отделов на русском и иностранном языках. Городские публичные и частные библиотеки приводили более детальные сведения, в частности, о требованиях читателей на литературу. Нужно отметить, что библиотечные отчеты не имели строго унифицированной формы: во многих из них данные об обращаемости к фонду попросту отсутствовали, в других приводился алфавитный список авторов с соответствующими показателями книговыдачи. Но к концу XIX – началу XX в. все чаще обнаруживаются отчеты, в которых приводится именно ранжированный список наиболее популярных у читателей авторов² – прародителя отечественных книжных рейтингов. Интересно, что традиция составления рейтинга не названий книг, а их авторов сохраняется и в современных аналитических отчетах о состоянии книжного дела в России, составляемых РКП, и в отраслевых докладах Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечать).

Показателем значимости библиотечной статистики является то, что в периодической печати нередко публиковались выдержки из отчетов библиотек, сопровождалась критическими замечаниями и рассуждениями о портрете российского читателя, о состоянии литературного процесса и просвещения в стране.

Портрет читающего современника заботил и многих журналистов второй половины XIX – начала XX в. Как результат, все большее распространение получает практика самих периодических изданий (как правило, критико-библиографического или педагогического характера) инициировать анкетные опросы своих читателей об их литературных предпочтениях.

Среди множества подобных опросов выделим анкетирование «5 книг на всю жизнь», проведенное редакцией журнала «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» в 1912 г.³ Это исследование примечательно тем, что его результаты были представлены в виде списка (рейтинга) конкретных произведений, а не их авторов (как это было принято в большинстве социологических опросов того времени и более позднего периода).

В советское время примеры книжных рейтингов мы находим в некоторых крупных социологических исследованиях. Впрочем, прием ранжирования популярных произведений или хотя бы их авторов не слишком распространен. Как правило, исследователи стремились выявить тенденции – востребованные тематические разделы, мотивы и практики чтения – актуальные на продолжительном отрезке времени, а книжный рейтинг представлялся им чем-то сиюминутным, зависящим от скоротечной читательской моды. Тем не менее, существуют исключения. Так, в исследовании 1931 г. «Читающая молодежь города» Л. С. Переплетчиковой на основе изучения так называемых карточек спроса и анкетирования представлен ранжированный список наиболее востребованных авторов⁴. Книжные рейтинги представлены и в современных исследованиях чтения, таких как: «Чтение в библиотеках России» Центра чтения РНБ, опросы ВЦИОМ по поводу главных литературных персон года (2007) и самых популярных книг в России (2008), общероссийский опрос аналитического центра Юрия Левады «Читательские предпочтения российских граждан» (2003–2008), «Круг чтения и читательские запросы россиян» Фонда «Общественное мнение» (2007) и многочисленных региональных опросах.

С переходом страны на рыночную экономику изменился подход к составлению книжных рейтингов – основным критерием оценки книги стала ее коммерческая успешность. В российскую практику врываются списки бестселлеров, то есть книжные рейтинги, основанные на результатах продаж. Как правило, современные исследователи и практики понимают под термином «книжный рейтинг» именно «список бестселлеров»⁵.

В США списки наиболее продаваемых книг публикуются с 1895 г.⁶, в России же они появились только в середине 1990-х гг. Пионером в этой области стала еженедельная газета «Книжное обозрение», введя в 1994 г. рубрику «Бестселлеры Москвы». Поначалу издание отражало продажи книготорговых точек только столицы (в 1999 г. это были «Центркнига», «У Сытина», «Крафт+»), но постепенно список участников проекта «Рейтинг КО» расширился и из названия рубрики исчезло указание конкретного города – рейтинг стал всероссийским. На страницах газеты редакция обращалась к потенциальным партнерам с просьбой присылать отчеты о продажах, обещая публиковать только сводные данные по России без раз-

глашения коммерческой тайны отдельно взятых книгораспространителей. В 2007 г. «Книжное обозрение» вводит информацию о продажах в книжных интернет-магазинах, а с 2013 г. публикует рейтинг читательских предпочтений социальной книжной сети LiveLib. Для составления сводного результата продаж по всем задействованным в проекте магазинам применялась следующая методика. По каждому магазину определялась книга – лидер продаж, а количество проданных ее экземпляров принималось за 100%. Далее высчитывались проценты всех остальных изданий, реализованных в этом магазине. Затем суммировались процентные показатели по каждому изданию в каждом магазине.

Помимо расширения источниковой базы и усовершенствования методики составления рейтингов, газета ввела и закрепила в практике привычное для западного книжного рынка деление бестселлеров на следующие категории: художественная литература (фикшн) в переплете и обложке и нехудожественная литература (нон-фикшн) также в переплете и обложке. Если тематическая группировка была привычна российскому книжному делу, то выделение книг в обложке и переплете оказалось заметным новшеством. Объясняется данная дифференциация известным приемом западной издательской практики: так как книги в твердом переплете значительно дороже, произведение выпускают в этом формате небольшим тиражом, и лишь удостоверившись в ее коммерческом успехе, публикуют большим тиражом в мягкой обложке.

Для расширения представлений об отечественном книжном рынке профессиональное приложение «Книжного обозрения» «Pro» с 2007 г. начало публиковать рейтинги в сегментах «Деловая литература», «Детская литература» и «Аудиокниги», а также зарубежные рейтинги (по данным продаж Amazon.com, рейтинг The New York Times и Barnes&Noble). Не будет преувеличением сказать, что рейтинги газеты «Книжное обозрение» были наиболее авторитетными и качественными. К сожалению, с № 15–16 за 2015 г. рубрика «Бестселлер» перестала существовать.

На сегодняшний день существует немало списков бестселлеров. На сайтах многих книжных магазинов (функционирующих как в оффлайн, так и в онлайн пространстве) публикуется собственный рейтинг, основанный на результатах продаж в данной книготорговой точке. В качестве примера можно привести сайты магазина «Москва», «Библиоглобус» и «Лабиринт». Публикуют списки своих бестселлеров и крупные издательства: «Эксмо», «АСТ», «Манн, Иванов и Фербер» и др. Список самых читаемых с помощью ридеров PocketBook электронных книг представлен на сервисе «ReadRate». Однако недостатком этих рейтингов является, во-первых, их фрагментарность, и, во-вторых, отсутствие архива. Так как подобные рейтинги состав-

ляются, главным образом, в рекламных целях, то их авторы ограничиваются текущей информацией (например, отражают продажи за неделю).

Эти пробелы с начала 2010 и до 2019 г. во многом восполнял сводный рейтинг книжных продаж, представленный на портале Pro-books.ru. Рейтинг давал возможность на основе репрезентативных данных о ежедневных продажах в 11 книготорговых точках⁷ выявлять бестселлеры российского книжного рынка. Сервис рейтинга Pro-books.ru позволял формировать итоговые списки за неделю, месяц, квартал, полгода и год по четырем сегментам: художественная литература, non-fiction, детская, электронные книги и зарубежная литература. Последний сегмент представлял собой список бестселлеров западных книжных рынков по данным интернет-магазина Amazon, еженедельника «Publishers Weekly», а также газеты «The New York Times». Рейтинг электронных книг представлен на основе данных, предоставленных компаниями «Озон», «Литрес», «GooglePlay» и «MyBook»⁸. Каждый рейтинг обновлялся еженедельно, однако последнее обновление произошло 5 апреля 2019 г. На данный момент актуализация этого раздела портала Pro-books.ru приостановлена.

При подробном изучении рейтинга в нем обнаруживаются недочеты. Например, Pro-books учитывал в одном ряду книги в переплете и мягкой обложке, что приводило к дублированию одного и того же произведения на разных позициях рейтинга. Так, в годовом рейтинге за 2018 г. (с 1.01.2018 по 1.01.2019) детектив Ю. Несбе «Снеговик» встречается 2 раза: 14-е место занимает издание «Азбуки» в твердом переплете, а 19-е – тот же роман в мягкой обложке, выпущенный «Иностранкой» и «Азбукой-Аттикус». Похожая ситуация складывается с бестселлером Стивена Р. Кови «7 навыков высокоэффективных людей» в сегменте non-fiction (издание в суперобложке на 9-м месте рейтинга, твердый переплет – на 24-м) и «Sapiens. Краткая история человечества» Ю. Н. Харари. Стоит признать допустимость такого подхода – он оправдан с точки зрения профессионалов книжного рынка (издателей и книготорговцев), – но для исследователя чтения такая практика представляет определенные сложности.

Более существенным недостатком представляется небрежность, с которой в последние годы производилось распределение изданий по сегментам. Так, в non-fiction попали романы А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» и Д. Киза «Цветы для Элджернона», в детской литературе в одном ряду собраны произведения для детей, графические романы young adult⁹, учебные пособия и педагогическая литература для родителей (книги Л. Петрановской, Ю. Гиппенрейтер и др.). Несмотря на сказанное, рейтинг Pro-books заслуженно пользовался авторитетом в книжной среде и использовался при составлении отраслевых докладов Роспечати.

Сложно сказать, будет ли после закрытия рейтинга Pro-books заполнена ниша сводного общероссийского рейтинга бестселлеров. Попытки составления итогового списка самых продаваемых книг за 2019 г. были приняты российской редакцией журнала «Forbes»¹⁰: учитывались данные ведущих российских издательств и крупных книжных магазинов о продажах бумажных экземпляров, а также информация электронной библиотеки «ЛитРес» и аудиосервиса «Storytel» о количестве скачиваний электронных и аудиоверсий. Свой итоговый топ книг – 2019 представил информационный портал «Год литературы – 2020», однако их рейтинг практически полностью повторяет последнее обновление на Pro-books. Возьмут ли эти ресурсы на себя обязанности агрегатора информации о книжных продажах в России или история списков бестселлеров на этом завершится – неизвестно.

Более перспективным направлением развития книжных рейтингов в России представляются читательские онлайн-рейтинги. Современные технологии дали возможность читателю не только высказаться о своих предпочтениях на просторах Рунета, но и составлять оперативные рейтинги любимых книг путем интернет-голосования. Принципиальная инновация заключается в отсутствии посредника (библиотекаря, социолога, журналиста или аналитика), с помощью которого читатель доносит свое мнение до широкой публики. Во многом интернет-голосования являются прогрессивной методикой составления книжных рейтингов: вместо сухой статистики, учитывающей лишь количественные показатели (продажи, обращения, скачивания), мы получаем качественную оценку книги, а право голоса приобретает любой читатель независимо от места проживания.

Первым масштабным рейтингом нового типа можно считать запущенный в 2009 г. проект «100 лучших книг всех времен» – прямое, бессрочное онлайн-голосование посетителей одноименного сайта. Под словом «книга» создатели понимают любое произведение художественной литературы: любой длины, любого жанра, написанное на любом языке в любой период времени. Кроме того, участники голосования сами решают, что понимать под словом «лучшие» – наиболее значимое с художественной точки зрения литературное произведение или просто любимую книжку детства. Система позволяет голосовать как «за», так и «против», а результаты обновляются немедленно в режиме реального времени. Рейтинг предоставляет возможность выставить фильтры по языку (русский, английский и др.), хронологическому периоду (XXI в., XX в., античность и т. п.), жанру или теме. Ответвлением проекта является рейтинг «100 лучших стихотворений всех времен».

Большие возможности по составлению рейтингов читательских предпочтений получили социальные книжные сети и электронные библиотеки.

Так, соцсети LiveLib и BookMix предлагают на своей площадке оперативный рейтинг за неделю, за месяц, итоговый годовой рейтинг и главный рейтинг, ради которого и замышляется интернет-голосование: топ-100 LiveLib и топ-250 BookMix. При их составлении учитываются выставленные пользователями оценки, оставленные отзывы и цитирования, а также отметки о намерении прочитать книгу позже.

Предпринималась попытка создания сводного книжного рейтинга, отражающего литературные вкусы активных пользователей интернета – проект размещался на сайте Bookiner.ru. Разработчики давали книжным новинкам (изданиям, выпущенным в течение года) первичную оценку по характеру так называемой «информационной волны», поднимающейся следом за выходом той или иной книги: упоминание издания в новостях и блогах, наличие и количество отзывов (положительных или негативных) на сайтах интернет-магазинов, в электронных библиотеках и соцсетях. Отобранных таким образом «кандидатов» оценивали посетители сайта (шкала от 1 до 5). В итоге книге присваивался ранг, определяющий ее место в окончательной версии рейтинга. Проект «Bookiner» закрылся в 2015 г.

Таким образом, книжный рейтинг прошел долгий путь от библиотечных списков книговыдачи и социологических исследований к спискам бестселлеров и онлайн-голосований читателей. Однако к 2020 г. отечественная книжная индустрия не имеет ни одного масштабного книжного рейтинга, дающего полного представления о предпочтениях современного читателя. Портрет читающей России напоминает калейдоскоп из обрывочных сведений, полученных из различных источников: социологических опросов, библиотечной статистики, интернет-сообществ, информации о продажах отдельно взятых издательств и книжных магазинов.

Здесь напрашивается вопрос: *а нужны ли нам рейтинги?* Безусловно, рейтинг нельзя воспринимать как окончательную и безоговорочную оценку качества книги (т. е. ее художественных достоинств и таланта автора). Но он является хорошим подспорьем в работе исследователя чтения, так как отражает читательские интересы и их динамику.

Примечания

¹ Brooks J. When Russia learned to read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton: Princeton University Press, 1985. XXII, 450 p.

² Например: Отчет Александровской публичной библиотеки в г. Самаре за 1902. Самара: Тип. губернского земства, 1903. 61 с.; Отчет Екатеринбургской Публичной общественной библиотеки им. В. Г. Белинского за 1900/1901 отчетный год. Екатеринбург: Тип.-лит. К. К. Вурм, 1902. 71 с.; Отчет о состоянии Астраханской общественной библиотеки... за 1901 год. Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1902. 54 с.; Отчет о состоянии и деятельности Пермской город-

ской общественной библиотеки за 1900 год. Пермь: Тип. П. Ф. Каменского, 1901. 38 с.; Отчет правления о деятельности Курской Семеновской публичной библиотеки и бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1900 год. Курск: Тип. Курского губернского земства, 1901. 57 с.

³ 5 книг на всю жизнь // Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф. 1912. № 13. С. 35.

⁴ Переплетчикова Л. С. Читающая молодежь города. Опыт исследования по материалам Московской областной библиотеки за 1928–1929 гг. Москва; Ленинград: Соцэргиз, 1931. 26 с.

⁵ Рубанова Т. Д. Рейтинги книг: профессиональный инструмент книжного бизнеса, «зеркало времени» или шкала культурных ценностей? // Вестник КазГУКИ. 2012. № 1. С. 95–99.

⁶ Липатова Д. А. Бестселлер в книжном деле: к проблеме определения // Библ. дело. 2011. № 20. С. 25–29.

⁷ Pro-books.ru анализировал информацию, полученную из источников: Топ-Книга, Торговый дом Москва, Дом книги Молодая Гвардия, Московский Дом Книги, Торговый дом Библио-Глобус, книжная сеть «Буквоед», интернет-магазин «Санкт-Петербургский Дом Книги», интернет-магазин «Республика», книготорговая группа «ПродаЛитъ», интернет-магазин «Лабиринт», интернет-магазин Ozon.ru.

⁸ Ранее в список входили также сервисы «Аймобилко» и «Bookmate».

⁹ Дословно с англ. «молодые взрослые». Young adult литература рассчитана на подростков и молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет. Верхняя граница подвижна и подобные произведения могут быть востребованы представителями более старших возрастов.

¹⁰ Ломыкина Н. Золотая дюжина: самые продаваемые романы 2019 года // Forbes. 2019. 24 дек. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/390017-zolotaya-dyuzhina-samyeprodavaemye-hudozhestvennyye-romany-2019-goda> (дата обращения 21.07.2020).

А. Е. Ляндусова

**Земские издания как источник изучения истории края
на примере земских изданий Пермской губернии**

Статья посвящена земским изданиям как особому типу региональной печати. Определена видовая структура и перечень основных тем, отраженных в изданиях. Обозначены основные направления изучения земских изданий.

Ключевые слова: земства, земские издания, региональная печать, Пермская губерния

Alexandra E. Lyandusova

**The country («Zemsky») publications as the source for the study of the history
of the region on the example of the country «zemsky» publications
of the Perm province**

The article is devoted to the country publications as a special type of the regional press. The species composition and the list of the reflected main topics are determined. The main directions of the study of the country «zemsky» publications are outlined.

Keywords: «Zemstvos», «Zemsky» editions, country editions, Perm province

Под земскими изданиями принято понимать все документы, изданные земскими типографиями Российской империи в 1864–1919 гг. Пермское земство было учреждено в 1870 и ликвидировано в 1919 г. Таким образом, под пермскими земскими изданиями будем понимать все документы, изданные пермскими земскими типографиями в 1870–1919 гг. В основном, земские издания отражали деятельность органов местного самоуправления и были лишены общественно-политического, публицистического и т. п. характера. Как правило, на их страницах печатались делопроизводственные документы (журналы земских собраний, доклады, сметы и отчеты) и статистические исследования.

Земские издания отражали все направления деятельности органов местного самоуправления. На протяжении полувека в них публиковались сведения о различных аспектах жизни местного общества – медицине, народном образовании, библиотечном деле, сельском хозяйстве, почтовых и пожарных службах, строительстве, транспорте, торговле и т. д. Следует отметить, что, помимо статистических и нормативных сведений, на страницах земских изданий обсуждались также и некоторые дискуссионные вопросы медицины, образования, общественного призрения, военного дела и т. д.

В. А. Павлов отмечает, что «наиболее активные земства стремились не только отразить свою деятельность в области, скажем, здравоохранения и медицины, но и осмыслить, обобщить ее, глубоко исследовать медико-санитарную работу в регионе»¹. Показательно, что в Пермской губернии выходили такие издания, как «Протоколы заседаний Общества врачей Пермской губернии», «Записки Врачебного совета Шадринского земства» и др.

Земские издания, оставаясь печатными органами системы местного управления, старались расширить круг освещаемых тем. Весомую роль в этом процессе играла личность редактора того или иного издания. Так, например, Д. Смышлев, основатель и редактор «Сборника Пермского земства», осознавая историческую и культурную ценность сборника, старался включать в него краеведческие очерки, не предусмотренные утвержденной программой издания. «Сборник Пермского земства» должен был служить универсальной, «настойной» книгой для каждого земского деятеля. Пермский губернатор Н. Е. Андреевский в прошении 1871 г. к министру внутренних дел так видел миссию этого издания: «Сборник Пермского земства не только был бы полезен, как справочная статистическая книга для каждого земского деятеля, но, заключая в себе в то же время периодические отчеты о деятельности управы, был бы средством ко всестороннему и своевременному ознакомлению каждой из Управ с действиями и мероприятиями остальных, что существенно необходимо в видах сообщения взглядов на предметы земской деятельности и установления единообразной системы в мероприятиях»².

Следует отметить, что программа для таких сборников была заранее установлена властями и не допускала каких-либо отклонений. Согласно ей, сборники могли состоять только из трех разделов: 1) постановления и распоряжения правительства по земскому делу; 2) отчеты и известия о деятельности земских организаций, извлеченные из журнальных постановлений и других актов губернских и уездных земских собраний и управ; 3) сведения о справочных ценах и объявления управ губернии³.

Другое не менее интересное для изучения печатное издание – «Журналы Пермского уездного земского собрания». С одной стороны, это официальный документ, содержащий в себе материалы статистического характера, отчеты и постановления местных властей. С другой – интереснейший источник по истории повседневности, истории Пермского края в целом.

«Журналы» не имеют четкой внутренней структуры. Отчеты и доклады земскому собранию в них перемежаются с письмами и прошениями, ведомостями, актами и различными списками. Встречаются и документы личного характера, например, заявление студента второго курса Казанского Ветеринарного института Константина Ашихмина о предоставлении ему

стипендии на обучение с обязательством отработки ветеринарным врачом в родном селе⁴.

Как отмечает Е. Н. Ефремова, «помимо фактографических сведений, в земских изданиях представлен информативный материал для лингвистических исследований. В земском делопроизводстве, в отличие от документов других официальных учреждений, использовались языковые средства выразительности, больше присущие публицистическому стилю»⁵. Так, например, среди докладов X очередному Пермскому уездному земскому собранию можно встретить письмо председательницы Пермского дамского попечительства о бедных А. Семевской с прошением к Э. Г. Гебелю, которое начинается с такого лирического отступления: «Ужели бедный воин положит жизнь за отечество, не имеет права ожидать, чтоб дети его были презрены?»⁶. Подобная выразительная речь и манера изложения характерны для отчетов, писем и докладов, касающихся практически любых сфер жизни земства.

Изучение земских изданий может внести вклад не только в изучение особенностей земского управления, образования, медицины, экономики благодаря опубликованному на их страницах обширному статистическому материалу, но и стать основой краеведческих и историкокультурных исследований.

Так, например, в земских изданиях Пермской губернии имеется большое количество сведений о народном образовании. Помимо статистических данных, перечня образовательных учреждений губернии, поименного списка директоров, учителей и учеников, в них собраны материалы, которые могут быть интересны для исследования истории педагогики и образования – описания образовательных программ, учебных материалов, по которым производилось обучение, поэтапные планы уроков, сведения об отношении учащихся к образовательному процессу, их бытовых условиях, учебной форе и даже о меню учеников с полным перечнем продуктов питания.

Не менее интересные материалы можно встретить и об истории земской медицины. Так, например, выходивший в Пермской губернии «Земско-медицинский сборник» отражал не только состояние медицины в губернии, но и содержал перечень всех аптек, больниц, фельдшерских пунктов и медицинских работников губернии. В «Журналах Пермского уездного земского собрания» ежегодно публиковался доклад «О народном здравии». Такие доклады, как правило, включали поименный перечень всего медицинского персонала губернии с указанием участка заведования и места жительства врачей и фельдшеров, перечень всех умерших (иногда такие отчеты включали в себя даже описание хода течения болезни того

или иного пациента), статистику по заболеваемости в регионе с точным перечнем всех диагнозов на каждом из участков и т. д.

Сведения, приводившиеся в подобных докладах, всегда отличались исключительной подробностью. Так, например, в «Списке повитух Пермского уездного земства, воспитывающихся в Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении», помимо основных сведений (имени, года выпуска из учебного заведения, аттестата и места работы), было указано и то, что Наталья Феокистовна Алексеева получила от Санкт-Петербургского родовспомогательного заведения за отличные успехи в учебе книгу «Уход за здоровыми и больными детьми» М. Снимкина⁷.

Выполняли земские издания и роль своеобразной «криминальной хроники». Значительная доля докладов в «Журналах Пермского уездного земского собрания» посвящена различным происшествиям, следственным действиям и мерам, принятым по тому или иному инциденту. Например, в «Докладе о почтаре Демидове» содержится подробный рассказ о том, как у этого Демидова был похищен пакет с 200 рублями. Земская управа признала Демидова виновным в том, что он принял от одного лица на доставку 200 рублей, тогда как мог принять не более 25 рублей⁸.

Как правило, материалы, представленные в земских изданиях, адекватно отражали картину жизни губернии, даже если состояние тех или иных отраслей в ней было весьма плачевно. Перед земскими изданиями стояла задача максимально полно и реалистично отобразить состояние всех сфер жизни местного общества.

Нельзя не отметить, что существует ряд трудностей, с которыми может столкнуться исследователь при работе с земскими изданиями. Во-первых, это неполное представление земских изданий в фондах библиотек и большое количество лакун. Земские издания рассредоточены по библиотекам, музеям, архивам и частным коллекциям. Во-вторых, названия земских изданий (отчеты, доклады, журналы, сведения), как правило, не отражают их содержания и требуют сплошного просмотра *de visu*. Во-вторых, большинство земских изданий отличается полным отсутствием справочного аппарата, в некоторых из них нет даже оглавления, и это обстоятельство вновь заставляет обратиться к постраничному изучению.

Несмотря на всю очевидную информационную ценность земских изданий, они незаслуженно редко используются исследователями. Существует ряд публикаций, в которых они задействованы для изучения каких-либо конкретных отраслей местной культуры (например, системы образования или библиотечного дела), однако исследования, посвященные истории повседневности земств и истории земской печати как таковой, практически отсутствуют.

Таким образом, земские издания, независимо от своей территориальной принадлежности, являются потенциальным источником для изучения истории, культуры и повседневной жизни российского общества периода земского самоуправления. Кроме того, земские издания, как особый вид печатной продукции, могут выступать в качестве самостоятельного объекта изучения.

Примечания

¹ Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. С. 102.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 51. Л. 2.

³ Сборник Пермского земства. 1872, год первый. Пермь: Типография Поповой, 1872. С. 174.

⁴ Журналы Пермского уездного земского собрания X очереди и VIII Чрезвычайной сессии с докладами Пермской Уездной Земской Управы 1879 и 1880 г. Пермь: Типография Генних, 1880. С. 401.

⁵ Ефремова Е. Н. Информационный потенциал и перспективы использования земских изданий в библиотечном краеведении (по материалам Пермского земства) / Е. Н. Ефремова // Библиография. Археография. Источниковедение: Сборник статей и материалов. Вып. 2 / ред.-сост. А. И. Раздорский, Д. Н. Шилов. СПб.; М.: ООО «Старая Басманная», 2015. С. 142.

⁶ Журналы Пермского уездного земского собрания X очереди и VIII Чрезвычайной сессии с докладами Пермской Уездной Земской Управы 1879 и 1880 г. Пермь: Типография Генних, 1880. С. 45.

⁷ Там же. С. 397.

⁸ Там же. С. 595.

Е. К. Попова

**Мотивы русских рукописных шрифтов XI–XVII вв. в оформлении книг
в конце XIX – начале XX в.**

Русский рукописный шрифт, развивавшийся на протяжении XI–XVIII вв., продолжает быть востребованным. В статье, подготовленной по материалам фонда отдела редких книг научной библиотеки СЗИУ РАНХиГС, проанализировано использование декоративного древнерусского шрифта в оформлении обложек книг, напечатанных в конце XIX – начале XX в. Проведены параллели с подлинными чертами почерков рукописных книг.

Ключевые слова: оформление книги, декоративный шрифт, графический дизайн, типы письма, научная библиотека СЗИУ, отдел редких книг

Ekaterina K. Popova

**The motives of Russian handwritten font of 11–17th century
in the design of books in the late 19th – early 20th century**

Russian handwritten font, which had been developing during the 11–17th century, is still relevant. The article was based on the materials from the fund of the rare books department of the scientific library of the SZIURANEPA. The paper analyzes the usage of decorative old Russian handwriting in the design of book covers printed in the late 19th – early 20th century. Parallels are drawn with authentic features of Russian handwritten font.

Keywords: design of book, decorative font, graphic design, types of scripts, rare books department, SZIURANEPA library

Русское рукописное письмо, развивавшееся на протяжении XI–XVIII вв., все еще является востребованным и продолжает находить отражение в оформлении обложек современных книг. Часто стилизация под один из типов рукописного письма (ранний – устав, или более поздние – полуустав и скоропись) создается художником, когда необходимо подчеркнуть связь с наследием Древней Руси. Переработанные художниками, эти стилизованные шрифты одновременно несут на себе дух прошлых веков и отпечаток того времени, когда они были созданы. В статье рассмотрены методы, которыми достигалась стилизация оформления той или иной книги, а также высказаны предположения, на какой тип рукописного письма она могла ориентироваться.

Статья написана по материалам отдела редких книг научной библиотеки СЗИУ РАНХиГС. Было проанализировано 29 изданий, напечатанных с 1876 по 1945 г.

Во второй половине XIX – начале XX в. общественная жизнь России бурно и неуклонно менялась. В это время пробуждается интерес к русско-

му костюму, предметам быта, народным промыслам. Увлечение наследием Древней Руси отразилось также и на оформлении обложек книг, выпущенных в этот период.

Для всех изданий, хранящихся в фонде научной библиотеки СЗИУ РАН-ХиГС, оформление которых содержит элементы рукописных почерков, характерно соответствие определенной тематике: это история России приблизительно до XVIII в. (изредка – включительно) или русский фольклор. Так, например, исторические повести, помещенные в многотомном издании «Откуда пошла русская земля и как стала быть»¹ оканчиваются XVIII в. Над оформлением этих книг работал художник Н. Д. Дмитриев-Ольденбургский. И его обложки, и титульные листы содержат стилизованный шрифт – им набраны названия и выходные данные каждой из книг. Полученный шрифт нельзя отнести ни к уставу (высота букв значительно больше ширины), ни к полууставу (соблюдена симметричность построения букв)². От подлинного почерка художник оставил буквам штрихи на концах (засечки) и высокую контрастность (разницу между тонкими и толстыми линиями). Эти буквы вписаны в полукруг и являлись частью рисунка.

Рисунок, однако, далеко не всегда сопровождает текст стилизации. В 1888 г. в Санкт-Петербурге Археологической комиссией была опубликована «Новгородская летопись по харатейному списку»³. В оформлении титульного листа этой книги стилизация шрифта присутствует только в слове «летопись», выделенном красным цветом. Буквы обладают чертами, свойственными подлинной вязи: они вписаны между двух параллельных линеек перпендикулярно строке, на равном расстоянии друг от друга, вытянуты вертикально⁴. Этот тип декоративного письма использовался для написания названий рукописей, ею же писались и надписи на иконах. Весь текст не выполнялся вязью, ее задачей было подчеркнуть лишь один его фрагмент.

Такой же тип письма – вязь – украшает переплет сборника стихотворений вел. кн. Константина Константиновича, напечатанного в 1901 г.⁵ В данном случае художник дополнил вязь элементами орнамента, аналогичными подлинным украшениям вязи (каплевидные точки на более тонких линиях буквы). Следует обратить внимание на то, почему книга, не связанная ни с историей Древней Руси, ни с фольклором, получила такое оформление: вероятно, это стало следствием увлечения в начале XX в. древнерусской тематикой.

Еще ярче такая мода на старину отразилась в трех подарочных изданиях, выпущенных приблизительно в одно и то же время (1909–1913 гг.) – это многотомные издания «Москва в ее прошлом и настоящем»⁶, «Великая форма»⁷ и «Сказания о русской земле»⁸. Оформление этих книг объединяет

обложку и титульный лист: инициалы на них имеют схожие черты, но не копируются полностью; в «Великой реформе» и «Сказаниях...», где инициалы используются и в начале каждой главы, есть несколько вариантов одной и той же буквы. Стилизованный шрифт на обложке и под ней, напротив, отличается по насыщенности. Буквы текста, к которому следует привлечь внимание читателя (заглавие), содержат больше декоративных элементов. Во всех трех изданиях дух старинного шрифта помогает создать буква «юс малый» (Δ); она используется только на обложке. Кроме того, на примере «Москвы...» еще раз подтверждается временная граница, в рамках которой художники-оформители считают уместным стилизацию под древнерусский шрифт. Оформление первых восьми выпусков этого издания, над которыми работал П. Афанасьев, содержит эту стилизацию, а обложки последующих томов, повествующих о жизни Москвы в XVIII в., проиллюстрировал П. Демьянов – и он уже выбрал другой стиль шрифта и рисунка.

Если в книгах «Великая реформа» и «Сказания...» сохраняется целостность шрифтового оформления в пределах титульного листа, то выходные данные «Москвы...» набраны типичным шрифтом эпохи модерна, плавным и текучим – так художник хотел противопоставить «рукописный» шрифт печатному. Аналогичный прием используется и в оформлении восьмого выпуска серии очерков «Из истории русской культуры» – «Вече в Новгороде»⁹. Толщина и плавность букв на титульном листе, а также способ образования вязи свойственны началу XX в. На то, что образцом для стилизации служили рукописные шрифты, указывает только высокая контрастность линий в заглавии на обложке и использование букв «ук» (Ѹ), «земля» (ꙗ) и лигатуры в «ы». Еще один пример использования причудливых элементов модерна есть на обложках книг, вышедших в серии «Русь в ее столицах»¹⁰. Оформление названия серии «Русь...» и выпуска «Киев»¹¹ основаны на чертах, позаимствованных у вязи (высокая контрастность и вытянутые в высоту буквы). Слова «Русь в ее столицах», которые должны привлечь внимание читателя, написаны гораздо более свободно.

Основываясь на книгах, представленных в фонде библиотеки СЗИУ РАНХиГС, можно заметить, что художники-оформители первого десятилетия XX в., используя элементы подлинных рукописных шрифтов, больше ориентируются на современные им образы. Необходимая атмосфера старины создается не менее важной деталью – цветом, орнаментом.

В 1924 г. появляется пример весьма точной стилизации, не подкрепленной цветом или рисунком – небольшой по формату путеводитель «Старая Москва»¹². Шрифт на обложке, не повторяющийся больше нигде в книге, очень достоверно воспроизводит скоропись конца XVII в. Невоз-

можно представить, чтобы такая точность достигалась без ознакомления с оригинальными документами.

С 1920 гг. возникает другой метод работы над стилизацией: художник, согласовывая средства оформления с характером издания, далеко не всегда предпочитал яркие рисунки аутентичности. В оформлении книги «Иван Федоров первопечатник»¹³, изданной в Ленинграде в 1935 г. Институтом книги, документа и письма Академии наук СССР, также использованы подлинные черты рукописных шрифтов. Каждая глава сопровождается инициалами, заставками и концовками, без изменений взятыми из книг XVI в. (Апостол 1564 г., Часослов 1565 г. и Псалтырь 1568 г.). Здесь эти элементы продолжают выполнять свою первоначальную роль. Заглавие книги, оригинальная работа художника М. В. Ушакова-Поскочина, засечками и контрастностью восходит к полууставу.

Это не единственный пример использования фрагментов подлинных документов в оформлении книги. М. В. Маторин, работавший над оформлением издания «Древнерусских летописей»¹⁴, поместил на суперобложке фрагмент подлинной страницы «Повести временных лет». Однако в данном случае эта страница служит лишь для украшения. Заглавие книги выполнено стилизованным шрифтом, полностью разработанным автором. Несмотря на то, что присутствует типичное для инициала цветовыделение в уже устоявшейся форме (черный текст, красная буквица), оно подчеркивает буквы в середине слова.

Стилизация в научной исторической литературе 1930-х гг., в отличие от изданий начала века, использует более скромные средства выразительности. Обложка монографии В. П. Адриановой-Перетц «Праздник кабацких ярыжек»¹⁵ демонстрирует интересный пример разных рукописных почерков как основы различных шрифтов. В оформлении названия книги сочетаются черты устава и более позднего полуустава, а также цветовыделение, свойственное инициалу; выходные данные набраны поздней скорописью XVIII в. Устав как тип письма, более знакомый неподготовленному читателю, должен привлечь внимание читателя.

В конце 1930-х гг. на обложках книг чаще встречаются шрифты, полностью разработанные художниками-оформителями. Ярким примером является шрифт на обложке монографий: «Разгром польской интервенции в начале XVII века» А. И. Козаченко¹⁶, «Куликовская битва» Б. В. Федорова¹⁷ и «Древнерусские города» Н. Н. Воронина¹⁸. Над художественным оформлением этих трех книг работал Н. А. Седельников. Помимо использования инициалов и выделения их цветом, художник искал выразительные элементы и находил их в нетипичном для подлинных рукописных шрифтов удлинении линий и засечек.

Подборка книг из фонда библиотеки СЗИУ РАНХиГС показывает, что на протяжении первой трети XX в. стилизация под рукописный почерк все чаще основывается не на подлинных его особенностях, а на том, как их видит художник. Это можно проследить на примере переизданий «Слова о полку Игореве». В оформлении «Слова...», выпущенного в 1876 г.¹⁹, использованы те же приемы, что и на обложке «Новгородской летописи» (СПб., 1888 г.): форма букв, традиционная для вязи, подчеркивание красным цветом. В издании 1934 г.²⁰ используется инициал, полностью разработанный художником А. И. Усачевым, самые яркие черты, заимствованные здесь у рукописного шрифта – высокая контрастность и засечки. В издании 1938 г.²¹, над оформлением которого работал художник А. Н. Морозов-Лас, буквы вписываются в орнамент и на обложке, и на титульном листе, дополняя друг друга. В фонде библиотеки имеется издание «Слова...» 1938 г.²², над оформлением переплета которого работал В. А. Фаворский. Сохранилось его воспоминание о процессе подготовки стилизованного шрифта. Художник обратился к подлинникам XII в., хранящимся в рукописном отделе РГБ²³. Фаворский пишет о том, что его, в первую очередь, заинтересовали орнаменты, в которые вписывались буквы, а не сам шрифт. На обложке книги, для которой он разработал шрифт, видны полностью авторские буквы, имеющие лишь несколько общих черт с подлинными рукописными почерками (буквы «како» и «люди», например, никогда не писались таким образом). Наконец, в издании «Слова...» 1945 г.²⁴, посвященном 150-летию открытия этого памятника, оформление сочетает в себе фантазию художника (не имеющие ничего общего с древнерусскими мотивами рисунки на обложке и на титульном листе) и минималистичная, но достоверная стилизация шрифта, которым набрано заглавие.

Тем не менее, следует отметить, что, чем более «авторским» становится шрифт на протяжении первой трети XX в., тем выше была роль художника в его создании. Вместе с минималистичными или фантастическими стилизациями появляются примеры, в которых мастерство художника и его историческая подготовка находятся на одинаково высоком уровне. Так, например, третье издание «Онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом»²⁵, было проиллюстрировано И. Я. Билибиным в 1938 г. Обложка, титульный лист и внутреннее оформление книги демонстрируют гармоничное единство знания подлинных черт рукописного почерка и их авторской переработки. Билибин использовал разные типы письма для разных областей титульного листа; в выходных данных присутствует особенность, свойственная только скорописным почеркам позднего периода – разная высота букв. Метод, благодаря которому иллюстрации, шрифт и орнамент обладают такой цельностью, подробно разобран в

статьях художника^{26 27}, опубликованных еще в начале XX в. Необходимо обязательное обращение к первоисточнику, и лишь затем – творческая интерпретация увиденного. Билибин пишет об архитектуре, народном промысле и орнаменте, но для шрифтовых композиций это требование не менее справедливо.

Обращение к буквам старого алфавита было почти забыто к началу 1940-х гг. Исключением является буква «ук» на обложке небольшого издания «Русь и Прибалтика»²⁸, выпущенного в 1945 г. Кроме того, на ней видны черты, общие для всех стилизаций: красный инициал, вписанный в орнамент, засечки и высокая контрастность линий. Они являются наиболее стойкими, прошедшими через множество изданий, а значит, самыми узнаваемыми признаками русского книжного письма. Практически во всех изданиях, рассмотренных выше, присутствуют инициал, засечки и высокая контрастность, соединенные в той или иной пропорции. Выигрышными оказываются те шрифтовые композиции, где эти пропорции приближены к реально существовавшим в каком-либо типе рукописного письма.

Таким образом, на протяжении конца XIX – начала XX в. рукописные шрифты прошлых веков воплощались на страницах печатных книг по-разному: сначала минималистически, затем, по мере того, как повышалась роль декоративных элементов оформления, шрифт становился более индивидуальным. Аутентичность стилизации зависела от подготовки художника и его способности найти баланс между достоверностью и собственной фантазией. Каждый художник перенимал те черты рукописной книги, которые казались ему наиболее важными для выполнения конкретной задачи, и использовал их так, как ему подсказывало чутье. Как и в других случаях создания художественных произведений по мотивам народного творчества, большую роль в успехе здесь играло знакомство с подлинными образцами древнерусского письма.

Примечания

¹ Разин А. Откуда пошла русская земля и как стала быть: русская история в повестях: [в 3-х т.] / А. Разина и В. Лапина; с рис. Н. Дмитриева-Оренбургского. Санкт-Петербург; Москва: Изд. Маврикия Осиповича Вольфа, 1878–1879.

² Щепкин В. Н. Русская палеография. Москва: Наука, 1967. С. 106.

³ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1888.

⁴ Черепнин Л. В. Русская палеография. Москва: Политиздат, 1956. С. 257.

⁵ Константин Константинович, вел. кн. Стихотворения, 1879–1899. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1901.

⁶ Москва в ее прошлом и настоящем: Роскошно ил. изд., посвящ. памяти историка Москвы И. Е. Забелина. [Т. 1] / в изд. принимают участие: проф. Д. Н. Анучин, Ю. И. Айхенвальд, С. К. Богоявленский [и др.]. Москва: Московское Кн-издат. товарищество «Образование», [1909]–[1912].

⁷ Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: юбилейное издание: [в 6 т.] / ист. комис. Учеб. отд. О.Р.Т.З.; ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Москва: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911.

⁸ Нечволодов А. Сказания о Русской Земле: [в 4 ч.] / сост. Александр Нечволодов, д. чл. Рус. воен.-ист. о-ва. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1913.

⁹ Тарасов Н. Г. Из истории русской культуры: [1]. Вып. 8: Вече в Новгороде / Н. Г. Тарасов и А. Ф. Гартви. Москва: Изд. В. В. Думнова, 1911.

¹⁰ Нелидова Е. И. Русь в ее столицах: [в 4 вып.] / Е. Нелидова. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1912–1916.

¹¹ Нелидова Е. И. Русь в ее столицах: [в 4 вып.]. [Вып.] 3: Киев / Е. Нелидова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1915.

¹² Никольский В. А. Старая Москва: Историко-культурный путеводитель. Ленинград: Изд. Брокгауз – Ефрон, 1924.

¹³ Иван Федоров первопечатник: [сборник]. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1935.

¹⁴ Древнерусские летописи: Статьи В. Лебедева и В. Панова / пер. и комментарии В. Панова; ред. В. Лебедева. Москва; Ленинград: «Academia», 1936.

¹⁵ Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек: Пародия-сатира второй половины XVII века / В. П. Адрианова-Перетц; Акад. наук СССР. Ленинград: изд. АН СССР, 1934.

¹⁶ Козаченко А. И. Разгром польской интервенции начале XVII века. Москва: ОГИЗ Гос. изд. полит. литературы, 1939.

¹⁷ Федоров Б. В. Куликовская битва. Москва: ОГИЗ Гос. изд. полит. литературы, 1939.

¹⁸ Воронин Н. Н. Древнерусские города. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1945.

¹⁹ Игорь князь Северский: Слово о полку Игореве: Поэма в 12-ти песнях / пер. с древнерусского Николай Гербель. 5-е изд. Санкт-Петербург: Тип. Стасюлевича, 1876.

²⁰ Слово о полку Игореве / ред. древнерус. текста и пер. С. Шамбинаго и В. Ржиги; пер. С. Щервинского и Георгия Шторма: статьи и коммент. В. Ржиги и С. Шамбинаго; ред. и вступ. ст. В. Невского. Москва; Ленинград: «Academia», 1934.

²¹ Слово о полку Игореве: Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов XIX и XX вв. / ред. текста, его прозаич. пер. и коммент. проф. Н. К. Гудзия; ред. художественных переводов и переложений Петра Скосырева; худ. оформление А. Морозова-Лас. [Москва]: Советский писатель, 1938.

²² Слово о полку Игореве / общ. ред. Н. К. Гудзия; пер. И. Новикова. Москва: Гос. изд. «Художественная литература», 1938.

²³ Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие: Сборник / сост. Е. Б. Мурина, Д. Д. Чебанова. М., 1988. С. 341.

²⁴ Слово о полку Игореве / пер. и коммент. Югова; вступ. ст. акад. Грекова и акад. Орлова. Москва: Советский писатель, 1945.

- ²⁵ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. Изд. 3. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1938.
- ²⁶ Билибин И. Я. Народное творчество Севера // Мир искусства. 1904. № 11. С. 302–318.
- ²⁷ Билибин И. Я. Остатки искусства в русской деревне // Журнал для всех. 1904. № 10. С. 609–618.
- ²⁸ Казакова Н. А. Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.) / Н. Казакова и И. Шаскольский. Ленинград: ОГИЗ Госполитиздат, 1945.

Е. С. Корвацкая

«Фирменный стиль» издательств начала XX в. в детской книге

Рассматривается оформление изданий художественной литературы для детей в контексте развития издательского дела начала XX в. На примере комплексной характеристики внешнего вида публикаций отдельных издательств показаны системные изменения в облике детской книги данного периода.

В начале XX в. в сегменте детской литературы работали крупные и небольшие издательства. Одни сохраняли облик книги II половины XIX века (издательство А. Ф. Девриена, «Посредник», товарищество И. Н. Кушнерева и Ко), другие меняли отдельные элементы книги (издательство И. Д. Сытина, А. Д. Ступина и И. Н. Кнебеля) или развивали единый стилистический облик изданий (издательство М. В. Саблина). В детском издательстве при журнале «Тропинка» и в издательствах, не специализировавшихся на выпуске детской литературы («Грядущий день», «Шиповник», «Огни»), были выпущены книги, показавшие новые векторы развития книжного искусства начала XX в.

Ключевые слова: издательство, детская книга, иллюстрация, типография, фирменный стиль

Elena S. Korvatshkaya

«Corporate style» of publishing houses of the beginning of the XXth century in children's books

The article considers the design of publications of fiction for children in the context of the development of publishing at the beginning of the XXth century. For example, the complex characteristics of the appearance of publications of individual publishers show the system changes in the appearance of children's books of this period.

At the beginning of the XXth century, large and small publishers worked in the segment of children's literature. Some retain the form of the book II half of XIXth century (publishing house A. F. Devrien, «Posrednik», partnerships I. N. Kushnereva), others change the individual elements of the book (published by I. D. Sytin, A. D. Stupin and I. N. Knebel), developed a unified stylistic appearance of publications (publishing house of the M. V. Sablin). In the children's publishing house at the magazine «Path» and in publishing houses that did not specialize in the release of children's literature («The Coming day», «Brier», «Lights»), books were released that showed new vectors of the development of book art at the beginning of the XXth century.

Keywords: publishing house, children's book, illustration, typography, corporate identity

Понятие «фирменный стиль» обычно не применяется для характеристики издательского дела. Данный термин определяется как совокупность приемов или черт, которые обеспечивают узнаваемость торговой марки (бренда). Он используется при рассмотрении массовой культуры второй половины XX – начала XXI в. Сознательно применяя это понятие при рассмотрении художественного оформления книг начала XX в., мы стремимся подчеркнуть некоторые процессы, ранее не расстраивавшиеся в истории

детской книги данного периода (на примере художественной литературы для детей).

Нужно отметить, что издательства в начале XX в. не обладали опытом системной разработки художественного оформления детских книг. Не были выработаны стандарты форматов издания, размеров текстового блока, рекомендации по использованию гарнитуры и кегля шрифта для разных возрастов.

Почти в любом издательстве начала XX в. можно встретить красочно оформленные книги, напечатанные на плотной бумаге в иллюстрированном картонаже. Рядом будут находиться издания без какого-либо оформления, возможно, лишь с одним рисунком на обложке сомнительного качества, а текстовый блок будет напечатан на тонкой журнальной бумаге с узкими полями.

Внешний вид печатной книги начала XX в. зависел от:

- мастерства художника;
- опыта издательства;
- возможности типографии, где была напечатана книга;
- вида печати, примененного при репродуцировании иллюстраций;
- материалов, использовавшихся для переплета и текстового блока;
- особенности верстки издания.

В выходных данных изданий изучаемого периода указано авторство литературного текста и иллюстративного ряда, но отсутствуют сведения о редакторской работе и лицах, которые отвечали за верстку издания. Поэтому сейчас в полной мере нет возможности определить роль художника в создании целостного облика книги.

Издательства, появившиеся в книжном мире еще во второй половине XIX в., сохраняли традицию красочной книги с хромофотографскими иллюстрациями и тканевыми переплетами. Издательство А. Ф. Девриена (СПб., 1872–1917) преимущественно переиздавало свои книги конца XIX в. Издания содержали постраничные репродукции с акварельных и графических рисунков.

Издательство «Посредник» (М.–СПб., 1884–1935) также поддерживало в детской книге стилистику XIX в. Оно выпускало серию «Библиотека Ив. Горбунова-Посадова для детей и юношества» и отдельные издания для подрастающего поколения. Серию эту оформляли малоизвестные художники. Отметим лишь встречающиеся в ней иллюстрации Н. И. Живаго (1885–1936)¹.

Московское издательство А. Д. Ступина (М., 1868–1918) являлось одним из лидеров по выпуску печатных изданий для детей. Знаменитая серия «Библиотечка Ступина»² стала символом детской книги для массового

читателя начала XX в. Книги серии чаще всего выходили в тонкой обложке, без переплета или картонажа, со стандартными титульными листами. В советской критике издания А. Д. Ступина часто осуждали за яркие и безвкусные обложки, поверхностные иллюстрации.

В книгах А. Д. Ступина середины 1900-х гг. наметились элементы «фирменного стиля» издательства. На примере обложки 1900–1910-х гг. можно проследить этапы изменения книжного ансамбля (обложки художника В. В. Спасского (1870–1924)³). Вокруг А. Д. Ступина сформировалась постоянная группа иллюстраторов. Из художников издательства стоит выделить А. П. Апсита (1880–1944), Н. И. Живаго, В. В. Спасского. Их творчество объединяет увлечение модерном. Этот стиль проявляется в экспрессивной свободной манере А. П. Апсита и Н. И. Живаго, в сдержанных и лаконичных формах у В. В. Спасского.

Издательство И. Д. Сытина (М., 1891–1917)⁴ выступало основным конкурентом товарищества А. Д. Ступина в сфере выпуска детской книги. Самые большие тиражи того времени, прекрасные технические возможности, две собственные типографии – все это позволило И. Д. Сытину стать лидером в отечественном книжном деле. Издательство смело экспериментировало с форматами, типами переплета. Оно активно использовало вырубку, теснение. Оформленные таким образом книги были интересны и необычны для маленького читателя. Но они постепенно превращались в предмет игровой комнаты, а не в произведение книжного искусства. Из большого количества «типичных» сытинских книжек-картинок с яркими обложками и поверхностными иллюстрациями выделяется авторская серия Н. И. Живаго «Еще книжка малым детям» (1910-е гг.)⁵.

В изданиях И. Д. Сытина чаще встречаешь иллюстрации художников, работавших в графической технике тушью, кистью и пером. Это известный в будущем советский анималист А. Н. Комаров (1879–1977)⁶, популярный иллюстратор А. В. Неручев⁷, критиковавшийся в педагогической и искусствоведческой литературе за безвкусные рисунки, художник обложек А. Д. Ступина В. В. Спасский⁸, иллюстратор-шаржист М. М. Щеглов (1885–1955), создавший несколько нестандартных книжных ансамблей⁹. Важным изданием в наследии товарищества И. Д. Сытина является сборник детских стихов Саши Черного «Тук-тук» (1913).

Интересно, что почти в каждом издательстве можно найти книгу, в которой соединились консервативная и передовая стороны книжного оформления. Результаты стилистических поисков в детской книге у А. Д. Ступина можно проследить по сборнику «Первоцвет. Книга для чтения в младших классах средней школы» (1909)¹⁰. В его оформлении участвовали художники разных направлений: от приверженцев традиционной книги

XIX в. (Л. С. Бакст (1866–1924), В. В. Переплетчиков (1863–1918), Н. С. Ульянов, П. С. Уткин, А. В. Шевченко) до иллюстраторов с новыми решениями книжного пространства (В. Д. Замирайло (1868–1939), С. Ю. Судейкин (1882–1946), К. Ф. Юон (1875–1958). В товариществе И. Д. Сытина таким показательным изданием был сборник-хрестоматия «Цветничок. Хрестоматия-малютка детям для чтения в школе и дома» (1910) в оформлении мирискусников – М. В. Добужинского (1875–1957), Д. И. Митрохина (1883–1973) и С. Ю. Судейкина, также В. В. Спасского и других художников.

На базе издательства И. Д. Сытина выходили издания детского журнала «Тропинка»¹¹ под руководством главных редакторов журнала Н. И. Манасеиной (1869–1930) и П. С. Соловьевой (1867–1924, псевдоним как иллюстратора – Allegro). Первые детские книги журнала «Тропинка» печатались в типографии П. П. Сойкина. Затем, после закрытия журнала, издания стали печататься в типографии И. Д. Сытина под названием «Библиотека „Тропинки“» или с указанием «Издание журнала „Тропинка“», «Книгоиздательство „Тропинка“» (1913–1918). Смена выпускающей типографии положительно отразилась на внешнем облике книг.

Редакция журнала «Тропинка» выпустило около 100 наименований. Это полнотекстовые книги для младшего и среднего возраста с небольшим количеством страниц. Иллюстрации в них занимали половину разворота. Лучшие издания «Тропинки» выходили в плотном цельнокартонном переплете, оклеенном одноцветной бумагой с иллюстрацией в две краски. Четко структурированный книжный блок строился из постраничных иллюстраций, многочисленных заставок и концовок. Формат изданий был различным, но так или иначе тяготел к квадрату. Такие книги было удобно держать в руках юному читателю.

«Тропинка» часто выпускала произведения малоизвестных авторов, которые с течением времени оказались совершенно забыты. В оформлении книг «Тропинки» участвовала постоянная группа иллюстраторов – Т. Н. Гиппиус (1877–1957)¹², Мери Чемберс (М. Я. Чемберс-Билибина, 1874–1962)¹³, Allegro (П. С. Соловьева)¹⁴, А. Э. Линдеман (1878–?)¹⁵, П. Захаров¹⁶, П. Воронцов¹⁷ и др. Преимущественно художники выполняли иллюстрации кистью и тушью или графитным карандашом в линейной технике. Их воспроизводили способом литографской печати. Они иногда дополнялись двумя-тремя красками. С «Тропинкой» эпизодически работали представители объединения «Мир искусства» – В. Я. Замирайло¹⁸, Г. И. Нарбут (1886–1920)¹⁹, Д. И. Митрохин²⁰.

История издательства И. Кнебеля (М., 1895–1918) неоднократно рассматривалась в истории книжного дела²¹. Благодаря его «Подарочной серии» детская книга стала восприниматься объектом книжного искусства.

Серия печаталась в одной из самых передовых типографий России того времени – Р. Голике и А. Вильборг (1902–1918). Она состояла из тонких книжек-картинок $\frac{1}{4}$ типографского листа, напечатанных в 3–4 краски. Многие из них стали символом возрождения детской книги начала XX в.

Книжки-картинки издательства И. Кнебеля определили основные направления развития детской книги начала XX в. В серии приветствовалась индивидуальная верстка модульной сетки для каждого издания. Шрифтовая композиция стала главным средством художественной выразительности в обложке. Основой «Подарочной серии» стали книжные ансамбли в оформлении Г. И. Нарбута и Д. И. Митрохина²².

Помимо «Подарочной серии», в издательстве И. Кнебеля вышли книги-картинки в оформлении А. В. Ложкина (1881–1942)²³. Произведения Р. А. Кудашевой (псевдоним – Р. К.), автора любимого всеми стихотворения «В лесу родился елочка...» и нескольких стихотворных сборников²⁴, художник оформил в едином стилистическом ключе.

Издательство И. Кнебеля занималось также выпуском полнотекстовых книг для детей. В. Д. Замирайло, мирискусник «второго поколения», не принимал участия в «Подарочной серии», но несколько лет сотрудничал с издательством И. Кнебеля в других подобных проектах²⁵. Книга Е. Н. Опочина «Из тьмы веков» (1910)²⁶ оформлена художником А. В. Ложкиным как сказочный деревянный ларец.

В изучении художественного оформления детской книги начала XX в. важен опыт небольших издательств или тех издательских коллективов, которые не специализировались на выпуске литературы для юного читателя.

«Шиповник» (СПб.–М., 1906–1922), издательство символистского круга, планировало расширить тематику своих книг за счет выпуска детской литературы, но серии «Детская библиотека издательства „Шиповник“» не было суждено появиться на полках магазинов и библиотек. В свет вышли всего несколько книг, разных в стилистическом решении и типографской характеристике.

В 1907 г. «Шиповником» были изданы «Детские рассказы» А. Серафимовича с иллюстрациями Б. М. Кустодиева (1878–1927) – классическими постраничными иллюстрациями в тон. «Морщинка» А. М. Ремизова в оформлении М. В. Добужинского – эксперимент на каждой странице. Сборник «Жар-птица» [1911]²⁷ и книга «Живая Азбука» Саши Черного с иллюстрациями В. Д. Фалилеева [1914]²⁸ подчеркивают переходный период в художественном оформлении детской книги начала XX в.

Представители объединения «Мир искусства» также сотрудничали с товариществом О. Н. Поповой (СПб., 1894–1919). Сборник «Голубая книжка. Сказки» (1912)²⁹ был воплощением идеи Максима Горького и Саши Черного

о создании детской книги нового типа. Скрамные возможности типографии М. Стасюлевича, отсутствие общего видения ансамбля книги не позволили авторам реализовать проект до конца. Иллюстрации И. И. Бродского (1884–1939) и В. Д. Фалилеева сильно контрастируют в нем между собой. Яркие картонажные переплеты к книгам М. Моравской «Цветы в подвале» (1914)³⁰ с иллюстрациями В. Д. Фалилеева и «Апельсиновые корки» с рисунками С. В. Чехонина (1878–1936) (1914)³¹ привлекают к себе особое внимание. Каждое издание – это завершенный книжный ансамбль.

Издательство «Грядущий день» (М., 1907/1910–1915) для детской аудитории выпустило авторскую книгу К. С. Петрова-Водкина (1878–1939) «Аойя: Приключения Андруши и Кати в воздухе, под землей и на земле» (1916)³² с многочисленными иллюстрациями, «Пять воздушных поцелуев» (1914)³³ С. М. Городецкого (1884–1967). Книги были напечатаны на плотной бумаге, имели красочный картонаж в три краски, поэтому их стоимость была выше среднего.

В 1915 г. «Грядущий день» присоединился к издательству философско-религиозной литературы «Огни» (СПб., 1909–1923). Последнее выпустило сборник «Сказки утех досужие» (1912), составленный организатором издательства Е. А. Ляцким (1868–1942) и книгу В. Шишкова «Сибирский сказ» (1916) в оформлении Д. И. Митрохина. Издания эти сходны в оформлении. В них орнаментальные композиции вокруг текстового блока являются не украшением, а организующим декоративным элементом всего книжного ансамбля.

Издательство М. В. Саблина (М., 1901–1912) представляло стиль модерна в детской книге. Всего за десять лет работы переводчик и книжный деятель М. В. Саблин (1872–1916) сформировал свой узнаваемый стиль в печатной книге. Картонажный переплет скрывал под собой непривычно плотные кремово-охристые страницы. Часто выбирались нестандартные форматы книжного блока. В основном тексте повсеместно использовались гротесковые шрифты с увеличенным размером кегля. Цвет шрифта подбирался в тон бумаги. Текстовый блок верстался с широкими полями. Книги М. В. Саблина отличались спокойным изобразительным рядом. Рисунки репродуцировались без глубокой штриховки формы, подсвечивались цветовыми заливками в две-три краски.

В ассортименте издательства преобладали репринтные издания зарубежных книг. Также у М. В. Саблина выходили издания с рисунками отечественных художников. В книгах художника В. Я. Суреньянца (1860–1921)³⁴ обнаруживаются характерные особенности стиля издательства: гармоничное сочетание противоположностей, академичность рисунка и стилизация формы, декоративные и реалистичные композиции, тщательная проработ-

ка орнаментальных мотивов, фрагментарность и обобщение. У М. В. Саблина были изданы книги с иллюстрациями А. В. Неручева³⁵ и А. А. Апсита³⁶. По какой-то причине в издательстве очень часто выходили книги без указания авторства иллюстративного блока.

Детская книга находилась в прямой зависимости от возможностей издательского дела. Без типографии Р. Голике и А. Вильберг не состоялся бы успех «Подарочной серии» И. Кнебеля. Сказочность «былинной» серии И. Я. Билибина (1900-е) смогла передать «Типография экспедиции заготовления государственных бумаг».

В типографии И. Н. Кушнерева и типографии «Русское товарищество» выходили издания, тяготевшие к стилистике конца XIX в. В собственной типографии А. Д. Ступина печатались книги с контурными черно-белыми иллюстрациями.

Услугами типолитографии «Печатник» пользовались многие крупнейшие русские издательства начала XX в. Типография специализировалась на выпуске многостраничных изданий. Она качественно печатала иллюстрации в 2–3 краски, наносила золочение и серебрение на элементы рисунка на обложке и в текстовом блоке. Хорошими примерами полиграфической продукции «Печатника» являются «Голубая птица по Метерлинку для детей» с иллюстрациями В. В. Спасского (1910)³⁷, большеформатные издания произведений М. Ю. Лермонтова в оформлении А. Н. Комарова (1915)³⁸. Типолитография «Печатник» практиковала также самостоятельный выпуск книг для детей (например, «Царь Кузя» А. А. Федорова-Давыдова (1910)³⁹).

Московская скоропечатня А. А. Левенсона не уступала «Печатнику» по качеству продукции. В типографии использовали разные типы бумаги, применяли полноцветную печать или печать в несколько красок, активно вводили картонажный переплет. Здесь, в частности, были выпущены книги с иллюстрациями Б. В. Зворыкина (1872–1942)⁴⁰.

Сегодня облик детской книги начала XX в. зачастую трудно представить завершенным. Отдельные элементы печатного издания, выполнявшие защитную функцию (переплет, форзац, корешок, издательская папка) со временем утрачивались. В руках читателей последующих поколений оказывался только книжный блок с обложкой.

1900–1910-е гг. – важный и интересный период в истории книжного дела в России. Это время отличалось стагнацией и поиском новых средств художественной выразительности, бессистемным подходом в работе издателей и предположением целостного видения издательского процесса. «Фирменный стиль» издательства выстраивался из выбора основы для книжного блока и переплета, типа переплета, вида печати, гарнитуры шрифта, верстки, стилистики иллюстраций. В книгах издательств И. Д. Сы-

тина и А. Д. Ступина постепенно выстраивалось новое видение книжного ансамбля путем трансформации отдельных элементов книги. В детских изданиях зачастую проявлялись сугубо декоративные приемы книгооформления (издательство М. В. Саблина). В небольших и не специализировавшихся на продукции для детей издательствах концентрировался новый потенциал развития художественного оформления детской книги (журнал «Тропинки», «Шиповник», «Грядущий день», «Огни» и др.).

В качестве перспектив изучения «фирменного стиля» издательств начала XX в., выпускавших детскую литературу, могут быть названы продолжение системного анализа деятельности различных издательских фирм, выявление особенностей художественного оформления детской книги в общем ассортименте того или иного издательства, поиск архивных материалов, свидетельствующих о совместной работе издателя и художника, рассмотрение влияния техник печати на облик книг для подрастающего поколения.

Примечания

¹ Ульянова А. И. Моя новая мама и другие рассказы. М.: И. Н. Кушнерев и К°, 1903; Межак И., Наживин И. Ф. и др. Белое перо и другие легенды. М.: И. Н. Кушнерев и К°, 1905; Аксаков С. Т. Аленький цветочек. М.: И. Н. Кушнерев и К°, 1912.

² Обзор «Библиотеки Ступина» // Новости детской литературы. 1918. № 2–3.

³ Лукашевич К. Новинка. М.: А. Д. Ступин, 1910; Рогова О. И. Пять братцев-подосиновиков. М.: А. Д. Ступин, 1910; Любич-Кошуrow Г. А. Два волшебника. Фокусы для детей младшего и среднего возраста. М.: А. Д. Ступин, 1913; Вучетич Н. Ч. Два пугача. М.: А. Д. Ступин, 1913 и др.

⁴ Подробнее об издательской деятельности И. Д. Сытина см.: Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М.: Книга, 1983.

⁵ Серия «Еще книжка малым детям» (1910-е): Паренек с ноготок. М.: И. Д. Сытин, 1913; Живаго Н. И. Паренек с ноготок. М.: И. Д. Сытин, 1913; Живаго Н. И. Тилибум-бум. Сказка о белом камешке. М.: И. Д. Сытин, 1913; Живаго Н. И. Сказка о карликах. М.: И. Д. Сытин, 1913 и др.

⁶ Городецкий С. М. Ау: Стихи для детей. М.: И. Д. Сытин, 1913; Федоров-Давыдов А. А. Сказки Кота-Баюна. М.: И. Д. Сытин, 1917; Афанасьев А. Н. Русские народные сказки / ил. А. Н. Комаров; М. М. Щеглов. М.: И. Д. Сытин, 1913 и др.

⁷ Репка. М.: И. Д. Сытин, 1912; Царская жемчужина. М.: И. Д. Сытин, 1915 и др.

⁸ Рогова О. И. Русские сказки для маленьких детей. М.: И. Д. Сытин, 1915; Бажина С. Рассказы для детей. М.: И. Д. Сытин, 1918 и др.

⁹ Шкляр Н. Г. Авиационная неделя моего детства. М.: И. Д. Сытин, 1913; Шкляр Н. Г. У царевны Динь: Сказка. М.: И. Д. Сытин, 1913; Шкляр Н. Г. Сказка о прекрасном короле Альберте. М.: И. Д. Сытин, 1915.

¹⁰ Стражев В. И., Спасский В. В. Первоцвет: Хрестоматия для мл. кл. сред. шк / сост.: В. И. Стражев, В. В. Спасский; ил.: Л. С. Бакста, В. Д. Замирайло [и др.]. Снимки с картин: А. М. Васнецова, В. М. Васнецова [и др.]. М.: А. Д. Ступин, 1909.

- ¹¹ Журнала «Тропинка» выходил с 1906 по 1912 гг.
- ¹² Иванов Е. П. В лесу и дома. Рассказы. М.: И. Д. Сытин, 1915. (Библиотека «Тропинки»); Бездобразова М. Горе и радость. М.: И. Д. Сытин, 1916.
- ¹³ Беляевская О. Золотой поясок. М.: И. Д. Сытин, 1914. (Библиотека «Тропинки»); Толмачева М. Маленькие люди. Рассказы. М.: И. Д. Сытин, 1914.
- ¹⁴ Соловьева П. С. Елка. Стихи для детей. М.: Тропинка, [1907]; Франса А. Пчелка. СПб.: Тропинка, [1907].
- ¹⁵ Пожарова М. А. Бубенчики. М.: И. Д. Сытин, 1915. (Библиотека «Тропинки»); Беляевская О. Золотой поясок. М.: И. Д. Сытин, 1914. (Библиотека «Тропинки»); Толмачева М. Маленькие люди. Рассказы. М.: И. Д. Сытин, 1914.
- ¹⁶ Миронов Н. В школу. М.: И. Д. Сытин, 1915; Насветова Ю. Друзья. М.: И. Д. Сытин, 1914.
- ¹⁷ Казмин Н. В. Рожок пастуха. М.: И. Д. Сытин, [1914]; Вережников А. Всем солнышко светит. М.: И. Д. Сытин, 1914.
- ¹⁸ Манасеина Н. И. Рассказы для детей / ил. В. Я. Замирайло, Т. Н. Гиппиус, А. Линдеман. СПб.: журнал «Тропинка», 1906 (типография Тов. Р. Голике и А. Вильборг).
- ¹⁹ Соловьева П. С., Манасеина Н. И. Родные заветы. Биографии замечательных людей. М.: И. Д. Сытин, 1914; Манасеина Н. И. На рождество / ил. Г. И. Нарбута, Т. Н. Гиппиус и П. С. Соловьевой. М.: Тропинка (типография П. П. Сойкина), 1913; Соловьева П. С., Манасеина Н. И. Васильки. М.: И. Д. Сытин, 1914.
- ²⁰ Кондурушкин С. С. Звонарь. М.: И. Д. Сытин, 1914.
- ²¹ Издательство И. Н. Кнебель и художники детской книги: Из истории создания книг «Подарочной серии» / [вступ. ст. и сост. Л. И. Юниверг; худож. О. В. Некрасова]. М.: Книга, 1989. 43 с.; Коротнева, В. Издания И. Кнебеля для детей дошкольного возраста // Что и как читать детям. 1911/1912. № 6. С. 7–10; Юниверг Л. И. Издательский мир Иосифа Кнебеля. Иерусалим: Филобиблон, 1997. 401 с.; Каталог выставки «Издание И. Кнебель», 1895–1918. М.: б. и., 1979. 71 с.; Каталог выставки «Издание И. Кнебель»: худ. изд., дет. книги, нагляд. пособия (1895–1918) / [вступ. ст. и сост. Л. И. Юниверг]. М.: б. и., 1974. 46 с.
- ²² Игрушки: [Сказка Б. Дикса] / ил. Г. И. Нарбут. Кн. 1–2. М.: И. Кнебель, 1913; Плaши Матвей, не жалей лаптей. М.: И. Кнебель, 1910; Крылов И. А. Журавль и цапля. Медведь / ил. Г. И. Нарбут. М.: И. Кнебель, 1907; Деревянный орел / ил. Г. И. Нарбут. М.: И. Кнебель, 1909; Гауф В. Корабль призрак: Сказка / ил. Д. И. Митрохин. М.: И. Кнебель, 1912; Густафсон Р. Баржа / ил. Д. И. Митрохин. М.: И. Кнебель, 1913 и др.
- ²³ Книги Р. К. (Р. А. Кудашева) с иллюстрациями А. В. Ложкина: «Снегурка. Снеговик» [1909], «Приход зимы. Беда петушка» [1910], «Как шалили Павлик с Неточкой» (1910), «Санки-самокатки» (1910), Деда пещерные [19-?].
- ²⁴ Колыбельные песенки. М.: И. Кнебель, [19-?]; Вешние зорьки. Песенки. М.: И. Кнебель, [19-?].
- ²⁵ Маленьким деткам маленькие песенки». М.: И. Кнебель, 1909; Русские народные сказки для маленьких детей. М.: И. Кнебель, [1910]; Миньон, дочь музыканта / под ред. Е. Н. Опочинина. М.: И. Кнебель, 1913, Шмидт Хр. Сто рассказов для маленьких детей / пер. с нем. В. Андреевской. М.: И. Кнебель, 1913.

- ²⁶ Опочинин Е. Н. Из тьмы веков: Исторические рассказы. М.: И. Кнебель, 1910.
- ²⁷ Жар-птица: Дет. сб. изд-ва «Шиповник». Кн. 1. СПб, [1911]. В сборник включены произведения Саши Черного, А. Н. Толстого, К. И. Чуковского, А. Л. Моравской, иллюстрации В. П. Белкина, С. В. Чехонина, М. В. Добужинского, А. Радакова. Обложка по рисунку С. Ю. Судейкина.
- ²⁸ Черный С. Живая азбука. СПб.: Шиповник, [1914].
- ²⁹ Голубая книжка. Сказки. СПб.: Товарищество О. Н. Поповой, 1912.
- ³⁰ Моравская М. Цветы в подвале. СПб.: Товарищество О. Н. Поповой, 1914.
- ³¹ Моравская М. Апельсиновые корки. Стихи для детей. СПб.: Товарищество О. Н. Поповой, 1914.
- ³² Петров-Водкин К. С. Аойя: Приключения Андрюши и Кати в воздухе, под землей и на земле. СПб.: Грядущий день, 1914.
- ³³ Городецкий С. М. Пять воздушных поцелуев. СПб.: Грядущий день, 1914.
- ³⁴ Лагерлеф С. Легенды о Христе. М.: М. В. Саблин, 1907; Уайльд О. Молодой король. М.: М. В. Саблин, 1909; Уайльд О. День рождения Инфанта. М.: И. Кнебель, 1909.
- ³⁵ Теремок. М.: М. В. Саблин, 1909.
- ³⁶ Волховский Ф. Дюжина сказок Ивана Брута. М.: М. В. Саблин, 1908.
- ³⁷ Спасский В. В. Голубая птица по Метерлинку для детей. М.: А. Д. Ступина, 1910.
- ³⁸ Лермонтов М. Ю. Три пальмы. М.: Издание И. Д. Сытина, 1915; Лермонтов М. Ю. Казачья колыбельная песня: Стихотворение М. Ю. Лермонтова. М.: Издание И. Д. Сытина, 1914;
- ³⁹ А. А. Федоров-Давыдов А. А. Царь Кузя. Русская народная сказка в стихах. М.: Типо-лит. «Печатник», 1910.
- ⁴⁰ Пушкин А. С. Сказка о золотом петушке. М.: А. А. Левенсон, 1903; Сказка по Марью Моревну. М.: Издание Б. Аванцо, 1904; Веселые музыканты. М.: И. Кнебель, [1909].

Л. Д. Новикова

**Переписка, не лишенная занимательности
для будущего историка русской печати**

Рассмотрены причины конфликтной ситуации, сложившейся между издателями журналов «Городское дело», «Земское Дело» и Главным управлением по делам печати в 1912 и 1915 гг. Оба журнала, выходящие в Санкт-Петербурге в начале XX в., стали первым опытом специализированных изданий, посвященных вопросам городского хозяйства, земского и муниципального управления. В статье проанализированы материалы переписки редакции и канцелярии Главного управления по делам печати, а также жалобы издателя Д. Д. Протопопова Министру внутренних дел на действия военной цензуры, затрудняющие выход обоих журналов. Статья основана на архивных документах и материалах периодической печати.

Ключевые слова: Городское дело, городское самоуправление, Санкт-Петербург, Петроград

Lidiya I. Novikova

**Correspondence that is not without its attractions
for the future historian of the Russian press**

The report examines the causes of the conflict situation between the publishers of the magazines «Gorodskoe Delo», «Zemskoe Delo» and the Main Department for press Affairs in 1912 and 1915. Both magazines, published in St. Petersburg at the beginning of the XXth century, became the first experience of specialized publications devoted to urban economy and municipal management. The report analyzes the materials of correspondence between the editorial office and the office of the General Directorate for press Affairs, as well as complaints from the publisher D. D. Protopopov to the Minister of internal Affairs on the actions of military censorship that make it difficult to publish both magazines. The report is based on archival documents and materials of the periodical press.

Keyword: Urban Affairs, city self-government, Saint Petersburg, Petrograd

Российская Империя в начале XX в. – это страна со стремительно растущим населением (на 1913 г. – самый быстрый рост в Европе)¹, активно развивающейся промышленностью и нищающей в результате аграрного кризиса деревней. Крестьянское население устремилось в города, быстро превращающиеся в крупные индустриальные центры. Вопросы обустройства быта, коммунальной инфраструктуры и санитарного состояния городов стояли очень остро, что в условиях сильной поляризации общественных и политических сил страны не могло не выплеснуться на страницы периодической печати.

Особенно болезненными стали эти вопросы для столицы Российской империи. Городское хозяйство Санкт-Петербурга, бывшего одновременно

сосредоточием административной, культурной и промышленной жизни империи, задышалось в узких рамках, очерченных городским положением 1892 г. Главный орган городского самоуправления – Петербургская Городская дума – так же, как и думы других городов, не имела решающего голоса для решения вопроса городского благоустройства. Да и состав Думы был достаточно инертен: Городовое положение 1892 г. давало право баллотироваться в гласные только узкому кругу лиц, в основном – крупным домовладельцам и промышленникам, руководствующимся собственными интересами. Часть думской общественности из купцов и трактирщиков едва умела читать и писать. Как характерный пример отношения гласных к своей управленческой миссии можно привести историю с проектом устройства народных бань, рассчитанных на беднейшие слои населения. Проект не был принят Думой, так как «многие из влиятельных гласных-стародумцев» владели частными банями и опасались конкуренции².

Чтобы разрядить крайне тяжелое для столицы положение, в 1903 г. специально для Санкт-Петербурга Министерством внутренних дел было разработано специальное Положение об общественном управлении, расширявшее круг избирателей и вводившее образовательный ценз. Благодаря этой и другим поправкам изменился социальный состав Думы, в числе ее гласных появились люди из среды городской интеллигенции, всей душой желающие решить вопросы городского благоустройства.

События 1905–1906 гг. всколыхнули общество – огромная часть населения, получив избирательные права, включилась в политическую жизнь, по всей стране активно создавались различные объединения и общества. «Интерес к общественным вопросам потерял, правда, свою яркость для немногих избранных, зато он распространился на слои, прежде бывшие безучастными зрителями совершавшихся событий [...] Начинает назревать – хотя, быть может, и не вполне еще сознательное – стремление к разумному устройству жизни в ближайшей, обыденной ее обстановке, к изменению тех жизненных мелочей, которые тесным кольцом окружают нашу жизнь, постоянно влияя на нее»³.

В 1906 г. в Нарвской части Петербурга было организовано первое в стране Общество обывателей и избирателей, созданное «с целью содействие городскому благоустройству»⁴. Подобные общества стали активно создаваться в различных частях Санкт-Петербурга, а затем и других городах Российской империи.

Эта активная деятельность требовала создания специального издания, координирующего усилия по модернизации городского хозяйства и вопросам местного самоуправления. В 1909 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер специализированного журнала «Городское дело». В свидетель-

стве № 5090/1780, выданном 24 июня 1915 г. Петроградским градоначальником «на выпуск в свет» журнала «Городское дело», программа журнала изложена следующим образом: «1. Руководящие статьи по всем отраслям общественного управления; 2. Теоретическая и практическая разработка общих и специальных вопросов муниципальной жизни в России и заграницей; 3. Хроника городской жизни в России и заграницей; 4. Специальный отдел: законы и правительственные распоряжения; 5. Справочный отдел: ответы на вопросы читателей по общим и текущим вопросам городского хозяйства и управления; 6. Разные известия из области муниципальной жизни; 7. Рисунки, планы и чертежи; 8. Объявления»⁵.

У журнала был «брат-близнец» – «Земское дело», издававшийся той же издательской командой. Его основной целью ставилось «развитие земских вопросов».

Издателей было двое: Лев Александрович Велихов (он же – редактор) – публицист, владелец типографии и книжного склада и Дмитрий Дмитриевич Протопопов – землевладелец, фабрикант, бывший гласный Государственной Думы I созыва. Оба издателя состояли в конституционно-демократической партии, а Протопопов был еще и «неблагонадежным», так как в 1895–1899 гг. состоял под надзором полиции за пропаганду среди крестьян, за что был выслан в Финляндию на три года. В ссылке деятельный Д. Д. Протопопов занимался изучением края, в который его забросила судьба, в результате чего на свет появился сборник краеведческих статей «Финляндия», основной целью которого было «познакомить русского читателя с краем, о котором у нас знают так мало»⁶. Вернувшись из ссылки, Протопопов был избран в 1906 г. в Государственную думу I созыва от общего состава выборщиков Самарского губернского избирательного собрания. Однако в том же году Д. Д. Протопопов, не утративший вкус к политической борьбе, оказался в числе 167 депутатов, осужденных на три месяца тюрьмы за подписание в 1906 г. «Выборгского воззвания», призывавшего к гражданскому неповиновению.

Вопросы городского самоуправления Протопопов изучал много лет и достаточно основательно: в частности, в 1898 г. он перевел на русский язык и издал труды немецкого политика и знатока вопросов муниципального управления и самоуправления Гуго Линдемана. По воспоминаниям современников, именно Д. Д. Протопопов стал «фактической направляющей и руководящей силой в обоих журналах»⁷. Остальные члены редакторского коллектива так же всеми силами содействовали развитию изданий, вкладывая в проект свой личный капитал – нужно заметить, что, не взирая на свои почти революционные взгляды, издатели были людьми состоятельными.

Тематика статей, охватывающая различные аспекты городского хозяйства, экономики и юриспруденции, хорошо просматривается уже в первом «Указателе статей, напечатанных в «Городском деле» за 1909 г»⁸. Здесь были рубрики: финансы, «Народное здравие», «Земство и город», «История городов», «Городское управление» и «Прочие отрасли городского хозяйства», включая подразделы «Дороговизна жизни», «Рабочий вопрос», «Жилищный вопрос».

«Городское дело», так же как и его собрат «Земское дело», имел однотипные приложения – календари городского и земского деятеля, издававшиеся в форме записной книжки. Первый выпуск, вышедший в 1910 г., носил название «Календарь-справочник городского и земского деятеля»; в дальнейшем, вплоть до последнего выпуска на 1916 г., календари выходили в виде двух различных изданий. Их содержание составляли: «Обычные календарные и иные справочные сведения», тексты законов, необходимых в работе (например, «Городовое положение»), сводки смет городских управлений и губернских и уездных земств на текущий год (включались не только имена и фамилии, но и размер получаемого оклада); библиография по городским и земским вопросам, выдержки из законодательных материалов, (например, из закона о народных библиотеках), о пособиях и ссудах из казны на всеобщее обучение и др. Видимо, в качестве рекламно-коммерческой составляющей приводился «Список фирм». Составителем обоих календарей выступил историк земства, специалист по истории и экономике городского хозяйства Б. Б. Веселовский. По приводимым в рекламной листовке «Отзывам печати», «Русские ведомости» сообщали о «Календаре» следующее: «Издание представляет первый опыт в своем роде на русском языке и, несомненно, очень полезно. При небольших размерах и удобном формате книга содержит в себе главнейшие данные, с которыми приходится считаться лицам, имеющим то или другое отношение к вопросам городского и земского хозяйства. Цена книги – 1 р. за 474 стр. печати – очень дешевая»⁹.

Очевидно, что редакции журнала, поднимающего на своих страницах острые социальные вопросы, не раз приходилось контактировать с органами цензуры. В Российском государственном историческом архиве сохранилась любопытная переписка, возникшая между издателями и Главным управлением по делам печати. Первое письмо относится к сентябрю 1912 г. Велихов и Протопопов обратились в Главное управление по делам печати с достаточно неожиданной просьбой – выдать им удостоверение в том, что журнал «Городское дело», является «...единственным в России частным изданием, разрабатывающим вопросы городского самоуправления»¹⁰. Справка требовалась для предоставления в германское

консульство с целью получения свидетельства для берлинского представителя журнала.

На этот запрос Главное управление по делам печати сообщило, что «Городское дело» такой эксклюзивностью не обладает, так как «вопросы городского самоуправления являются предметом обсуждения многих других частных изданий». Ответ был подписан членом Совета Главного управления А. Катениным¹¹. Впрочем, Велихов так просто от своих целей не отказывался, и в полном сарказма повторном письме в Главное управление по делам печати потребовал подтвердить, что «Городское дело» – это единственный узко-специализированный журнал, посвященным «разработке городских вопросов»¹². Главное управление вторично отказалось выдать такое свидетельство, мотивируя свое решение тем, что «не может утверждать, что в данный момент НИГДЕ не существует другого ЧАСТНОГО повременного издания по вопросам городского самоуправления. Ответ был подписан и. о. начальника Главного управления по делам печати графом С. С. Татищевым»¹³.

На этом переписка не закончилась: издатели «Городского дела» быстро сочинили новое прошение: «Главное управление полагает, что германскому консулу необходимо удостоверение, гарантирующее отсутствие другого частного издания, посвященного разработке городских вопросов, именно к моменту выдачи такого удостоверения. Между тем, задача значительно упрощается тем, что в действительности названному консульству не нужны такие необычайно точные данные: оно вполне – как вообще всякое иное учреждение и отдельное лицо – удовлетворилось бы установлением со стороны столь авторитетного учреждения, как Главное управление по делам печати, такого факта, что к тому времени не слишком, конечно, отдаленному, по имеющимся в Главном управлении сведениям, – кои в известные сроки представляются Губернаторами и Градоначальниками, – журнал „Городское Дело“ являлся единственным частным изданием, специально посвященным городским вопросам, что вполне и соответствовало действительности. [...] Изложенное заставляет редакцию не утрачивать надежды, что Главное управление сочтет возможным изменить точку зрения, основанную на стремлении к такому совершенству, которого статистика еще нигде не достигала, и что оно признает допустимым выдачу удостоверения, приуроченного к известному сроку, что вполне будет достаточно для той обыденной практической цели, которой должно служить исправленное удостоверение.

В заключение, редакция позволяет себе указать, что настоящая переписка, хотя может быть и, не лишённая занимательности для будущего историка русской печати – очень неблагоприятно отражается на интере-

сах редакции, заставляя ее терпеть материальный ущерб от траты драгоценного времени на выяснение вопросов, которые по своей крайней элементарности, вряд ли, казалось бы, требуют, для своего выяснения, столь продолжительной переписки»¹⁴.

Главное управление прекратило переписку, предоставив требуемый ответ¹⁵.

Видимо, успешный итог переписки вдохновил редакторов, и в 1915 г. письменная перепалка возобновляется вновь: на этот раз поводом стали необоснованные (по мнению редактора Протопопова) запреты военной цензуры.

Положение о военной цензуре было утверждено императором 20 июля 1914 г. (на следующий день после вступления России в I мировую войну) в чрезвычайно-указном порядке и действовало до 1917 г. С 1916 г. правительство стало злоупотреблять цензурными полномочиями: из петроградских газет (Петроград был включен в театр военных действий) стали вычеркиваться критические суждения в адрес правительства, не связанные с раскрытием военных тайн. Это вызывало острое недовольство среди либерально настроенной общественности, к которой относились и редакторы «Городского дела» и «Земского дела». На страницах обоих журналов стали появляться «белые пятна» – пустые страницы, где должен был находиться изъятый цензурой текст. По давней традиции редакции пострадавших от цензуры газет и журналов часто неумышленно выпускали в свет издания с «белыми пятнами», дабы привлечь внимание широкой общественности¹⁶.

В июне 1915 г. неутомимый Д. Д. Протопопов пишет жалобу на действие Петроградской военной цензуры, адресованную напрямую министру внутренних дел¹⁷. В ней он жалуется на необоснованные задержки оттисков, вычеркивание материала «по соображениям, совершенно непонятным и не имеющим разумного отношения к войне». Эта жалоба, написанная эмоционально и образно и характеризующая Протопопова как человека, имеющего четкую гражданскую позицию и готового ее отстаивать на всех уровнях, стоит того, что бы процитировать ее практически полностью: «С самого установления предварительной цензуры мне пришлось терпеть всяческие стеснения [...] Так, однажды в „Земском деле“ было вычеркнуто количество бочек кислой капусты, которое какая-то кооперация обязалась поставить в армию – вероятно, по глубокомысленному соображению о том, что это может дать нашим врагам представление о численности той части, для которой поставлялась капуста. Другие места вычеркивались из каких-то совершенно непонятных общих соображений. Вычеркивались цитаты из газет, например, цитата из газеты „Речь“, о жилищных условиях

петроградских семей запасных. Вычеркивались места, цитировавших „Русское слово“. Выходит так, что мои 2 тысячи подписчиков не могут читать то, что доступно сотням тысяч людей, читающих „Русское слово“. Вычеркивались отдельные слова. В изданных календарях городского деятеля и земского деятеля осенью 1914 года были вычеркнуты в „Земском календаре“ случаи неутверждения земских деятелей, но случаи неутверждения голов и членов городских управ были оставлены в „Календаре городского деятеля“. Какое из двух решений правильное? Или горожане могут читать то, что опасно для земцев? Или просто разные цензоры?

Я не могу назвать это отношение иным, как оскорбительным для меня и моих читателей. Кто-то, служащий по цензурному ведомству, имеет право подозревать меня в том, что я, русский гражданин, могу помещать в своих журналах то, что вредно родине и успеху ее войск в годину такого напряжения, во время, как все партии объединились вокруг одного лозунга: „Все для войны“. Кто-то, может быть, моложе меня и годами, и опытом, имеет право безапелляционно решать, что следует вычеркнуть в просмотренных мною, в рукописях и в гранках, статьях. Мне 49 лет; я бывший служащий Пр. Сената, я бывший крупный самарский помещик; я бывший член уездной управы; я литератор; я с 1897 г. издатель; через мою редакцию прошли сотни печатных листов; я был членом Первой Государственной Думы; мои журналы совершенно специальные и читаются специалистами – земскими и городскими деятелями. И вот я должен подчиниться воле людей, вероятно, очень почтенных и сведущих, но отнюдь не настолько, чтобы в такое время решать за меня, что я могу печатать и что нет. Я утверждаю, что я Россию люблю не менее, чем они, и что я мог бы им указывать, что нужно печатать, а не они мне.

Я 10 месяцев терплю то, что не могу назвать иным, как внутренней борьбой с Россией, как косвенным содействием ее врагам, как видом немецкого засилья – но теперь, когда удален министр, борющийся с объединением России, я не мог не обжаловать порядков, препятствующих пишущим в моих журналах авторам делится мыслями и советами с земскими и городскими кругами, которые в настоящее время получают все большее значение»¹⁸.

Удаленный министр, на которого, как на корень всех бед, указывал Протопопов – это, несомненно генерал В. А. Сухомлинов, уволенный в июне 1915 г. с поста военного министра по обвинению в плохом снабжении русской армии. Сухомлинов был фигурой непопулярной, народ считал его «изменником», а в 1917 г., он, чуть было не растерзанный толпой, предстал на суде по обвинению в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Не удивительно, что Протопопов, как всякий журналист, чутко при-

слушивавшийся к общественному мнению, постарался упомянуть в письме опального министра, как бы поставив своих оппонентов перед выбором – «на чьей вы стороне?».

Постараемся рассмотреть, насколько прав был редактор Протопопов в своем негодовании по поводу действий цензуры. Возмущение по поводу вычеркивания цензором информации о поставляемой в войска бочек с квашенной капустой совсем не кажется оправданным, если мы примем во внимание пункт 21 «Перечня сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны», запрещенных к разглашению и распространению в печати сведений: «О заготовлениях для нужд военного и морского ведомств как в России, так и за границею»¹⁹. Разглашение такой информации приравнивалось к «государственной измене путем шпионства». А журнал «Городское дело», как нам известно из предыдущей переписки, имел представителей за рубежом, в том числе, и во враждебной Германии.

Протопопов был типичным представителем русской интеллигенции начала XX в., идеалистом, политиком-неудачником, обиженным на власть. За его плечами не было опыта выживания в военных конфликтах, в отличие от того же Велихова или другого соредактора, доктора З. Френкеля, он лично никогда не присутствовал на театре военных действий. В 1915 г. вера в неизбежность либерального пути развития России как европейской страны с парламентским управлением была еще сильна в Д. Д. Протопопове. Но будущее оказалось намного страшнее, чем мог представить Протопопов, призывавший «строить города-сады в головах людей»²⁰.

В 1919 г. Д. Д. Протопопов, в ту пору член Финансово-экономического совета Комитета государственных сооружений, был арестован Московской ЧК по обвинению в участии заговоре «Тактическом центра» и заключен в Бутырскую тюрьму. За заговорщиков вступился писатель М. Горький, обратившийся к В. И. Ленину с призывом «не уничтожать мозг народа». На что получил широко известный ответ, о том, что «интеллигентники, лакеи капитала мнящие себя мозгом нации [...] на самом деле не мозг, а г...»²¹.

Несмотря на многочисленные просьбы о помиловании от различных организаций, Протопопов был приговорен к расстрелу в числе других 19 обвиняемых, однако суд, приняв во внимание раскаяние подсудимого, заменил расстрел условным 5-летним сроком заключения. Протопопов тихо дожил до начала 1930-х гг., работая скромным экономистом, затем – вновь череда арестов и приговоров, к счастью – опять условных. Однако очередной арест для постаревшего 69-летнего бывшего редактора и гласного Городской думы закончился смертью в тюрьме.

Примечания

¹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XX – начало XX в.) = *Economic growth of Russian Empire (end of XIX – beginning of XX century)*: Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. И Кузнецов и др. М.: РОССПЭН, 2003. С.22.

² Родные картины // Л. Велихов // *Городское Дело*. 1909. № 11. С. 342.

³ От редакции // *Городское Дело*. 1909. № 1. С. 3.

⁴ Зноско-Боровский А. Общества обывателей и избирателей г. Петербурга // *Городское Дело* 1909. № 2. С. 69.

⁵ РГИА Ф.776. Оп.9. Д.2097. Л. 1.

⁶ Финляндия / под ред. Д. Протопопова. СПб.: Изд. О. Н. Попова, 1898. С. I.

⁷ Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р. Б. Самофал. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 226–227.

⁸ Указатель статей, помещенных в «Городском Деле» в 1909 году // *Городское Дело*. 1909. № 24. С. 1356–1358.

⁹ Рекламная информация // *Городское дело*. 1911. № 8. С. [1].

¹⁰ РГИА Ф.776. Оп.9. Д.2097. Л 4.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 8 – 8 об.

¹⁴ Там же. Л. 9 – 9 об.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Блохин В. Ф. Преданье административной старины: «Белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // *Новый исторический вестник*. 2016. № 3 (49). С. 35.

¹⁷ РГИА Ф. 776. Оп. 9. Д.2097. Л. 12.

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается на основании статьи 1 отдела II закона 5 июля 1912 года об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства, и статьи 11 высочайшего указа правительствующему сенату от 20 июля 1914 года // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/> (дата обращения 14.09.2020).

²⁰ Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р. Б. Самофал. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 270.

²¹ В. И. Ленина А. М. Горькому письмо от 15.09.1919 // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 51. С. 47–48.

Н. В. Жиликова

«...Допускает широко личное усмотрение»: сюжет о цензурском произволе в отношении газеты «Сибирская жизнь» (по архивным материалам)¹

Цензурная история ведущей газеты Сибири – «Сибирской жизни» (Томск, 1897–1919) – включает в себя жалобу редактора П. И. Макушина на цензурский произвол в отношении газеты и ответ Главного управления по делам печати. Рассмотрев запрещенные материалы газеты, петербургский цензор пришел к выводу о том, что цензурный надзор над «Сибирской жизнью» действительно был необоснованно суров.

Ключевые слова: цензура, «Сибирская жизнь», Главное управление по делам печати

Natalia V. Zhilyakova

«...Allows wide personal discretion»: a plot about censorship arbitrariness in relation to the Siberian Life newspaper (based on archival materials)

The censorship story of the leading newspaper in Siberia – Siberian Life (Tomsk, 1897–1919) – includes a complaint from the editor P. I. Makushin to censorship tyranny of the newspaper and the response of the Main Directorate of Press. Having examined the banned materials of the newspaper, the St. Petersburg censor came to the conclusion that censorship of the Siberian Life was indeed unreasonably harsh.

Keywords: censorship, Siberian Life, General Directorate for Press

Исследование цензурных дел, относящихся к дореволюционному периоду развития русской журналистики, позволяет ответить на многие вопросы, связанные с «внутренней жизнью» газет и журналов: проследить историю их возникновения, узнать причины прекращения, выяснить экономические условия существования, получить сведения о редакторском и авторском составе редакций². Новые факты цензурной истории дореволюционной периодики дают также возможность оценить взаимоотношения между отдельными редакциями, местными цензорами и Главным управлением по делам печати и выяснить, насколько оправданы были жалобы редакторов на притеснение со стороны цензурного ведомства.

Цель настоящей статьи – на основании изучения архивных документов, относящихся к истории томской газеты «Сибирская жизнь», определить справедливость цензурных претензий к этому изданию. Источником подобных сведений в данном случае является «Заключение» члена Совета Главного управления по делам печати Н. И. Пантелеева, составленное в 1905 г. в ответ на жалобу редактора газеты «Сибирская жизнь» П. И. Макушина. Основными методами исследования являются метод исторической реконструкции, специальные архивные методы исследования.

Газета «Сибирская жизнь» была ведущей газетой Сибири в начале XX в., она издавалась в Томске с 1897 по 1919 гг. История существования газеты состояла из трех этапов: первоначально это был «Томский справочный листок» (1894–1895), затем программа была расширена, а газета переименована в «Томский листок» (1896–1897); в итоге издание приобрело название «Сибирская жизнь» (1897–1919) и стало выходить по программе полноценной общественно-политической и литературной газеты. Такие сложности были связаны с тем, что издатель «Сибирской жизни», известный сибирский предприниматель и меценат, П. И. Макушин, в 1881 г. основал первую частную томскую «Сибирскую газету», которая в 1888 г. была закрыта «за вредное направление», а Макушин приобрел репутацию «красного» издателя³.

Новая макушинская газета «Сибирская жизнь» с самого начала находилась под пристальным наблюдением администрации и цензурного ведомства⁴. Ее цензурная история отражена в нескольких архивных делах, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Томской области. Большая часть документов объединена в два дела: дело в двух томах об издании газеты «Томский справочный листок», переименованной в «Томский листок» и «Сибирскую жизнь»⁵, и «Документы об издании газеты „Сибирская жизнь“ (постановления, рапорты, списки, переписка, прошения)»⁶. Архивы хранят переписку с Главным управлением по делам печати по поводу возникновения газеты и ее трансформаций, назначения соредакторов и редакторов, запрещения отдельных материалов, наложения штрафов и т. д. Постановления, рапорты, прошения, заявления и другие документы свидетельствуют о том, что газета боролась за свое право доносить до читателей необходимую информацию, за свободу слова и печати, которую в меру своих возможностей ограничивало цензурное ведомство.

Отдельным сюжетом, который относится к истории цензурных вмешательств в деятельность «Сибирской жизни», является жалоба редактора П. И. Макушина на цензорский произвол в отношении газеты и ответ на нее Главного управления по делам печати. В деле сохранилось заключение члена Совета Главного управления по делам печати Н. И. Пантелеева от 4 января 1905 г.⁷, в котором ситуация описывалась следующим образом: «Редактор газеты „Сибирская жизнь“ г. Макушин обратился в главное управление по делам печати с жалобой на неправильное запрещение многих статей для названной газеты.

Представляя в доказательство корректуры 24-х статей, редактор затрудняется объяснить действия томского отдельного цензора существующими узаконениями и приходит к мысли, что цензором широко допускается личное усмотрение»⁸.

Фамилию цензора Н. И. Пантелеев не называл, но можно предположить, что речь шла о первом томском отдельном цензоре А. Н. Пятове⁹.

Александр Николаевич Пятов (1873–?), выпускник Лицея цесаревича Николая в Москве (1894) и юридического факультета Московского университета (1898), служил при Московской судебной палате. Н. Г. Патрушева отмечала: «В формулярном списке А. Н. Пятова записано, что он 23 августа 1902 г. был причислен к Министерству внутренних дел с откомандированием для занятий в Главное управление по делам печати, затем „занимался в Московском цензурном комитете по делопроизводству и цензурованию разных изданий для приготовления к занятию должности отдельного цензора в Томске“. 25 сентября он получил это назначение»¹⁰. Обязанности отдельного цензора в Томске он исполнял до 1904 г., после этого он был откомандирован в Московский цензурный комитет¹¹.

С 1905 г. отдельным томским цензором был назначен Павел Тимофеевич Виноградов (1847–1919?) – статский советник, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1873)¹². Однако в «Заключении» Н. И. Пантелеева анализировалась работа цензора за 1904 г.: можно предположить, что это был последний год работы А. Н. Пятова перед тем, как его сменил П. Т. Виноградов.

Анализ работы томского цензора Н. И. Пантелеев предварял следующей преамбулой: «В настоящее время в провинциальных газетах замечается странное явление. Если в одних цензоры, очевидно под влиянием требований разными представителями общественной жизни, перемене в управлении свободы слова, дозволяют то, что осуждается правительством даже в бесцензурной прессе, то другие цензора положительно, при просмотре газетного материала, не обращают внимания на дух, смысл и требования Устава о цензуре и запрещают самые безвредные статьи и заметки [...] и поэтому проявляют полный произвол или, как выражается несколько мягче г. Макушин, „допускают широко личное усмотрение“.

При проявлении цензорами такого произвола совершенно понятным является тот вопль авторов и редакторов и те анекдоты, которые так часто в последнее время мы видим на страницах столичных бесцензурных газет»¹³.

Это своеобразное «введение» к аналитической части показывало, что Н. И. Пантелеев готов был к объективной оценке цензорского труда: он не собирался выступать на стороне губернской власти и был озабочен только улучшением имиджа цензурного ведомства, о котором уже начали ходить «анекдоты» в обществе.

Столичный чиновник считал, что жалоба Макушина на цензорский произвол имела под собой реальное основание. Он писал: «Из изложен-

ного ниже содержания присланных редактором газеты „Сибирская жизнь“ статей и заметок явно выступают произвольные и странные запретительные действия Томского отдельного цензора. Присланные заметки и статьи (числом 24) запрещены цензором, по заявлению редактора, в течение одного только минувшего ноября месяца»¹⁴.

Основным содержанием «Заключения» был последовательный разбор запрещенных материалов «Сибирской жизни». Первым шел анализ стихотворения «Не сбылись мечты» местного поэта В. Солодовникова. Н. И. Пантелеев характеризовал его так:

«Это стихотворение полно, так называемую, гражданскую скорбью. Подобные в массе рассыпаны в нашей прессе: борьба в жизни со злом и надорванные силы. Придавать этому стихотворению политическое, агитаторское значение, – по мнению моему, – невозможно, на основании 105 ст. Уст. о Ценз. А так как „явный смысл речи“ безвреден, то я полагаю, что стихотворение возможно было к напечатанию и цензором проявлена излишняя строгость»¹⁵.

Из «Заключения» становилось понятно, что томский цензор запрещал не только оригинальные материалы, но и перепечатки из сибирских и столичных изданий, и даже официальные материалы, такие, как, например, приказ иркутского генерал-губернатора. Н. И. Пантелеев так комментировал этот запрета: «Это правительственное распоряжение, напечатанное, за подписью Генерал-Губернатора, графа Кутайсова, в иркутской газете „Восточное обозрение“. Вследствие предоставленной графу Кутайсову власти, он, изъяв из ведомства общих судов, предаст военному суду грабителей и убийц, имена которых обозначены в приказе. Здесь газетами Иркутской и Томской не прибавлено ни слова и только печатается один приказ.

Почему это правительственное распоряжение, весьма важное и интересное для Сибири, опубликованное в Иркутске, запрещается в Томской газете, – я отказываюсь понять и признаю запрещение цензора совершенно произвольным»¹⁶.

Н. И. Пантелеев также выразил недоумение относительно запрета публикации «маленькой заметки, перепечатанной из газеты „Русь“», под названием «Увеличение грузоспособности Сибирской железной дороги»: «в этой заметке нет – по моему мнению – нарушения военной тайны со стороны „Сибирской жизни“, потому что это сведение уже оглашено столичной газетой, а „Сибирская жизнь“ имеет только местное значение, – поэтому я считаю заметочку возможною к печати и запрещение цензора неосновательным»¹⁷.

К материалу «Мероприятия по делам народного образования» комментарием служили слова: «Я не понимаю причин запрещения и считаю

изложенные сведения возможными дозволенными предварительной цензурой»; к материалу «Игра в войну» – «И здесь цензором проявлена непонятная строгость»¹⁸; к сообщению «Смертная казнь» – «Я не усматриваю причин запрещения, тем более что отдел „Судебных отчетов“, без обсуждений судебных решений, в „Сибирской жизни“ имеется»¹⁹ и т.д. Материал «Оскар Казимирович Гриппенберг» сопровождался следующим замечанием: «Биографические, только биографические и служебные сведения о командующем 2-й Маньчжурской армией. Томский цензор счел эту биографию непозволительной: решительно не могу уяснить такой строгости и понимаю запрещение как произвол цензора»²⁰.

Только три материала Н. И. Пантелеев посчитал действительно «непозволительными» и «правильно запрещенными цензорами» — это «известие, заимствованное из бесцензурной газеты „Новости“», под названием «На Забайкальской дороге»²¹, статья «Австро-Венгрия», рассказывающая о подробностях беспорядков в Инсбруке²² и статья «Омск»²³.

В итоге столичный цензор приходил к следующему выводу:

«Из изложенного содержания 24 статей видно, что только к трем (подчеркнуто Н. И. Пантелеевым – Н. Ж.) из них [...] и то, прилагая к ним особые строгие требования, следовало принять меры запрещения, а остальные 21 статья запрещены цензором – по моему мнению – незаконно и произвольно»²⁴.

Заключая свой анализ работы томского цензора, Н. И. Пантелеев писал: «поэтому я считаю, что претензия редактора газеты „Сибирская жизнь“, что отдельным томским цензором к статьям газеты широко допускается личное усмотрение совершенно основательна и справедлива и цензор заслуживает полного упрека.

Как мною сказано выше, такие действия агентов цензурной власти возбуждают в представителях печати и в обществе справедливые нарекания на администрацию и на надзор над прессой и неопровержимые насмешки над действиями цензора»²⁵.

На полях документа было подписано: «Согласен. Сообщить цензурирующему»²⁶, поэтому 4 февраля 1905 г. «господин исполняющий должность Томского отдельного цензора» получил сообщение из Главного управления по делам печати о том, что три заметки «Сибирской жизни» были запрещены справедливо, остальные же «могли быть дозволены к напечатанию». Об этом Главное управление по делам печати сообщало «для сведения и объявления г. Макушину»²⁷.

Рассматриваемый сюжет показывает, насколько изменилось отношение Главного управления по делам печати по отношению к местной цензуре в сравнении с 80-ми гг. XIX в. Первая газета Макушина – «Сибирская

газета» – также имела неприятности с цензурой буквально в первый год своего существования. Тогда местный цензор М. Гиляров вычеркнул большую часть номера 11 (1881 г.), затем запретил выпуск газеты с пробелами на месте запрещенных материалов, и эта ситуация по просьбе издателя Макушина и редактора Ефимова также рассматривалась Главным управлением по делам печати²⁸. Но в 1881 г. столичные чиновники прямо заявили, что они «полагают существенно необходимым поддержать в настоящем случае авторитет местной власти против настойчивого домогательства издателя и редактора»²⁹. Князь П. Вяземский, который в 1881 г. оценивал действия томского цензора Гилярова, горячо поддержал все его действия, за исключением одного – он отметил, что манера цензора делать «на корректурном листе критические замечания, касающиеся литературного достоинства статей, и даже вставлять в текст» действительно противоречит ст. 91 Уст. Ценз.: «цензор не имеет права переменять что-либо в представляемых на его рассмотрение статьях, и тем более не может прибавлять к ним от себя какие-либо примечания или толкования»³⁰.

Немногом более 20 лет спустя ситуация изменилась, и теперь жесткие ограничения свободы слова уже не поддерживали «авторитет местной власти», а, напротив, вызывали в обществе осуждение – «справедливые нарекания на администрацию и на надзор над прессою и неопровержимые насмешки над действиями цензора». Это показывало изменение общественной атмосферы, накаленной в преддверии Первой русской революции 1905–1907 гг., и попытки администрации и цензурного ведомства снизить градус общественных настроений определенными уступками по отношению к периодической печати.

«Заключение» члена Совета Главного управления по делам печати Н. И. Пантелева позволяет представить объем и содержание запрещаемого материала. 24 текста, которые были подготовлены к публикации, но вычеркнуты цензором, относились к самым разным жанрам: здесь были заметки, стихотворения, статьи, официальные распоряжения, судебные дела и т. д. Часть из них принадлежала перу авторов «Сибирской жизни», часть представляла собой перепечатки из сибирских и столичных газет («Восточное обозрение», «Новости», «Руль» и другие); информация, содержащаяся в этих материалах, относилась как к зарубежным, так и российским, и местным делам. Общим для них было одно: цензор посчитал, что публикация этих материалов будет вредна для сибирского читателя.

Обращает на себя внимание то, что представитель высшей цензурной инстанции подтвердил: действительно, строгость местного цензора по отношению к «Сибирской жизни» была необоснованной и в ряде случаев необъяснимой. Главное управление по делам печати рекомендовало сни-

зять уровень требований к газете, что было особенно важно в период общественного оживления начала XX в. Постоянная борьба «Сибирской жизни» за свободу слова не прекращалась на всем протяжении ее существования, и примечательно, что в отдельных случаях эта борьба приносила свои результаты, как в рассмотренном сюжете о «цензурском произволе».

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00352А «„Секретно. Конфиденциально“: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной томской губернии)».

² См. напр.: Громова Л. П. Периодическая печать и цензура российской империи в 1865-1905 гг. // Книга. Исследования и материалы. 2012. № 98–99. С. 208–209; Есипова В. А. Ученический журнал «Семинарская заря»: опыт типологического анализа по косвенным данным // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 60.; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.; Мандрика Ю. Л. Цензура как регулятор идеологических рисков гласности (практика применения законодательства о печати в сибирской провинции в XIX в.) // Труды ГПНТБ СО РАН. 2013. № 3. С. 9–26; Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д. ист. н. В 2-х т. СПбГУ: Санкт-Петербург, 2014; Шевцов В. В. Цензурная практика в отношении губернских ведомостей Сибири // Цензура в России: история и современность: сб. научн. тр. Санкт-Петербург, 2015. С. 192–205; и др.

³ Подробнее об истории «Сибирской жизни» см.: Жилиякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.

⁴ См.: Жилиякова Н. В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009, № 3(7). С. 102–115.

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а, б. 1894. Ч. 1. 254 лл. Ч. 2. 209 лл.

⁶ ГАО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. 152 лл.

⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 141–145.

⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 141.

⁹ Патрушева Н. Г. Организация новых цензурных учреждений во Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске и Харькове // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 296–317.

¹⁰ Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... докт. ист. н. СПб., 2014. Т. 1. С. 38.

¹¹ См. также: «Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.»: учеб. пособие: [для учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов] / И. А. Айзиков, Т. Л. Воробьева, В. А. Есипова [и др.]; под ред. Т. Л. Воробьевой; М-во науки и высш. образования Рос. Фед., Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000675676> (дата обращения 22.10.2020).

¹² Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX в. Биобиблиографический справочник. СПб., 2013. 480 с. № 206. С. 125.

¹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 141.

¹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 141.

¹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 141.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 142.

¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 142.

¹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 143.

¹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 143.

²⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 143.

²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 143.

²² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 144.

²³ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 145.

²⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 148.

²⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 148.

²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 141.

²⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 26 а. 1894. Ч. 1. Л. 149.

²⁸ Подробнее об этом цензурном сюжете см.: Жиликова Н. В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 61. С. 256–270.

²⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. Л. 29.

³⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. Л. 30.

М. К. Лопачева

Эмигрантская критика 1920–1930-х гг. – о читателе

Социокультурная ситуация в эмигрантском медиапространстве 1920–1930-х гг. рассматривается на материале ряда критико-публицистических выступлений участников литературного процесса указанного периода. Основное внимание уделено констатируемому СМИ кризису в отношениях читателя и писателя. Подробно анализируется одно из программных для эмигрантской литературы полемических высказываний Г. Иванова в эссе «Без читателя».

Ключевые слова: эмигрантская литература, критика, читатель, Георгий Иванов, аллюзия, масскультура

Maria K. Lopacheva

Emigrant criticism of the 1920–1930s – about the reader

The socio-cultural situation in the emigre media space of the 1920s and 1930s is considered on the basis of a number of critical and publicistic speeches of the participants in the literary process of this period. The main attention is paid to the crisis in the relationship between the reader and the writer, ascertained by the media. A polemical statement by G. Ivanov in his essay «Without a Reader» is analyzed in detail.

Keywords: émigré literature, criticism, reader, Georgy Ivanov, allusion, mass culture

Но кто он, эмигрантский читатель?

Г. Иванов

Феномену русской эмиграции XX в. дано великое множество определений, основанных как на строгой научной логике – исторической, философской, социологической, психологической и т. д., – так и на индивидуальном опыте выживания в рассеянии. Ценность личного экзистенциального опыта, «страстность» субъективных свидетельств и выводов в «Окаянных днях» отстаивал И. А. Бунин: «... наша „пристрастность“ будет ведь очень и очень дорога для будущего историка»¹. Речь здесь идет о первых месяцах после революции, но по сути своей высказывание может быть отнесено к любой эпохе, тем более, что многим из, казалось бы, частных суждений предшествовал определенный анализ явлений и процессов. Сложившаяся традиция понимания эмиграции как трагедии, а в случае литературы – ее назначения как исполнения жертвенной и высокой миссии (И. А. Бунин), родилась в 1920-е гг., когда в рассеяние приходит осознание крушения надежд на скорое возвращение на родину, понимание того, что это не «изгнание», но «послание» (Н. Берберова), и оно – надолго, если не навсегда. Раз-

биты были и иные ожидания. Вожденный «остров Цитера» обернулся не сладостной свободой, а «провинциальной глушью», которой кажется центр Европы, Париж, в сравнении с «Петербургом незабываемым» (Г. Иванов). Рефлексия по поводу рухнувших надежд становится одним из обертонов основных мотивов эмигрантской лирики Георгия Иванова, по признаниям его современников, предельно точно передававшей экзистенциальный опыт эмигранта.

Горестную формулу сущности «удара» об эмигрантскую реальность вывел в 1923 г. Ф. Степун. По его словам, любившие Запад «русские европейцы» изгнанием из России в Европу оказались изгнанными и из Европы. «Нет сомнения, – заключает философ, – если нашей невольной эмиграции суждено будет затянуться, она окажется вовсе не тем, чем она многим в России казалась, – пребыванием в Европе, а гораздо более горшею участью, пребыванием в торричеллиевой пустоте»². В конце 1920-х гг. ощущение этого вакуума для литераторов в числе прочего усиливала панически констатируемая эмигрантской критикой и самими художниками деформация традиционной связи писатель – читатель. Диагностировалось снижение читательского спроса на эмигрантские издания, а также снижение уровня читательской квалификации потребителей русскоязычных текстов, что и отражалось на их запросах. Главное – казалось, что серьезная литература утрачивает «своего» читателя.

Ю. К. Терапиано, в 1927 г. анализируя ситуацию, основную вину возлагает на самих литераторов и издателей. В статье «Журнал и читатель» он напоминает о высокой «культурной миссии печатного слова» и критикует эмигрантские издательства за бессодержательность публикаций, объясняя этим утрату читательского интереса к журналам: «Отражает ли заграничное печатное слово подлинное лицо эмиграции? Все ли, чем она живет, чего ищет, находит свое выражение в заграничных изданиях?»³. Автор призывает писателей и издателей быть ближе к читателю. По его мнению, стремление журналов лишь к «охранению традиций» старой «петербургской культуры» способствует нарастанию «тенденции, разъединяющей журнал и читателя, связывающей по рукам и ногам писателя»⁴. Наряду с некоторым снобизмом «охранителей» в одних журналах, Терапиано указывает на неразборчивость и поощрение незамысловатых потребностей обывателя – в других, где на первом месте политика, а «литература и отдели статьи – почетный привесок», потакание «массовому дурному вкусу»⁵.

Выход из ситуации критик видит в консолидации культурных сил эмиграции под знаменем «не только политического, национального, но и всеобъемлющего духовно-общественного движения» и в подключении к «созидательной работе» европейского образованного социума⁶.

Попыткой вернуть влияние печатного слова, приостановить стремительное сужение читательского круга, ответить на запросы времени стало создание журнала «Числа» в 1930 г. Поэт Борис Поплавский, с энтузиазмом работавший в журнале, писал: «В „Числах“ впервые кончился террор эмигрантщины, и поэтому новая литература вздохнула свободнее, освободившись от невыносимого лицемерия общественников, не устаивавших вниманием личную жизнь [...]. О России и не по-французски, а как и о чем хотим, безо всякого разрешения, но с западной откровенностью и некоей религиозной обреченностью происхождению»⁷. Журнал стал основной трибуной писателей «незамеченного» эмигрантского поколения, мировоззренческие установки которого сформировались уже за границей, но и не отказался от традиций «петербургского стиля», поскольку одним из создателей его был Н. Оцуп, бывший акмеист. В издании охотно публиковались и другие представители старшего и среднего поколений первой эмиграции.

Однако продержались «Числа» недолго, всего четыре года, и среди прочих причин краткости жизни журнала – все тот же кризис читательской активности. «Торричеллиева пустота» не заполнилась и к середине 1930-х. Гайто Газданов, открывшись в 1936 г. на бравурные заявления иных критиков о потребностях многочисленных «культурных масс эмигрантских читателей», скептически вопрошает: «...откуда бы взяться этой массе?»⁸. Остроту проблемы писатель видит в утрате, прежде всего, именно «культурного» читателя и указывает на социальную причину его исчезновения: «Если даже считать доказанным то [...] положение, что большинство людей, выехавших шестнадцать лет тому назад за границу, принадлежало к интеллигенции, то за эти годы заграничная жизнь этих людей, в частности, необходимость чаще всего физического труда, произвела их несомненное культурное снижение. Неверно то, что бывшие адвокаты, прокуроры, доктора, инженеры, журналисты и т. д., став рабочими или шоферами такси, сохранили связь с тем соответствующим культурным слоем, к которому они раньше принадлежали. [...] Их исчезновением, – к сожалению, безвозвратным – частично объясняется то трагическое положение русской литературы за границей, в котором она находится»⁹. Выводы отнюдь не голословные, как известно, сам Газданов некоторое время работал в Париже таксистом и о своем опыте адаптации за границей поведал в романе «Ночные дороги» (1941).

За пять лет до этого высказывания Г. Газданова на социально-экономические причины исчезновения «своего» читателя указал Г. Иванов. Остроту ситуации не снимал в 1931 г. и активно идущий «в гору» журнал «Числа», в котором Иванов часто публиковался. В язвительном эссе с говорящим названием «Без читателя» автор дает развернутый ответ на соб-

ственный, поставленный в начале текста вопрос: «Но кто он, эмигрантский читатель?»¹⁰.

Следует отметить, к проблеме взаимодействия писателя и реципиента его высказываний Г. Иванов-критик обращался не раз и до названного эссе. Еще в России молодой тогда литератор свое разочарование в поэзии С. Городецкого виртуозно преподносит в обзоре «Черноземные голоса» с помощью ссылки на неискушенность читателя, не умеющего отличить стилизацию от подлинной народности: «Такова очень грубая и очень распространенная читательская ошибка – судить о поэте не по голосу и духу его созданий, а по тому, что он рассказывает»¹¹. В эмиграции к критике Г. Иванов обращался гораздо чаще, представляя в «Современные записки», «Числа» и другие издания критические обзоры и статьи, для чего вел своего рода «мониторинг» читательского восприятия текущей литературы. И зачастую был весьма резок в оценках обоих участников диалога – писателя и читателя. К примеру, в критической подборке «Почтовый ящик», подготовленной для четвертого номера берлинского альманаха «Цех поэтов» за 1923 г., он горестно сопоставляет литературные ситуации на родине и в эмиграции: «Литература в России – изможденное, слабое, но сохранившее волю к жизни существо. Русская литература здесь – свалка, где червячки-читатели обгладывают падаль разных „Записок чудака“ (роман Андрея Белого – М. Л.)»¹². Настороженным было отношение Иванова-критика к любителям поэзии: «Из числа читающих стихи 90% сами их пишут. Незавидная аудитория, так как писание дрянных стихов унижает не меньше, чем чтение их»¹³.

Безусловно, в критических заметках Иванова не все выглядит столь безотрадно. Иногда он с приятным удивлением отмечал интерес читателя-соотечественника к серьезной, качественной литературе, как это видно в комплиментарной рецензии 1928 г. для «Современных записок» очередного романа М. Алданова «Ключ», в котором, по мнению Г. Иванова, с новой силой проявился «весь блеск алдановского письма»¹⁴. Критику показался обнадеживающим знаком высокий читательский спрос на прозу коллеги по цеху, когда в библиотеке он узнал, что «на новые книги Алданова очередь доходит до ста человек»¹⁵.

К 1931 г. ивановский взгляд на ситуацию становится заметно мрачнее. В эссе «Без читателя» он заявляет о драматической остроте момента – культурная деградация потребителя литературы способствует ускорению темпа регрессии в литературном процессе. Это была своего рода реплика в ходе полемики о читателе/писателе и журнально-издательском деле. В отличие от Ю. Терапиано, Г. Иванов считает сохранение традиций «петербургского стиля», «петербургской поэтики» (В. Вейдле) не консерватизмом или

ригидностью, ведущей к отделенности эмигрантской культуры от Запада, а непременным условием удержания высокого эстетического уровня и духовно-нравственного наполнения произведений писателей-эмигрантов.

Эссе состоит из четырех пронумерованных частей. В первой обозначена суть проблемы – утрата писательскими группами «более-менее своего читателя», такого, чей уровень, чьи вкусы автору «более-менее известны», писатель «хоть приблизительно знает, к кому он обращается, и это делает возможным какой-то общий язык, общий подход. Но с такой роскошью ведь давно кончено – какие там читательские слои, какие там сферы влияния отдельных писательских групп здесь, в эмиграции»¹⁶. Выравнивание «слоев» в безликое «они» эссеист не ставит в вину «бесформенной» читательской «массе», ибо она пропущена, «как сквозь мясорубку, сквозь общий русский крах», вследствие чего окрашена «в один цвет – безразличной усталости»¹⁷. Далее ядовитым каламбуром, основанным на параномазии, автор указывает на пагубные последствия этого как для читателя, так и для писателя: «...усталость не только внешне рифмуется с отсталостью. В литературе она ищет развлечения и условности»¹⁸. Однако герой первого раздела эссе все же читатель, а точнее – «дорогой покойник», по которому скорбит повествователь, прибегая к оксюмору в форме иронического некролога: «Он спит вечным сном, на его могильной плите красуется надпись: „русский интеллигент“, которого при жизни все ругали, которого поносят и после смерти и который – как-никак – был самым чувствительным, восприимчивым, благодарным читателем на свете»¹⁹.

Во втором разделе эссе на смену «скорби» приходит инвектива в адрес главного, по мнению Иванова, виновника критической ситуации – писателя, в условиях «абстрактной свободы» стремительно деградирующего ради выживания. Заповеди высокой литературы забыты, теперь ради развлечения читателя можно упасть до уровня «семейного чтения», до приложения к «Ниве». Причину оскудения эмигрантской литературы, переставшей быть «сколько-нибудь „на уровне“ России, в ее мировом значении»²⁰, критик видит в стремлении «быть похожей» на нового эмигрантского читателя, опускаясь до его цвета «усталости», превращаясь, по сути, в масскультуру.

Обличительный пафос, адресованный эмигрантскому писательскому сообществу, нарастает в 3 и 4 главах эссе. Анализируя причины упадка, автор подчеркивает серьезность вины эмигрантской литературы, прибегнув к аллюзии на идеи Н. Федорова, – за 13 лет в изгнании изрядно позабыта «важность „общего дела“ охранения языка, традиций „русской культуры за рубежом“, как пишут репортеры»²¹. Потакая читателю, не желающему подниматься выше уровня «художественного чтения», эта литература, убежден критик, опасается и разучивается подниматься «в область духовных,

религиозных, общественных исканий [...] – исконную область *настоящей* русской культуры»²². Не писатель ведет за собой читателя на эту высоту, а читатель тянет писателя вниз. Снова актуален, горестно констатирует Иванов, язвительный афоризм М. Е. Салтыкова-Щедрина о писателе, который «пописывает», и читателе, который «почитывает».

Последняя глава эссе звучит весьма патетично. Авторская позиция выражена страстно и определенно. Иванов солидарен с Д. С. Мережковским, в знаменитом «Бесполезном предисловии» к книге «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930) заявившим: «Все потерял писатель, нарушивший неумолимый закон: будь похож на читателей или не будь совсем. Я готов не быть сейчас, с надеждой быть потом»²³. Вслед за Мережковским (отметив его «странную» экзальтацию в готовности «не быть»), автор декларирует максималистскую непримиримость к обывательскому «здравому смыслу», «пошлости», «смердяковщине», навязывающим правила литературной жизни и поведения художника. По Иванову, много достойнее погони за успехом пренебречь соображениями рационального характера, столь свойственными человеку, оказавшемуся в обществе потребления, и, вполне возможно, остаться на какое-то время «без читателя», дабы сохранить национальную культурную идентичность, не уронить статус великой русской литературы.

«Пафосу здравого смысла» эссеист противопоставляет нравственную ответственность художника за воспитание читателя и за сохранение достойного эстетического уровня печатного слова. Автор убежден – не меньше, чем когда-либо, в данный момент «писатель [...] в равной степени „обязан“ быть и поэтом, и гражданином»²⁴. Отсылка к рылеевско-некрасовской антиномии не случайна. Позиционируя себя «последним петербургским поэтом», критик в эссе выступает выразителем некоего «мы» – круга единомышленников, осознающих и манифестирующих свою культурную родословную, свою связь с «почвой». В силу этого, последняя страница эссе – объемный синтаксический период – изобилует культурными кодами. Интертекстуальная густота этого фрагмента адресована не только собрату-писателю, но и «своему», посвященному читателю-другу, способному «поймать» и оценить аллюзии и реминисценции, парафразы и центоны, в которых слышны Крылов и Некрасов, Достоевский и Тютчев, Гиппиус и Блок, Гумилев и Мандельштам. Расчетливой европейскости «блестящей» прозы своего литературного недруга В. Набокова эссеист противопоставляет менее совершенные, но более искренние, исполненные болью сердца тексты Н. Берберовой, ибо «ее слабый голос тем самым уже есть голос России; [...] читателей у нас нет, Родины нет, влиять мы ни на что не можем, и [...] в то же время, самый простодушный из нас „блажен“, „заживо пьет бес-

смертие“ и не только вправе – *обязан* глядеть на мир со “страшной высоты”, как дух на смертных», поскольку именно эмигрантской литературе, уверен автор, даны «ключи страдания и величия России»²⁵.

Полемика о читателе / писателе продолжалась и позднее. Участники ее указывали на различные причины бедствий литературы рассеяния – и финансовые проблемы издательств (М. Алданов), и разобщенность писательских поколений (Б. Поплавский, Г. Газданов) и др. Эссе «Без читателя», при всей очевидной субъективности суждений автора, представляет особый интерес и в силу того, что высветило вслед за высказываниями «старших» – Бунина, Мережковского – понимание нравственной ответственности художников за сохранение в эмиграции «высоты» подлинного искусства. Наряду с публицистической заостренностью, выходом к социальным проблемам, содержательно эссе явно коррелирует с мифологизирующим дискурсом поэтического и прозаического творчества художника. Зазвучавший еще в «Петербургских зимах» и далее разрабатываемый Ивановым в зрелых поэтических циклах мотив «Петербурга забываемого» как сублимации русской культуры Серебряного века вливается в творимый диаспорой «эмигрантский миф». Это миф о страдающей России, о долге сохранения памяти, о подлинной России, которую унесли с собою в изгнание эмигранты, о жертвенном служении эмигрантской литературы, о «ключях страдания» русского рассеяния.

«Эмигрантский миф» имел хождение и производил сильное впечатление в течение десятилетий. В 1974 г. о влиянии его на мировоззрение рожденных уже в эмиграции поколений писал протоиерей Александр Шмеман: «В „эмигрантском мифе“ поразительны и его иллюзорность, и его сила, или, вернее, их сочетание: чем иллюзорнее миф, тем он сильнее. С одной стороны – „кружимся в вальсе загробном на эмигрантском балу“, а с другой – именно этот „вальс“ и завораживает, и втягивает в себя, и побеждает убежденность, жертвенность, энергия, с которой люди действуют во имя совершенно иллюзорных дел»²⁶. Этот оксюморонный алогизм характерен для тона эссе «Без читателя». С одной стороны – снижение уровня читательской компетенции, исчезновение «своего» читателя и, как следствие, «оскудение» литературы, жутковатый мажор – потусторонний «вальс» (А. Шмеман цитирует миниатюру Г. Иванова «Как вы когда-то разборчивы были...»), с другой – высокий трагический пафос служения, надежда на не безрезультатность «печатного слова».

Таким образом, можно заключить, что в ходе дискуссии конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. о способах выхода эмигрантской литературы из кризисной ситуации было обозначено немало проблем, рассмотрение которых невозможно вне социально-культурного, эстетического, нрав-

ственно-философского контекстов эпохи. Очевидно, что для большинства эмигрантских художников существование в условиях «торричеллиевой пустоты» стало испытанием не только на физическую и психологическую выносливость, но и на стойкость иммунитета к массовой культуре. С точки зрения Георгия Иванова, резистентность к «вирусу», действие которого сказалось в «оскудении» литературы, может развиваться только при условии понимания художниками высокого назначения искусства, при условии их готовности к аскезе – творчеству «без читателя», в надежде на обязательную встречу с читателем-другом, которая, не исключено, случится в ином временном измерении. Именно поэтому автор приглашает единомышленников взглянуть на мир с мандельштамовской «страшной высоты» в ожидании ответного встречного движения. В интертекстуальном многоголосии финала эссе можно увидеть еще одну отсылку к другу юности О. Мандельштаму, виртуальный диалог с которым Г. Иванов вел всю жизнь. Суровая эмигрантская реальность парадоксальным образом актуализировала романтическую формулу взаимодействия писателя и читателя, выведенную Мандельштамом еще в 1913 г.: «Скучно перешептываться с соседом. [...] Но обмениваться сигналами с Марсом – задача, достойная лирики, уважающей собеседника и создающей свою беспричинную правоту»²⁷.

Ради потенциального диалога с собеседником-другом, уверен Георгий Иванов, художник должен уметь ждать, сохраняя присутствие духа и убеждения.

Примечания

¹ Бунин И. А. Лишь слову жизнь дана... / сост., вступ. ст., примеч. и имен. указ. О. Н. Михайлова. М.: Сов. Россия, 1990. С. 249.

² Степун Ф. Мысли о России // Литература русского зарубежья. Антология: В 6 т. М.: Книга, 1990. Т. 1, кн. 1. 1920–1925. С. 293.

³ Ю. К. Встречи: 1926–1971. М.: Intrada, 2020. С. 176.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ Там же. С. 179.

⁷ Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Русский Париж / сост. предисл. и коммент. Т. П. Буслаковой. М.: Изд. МГУ, 1998. С. 289–290.

⁸ Газданов Г. В. О молодой эмигрантской литературе. // Русский Париж / сост. предисл. и коммент. Т. П. Буслаковой. М.: Изд. МГУ, 1998. С. 292.

⁹ Там же. С. 292–293.

¹⁰ Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 535.

¹¹ Там же. С. 483.

¹² Там же. С. 494.

- ¹³ Там же. С. 497.
- ¹⁴ Там же. С. 518.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 535.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 536.
- ²⁰ Там же. С. 537.
- ²¹ Там же. С. 538.
- ²² Там же.
- ²³ Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2017. Т.14: Тайна Трех: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида-Европа. С. 223.
- ²⁴ Иванов Г. В. Собр. соч.... С. 539.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. / сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман; предисл. С. А. Шмемана; примеч. Е. Ю. Дорман. 2-е изд., испр. С.134.
- ²⁷ Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2-х т. Москва: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 150.

О. Н. Ильина

**Каталоги личных библиотек российских эмигрантов
как историко-культурный источник**

Рассмотрены каталоги личных библиотек российских эмигрантов: филологов А. Л. Бема и П. М. Бицилли, богослова и историка церкви Н. М. Зернова, религиозного философа И. А. Ильина и др. Охарактеризован круг приводимых в них оригинальных сведений о книжной культуре русского зарубежья, о характере взаимоотношений в эмигрантской среде, о развитии науки, особенностях повседневной жизни, а также о личности владельцев библиотек, их профессиональных и духовных интересах.

Ключевые слова: книжное дело русского зарубежья, личные библиотеки российских эмигрантов, каталоги личных библиотек

Olga N. Ilina

Russian emigrant's private libraries catalogues as a historical-cultural source

In this articles are considered Russian emigrant's (philologers A. L. Bem and P. M. Bitszili, theologian and church historian N. M. Zernov, religious philosopher I. A. Iljin etc.) private libraries catalogues. Original information are introduced including details such as Russian emigration book culture, interrelationship in the Russian emigrant world, scientific development, day-to-day life, together with library owner's individuality, professional and mental interests.

Keywords: Russian emigration's book culture, Russian emigrant's private libraries, private libraries catalogues

В отечественной историографии к настоящему времени представлены различные стороны истории книжного дела русского зарубежья: охарактеризованы и оценены многочисленные издательские инициативы в регионах российского рассеяния, а также деятельность отдельных издательств и издателей, периодические издания, библиография и история общественных библиотек. Значительно меньше внимания исследователи уделяли личным библиотекам российских эмигрантов, истории чтения. Изучение этих аспектов истории книги могло бы в немалой степени расширить наши представления о культурной, научной и повседневной жизни российской диаспоры. Личные библиотеки, созданные за пределами России, восполняли в какой-то мере отсутствие привычной культурной и языковой среды, служили средством психологической поддержки и адаптации, сохранения традиционных для русской культуры ценностей, приобщения к ним поколения детей-эмигрантов.

Существует представление, правда, недостаточно подкрепленное источниками и исследованиями, о том, что личные книжные собрания в

эмигрантской среде были широко распространены. Но в литературе нет систематизированных данных об их количестве, составе и функциях. Скупые сведения о них можно найти в общих исследованиях, посвященных русской эмиграции. Сложность выявления материалов о личных библиотеках и владельческих экземпляров из них, а, значит, и их изучения, отчасти объясняется условиями бытования эмигрантских библиотек. Кочевой эмигрантский быт и материальные трудности зачастую вынуждали владельцев и их наследников расставаться со своими библиотеками: в лучшем случае они передавались в дар или продавались общественным книгохранилищам, экземпляры из них раздавались знакомым или даже незнакомым людям, в худшем – просто оставались при переездах. Активное перемещение книг, вслед за их владельцами, из одной страны в другую, приводило к интенсивному книжному обмену внутри эмигрантской среды, с одной стороны, и впоследствии, рассеянию книг из их собраний по различным государственным и частным хранилищам всего мира – с другой. Невосполнимый урон как личным, так и общественным книжным собраниям, нанесла Вторая мировая война. Погибли многие эмигрантские библиотеки, среди которых уникальные собрания П. Апостола, М. Осоргина, П. Милюкова, конфискованные фашистами и вывезенные из Парижа.

В настоящее время известны лишь немногие сохранившиеся в относительной целостности личные библиотеки российских эмигрантов. В основном это библиотеки ученых, писателей, политических деятелей¹. Чаще всего эти библиотеки, их фрагменты и отдельные экземпляры из них разными путями поступали в зарубежные книгохранилища². Информация о них крайне скудна, лишь о немногих можно найти сведения в литературе³. Исключением, пожалуй, можно считать личную библиотеку В. Н. Тукалевского, она была благополучно перевезена в Чехословакию и послужила в свое время основой для создания Славянской библиотеки в Праге⁴. Вместе с тем, в последние десятилетия происходил процесс возвращения некоторых личных эмигрантских библиотек в Россию, изучение некоторых из них получило свое воплощение в форме изданных каталогов⁵.

Далее будут рассмотрены имеющиеся опыты создания каталогов личных библиотек российских эмигрантов, созданных как в России, так и за рубежом, а также предпринята попытка показать их источниковые функции.

Использование личных библиотек в качестве историко-культурного источника напрямую зависит от наличия каталогов, которые фиксируют их состав и особенности владельцев. Особенно это касается личных библиотек писателей, ученых, для которых книга являлась необходимым источником и инструментом их деятельности. Отражение сведений о библиотеке в специальных каталогах обеспечивает саму возможность продолжения

жизни библиотеки в поле культуры даже тогда, когда она не сохранилась как целое, или экземпляры ее «растворены» в фондах общественных книгохранилищ.

С течением времени научные описания личных библиотек в форме каталогов превратились в особый тип справочного издания. Исключительную ценность им придает сообщение сведений о владельческих особенностях (экслибрисах, дарственных и владельческих надписях, маргиналиях, вложениях, любых следах чтения). Фактические сведения, содержащиеся в каталогах⁶, позволяют специалистам использовать их в качестве первоисточника: получать такие данные, которые непосредственно, даже без обращения к владельческим экземплярам, входят в научный оборот. «Описания личных библиотек выдающихся деятелей прошлого должно иметь своей задачей подробную характеристику библиотеки как со стороны литературно-библиографического состава, так и владельческих особенностей, раскрывающую пути всестороннего научного использования ее в качестве первоисточника» – отмечается в предисловии к каталогу библиотеки Вольтера⁷. Следовать этому требованию составителям каталогов удавалось далеко не всегда. Практика их создания чрезвычайно разнообразна. Не являясь исключением в этом отношении и имеющиеся каталоги библиотек российских эмигрантов, хотя методические подходы к их созданию были различны.

В 2004 г. был издан каталог библиотеки Д. И. Чижевского⁸, видного философа и филолога русского зарубежья. В силу различных обстоятельств данный каталог отражает лишь часть библиотеки ученого, ту, что хранится в университетской библиотеке в Галле. Другая часть этой уникальной библиотеки, не каталогизированная должным образом, «растворилась» в фондах библиотеки университета в Гейдельберге. Более того, многие экземпляры из гейдельбергской библиотеки Чижевского были утрачены, а часть из них продана букинистам и рассеялась по различным частным и общественным книгохранилищам. В материалах «К истории покупки и каталогизации библиотеки и архива Д. И. Чижевского», отчетах о ее каталогизации и комментариях к ним исследователя и хранителя наследия философа В. Янцена⁹ прослежена судьба библиотеки ученого, дана оценка имеющимся документам, раскрывающим состав библиотеки в разные периоды, а также исследованиям этой библиотеки, отмечены те проблемы, с которыми сталкиваются специалисты, приступая к созданию подобного рода каталогов. В этих материалах, а также в статьях об опыте электронной каталогизации библиотеки ученого в Галле заслуживает особого внимания характеристика методов определения состава библиотеки (количественного и содержательного), ее систематизации и уточнения библиографи-

ческих данных. Высоко оценивая значение изданного каталога, В. Янцен подчеркивает: «Большим плюсом ее печатного каталога несомненно являются отметки о дарственных надписях на изданиях, позволяющие делать предварительные выводы о том, с кем из дарителей Чижевский был знаком лично. [...] Однако приходится сожалеть, что сами тексты дарственных надписей в каталоге не приводятся. Достоинно сожаления и то, что он построен по предметно-алфавитному, а не по языковому принципу, и что в нем отсутствует обязательный при предметной классификации общий именной указатель»¹⁰. При каталогизации библиотеки Чижевского основной задачей являлась инвентаризация состава библиотеки для того, чтобы сделать информацию о ней доступной исследователям. Задача подробного описания владельческих особенностей составителями не ставилась. Данный каталог составлялся немецкими специалистами, российский опыт создания каталогов учитывался ими минимально.

Другой пример – «Описание библиотеки П. М. Бицилли и А. Н. Мещерского»¹¹, которое было опубликовано не отдельным изданием, а в Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского дома. Примечательно название публикации «Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома», хотя основное место в этой работе занимает именно описание библиотеки. С одной стороны, рассмотрение библиотеки ученого в ряду других документальных источников в единстве с его архивом вполне оправданно, и нельзя не согласиться с утверждением авторов о том, что «Книжное собрание, которое входит в состав фонда органической частью, помимо своей объективной ценности может дать много дополнительных сведений о связях Бицилли с учеными и писателями Русского зарубежья»¹². С другой же стороны – такое название и как бы подчиненное значение каталога библиотеки не только затруднило его поиск исследователям, но и не позволило составителям оснастить этот каталог необходимым справочным аппаратом. Описано около 300 единиц, среди которых, помимо книг (коллективные и авторские научные сборники), альманахи, журналы и газеты, отдельные оттиски, вырезки из газет, журналов и сборников. Характер библиотеки обусловил структуру данного каталога: материал располагается в нем по видам изданий. Особенностью библиотеки Бицилли является наличие в ее составе конволютов с подборками работ владельца библиотеки и других авторов. Материалы внутри конволютов описывались в последовательности расположения входящих в их состав материалов. При описании экземпляров приведены глухие указания на читательские пометы, отмечено наличие владельческих надписей, издательских и библиотечных штампов, тексты дарственных надписей приводятся полностью, весьма подробно описаны вложения или вклейки.

Каталог библиотеки Н. М. Зернова¹³, профессора Оксфордского университета, богослова, историка русской церкви, общественного деятеля, одного из основателей и лидеров Русского студенческого христианского движения отразил почти четыре тысячи названий книг, периодических и продолжающихся изданий. Его книжное собрание тематически ограничено христианской ориентацией. В нем представлена литература по истории христианства, истории церкви, религиозной философии, богословию, а также книги по истории, культуре, литературе и искусству христианских народов, среди которых значительное место занимают эмигрантские издания. Достоинством этого каталога является детальная систематизация материала, соответствующая расположению, принятому в библиотеке при жизни владельца. Несмотря на наличие многочисленных дарственных надписей видных представителей русской эмиграции, о которых упоминается в предисловии к каталогу, они не отражены и не воспроизведены при описании отдельных экземпляров, не отмечено и наличие читательских помет и других экземплярных особенностей, что, вероятно всего, объясняется значительным объемом этого книжного собрания. С точки зрения методики составления каталогов личных библиотек, данная работа мало интересна: перед нами скорее тематическое библиографическое пособие, отразившее состав этой библиотеки¹⁴. Вместе с тем, появление этого каталога стимулировало работу исследователей. Интерес представляет опыт последующего изучения библиотеки Н. М. Зернова, которая послужила источником для проведения во ВГБИЛ им М. И. Рудомино «Зерновских чтений». По материалам чтений был издан сборник «Мировые религии в культуре, истории и политике»¹⁵. Раздел сборника «In memoriam. Библиотека Н. М. Зёрнова как отражение опыта межконфессионального диалога» знакомит с историей и составом его личной библиотеки. А раздел «Религиозно-философский контекст книжной коллекции Н. М. Зёрнова» включает впервые публикуемые описания маргиналий Э. К. Метнера, обнаруженных в коллекции Н. М. Зернова¹⁶, и другие материалы.

В отличие от названных выше, каталог библиотеки философа и публициста И. А. Ильина¹⁷, подготовленный в Научной библиотеке МГУ, раскрывает владельческие экземплярные особенности. При описании каждой книги указывался ее размер, тип переплета, наличие экслибриса и его местоположение, были воспроизведены все дарственные и владельческие надписи, учтены и описаны библиотечные штампы. Следы чтения зафиксированы в каждой книге, но «ввиду большого объема помет воспроизведена лишь незначительная их часть»¹⁸; «...некоторые маргинальные записи, имеющие всеобщий интерес, например, касающиеся оценок выдающихся современников, или представляющие библиографическую ценность, или представ-

ляющие подготовительные материалы к работе прописаны курсивом»¹⁹. При определении ценности и значимости маргиналий очень сложно предугадать, что, с какой целью и в каком контексте может заинтересовать и привлечь исследователей при знакомстве с каталогом библиотеки. Вряд ли в решении этого вопроса можно ориентироваться лишь на известные имена, как это было сделано в большинстве случаев составителями. Вместе с тем, вполне объяснимо решение о воспроизведении лишь незначительной части помет в связи с их большим объемом. Всего в каталоге отражено 630 наименований книг и периодических изданий на русском и иностранном языках. Во вступительной статье прослежена история формирования библиотеки, охарактеризованы ее особенности, приведены примеры маргиналий, сделана попытка показать некоторые черты И. А. Ильина – читателя. Каталог снабжен именным аннотированным указателем, указателем изданий и издательств, а также указателями дарственных, владельческих автографов и библиотечных штампов.

Все другие известные каталоги личных эмигрантских библиотек нельзя в строгом смысле назвать научными с точки зрения отражения в них владельческих особенностей библиотек. Это каталоги специальных книжных коллекций (см., например, каталоги коллекций В. А. Слободчикова и библиофила А. Савина)²⁰, или электронные версии каталогов, которые являются скорее подготовительными материалами, как, например, «Каталог библиотеки Вяч. Иванова»²¹ на сайте «Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме», построенный по языковому принципу. В нем приведены минимальные библиографические данные о каждом издании, входившим в состав библиотеки, и приведены тексты некоторых дарственных надписей.

Несколько по-иному подошли составители к созданию каталога личной библиотеки филолога Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?), которая хранится в Славянской библиотеке в Праге²². В настоящее время совместный проект ИКЦ «Русская эмиграция» (Санкт-Петербург) и Славянской библиотеки в Праге по научному описанию библиотеки Бема завершен, подготовленный каталог находится в печати (на стадии корректуры)²³.

Библиотека Бема была, в основной своей части, сформирована им в Праге в 1924–1945 гг.²⁴ и сохранилась в относительной целостности, хотя можно предположить, что часть экземпляров из нее могла быть утрачена в период ее хранения в семье до передачи в 1968 г. в Славянскую библиотеку. Есть вероятность, что еще при жизни владельца какие-то экземпляры могли остаться у друзей, коллег и учеников. Известно, что во многих личных библиотеках в большей или меньшей степени оседали книги из других книжных собраний. Среди «чужих» экземпляров можно условно выделить: книги подаренные владельцу, но факт дарения не был зафик-

сирован в форме дарственной надписи; книги, переданные коллегами по причине утраты интереса к какой-либо теме или по другим причинам; книги, полученные в результате обмена или переданные на память; книги взятые для прочтения или работы и сознательно не возвращенные владельцу («зачитанные»), не возвращенные владельцу по объективным причинам (вследствие смерти, перемены места жительства и других обстоятельств). Такие «случайные» книги также были включены в состав библиотеки при ее описании. За каждым таким экземпляром стоят определенные события и обстоятельства жизни ученого. Сейчас в Славянской библиотеке хранится около 300 изданий из библиотеки Бема. По подсчетам М. Магидовой, эмигрантская библиотека Бема состояла из 441 названий. По ее сведениям, помимо фондов Славянской библиотеки, некоторое количество книг может находиться в других хранилищах: LA PNP (Литературный архив Музея национальной письменности), а также библиотека Д. И. Чижевского (личный архив Владимира Янццена в Галле).

В основном, за редкими исключениями, в библиотеке представлены издания первой трети XX в.: эмигрантские издания, книги, выпущенные в Советской России, издания современных Бему зарубежных славистов, чешских авторов на русском и европейских языках. Многие издания из этой библиотеки (малотиражные эмигрантские издания, модельные книги, отпечатанные в нескольких экземплярах на пишущей машинке, и гектографированные издания, книги с оригинальными рисованными обложками, вклеенными иллюстрациями, выполненными вручную, оригинальными переплетами, оттиски статей зарубежных славистов из малоизвестных сегодня журналов и сборников на европейских языках, первые издания поэтов русского зарубежья и т. д.) отсутствуют в фондах даже крупных библиотек. Подобные экземпляры добавляют новые данные о бытовании книги в условиях эмиграции. Представляют также интерес разнообразные вложения: сопутствующие документы и материалы (открытки, пригласительные билеты, газетные вырезки и т. д.), отражающие различные стороны повседневной, интеллектуальной и духовной жизни эмиграции.

Особенностью состава библиотеки Бема является значительное количество находящихся в ней отдельных оттисков, что, как можно предположить на основе сравнения с библиотеками других ученых-эмигрантов, являлось типологической чертой библиотек ученых. Практика распространения авторами отдельных оттисков своих работ, принятая в академической среде, играла в жизни эмигрантов особо важную роль²⁵.

Подавляющее большинство экземпляров книг библиотеки Бема содержат многочисленные маргиналии и дарственные надписи. Список имен дарителей репрезентативно представляет мировую славистику того време-

ни, молодую русскую поэзию эмиграции, а также круг людей, особо расположенных и близких к Бему. Дарственные надписи на книгах этого раздела библиотеки Бема уточняют характер взаимоотношений Бема со многими эмигрантскими, учеными, поэтами и писателями, сообщают сведения о тех или иных фактах культурной жизни эпохи, вводят в научный оборот новые тексты и даже произведения графического искусства²⁶.

Страницы большинства книг испещрены карандашными подчеркиваниями, заметками на полях, знаками вопросов, свидетельствующими о системе изучения данной книги и о степени ее интереса для Бема. Среди его маргиналий можно условно выделить: редакторские, уточняющие и дополняющие пометы и записи; пометы, связанные с изучением стиха; содержательные (тестовые) маргиналии профессионального и личного характера. В первой группе наиболее часто встречаются уточнения и исправления инициалов, дополнения библиографических сведений, стилистические исправления (отмечает опечатки, неудачные слова, сравнения).

Вторая группа помет связана с изучением стихосложения, ритмики и мелодики стиха: Бем во многих стихотворениях проставляет ударения в отдельных словах, отмечает ритмические особенности стиха, фиксирует рифмы, на полях безошибочно указывает на подражание. В пристальном внимании к технике поэтического текста проявлялся (иногда даже автоматически и неосознанно) абсолютный поэтический слух Бема, сказывалась роль наставника молодых поэтов, которую он выполнял на протяжении 17 лет в «Ските поэтов».

Наиболее интересны для характеристики личности Бема, его психологического и профессионального портрета содержательные маргиналии. Их также можно разделить на две группы: профессиональные и личные. Особенно много содержательных помет и записей профессионального характера содержат историко-литературные или критические работы, посвященные творчеству Достоевского и поэзии. В частности, специального анализа в контексте работ Бема о поэзии заслуживают его многочисленные пометы на работах П. М. Бицилли, Л. Н. Гомолицкого, Н. С. Гумилева, где ученый полемизировал с авторами, выделял наиболее близкие ему фрагменты текста, развивал и дополнял те или иные их положения. Любопытно проследить связь между их содержанием и текущей критической деятельностью Бема, как автора «Писем о литературе».

Пометы личного характера отражают его непосредственный, эмоциональный отклик на поэтический или прозаический текст, а в некоторых случаях и научный текст. Альфред Людвигович выделял привлекавшие его внимание стихотворения или абзацы в прозаических текстах, как правило, крестом, отчеркивал на полях и выделял другими способами. Его при-

влекало, например, отражение в современной литературе эмигрантской психологии: практически всегда отмечаются те фрагменты текста, где речь идет о России, об одиночестве, об эмиграции, иногда, даже вопреки художественным достоинствам. Отдельные строки, выделенные Бемом, могут быть прочитаны в русле его духовных и религиозных исканий.

Важными для характеристики психологических особенностей личности Бема и его как собирателя представляются также владельческие надписи и записи. Очень часто он фиксировал на внутренней стороне обложки дату приобретения и цену книги (в некоторых случаях место покупки), или отмечал, от кого она получена в тех случаях, когда дарственная надпись отсутствовала. Эти сведения являются важным материалом для изучения распространения книги в эмигрантской среде.

Основой методики составления каталогов личных библиотек является принятый в книговедении принцип поэкземплярного изучения изданий, входящих в состав того или иного книжного собрания²⁷. От тщательности изучения владельческих особенностей и их фиксации во многом зависит научная значимость каталога и его источниковые возможности. Именно этот принцип стал основополагающим при создании каталога библиотеки А. Л. Бема.

Максимально полно были описаны все имеющиеся владельческие особенности экземпляров, входивших в состав библиотеки ученого. Полнота описания экземпляра зависит от особенностей библиотеки и целей создания каталога. Возможны несколько вариантов: максимально полное воспроизведение всех владельческих и дарственных надписей и следов чтения (маргиналий); воспроизведение лишь дарственных надписей и постраничное указание на наличие помет и записей в тексте; глухое указание на наличие следов чтения в том или ином экземпляре. При описании библиотеки Бема был выбран вариант максимально полного описания всех экземплярных особенностей. Причины для такого решения было несколько. Данная библиотека – весьма редкий и яркий пример сохранившейся библиотеки ученого-филолога, сформированной в эмиграции. Небольшой объем библиотеки позволял воспроизвести не только тексты дарственных и владельческих надписей, но и все следы чтения. Составители стремились представить будущему исследователю также некоторые результаты своего изучения маргиналий, чтобы их можно было использовать, даже не имея под рукой владельческого экземпляра. Были расшифрованы читательские записи и пометы Бема, а в некоторых случаях и прежних владельцев, принятая система их обозначения и описания позволяет исследователям проследить, как ученый работал с различными видами текстов (прозаические и поэтические тексты, научные исследования, литературно-критические статьи, популярные, учебные и справочные). Столь подробный каталог

дает, на наш взгляд, весьма полное представление о литературной и филологической жизни ученого-филолога и методах его работы в условиях эмиграции. Восприятие каталога не как совокупности библиографических записей, а как своеобразного текста-экстракта в сопоставлении с работами ученого этого времени предоставляет дополнительные возможности для изучения развития гуманитарного знания русского зарубежья, особенностей научной коммуникации, формирования научного сообщества в условиях эмиграции. Личность А. Л. Бема, особенности его методов историко-литературного и теоретического анализа, а также манера Бема-критика ярко отразились в особенностях работы с книгой. Маргиналии Бема – чрезвычайно информативный комментарий к его методологии. Рассмотрение материалов библиотеки в сопоставлении и в единстве с другими источниками (письмами, мемуарами, и, прежде всего, с его научными и литературно-критическими работами), представляет редкую возможность – проникнуть в процесс научного творчества ученого.

Другой вопрос, который пришлось решать в ходе работы над каталогом – в какой форме фиксировать и воспроизводить следы чтения? Казалось бы, при современных технических возможностях самым простым способом является постраничное сканирование книг библиотеки по принципу создания электронной библиотеки. Этот способ был нами отвергнут, он не позволял сохранить результаты изучения, расшифровки и атрибуции маргиналий и дарственных надписей. Очевидно, что совокупность электронных копий книг никак не может заменить научное описание библиотеки. Владельческие и дарственные надписи, маргиналии, а также фрагменты текста, к которым они относятся, описывались и воспроизводились вручную. Максимально полно описывались все вложения, от засушенных цветов и пригласительных билетов до писем, адресованных владельцу.

Схема распределения материала в каталоге была продиктована стремлением наглядно представить основные направления исследований ученого, которые отразились в составе и количественных характеристиках библиотеки. Все книги пражской библиотеки Бема четко делятся на тематические блоки: Достоевский, Пушкин, Толстой, русская классика, современная русская поэзия и беллетристика (с преимущественным вниманием к эмигрантской поэзии)²⁸. Другие разделы (педагогика, философия, политика) незначительны по объему. Самым крупным и наиболее скрупулезно собираемым был раздел книг, касающихся Ф. М. Достоевского. Каталог снабжен вспомогательными указателями, которые позволяют раскрыть его содержание и информационный потенциал. Указатель имен включает имена авторов, составителей, редакторов, переводчиков, иллюстраторов, дарителей, адресатов, прежних владельцев. Указатель, издательств, из-

дающих организаций и типографий широко представляет географию издательского дела русского зарубежья, включая сведения о типографиях и издателях, малоизвестных даже в кругу специалистов²⁹.

Даже при беглом знакомстве с библиотекой становится очевидно, что она представляет собой уникальный источник, а благодаря каталогу может быть «прочитана» специалистами в контексте всего доступного архивного материала, дополняя и уточняя его. Как и любой научный каталог, каталог библиотеки Бема в концентрированном виде аккумулирует сведения о тематике, хронологии, географии, видовом и персональном составе его книжного собрания, которые невозможно получить комплексно из других источников, даже если в распоряжении исследователя находятся отдельные владельческие экземпляры.

Интерес к изучению личных библиотек растет. Наш опыт описания личной библиотеки Бема показывает, что это тема чрезвычайно перспективна по своим информационным возможностям.

Личные книжные собрания, созданные нашими соотечественниками за пределами России в условиях эмиграции, являются важным источником изучения самых различных сторон культуры русского зарубежья. Они могут быть использованы для воссоздания репертуара и миграции русской книги за рубежом, изучения чтения и культурных контактов, истории науки и искусства, истории российского менталитета, эмигрантской психологии и проблем адаптации, воссоздания жизни и деятельности отдельных представителей российской эмиграции. Исследователям личных эмигрантских библиотек предстоит ответить на многие вопросы: где хранятся эти библиотеки или экземпляры из них в настоящее время, как соотносились в них книги на русском и иностранных языках, книги, изданные в России и за ее пределами; какое место в их составе занимали книги на языке той страны, которая стала местом проживания, книги эмигрантских авторов; как была представлена русская классика и советская литература, массовая русская и переводная литература; за счет каких источников они пополнялись, как складывались их судьбы.

Примечания

¹ Обзор российских исследований личных библиотек см.: Ильина О. Н. О личных библиотеках русского зарубежья и некоторых аспектах их изучения // Берега. СПб., 2007. Вып. 8. С. 40–50; Шульгина Н. В. Сохранение и изучение эмигрантского книжного наследия в отечественных и зарубежных научных центрах: история и современность // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. С. 81–86.

² Например, в Славянской библиотеке в Праге были обнаружены личные библиотеки (или их фрагменты) известных ученых, писателей, политических деятелей российской эмиграции: А. В. Амфитеатрова, А. Л. Бема, Е. С. Гессена, Н. П. Кондакова, Н. Л. Окунева, Е. Ф. Шмурло,

В. Н. Тукалевского и др. В Библиотеке Иллинойского университета хранятся библиотеки Г. В. Вернадского, барона М. А. фон Таубе, часть библиотеки Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (другая часть их научной библиотеки хранится в Парижской национальной библиотеке).

³ Залевски В. Коллекция И. М. Константинова в библиотеке Стэнфордского университета // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб., 1998. Вып. 9. С. 120–131; Богомолов Н. А. К изучению круга чтения Вяч. Иванова // Вяч. Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 448–461; Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Poesia e Sacra Scrittura*. 2004. Vol. 2. P. 261–343; Лаппо-Данилевский К. Ю. К истории библиотеки Вяч. Иванова // От Кибирова до Пушкина: сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 224–239. К истории архива и библиотеки Вяч. Иванова / публ. Л. Н. Ивановой // Ежегодник РО на 1997 г. / ИРЛИ. СПб., 2002. С. 323–340; Блинова О. А. Парижская научная библиотека Д. С. Мережковского // Литературный факт. 2017. № 3. С. 133–147; Её же. Парижская научная библиотека Д. С. Мережковского // Д. С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: сб. ст. / ред.-сост.: О. А. Коростелев, и А. А. Холиков. М., 2018. С. 436–450; К истории покупки и каталогизации библиотеки и архива Д. И. Чижевского // Д. И. Чижевский Избранное: в 3 т. Т. I. Материалы к биографии (1894–1977). М., 2007. С. 498–525.

⁴ О судьбе Владимира Николаевича Тукалевского (1881–1936) – первого директора Славянской библиотеки в Праге, и об истории и судьбе его библиотеки см. в обстоятельной, основанной на архивных документах книге: Магидова М. Под знаком каталогов и материалов к ... В. Н. Тукалевский и русская книга за рубежом 1918–1936 гг. / Национальная библиотека Чешской республики. Славянская библиотека; Информационно-культурный центр «Русская эмиграция». СПб.: Симпозиум, 2016. 800 с. См. также о библиотеке Тукалевского: Ильина О. Н., Магидова М. Личная библиотека В. Н. Тукалевского в Славянской библиотеке в Праге // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб., 2006. Т. 170: XX век: две России – одна культура: сб. науч. тр. по материалам 14-х Смирдинских чтений. СПб., 2006. С. 336–347; Ильина О. Н. В. Н. Тукалевский – библиотечарь, библиограф, библиофил // Библиография. 2008. № 2. С. 88–101.

⁵ Далеко не все из возвращенных в Россию эмигрантских книжных собраний стали предметом изучения специалистов. Приведем лишь некоторые примеры: в РНБ поступила библиотека А. Г. Андреева-Хомякова, русского писателя, жившего в Германии и США, это книжное собрание было рассеяно в фондах библиотеки и установить принадлежность к нему отдельных экземпляров можно лишь «случайно», используя для поиска общий электронный каталог РНБ; личная библиотека философа и богослова Л. А. Зандера, поступившая в Библиотеку РАН, была удостоена лишь одной статьи (Ирkitова А. В. Книжное собрание Льва Александровича Зандера (1893–1964) в Библиотеке Российской Академии наук // Общество и власть: материалы всерос. науч. конф. / СПбГУКИ. СПб., 2006. С. 186–190); Библиотеки поэтов И. В. Чиннова и В. Ф. Перелешина хранятся в ОР ИМЛИ РАН, где ведется работа по составлению их описей; в научной библиотеке ГАРФа, среди многочисленных владельческих экземпляров книг из личных эмигрантских библиотек, хранится библиотека А. Г. Таралы, коллекционера, одного из членов Казачьей общины в Австралии; значительная по объему (около 20000 экз. книг, журналов, га-

зет, листового материала), одна из крупнейших владельческих коллекций изданий русской эмиграции, коллекция А. П. Тимофеева, члена Национально-трудового союза, собирателя частных эмигрантских собраний поступила в 1995 г. в Отдел РЗ РГБ; часть библиотеки видного общественного деятеля, историка, коллекционера Р. В. Полчанинова, была передана в дар владельцем в Псковскую областную библиотеку; постоянно пополняется книгами из личных библиотек, а также значительными по объему личными книжными коллекциями библиотека Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, информацию о них можно найти на сайте этого учреждения. Названные и многие другие личные библиотеки российских эмигрантов, поступившие в фонды российских книгохранилищ, практически не изучены. К сожалению, в РГБ, Библиотеке РАН и других государственных книгохранилищах самостоятельные структуры по изучению русского зарубежья в настоящее время упразднены, что не замедлило сказаться на состоянии историографии интересующей нас темы.

⁶ Здесь и далее речь идет о каталогах, которые носят исследовательский характер и чаще всего создаются уже после смерти владельца.

⁷ Варбанец Н. В. Особенности состава библиотеки Вольтера и ее описание // Библиотека Вольтера: кат. кн. / сост. Н. В. Варбанец и др. М.; Л.: 1964. С. 68–69.

⁸ Dmitrij I. Tschizewskij und seine Hallesche Privatbibliothek / Herausgeben von Angela Richter und Swetlana Mengel. Münster; Hamburg; London: LIT Verlag, 2003. 480 с.

⁹ К истории покупки и каталогизации библиотеки и архива Д. И. Чижевского // Д. И. Чижевский Избранное в трех томах. Т. I. Материалы к биографии (1894–1977) М., 2007. С. 498–525.

¹⁰ Там же. С. 656.

¹¹ Описание библиотеки П. М. Бицилли и А. П. Мещерского / сост. Л. В. Герашко, В. Б. Кудрявцев // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 67–222.

¹² Там же. С. 60.

¹³ Библиотека Николая Михайловича Зернова: каталог: [из фондов Всероссийской гос. б-ки иностранной лит. им. М. И. Рудомино /сост. А. Гуревича и др.; авт. предисл. Каллист Митр. Диоклийский (Уэр)]. М.: Центр книги, 2008. 317 с.: ил. Библиогр. осн. публ. Н. М. Зернова: с. 21–28.

¹⁴ Исследователи, обратившиеся к изучению данного книжного собрания, вынуждены постранично просматривать каталог в поисках необходимой информации, а затем заказывать в фонде те или иные экземпляры, гипотетически предполагая наличие в них наличие дарственных надписей и следов чтения.

¹⁵ Мировые религии в культуре, истории и политике: по материалам Зерновских конференций 2013–2017 гг. в ВГБИЛ им. М. И. Рудомино. СПб.: Алетейя, 2017. 509 с.

¹⁶ См., например: Рычков А. Л. Маргиналии Э. К. Метнера в коллекции Н. М. Зернова (о неизвестном путешествии «Записок Анны Шмидт» от Эмилия Метнера к Вячеславу Иванову и обратно) // Там же. С. 328–426. В приложении к статье приведен: «E. MEDTNER'S BÜCHER». Список книг, полученных от Э. К. Метнера, составленный В. И. Ивановым (из римского архива Вяч. Иванова).

¹⁷ Каталог библиотеки Ивана Александровича Ильина / сост. И. В. Овчинкина; под ред. И. Л. Великодной. М.: Издательство Московского университета, 2011. 200 с.; ил.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Там же.

²⁰ Коллекция «русского харбинца»: каталог собрания В. А. Слободчикова / РГБ; сост. и библиогр. ред. Н. В. Рыжак. М.: Пашков дом, 2006. 114 с.; О, муза русская, покينувшая дом...: поэзия русского зарубежья из собрания А. В. Савина: каталог / сост. Л. И. Киселева, А. В. Савин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 252 с. Большая часть коллекции Андрея Владимировича Савина (1946–1999) парижского букиниста и коллекционера документов русской эмиграции, хранится в библиотеке университета Северной Каролины в Чапел-Хилл (США), книги и документы из нее представлены в электронной библиотеке: «Россия вне России: Электронная библиотека Андрея Савина» // URL: <http://dc.lib.unc.edu/cdm/customhome/collection/rbr/> (дата обращения: 25.03.2020).

²¹ Каталог библиотеки Вяч. Иванова // URL: http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/katalog_biblioteki/na_russkom_yazyke/ (дата обращения: 25.03.2020).

²² См. о ней: Магидова М. Библиотека А. Л. Бема в Славянской библиотеке в Праге // Зарубежная Россия, 1917–1939 / РАН, С.- Петерб. ин-т истории; ИРЛИ и др. СПб., 2003. Кн. 2. С. 355–360.

²³ Библиотека А. Л. Бема: опыт реконструкции и описания / сост., ред.: Мария Магидова, Ольга Ильина; Национальная библиотека Чехословацкой Республики – Славянская библиотека (Прага); Информационно-культурный центр «Русская эмиграция» (Санкт-Петербург). Прага: Национальная библиотека Чехословацкой Республики – Славянская библиотека, 2020

²⁴ Мы не имеем в настоящее время сведений о составе и судьбе личной библиотеки А. Л. Бема доэмигрантского периода. Письма Бема этого периода, характер его научных занятий, тематика исследований и библиографических работ могут стать материалом для реконструкции если не состава библиотеки этого периода, то состава его круга чтения.

²⁵ Более подробно о собрании оттисков в библиотеке Бема см.: Ильина О. Н., Магидова М. Отдельные оттиски в системе научного общения (на примере собрания оттисков из личной библиотеки А. Л. Бема) // Книга: исслед. и материалы. М., 2012. Сб. 96–97. С. 122–135.

²⁶ В качестве примера можно привести автограф А. Ремизова на книге «Оля», изданной в 1927 г. в Париже в издательстве «ВОЛ». Ремизов на всем поле титульного листа делает черной тушью графическую композицию, учитывающую особенности издательского оформления: «Альфреду Людвиговичу Бему Олю с ее «пронзительным чувством, „жертвы“, Олю, не встреченную Достоевским, но из самых корней его сердца желаемую. Алексей Ремизов».

²⁷ См.: Мыльников А. С. О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса) // Книга: исслед. и материалы. М., 1972. Сб. 25. С. 8–11; Его же: Каталоги библиотек ученых как историко-культурный источник // Сов. библиография. 1986. № 5. С. 38–44.

²⁸ Примечательно, что раздел поэзии продолжал пополняться до последних дней жизни Бема: в числе последних приобретений сборник стихов Н. Туроверова.

²⁹ Например: книги, изданные в Японии, издательством книжного магазина Таисиудоо и русской типографией г. Иокохама, книги, увидевшие свет в Ровно, Сумах и ряде других городов, которые мало известны, как центры книгоиздания русского зарубежья.

Р. С. Гиляревский

Владимир Набоков о чтении

В статье обсуждаются причины неспособности вдумчиво и полноценно читать художественную и специальную литературу. Предполагается, что советы писателя В. В. Набокова на лекциях американским студентам о русской и зарубежной литературе помогут научить правильному чтению. Приводится пример из комментария к роману Набокова «Дар», иллюстрируется особенность прочтения им «Дон Кихота» Сервантеса.

Ключевые слова: чтение, вдумчивое чтение, В. В. Набоков

Ruggero S. Gilyarevskiy

Vladimir Nabokov on What is a Good Reading

The reasons for the inability to read fiction and special literature thoughtfully are discussed in the article. It is expected that advices of the writer V. V. Nabokov at lectures on Russian and foreign literature to American students will help to teach correct reading. An example is given of a commentary on Nabokov's novel «The Gift» and his specific reading of Cervantes «Don Quixote».

Keywords: reading, thoughtful reading, V. V. Nabokov

Нас давно тревожит неспособность студентов на факультете журналистики вдумчиво читать художественную литературу. Они следят только за сюжетом (о чем текст), не воспринимают фабулу (как сюжет рассказан), не получают удовольствия от хорошего качества самого текста, не сопереживают персонажам и вообще не погружаются в прочитанное. Так же они читают учебную и профессиональную литературу, не сопоставляя читаемое со своими знаниями о предмете.

Мы понимаем, что во многом это происходит от того, что большинство современных средств коммуникации не требуют чтения и связанных с ним умственных и эмоциональных усилий. Но ведь и звук, и движущееся изображение в клипах и фильмах тоже являются текстами и требуют тех же усилий, что и письменный текст. Неумение читать книги ведет к цивилизационной потере полноценного восприятия не только виртуальной, но и реальной действительности.

Не будучи специалистом в читателеведении, мы попытались познакомиться с соответствующей литературой и поняли, что это обширная отрасль знания, на изучение которой у нас уже не осталось отпущенного времени. Разумеется, мы посмотрели учебники, узнали об идеях пристального и так называемого дальнего чтения Ф. Моретти¹, подходах герменевтики к

процессу чтения². Нам помогли в этом последние работы В. П. Леонова³. Но эти важные аспекты читателеведения все-таки не о том, что беспокоит нас.

Тогда мы обратились к писателям, которые часто делятся секретами своего мастерства, соображениями о творчестве собратьев по цеху и нередко высказываются о читателях и чтении. Это тоже необъятное множество сведений и даже особый раздел литературоведения. Но все же это дорога, на которой можно найти способы вернуть умение читать тексты так, как они того заслуживают. Российский писатель В. В. Набоков представляет особый интерес в этом отношении, поскольку он признанный стилист не только в русской прозе, но и в романах на английском языке. Также он много и не тривиально писал об искусстве чтения. В документальном фильме «Сорокин трип» (2019 г.) писатель говорит: «Все, что на бумаге, это как бы умерло. И оживает оно только во время чтения, если хорошо написано... Я понимаю Набокова, который сказал: „Я хотел бы из читателя сделать зрителя“».

Похожая мысль выражена Набоковым в заметке, предваряющей его лекции по зарубежной литературе для студентов Корнеллского университета (Итака, штат Нью-Йорк, США), названной «О хороших читателях и хороших писателях»: «Когда мы в первый раз читаем книгу, трудоёмкий процесс перемещения взгляда слева направо, строчка за строчкой, страница за страницей, та сложная физическая работа, которую мы проделываем, сам пространственно-временной процесс осмысления книги мешает эстетическому ее восприятию. Когда мы смотрим на картину, нам не приходится особым образом перемещать взгляд, даже если в ней тоже есть глубина и развитие. При первом контакте с произведением живописи время вообще не играет роли. А на знакомство с книгой необходимо потратить время. У нас нет физического органа (такого, каким в случае с живописью является глаз), который мог бы разом вобрать в себя целое, а затем заниматься подробностями. Но при втором, третьем, четвертом чтении мы в каком-то смысле общаемся с книгой так же, как с картиной»⁴.

Закачивая этот курс лекций в 1952 г., он обратился к студентам со следующим напутствием: «Окончив университет, кто-то из вас продолжит чтение великих книг, кто-то прекратит; а кто чувствует, что никогда не разовьет в себе способность наслаждаться великими мастерами, тому лучше вообще их не читать. В конце концов, и в других областях встречается этот трепет восторга – упоение чистой наукой бывает не менее сладостно, чем наслаждение чистым искусством. Главное – этот озноб ощутить, а каким отделом мозга или сердца – неважно. Мы рискуем упустить лучшее в жизни, если этому ознобу не научимся, если не научимся привставать чуть выше собственного роста, чтобы отведать плоды искусства – редчайшие и сладчайшие из всех, какие предлагает человеческий ум»⁵.

Еще Набоков сравнивал книгу с партитурой, которая требует исполнителя, чтобы ее озвучить, и слушателя, чтобы эту музыку воспринять. Обучая американских студентов чтению шедевров русской классики, Набоков стремился показать особое звучание русского текста. В предисловии к русскому изданию «Петербургских повестей» Гоголя В. В. Набоков писал: «Сколько бы раз в жизни кочевник-читатель не оказывался случайно у полки с живым растрепанным томом Гоголя (среди многих совершенно целых, но мертвых книжонок), Гоголь всегда его поразит своей волшебной обновляющей новизной, своими все глубже вскрывающимися слоями смысла. Точно проснулся человек посреди лунной ночи у себя в дрянном, поперечно-полосатом номере и, до того как снова забыться, услышал за тонкой, тающей в сером свете стеной как бы приглушенные звуки тихо и, на первый прислух, смешливо настроенного оркестра: пустяковые и вместе с тем бесконечно важные речи; смесь странных, прерывистых голосов, то с истерическим треском расправляемых крыльев, то с ночным озабоченным бормотанием обсуждающих человеческое бытие. В этом соприкосновении с какой-то смежной вселенной и состоит, мне кажется, мгновенно воспринимаемая магия и вечно пребывающее значение „Петербургских повестей“»⁶.

Даже по поводу одного единственного слова Набоков показывает ряд глубоких ассоциаций и широких обобщений, возникающих у него и в восприятии писателей, произведения которых он разбирал в лекциях: «Истина одно из немногих русских слов, которое ни с чем не рифмуется. У него нет пары, в русском языке оно стоит одиноко, особняком от других слов, незыблемое, как скала, и лишь смутное сходство с корнем слова «стоять» мерцает в густом блеске этой предвечной громады. Большинство русских писателей страшно занимали ее точный адрес и опознавательные знаки. Пушкин мыслил ее как благородный мрамор в лучах величавого солнца. Достоевский, сильно уступавший ему как художник, видел в ней нечто ужасное, состоявшее из крови и слез, истерики и пота. Чехов не сводил с нее мнимо-загадочного взгляда, хотя чудилось, что он очарован блеклыми декорациями жизни. Толстой шел к истине напролом, склонив голову и сжав кулаки, и приходил то к подножию креста, то к собственному своему подножию»⁷.

Наибольшее внимание к процессу и качеству чтения Набоков уделил в лекциях студентам. Интересно отметить, что писал он их, естественно, сразу по-английски, но думал при этом по-русски. Это подтверждается тем, что на полях одного из машинописных листов тонким карандашом написано на русском языке: «В этом месте сделать перерыв». Приводим отрывки из лекций Набокова о том, как он рекомендовал читать книгу:

«Пусть это покажется странным, но книгу вообще нельзя читать – ее можно только перечитывать. Хороший читатель, читатель отборный, соучаствующий и созидающий, – это перечитыватель»⁸. «Любая книга – будь то художественное произведение или научный труд (граница между ними не столь четкая, как принято думать) – обращена прежде всего к уму. Ум, мозг, вершина трепетного позвоночника, – вот тот единственный инструмент, с которым нужно брать за книгу»⁹. «Легкая дрожь, пробегающая по спине, есть та кульминация чувств, которую дано пережить роду человеческому при встрече с чистым искусством и чистой наукой... Если мы неспособны насладиться этой дрожью, если неспособны насладиться литературой, давайте оставим нашу затею и погрузимся в комиксы, телевидение, „книги недели“. Если будущий читатель совершенно лишен страстности и терпения – страстности художника и терпения ученого, – он едва ли полюбит великую литературу»¹⁰. «Точность поэзии в сочетании с научной интуицией – вот, как мне кажется, подходящая формулировка для проверки качества романа. Для того, чтобы погрузиться в эту магию, мудрый читатель прочтет книгу не сердцем, не умом, а позвоночником. Именно тут возникает контрольный холодок, хотя, читая книгу, мы должны держаться чуть отрешенно, не сокращая дистанции. И тогда с наслаждением, одновременно и чувственным, и интеллектуальным, мы будем смотреть, как художник строит свой картонный домик и этот картонный домик превращается в прекрасное здание из стекла и стали»¹¹. «Литературу, настоящую литературу, не стоит глотать залпом, как снадобье, полезное для сердца или ума, этого „желудка“ души. Литературу надо принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолов, – тогда вы почувствуете ее сладостное благоухание в глубине ладоней; ее нужно разгрызать, с наслаждением перекатывая языком во рту, – тогда, и только тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат и раздробленные, размельченные частицы вновь соединятся воедино в вашем сознании и обретут красоту целого, к которому вы подмешали чуточку собственной крови»¹². «Нужно всегда помнить, что во всяком произведении искусства воссоздан новый мир, и наша главная задача – как можно подробнее узнать этот мир, впервые открывающийся нам и никак напрямую не связанный с теми мирами, что мы знали прежде»¹³.

Конечно, трудно учить читать так, как об этом пишет Набоков. В речи, произнесенной на открытии первой книжной ярмарки в Турине 18 мая 1988 г., Иосиф Бродский дал свой совет: «...чтобы развить хороший вкус в литературе, надо читать поэзию. Если вы думаете, что я говорю это из приверженности цеху, что я пытаюсь продвинуть интересы собственной гильдии, вы ошибаетесь: я не член профсоюза. Дело в том, что, будучи высшей формой человеческой речи, поэзия не только самый сжатый, но и наибо-

лее конденсированный способ передачи человеческого опыта; она также предлагает наивысшие из возможных стандарты для любого лингвистического действия – особенно на бумаге»¹⁴.

Набоков в собственном творчестве придерживался того же метода, с которым он рекомендовал читать других писателей. Это лучше всего видно в романе «Дар», который трудно читается, поскольку почти каждый его фрагмент, если ни каждая фраза, предполагает сложную коннотацию. Недавно вышел даже комментарий к этому роману, в котором поясняются многие секреты, зашифрованные в его тексте¹⁵. Вот характерный пример из этой книги. В начале романа его герой обращает внимание на выгружаемый из фургона зеркальный шкаф. «Переходя на угол в аптекарскую, он невольно повернул голову (блеснуло рикошетом с виска) и увидел – с той быстрой улыбкой, которой мы приветствуем радугу или розу, – как теперь из фургона выгружали параллелепипед белого ослепительного неба, зеркальный шкаф, по которому, как по экрану, прошло безупречно-ясное отражение ветвей, скользая и качаясь не по-древесному, а с человеческим колебанием, обусловленным природой тех, кто нес это небо, эти ветви, этот скользкий фасад»¹⁶.

В упомянутом комментарии этот фрагмент сопоставляется со стихотворением Набокова «Зеркало» из сборника «Горний путь», с эпизодом в его романе «Защита Лужина» и эпитафией к главе XIII первой части «Красного и черного» Стендаля. Это позволяет сделать вывод, что Набоков таким образом показывает необычность отражения реальности в переносимом людьми зеркале. Разумеется, большая часть этого справочника посвящена пояснению реалий, непонятных современному читателю. Эти реалии – главное препятствие для чтения классики и понимания текста. Хороший пример из начала «Войны и мира» Л. Н. Толстого, где Анна Павловна Шерер посылает приглашение на свой прием с *красным* лакеем. Все теперь так и читают и переводят на другие языки «красный лакей». А ведь это одетый в красную форму, т. е. дворцовый лакей. Она имела собственных лакеев, но будучи фрейлиной, могла воспользоваться и дворцовым, подчеркнув официальный характер своего приема, на котором обсуждалось назначение главнокомандующим М. И. Кутузова.

У нас есть возможность проследить за тем, как читал сам Набоков. Он, как и все американские профессора, после каждых трех лет преподавания имел полностью оплаченный годичный отпуск, которым мог распорядиться по своему усмотрению. В этот так называемый *sabbatical year* он принял приглашение Гарвардского университета (Бостон, штат Массачусетс, США) прочитать несколько лекций о романе «Дон Кихот» Мигеля Сервантеса по программе гуманитарных наук в весеннем семестре 1951/52 учебного года.

Своим студентам Набоков лекций об этом романе не читал, так как не считал его важным для развития этого европейского жанра. Испанского языка он не знал, поэтому познакомился с несколькими английскими его переводами, из которых выбрал один, по которому изложил содержание всех 52-х глав первой части романа (1605 г.) и 74-х глав второй части (1615 г.) со включением обширных цитат для возможного прочтения студентам. Им он также сделал выписки из наиболее известных рыцарских романов («Смерть Артура» Т. Мэлори, 1469–1470 гг.; «Амадис Галльский» В. Лобейры, 2-я половина XV в.). Первоначальный план лекций заключался в том, чтобы все эпизоды романа разделить на «победы» и «поражения» Дон Кихота, и большая часть лекций была написана по этому плану. Затем намерения Набокова изменились, и он заново написал все лекции по новому плану: 1. *Введение*, 2. *Два портрета: Дон Кихот и Санчо Панса*; 3. *Композиция*; 4. *Жестокость и мистификация*; 5. *Тема летописцев, Дульсинья и смерть*; 6. *Победы и поражения*.

К этому времени о романе Сервантеса были написаны горы литературы – критиками, литературоведами, писателями и философами. Сложилось устойчивое восприятие романа как противопоставление мечты и действительности, романтики и реальности, безумия и здравого смысла. Набоков, первоначально невысоко ценивший этот роман, прочитал его совсем по-новому, освободив от привычных и приевшихся мнений. Он вернул ему свежесть жестокого времени, в которое он был написан, и оценил гениальность его создателя. Лучше всего он написал об этом сам:

«Обе части романа – настоящая энциклопедия жестокости. С этой точки зрения „Дон Кихот“ – одна из самых страшных и бесчеловечных из написанных когда-либо книг. И ее жестокость облечена в художественную форму. [...] Перед нами интересный феномен: литературный герой постепенно теряет связь с породившей его книгой, покидает отечество, письменный стол своего создателя и место своих скитаний – Испанию. Поэтому сегодня Дон Кихот более велик, чем при своем появлении на свет. Три с половиной столетия он скакал по джунглям и тундре человеческого мышления – и приумножил свою силу и достоинство. Мы перестали над ним смеяться. Его герб – милосердие, его знамя – красота. Он выступает в защиту благородства, страдания, чистоты, бескорыстия и галантности. Пародия превратилась в образец»¹⁷.

С отношением Набокова к чтению более или менее понятно. Но все же как научить молодежь читать так, как он предлагает, т. е. полноценно и правильно? Видимо, путь один – надо искать людей, которые еще читают книги пристально. Надо, чтобы они обучали будущих учителей и работников культуры читать так, как это делают они сами. Чтение – это творчество, а учить творчеству можно только обжигая жаром души. Этому и учит Набоков.

Примечания

¹ Моретти Ф. Дальнее чтение / Ф. Моретти; пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 344 с.

² Соколова Е. В. Истолковать и/или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digitalhumanities // Современная наука о литературе: сб. ст. / РАН. ИНИОН. М., 2018. С. 142–155.

³ Леонов В. П. Вавилонская библиотека в контексте дальнего чтения // Научные и технические библиотеки. 2020. В печати; Леонов В. П. Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения // Научные и технические библиотеки. 2019. № 10. С. 56–67.

⁴ Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков; пер. с англ.; предисл. к рус. изд. А. Г. Битова М.: Независимая Газета, 1998. С. 26.

⁵ Там же. С. 478.

⁶ Набоков В. В. Предисловие // Гоголь Н. В. Петербургские повести. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1952. С iii.

⁷ Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков; пер. с англ. М.: Азбука, 2014. С. 222.

⁸ Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. С. 25–26.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Набоков В. В. Лекции по русской литературе. С. 4.

¹³ Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. С. 5.

¹⁴ Бродский И. А. Письмо Горацию / пер. с англ. Е. Касаткиной // Проза и эссе: к вопросу о топ-темах и соотношении проза/поэзия. М., 1998. С. 18.

¹⁵ Долинин А. А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар» / А. А. Долинин. М.: Новое издательство, 2019. 648 с.

¹⁶ Набоков В. В. Дар / В. В. Набоков. М.: Азбука-Аттикус, 2012. С. 7.

¹⁷ Набоков В. В. Лекции о Дон Кихоте / В. В. Набоков; пер. с англ.; предисл. Ф. Бауэра, Г. Дэвенпорта. М.: Независимая Газета, 2002. С. 84, 158–159.

Н. Ю. Розова

Книги в «промежуточной» обложке:-pocketбуки в XX–XXI вв.

В статье рассматривается ведущая роль карманных изданий в развитии книги как медиа в XX–XXI вв. Мощная конкуренция новых медиа (фото, кино, радио) заставила печать мобилизовать единственное преимущество – мобильность – и создать собственные массовые сети и нового массового читателя. Издательства «Альбатрос», «Пингвин», «Саймон и Шустер» сформировали новый образ книги, в котором pocketбук предстал образцом, компактно объединяющим все жанры в одном оформлении и под одной обложкой. Эти качества обусловили следующее поколение, которое выбрало чтение электронных книг на мобильных носителях. Новые читатели переходят уже на чтение книг в цифровой печати по требованию (POD), и собственные книги издают преимущественно в мягкой обложке.

Ключевые слова: карманная книга, pocketбук, медиа, электронная книга, POD

Nina Ju. Rozova

Books in the «intermediate» cover: pocketbooks in the XX–XXIth centuries

The article considers the leading role of pocket publications in the development of books as a media in the XX–XXIth centuries. The powerful competition of new media (photo, film, radio) forced the press to mobilize the only advantage – mobility – and create its own mass networks and a new mass reader. Publishers «Albatros», «Penguin», «Simon and Schuster» formed a new image of the book, in which the pocketbook appeared as a model that compactly combines all genres in one design and under one cover. These qualities led to the next generation that chose to read e-books on mobile media. New readers are already switching to reading books in digital print on demand (POD), and their own books are published mainly in paperback.

Keywords: pocket book, pocketbook, media, e-book, POD

«Промежуточной» обложкой (Interimseinband, Interimsbroschur) называлось временное оформление, в котором книга выходила из типографии в доиндустриальный период. Это были листы более плотные, чем те, на которых печатали сам текст, часто окрашенные. Обложка могла нести некоторые сведения титула или оставаться слепой, держась непрочно, чтобы не повредить основной корпус книги. Далее, если при типографии не было собственной мастерской, в переплет книгу отдавал торговец или покупатель. Ситуация изменилась с приходом индустриализации. В книжной отрасли происходило объединение типографских и переплетных производств, и в ассортименте готовых переплетов для книг, учитывая опыт периодики, появились клееные обложки из уплотненной бумаги. Они оформляли дешевое чтение в дорогу, которая занимала в жизни человека все больше времени. Ярким образцом является,

например, английская серия «Жуткий пенни», выходившая с 1830-х гг., стоившая, действительно, пенни и повествовавшая о вампирах и маньяках. Сюда же следует отнести американскую серию «романов за десять центов», многочисленные дешевые библиотеки («Библиотека на берегу озера», «Библиотека на берегу реки»), наконец, английскую «Железнодорожную библиотеку», появившуюся в 1848 г. на базе серии издательства «Routledge». Главные их отличия от предшественников таковы: использование журнальной полиграфии, полихромные рисованные обложки. К жанрам, наряду с детективами и ужасами, прибавляются романы и справочная литература.

Одним из первых иначе стало использовать книги в обложке немецкое издательство «Reclam». Оно ставило своей целью сделать классику, в первую очередь, немецкоязычную, доступной для максимального числа читателей. Графическое наполнение обложек этих pocketов резко отличалось от журнальных серий и соответствовало оформлению книг в твердом индустриальном переплете: полное отсутствие иллюстраций и украшений, на обложке только название, автор и издательство. Впервые было приведено сегментирование по цвету: желтые книги на немецком языке, красные – на языке оригинала, билингва – оранжевые, учебники окрашены черным и т. д. «Reclam» первым в 1912 г. стал применять автоматы для продажи книг, к 30-м гг. XX в. широко распространившиеся по всей Европе.

Еще один «особый путь» книг в мягкой обложке олицетворяло немецкое издательство «Tauchnitz», занимавшееся распространением книг на английском языке за пределами Британии. Его издания, предназначавшиеся для бизнесменов и туристов, распространялись на вокзалах, кораблях и в гостиницах и были чрезвычайно популярны. Оформление соответствовало строгому викторианскому духу: «скромные книжечки цвета слоновой кости»¹ без иллюстраций. Это делало издание не только узнаваемым; именно оформление «Tauchnitz» больше всего походило на «промежуточные» обложки книг, тем самым давая понять, что перед читателем не приложение к журналу, но именно книга.

Можно считать, что к началу XX в. книги в обложке были широко распространены в Европе и Америке и занимали определенные ниши на рынке. С другой стороны, и журнальные, и книжные серии являлись «второсортной продукцией», поскольку абсолютное большинство продукции на книжном рынке составляли перепечатки в твердом переплете, тиражи изданий в обложках были малы. Однако именно этот формат оказал чрезвычайно большое влияние на развитие книги как масс-медиа в прошлом и нынешнем веках.

Новые медиа XX в. – кино, радио, зарождающееся телевидение – обладали колоссальными преимуществами. Они были дешевы, не требовали дополнительных компетенций, апеллировали к естественной способности публики воспринимать картинки и понимать устную речь. Как известно, сила непосредственного воздействия зрительных образов и живого языка несоизмеримо выше печатного слова. Для того, чтобы соперничать с ними, у книги оставалось одно преимущество: мобильность, способность необременительно для потребителя перемещаться вместе с ним. Радио и телевидение превращали дом в храм и театр, но требовали присутствия у «алтаря» (приемника) – до тех пор, пока не появились записи программ. Только книга, оттесненная ими на второй план, могла всегда быть рядом и была готова к прочтению где угодно. Книги старательно реализовывали это преимущество. Правда, у книги было и два недостатка: в твердом переплете она была дорога, а в мягком – эстетически бедна и жанрово ограничена. Устранением этих недостатков занялось новое поколение карманных изданий.

«Albatross» – издательство, которое называют основоположником новой карманной книги, совершившей «великую революцию в мире книг»². Издательство выпускало книги исключительно на английском языке, типографское производство было рассредоточено по материковой Европе с центром в Гамбурге. «Albatross» сделал ставку не на англоязычных туристов, как «Tauchnitz», а на читающих по-английски европейцев, жаждущих знакомиться с современной им британской и американской литературой. Используя термины маркетинга, можно сказать, что это был удачный выбор адресной группы, потому что таких читателей в предвоенной Европе оказалось неожиданно много. Как пишет К. Трой, это было связано не только с литературой, но, прежде всего, с распространением либеральной идеологии и британского взгляда на жизнь, в противоположность возникающему фашизму³. Издатель Х. Рис говорил о важности идентификации читателей с космополитичной общемировой культурой через чтение англоязычной литературы. То, что идентификация происходила именно через процесс чтения, было важно в условиях чрезвычайно успешной пропаганды в других медиа, указывает К. Трой⁴.

Кино и радио с их непосредственным воздействием оказались более подходящими для трансляции властного дискурса, чем печать. Книги же, особенно книги на иностранном языке, наполненные иным культурным контентом, поддерживающим энергию осознанности, маркировали индивидуализм и внутреннее сопротивление любой государственной идеологии. Так, «Albatross» в период с 1932 по 1933 гг. издал несколько текстов, запрещенных на родине их авторов («Улисс» Джойса, «О дивный новый

мир» Хаксли, «Любовник леди Чаттерлей» Лоуренса). Книги выделялись оформлением. «Стильные, строгие, одноцветные, неотразимые»⁵ обложки не содержали иллюстраций, отсылая к «настоящей книге». Цветовая сегментация определяла и подчеркивала принадлежность к жанровой группе, продолжая традиции Reklam. За образец формата были взяты узкие вытянутые альдины с близким к золотому сечению соотношением сторон, так называемый сейчас «формат А». Как и для альдин, для них разрабатывался новый шрифт, и это был вариант будущего Times New Roman C. Моррисона. Логотип в виде парящего альбатроса на обложке довершал образ бренда, наделяя его мифом и миссией. Это были полноценные книги, распространяемые более чем в 6000 магазинах Европы. После прихода к власти в Германии Гитлера и изменений в стране, несовместимых с развитым невластным дискурсом, с середины 30-х гг. центр производства покетов переместился в Англию.

Все достижения немецкой компании «Albatross» были внимательно изучены и применены издателем Алленом Лейном к англоязычным книгам, выпускавшимся им в Британии. Логотипом новой линейки стал пингвин, твердо стоящий на земле, и воплощающий не пафос всеобщности, но «некое достойное легкомыслие»⁶. В оформлении Лейн оставил прежним формат книг, шрифт, цветовое ранжирование по сериям. Ян Чихольд, работавший на издательство Лейна, добавил горизонтальное деление обложек на три полосы, две крайние из которых были цветными. Никаких рисунков, кроме черно-белого пингвина на обложке не было, читатель получал настоящие «книжные» покеты.

При организации распространения Лейном был использован опыт американских издателей, выставлявших дешевые книги на передовую масс-маркета: в аптеки и универмаги; именно там «создавалась» новая читающая публика.

В сети Лондонских универсальных магазинов «Вулворт» первый тираж «пингвинов» был распродан за два дня. Книга получила новый рынок сбыта, но заплатила за это высокую цену, приобретая свойства массового продукта – одноразовость, в том числе. Далее Лейн задействовал автоматы по продаже книг, которые тут же переименовали в «пингвинятники» и «инкубаторы», а позже и книжные магазины.

В отличие от Х. Риса, колесившего по Европе в поисках литературных новинок, А. Лейн, поддерживая ту же самую ценовую страту, собирал коллекцию из уже изданной «высокой классики» и современных, но получивших признание книг. В первую опубликованную им десятку вошли «Ариэль» А. Моруа – беллетризованная биография П. Б. Шелли и роман Э. Хемингуэя «Прощай, оружие». Результат применения такой стратегии был чрезвычай-

но успешен с точки зрения бизнеса: Лейн окупил затраты за 10 месяцев и напечатал первый миллион книг «Пингвина» к марту 1936 г. Издательство благополучно пережило Вторую мировую войну, продав в 1946 г. свою сто-миллионную книгу⁷; новый перевод Гомера был распространен в том же году в количестве 3 млн экземпляров. Популярность издательства была чрезвычайно высока. То, что не получилось по разным причинам у Х. Риса, удалось А. Лейну: он продемонстрировал мощь и возможности книгоиздания в эпоху жесткой конкуренции средств массовой информации. 30–50-е гг. прошлого века считают апофеозом, завершающим эпоху «галактики Гутенберга», а зримым воплощением линейности дискретной печатной культуры – 500-метровую шеренгу выпусков «пингвинов» в архиве издательства Лейна⁸. Собственно, именно 1935 г. Р. Эскарпи считает началом «Революции в мире книг», т. е. успешного издания книг высоких жанров в малом формате и в бумажной обложке⁹.

Успех «Пингвинов» был оценен в Америке, и революция покотов шагнула через океан уже в 1939 г.

Отличительной особенностью американского рынка карманных книг стало непременное наличие ярких рисованных обложек. С появлением кинематографа кадрированная кинематографическая обложка стала практически обязательной для массовых книг. Читатели покупали только «упакованный товар» вне зависимости от его жанра. И уже первая серия карманных книг издательства «Simon & Schuster», состоявшая из произведений Шекспира, Т. Уайлдлера и сестер Бронте, тоже вышла с яркими обложками в стиле пин-ап. Тираж каждого выпуска в 1000 экземпляров с логотипом читающего кенгуру на обложках был распродан по нетрадиционным каналам (универмаги, аптеки, бензоколонки) за несколько дней. Строгие «книжные» обложки в Америке не прижились, но свой отличительный форм-фактор малые книги высокого жанра в Америке все же получили. Им стал «формат Б», предложенный Джозефом Эпштейном, впоследствии главным редактором «Random Haus». Этот формат занял промежуточное положение между карманными покетами «Пингвина» и «Albatross» и средним размером книги ин-октаво в переплете. Такой формат вкупе с высоким художественным качеством оформления изданий обозначил библиотеку, предназначенную уже для постоянного (а не разового) серьезного читателя. Подобные покетыбуки не помещались в стандартные полки автоматов и универмагов – и, практически впервые в истории США, книги в мягкой обложке поступили в книжные магазины. Новый формат приняли во всем мире, маркируя им художественные и интеллектуальные издания. В частности, некоторые серии «Пингвинов» для Европы начали выходить в В-формате.

Таким образом, можно сказать, что новые издания обозначали себя в устоявшемся мире карманных книг, имитируя «большие книги» двумя способами:

- Оформлением обложки;
- Особым форматом.

Говоря о причинах «революции в мире книг», следует подчеркнуть многообразие существующих точек зрения. Так, в частности, медиалогия видит их в ответе книги на подавляющее влияние новых медиа, о чем писал еще М. Червинский в 70-е гг.¹⁰ Социологический взгляд изложен Р. Эскарпи. Развитие средств массовой информации явилось не только ударом по монополии книги, но и способствовало, в то же самое время, созданию образовательной и воспитательной среды для гигантской аудитории, до этого времени вообще не имевшей контактов с книжной культурой. Чтение по радио и показ спектаклей по телевидению воспитали новых читателей, которые и раскупили трехмиллионный «пингвиновский» тираж Гомера. Их не остановила мягкая обложка и простое оформление; эти читатели, во-первых, не имели дело с книгами вообще, во-вторых, они привыкли воспринимать истории разными способами, в разном оформлении. «Как правило, развитие радиовещания и особенно телевидения способствует прогрессу чтения и создает спрос на книги, прямо пропорциональный масштабам радиовещания и телевидения»¹¹. Эти книги «отвечают запросам людей, чьи горизонты неожиданно так раздвинулись»¹², и всеми силами стараются сделать из них читателей.

Можно сказать, именно культура покетов, дешевых, повсеместных и стильных, «спасла чтение». Но, борясь с масс-медиа и одновременно подражая им, карманные издания сами создали сеть («Величайшее достижение „Пингвина“ глубоко символично, оно [...] создает ощущение единства читателей по всей планете»¹³), и тоже стали средством массовой информации.

Не во всех странах «революция покетов» была воспринята однозначно. Во Франции, стране с великой культурой книги, первые «серьезные» покеты появились в издательстве «Hachette» только в 1953 г. Они вызвали неприятие и отповедь большей части книжного сообщества: «Являются ли книги в мягкой обложке настоящими книгами? Являются ли их читатели настоящими читателями?» – спрашивал Сартр¹⁴. Важным следствием подобных вопросов выступает неутраченный спор о нематериальности текста, вернее, о существовании идеального текста и его производных. Книга как средство коммуникации не может быть нематериальной, по крайней мере, пока материальны автор и читатель. Поэтому-то жизнь электронной книги, как и печатной, напрямую связана с форм-фактором материального носи-

теля. Как и печатная, электронная книга «расцветает» и переживает подъем продаж при обретении мобильности.

Датой возникновения электронных книг считается 1971 г., когда в память компьютера была внесена Декларация Независимости США. В течении 30 лет, вплоть до начала XXI в., книги осваивали новую для них среду, распространяясь, в основном, как программные продукты. Их первые «промежуточные обложки», футляры для дисков, имитировали бумажный облик оцифрованных книг. Чтение электронных текстов, будучи «прикованным» к стационарным компьютерам, было распространено минимально, равно как и сами эти тексты. Главным достижением этих первых тридцати лет, вероятно, следует считать признание за экраном права быть страницей. «Сегодняшние экраны – это не экраны с изображениями, которые можно было противопоставить письменной культуре. Это экраны с письменностью»¹⁵. Создание переносного экрана/страницы было поистине новаторским для всех экранных искусств, включая и электронную книгу.

С появлением в 2007 г. карманной электронной «читалки» «Kindle» от «Amazon» началось по-настоящему массовое распространение книг в новой среде. Как и запуск бумажных pocketов, старт продаж портативных электронных книг был обеспечен подбором библиотеки. Сперва «Kindle» располагала несколькими тысячами оцифрованных бесплатных и платных изданий, но всего через пару лет их число выросло до сотен тысяч. Этот рост был отчасти обеспечен возможностью самопубликации на данной платформе, сначала только в электронном виде, а с 2016 г. – и в бумажном. Таким образом, новая мобильная «промежуточная обложка» допускала не только чтение, но и письмо. Как представляется, это новая функция была обусловлена форм-фактором носителя, а именно табличкой, черой. Парадоксальным образом новейшее устройство отсылало к гораздо более древней истории, чем альдины. Формат черы как переносного подручного средства связи соответствовал активной коммуникации, возможности не только чтения и письма, но и диалога, общения. Это же требование, казалось бы, избыточное при уже имевшемся телефонном канале, неукоснительно реализовывалось в мобильных телефонах (функция SMS), освоившими шаблон экрана /страницы в том же 2007 г. с выходом первого iPhone.

Активной коммуникации черы более соответствовали мобильные телефоны, чем ридеры с их узким функционалом. «Экраны с письменностью» уступали экранам, наполненным и письменностью, и образами. Подавляющее большинство читателей электронных книг перешло на чтение с мобильных телефонов.

Несмотря на то, что и в ридерах со временем появились фильмы, музыка и аудиокниги, эти гаджеты стали еще одной уходящей натурой, «про-

межучотной» обложкой в истории книгоиздания. Исключением являются только те («Kindle» в первую очередь), которым «удалось создать розничную экосистему: [...] удобный недорогой букридер вместе со встроенным магазином электронных книг»¹⁶ с опцией публикации текстов.

Статистика книгоиздания показывает, что самоиздание распространяется в разных странах неравномерно. Современные технологии ксерокопирования присутствуют в офисах всего мира с 80-х гг. прошлого века. В области их использования для «печати тщеславия» лидирует США; в Европе по этому показателю первое место с большим отрывом занимает Великобритания. Причиной широко распространенного в этих странах электронного самоиздания является наличие в них той самой «розничной экосистемы» букридера. Первым же звеном в этой цепи стали высокие тиражи бумажных книг в обложке, революция покетов 30–50-х гг. прошлого века. Как представляется, именно карманное бумажное издание стало в этих странах для миллионов читателей первой, базовой книгой и образцом книги вообще. Во-вторых, карманный формат доказал свою применимость при оформлении произведений самых высоких жанров. Иначе говоря, в эпоху мультимедиа материальный статус книги уже не так важен, как в былые годы. Медиа соревнуются в передаче материальной утонченности и совершенства образов, однако в трансляции текстов книга все еще остается монополистом.

Сказанное объясняет, почему самодеятельные авторы стремятся к публикации своих текстов в виде печатной книги в обложке. Массовая индустрия использует это стремление, тиражируя так называемый «торговый», или С-формат, ранее использовавшийся только для издательских образцов или превью. Данный формат полностью имитирует книгу в переплете, меняя лишь жесткость обложки и цену экземпляра. Обложка больше не предохраняет листы, она дает им движение и оформляет его. Книга становится гибкой, и кодекс сворачивается в свиток.

Издательства сейчас, как правило, имеют в своем арсенале несколько «промежуточных обложек» для публикации одного наименования:

- офсетная печать большого тиража;
- POD на ксероксе книг в карманном формате и изданий «длинного хвоста» в С-формате;
- электронное издание.

В случае мультимедийных платформ (Amazon, Walt Disney Company) к этим обложкам, «упаковывающим» истории, рассказанные книгой, добавляются образы кинофильмов, музыки, сувенирной продукции и т. д. Буквально исполняется сказанное М. Лотманом: «Вся культура – это рассказывание историй», а «перевод есть основной механизм сознания»¹⁷.

Подобный глобальный сторителлинг на разных медиа-языках стал возможен, в том числе, после того, как карманные издания осуществили перевод (распространение) литературы высочайшего художественного уровня на язык массового покупателя. Новый читатель счел сочетание скромной обложки и глубокого содержания не недостатком, но характерной особенностью книги. «Новые читатели создают новые тексты, новые значения которых напрямую зависят от их новых форм»¹⁸. И они все вместе обеспечивают книгам достойное положение в новой системе медиа – как на полке шкафа, так и в iPhone.

Примечания

¹ Troy M. K. *Strange Bird: The Albatross Press and the Third Reich*. Yale, 2017. P. 35.

² Эскарпи Р. Ш. *Революция в мире книг*. М., 1972. 127 с.

³ Troy M. K. *Strange Bird*... P. 77.

⁴ Ibid. P. 104.

⁵ The books the Nazis didn't burn // *The Spectator*: деловое изд. (engl). URL: <https://www.spectator.co.uk/2017/05/the-books-the-nazis-didnt-burn> (дата обращения 01.06.2020).

⁶ History of Penguin archive // *The Telegraph*: деловое изд. (engl). URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/4691018/History-of-Penguin-archive.html> (дата обращения 01.06.2020).

⁷ The story of penguin books laid bare-naked board meetings and all // *The Guardian* (engl). URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/oct/27/the-story-of-penguin-books-laid-bare-naked-board-meetings-and-all> (дата обращения 01.06.2020).

⁸ Там же.

⁹ Эскарпи Р. Ш. Ibid. P. 28.

¹⁰ Червинский М. *Система книги*. Москва, 1981. 128 с.

¹¹ Баркер Р. Э., Эскарпи Р. Ш. *Жажда чтения*. Москва, 1979. С. 25.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Мангуель А. *История чтения*. СПб., 2015. С. 83.

¹⁴ Le Livre de poche: 60 ans de petits grands livres // *La Presse*: деловое изд. (fr.). URL: <https://www.lapresse.ca/arts/livres/201306/07/01-4658787-le-livre-de-poche-60-ans-de-petits-grands-livres.php> (дата обращения 01.06.2020).

¹⁵ Шартье Р. *Письменная культура и общество*. М., 2006. С. 226.

¹⁶ Харитонов В. В. *Электронное книгоиздание в России: проблема доступа и государственное регулирование*. М., 2016. С. 24–25.

¹⁷ Лотман Ю. М. *Семиотическое пространство* // *Филология и коммуникативные науки: учеб. пособие*. М., 2015. С. 206–211.

¹⁸ Цит. по: Шартье Р. *Указ. соч.* С. 249.

А. В. Куликова

Электронные копии и версии отраслевых региональных биографических справочников России в сети Интернет

В рамках проекта «Региональные энциклопедии России», реализуемого сотрудниками отдела библиографии и краеведения РНБ, было решено дополнить имеющийся ресурс списком отраслевых биографических справочников. Попутно в сети Интернет выявились электронные копии и версии этих изданий. Поскольку в настоящее время (из-за пандемии и режима самоизоляции россиян) возросла актуальность стремительно развивающихся электронных ресурсов, представляется интересным выяснить, каковы условия существования электронных биографических региональных ресурсов. Кроме того, важным вопросом является уровень доступа к ним.

Ключевые слова: региональные биографические справочники, биографические издания, отраслевые биографические справочники, электронные копии биографических справочников, электронные версии справочников, Интернет, электронные региональные ресурсы, доступ к электронным ресурсам.

Angelina V. Kulikova

Electronic copies and versions of industry regional biographical directories of Russia on the Internet

Within the framework of the project «Regional Encyclopedias of Russia», implemented by the staff of the Department of Bibliography and Local History of the National Library of Russia, it was decided to supplement the existing resource with a list of industry biographical directories. Along the way, electronic copies and versions of these publications appeared on the Internet. Since at present (due to the pandemic and the regime of self-isolation of Russians) the urgency of rapidly developing electronic resources has increased, it seemed interesting to find out what are the conditions for the existence of electronic biographical regional resources. In addition, an important issue is the level of access to them.

Keywords: regional biographical directories, biographical publications, industry biographical directories, electronic copies of biographical directories, electronic versions of directories, the Internet, electronic regional resources, access to electronic resources.

В рамках реализации проекта «Региональные энциклопедии России» в отделе библиографии и краеведения Российской Национальной библиотеки ведется кропотливая работа по выявлению энциклопедических справочных ресурсов, в той или иной степени раскрывающих регионально-ведческую составляющую справочной литературы. Таким образом, помимо энциклопедий как таковых, учитываются дополнительные справочные краеведческие издания, характеризующие российские регионы: топонимические справочники, административно-территориальные справочники,

энциклопедии учреждений и т. п. Необходимо отметить, что универсальные биографические энциклопедические издания нами учитываются в основном ресурсе¹. Биографический общероссийский ресурс отражен в библиографическом указателе «Биографические словари России», составленным Д. Н. Шиловым и И. Н. Вибей².

Отраслевые региональные биографические справочники до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Однако этот ресурс может стать важным источником для исследования региональной российской биографики, истории и культуры.

Определимся с объектом исследования. В информационных массивах интеллектуального пространства России имеется большой пласт биографической литературы: биографические справочники, словари и энциклопедии; генеалогические исследования, разного рода сборники биографий, содержащие информацию о персоналиях той или иной сферы деятельности; исследования по некрополистике, в которых также присутствует биографический элемент; издания из серии «Жизнь замечательных людей»; жизнеописания святых (агиография); путеводители, посвященные персоналиям; справочные издания, представляющие собой сборники биографических очерков сотрудников тех или иных учреждений, и многие другие. Из всего этого разнообразия четко выделяется региональная биографическая справочная литература, представляющая собой универсальные и отраслевые биографические справочники. Поскольку универсальная биографическая справочная литература, как мы отмечали выше, уже учтена в соответствующих ресурсах, нас, прежде всего, интересуют издания отраслевого характера. Для таких изданий характерны следующие признаки: это биографические словари и справочники, описывающие наиболее полно представителей какой-либо одной отрасли в регионе. Таким образом, в процессе нашей работы сложилось **представление об отраслевом биографическом региональном справочнике** как об издании (или электронном ресурсе), в котором отражены биографические статьи о представителях какой-либо профессии, отрасли, учреждения в том или ином регионе России. Для удобства во время служебного общения мы прибегли к сокращенному варианту названия региональных биографических справочников России – **БИОСПы** (*далее в тексте будет употребляться эта аббревиатура*).

Изучение электронных биографических ресурсов становится особенно актуальным в современных эпидемиологических условиях, когда у пользователь может познакомиться со специальной литературой лишь при помощи Интернета. Подчеркнем, что БИОСПы, о которых мы говорим, издаются порой настолько малыми тиражами, что без электронных копий

и версий они были бы, скорее всего, сразу же после издания преданы забвению. Есть БИОСПы, написанные и изданные всего в 1–5 экземплярах, например, силами межпоселенческой библиотечной сети какого-нибудь района в российской глубинке. Привычным для биографических региональных справочников является тираж в 50–100 экземпляров. В книжных магазинах и библиотеках чаще всего этих изданий нет. Таким образом, неоспорима важность наличия таких публикаций в сети Интернет.

На сегодняшний момент (14.07.2020) нами учтено 1097 БИОСПов (это количество не окончательное, работа по уточнению списка продолжается). Из них выявлены электронные pdf-копии 178 изданий, а также электронные версии 106 ресурсов, доступ к которым предоставляют, в основном, официальные сайты в сети Интернет.

Есть две задачи, которые хотелось бы выполнить в результате нашего небольшого исследования: первая – выяснить условия существования электронных копий и версий в глобальной сети; вторая – проанализировать, насколько открыты эти ресурсы для пользователя (уровень, варианты, качество доступа).

Рассмотрим PDF-копии БИОСПов в сети Интернет. Под PDF-копиями подразумеваются точные электронные копии книжных изданий, сохраненных в формате Adobe Acrobat и опубликованных на официальных сайтах в сети Интернет. Выше мы упоминали, что нашлись PDF-копии 178 БИОСПов (список размещен на Яндекс Диске: https://yadi.sk/i/X_b8UdN8TEaH3w). Копии некоторых изданий размещены одновременно на нескольких сайтах.

В процессе изучения имеющихся электронных копий БИОСПов выявилось несколько общих их черт, которые необходимо перечислить.

1. *Легальность*. Все копии были размещены с разрешения правообладателей текстов (или изданий).

2. *Сфера деятельности – культура, образование (наука)*. Сайты, где даны ссылки на pdf-копии БИОСПов, принадлежат учреждениям культуры (библиотекам, музеям, театрам) или научно-образовательным (вузам, научным или научно-издательским центрам).

3. *Объединенность библиографических и полнотекстовых баз данных*. Ресурсы, предоставляющие ссылки на полные тексты БИОСПов, представляют собой электронные информационно-поисковые системы, электронные библиотечные системы, интегрированные информационные системы и т. п., отражающие не только библиографическую и реферативную информацию об изданиях, но и имеющие выход на полнотекстовые электронные библиотеки внутри своих систем.

4. *Доступ*. Нами зафиксировано 3 способа доступа к PDF-копиям БИОСПов:

- предоставление активной ссылки на электронный текст справочника;
- ссылка на сторонний ресурс (Яндекс Диск, Google Диск, Облачный сервис Mail.ru.), откуда его можно скачать на свой компьютер;
- использование бесплатных платформ для публикаций (например, DocPlayer, Calameo, Issuu, Medium) или программ для чтения (например, Adobe Reader). На таких платформах происходит обмен информацией между пользователями.

Очевидно, что первый и третий способы более удобны для пользователя, так как доступ к тексту предоставляется сразу и в полном объеме.

Есть прямые ссылки на PDF-копии БИОСПов и на портале научных электронных библиотек eLibrary, «РУКОНТ», Z-Library. В некоторых случаях ссылки ведут на сторонние ресурсы, но чаще всего – открываются внутри системы. Неудобство работы с текстами в eLibrary проявляется в том случае, когда пользователь пересылает или копирует прямую ссылку на текст (при попытке повторно без авторизации открыть такую ссылку – система выдает ошибку). Необходимо это учитывать и работать с ссылкой более раннего уровня (реферативной).

Интересно проследить источники, предоставляющие доступ к электронным БИОСПам.

Соцсети. В настоящее время все более распространенным становится способ передачи информации через социальные сети. Нами зафиксировано несколько случаев, когда PDF-копии БИОСПов авторы размещали в своих аккаунтах «ВКонтакте» и «Одноклассники». Любопытной является социальная сеть для ученых – Academia.edu, на которой также было обнаружено немало электронных копий биографических справочников, предоставленных их авторами. Есть и персональные сайты авторов, открывающих доступ к своим произведениям (например, «Прасковья Эрдниевна Алексеева», персональный сайт преподавателя Вячеслава Евгеньевича Пыркова, персональный сайт В. Сулимова).

Сайты организаций и учреждений. Активно открывают доступ к БИОСПам, связанным с судьбами священнослужителей, сайты епархий и митрополий Русской православной церкви. На сайтах многих региональных администраций, министерств, юридических и правовых порталах также публикуются электронные копии отраслевых биографических справочников. Русское географическое общество на своем сайте дает возможность чтения PDF-копий БИОСПов известных ученых – географов. В Красноярском крае работу по публикации электронных копий БИОСПов активно ведут сайты Администрации Губернатора Красноярского края, а также порталы краевой государственной газеты «Наш Красноярский край» и «Новый Енисейский литератор. Альманах прозы, поэзии, публицистики». Электронные

копии региональных писательских биографических справочников предоставляют для чтения региональные отделения «Союза писателей России» (например, на сайте Союза писателей Крыма). Ценным источником в Магаданской области является сайт «Колымская библиотека».

Библиотеки. Из электронных библиотек, созданных региональными российскими книгохранилищами, многочисленными публикациями БИОСПов обращает на себя внимание Электронная библиотека Республики Карелии. Копии БИОСПов на этом ресурсе «привязаны» к библиографическим описаниям в электронном каталоге. Прямой доступ к электронным публикациям возможен без авторизации на сайте. Возможность чтения электронных БИОСПов широко представлена в электронных библиотеках Научной библиотеки Тюменского и Томского государственных университетов, Национальной библиотеки Республики Коми, Тамбовской областной универсальной научной библиотеки, МУК «ЦБС г. Саратова», Научной библиотеки Алтайского государственного университета и многих других.

Издательства с меньшей охотой (по понятным причинам) предоставляют доступ к электронным копиям БИОСПов. Тем более ценно, что иркутское издательство «Оттиск» разместило на своем сайте довольно свежее издание «Иркутяне – Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры ордена Славы»³.

Таким образом, условия существования электронных копий БИОСПов в сети Интернет можно охарактеризовать как удовлетворительные. К просмотренным нами текстам практически в 80% случаев предоставлен полный доступ. В оставшихся 20% случаев либо необходима авторизация на сайте (которая не вызывает затруднений), либо дан доступ к части (отрывкам) произведений. В организации доступа к электронным копиям БИОСПов принимают участие как государственные учреждения и организации, так и общественные некоммерческие союзы и самодельные организации.

Электронные версии БИОСПов в сети Интернет представляют собой практически ту же информацию, что изложена в соответствующих печатных БИОСПах, но расположенную на сайте в виде, значительно отличающемся от бумажного аналога. В большинстве случаев электронные версии БИОСПов отличает оригинальный компьютерный дизайн, они имеют различные фильтры, настройки, гиперссылки внутри статей, снабжены системой обратной связи с администраторами сайтов. Обнаружены электронные версии 106 БИОСПов (список размещен на Яндекс Диске: https://yadi.sk/i/Zujdr9_GL1ngBA).

Можно отметить три варианта современных электронных версий БИОСПов, существующих в гиперпространстве:

1. Тексты, размещенные на официальных сайтах учреждений (администраций различного уровня, библиотек, музеев, архивов, религиозных организаций и т. п.)

2. Электронные справочники на так называемых «народных» порталах, организованных силами энтузиастов-любителей (краеведов, учителей, писателей, представителей СМИ, путешественников, генеалогов и т.п.): Pandia, Narod, Proza, Poisk Predkov, «Kraeved [региона, области, района – А. К.]», «Мое семейное древо» и т. п.

3. Самодеятельные сайты, содержащие различные материалы, которые могут пригодиться для учебы и самообразования (у таких сайтов довольно схожие названия: «Бесплатная интернет-библиотека», «Библиотека бесплатных материалов», «Бесплатная научная электронная библиотека», «Бесплатная электронная библиотека», «Бесплатная библиотека России» и т. п.).

Все названные способы публикации объединяет одна характерная черта – существенное отличие от печатного аналога. Однако если в первых двух случаях тексты располагаются структурированно, имеют разделы, подразделы, алфавитные и тематические указатели, то в третьем – это сплошной текст от обложки до страницы выходных данных. С таким текстом можно работать, лишь скопировав его в документ на персональный компьютер, что вызывает определенные трудности.

Некоторые БИОСПы являются составными частями региональных электронных энциклопедий. Приведем наиболее яркие примеры. Так, частью Ярkipедии является справочник «Ярославские губернаторы»⁴. Одной из страниц «Электронной антологии Культурного наследия Югры» является указатель «Путешественники – исследователи Тобольского севера»⁵. На сайте «Новгородские страницы» опубликован справочник «Почетные граждане Великого Новгорода»⁶. На сайте «Библиотека сибирского краеведения» доступен для чтения справочник «„Числюсь по России“». Профессора и преподаватели кафедры отечественной истории НГПУ⁷.

Есть и такие региональные биографические справочники, которые входят в электронные общероссийские ресурсы. Так, в открытую энциклопедию регионов, муниципальных образований и населенных пунктов России «Банк городов» (bankgorodov.ru) входит электронный вариант справочника «Известные люди Рязанской области: публичные, авторитетные, влиятельные, перспективные, знатные, заслуженные»⁸. На сайте «Духовенство РПЦ в XX веке» опубликован текст книги «Справочный материал по священнослужителям и церковнослужителям Нижегородской епархии в период 1916–1939 гг.»⁹.

Все размещенные на сайтах электронные версии БИОСПов имеют открытый доступ, авторизации не требуется. Тексты в большинстве случаев

снабжены алфавитными указателями, списками литературы, имеют гиперссылки и иллюстрации (либо портретные галереи).

Таким образом, за исключением самостоятельных бесплатных интернет-библиотек (см. выше: *третий вариант современных электронных версий БИОСПов*), можно констатировать приемлемые условия существования электронных версий БИОСПов. Информация, размещенная в них, часто является более расширенной версией печатных аналогов. Кроме того, многие из этих ресурсов продолжают систематически актуализироваться. Наличие обратной связи дает возможность в режиме «онлайн» вносить в них уточнения и обновления. По сути такие региональные биографические справочники являются продолжающимися версиями печатных изданий.

Рассмотрев электронные копии и версии региональных биографических справочных ресурсов, проанализировав условия их функционирования, можно сделать оптимистичный вывод: при условии постоянной работы по повышению их качества и привлечению к их актуализации научных региональных сил за ними – будущее региональной биографической литературы.

Примечания

¹ Региональные энциклопедии России: библиографический указатель / адм. раздела А. И. Раздорский // Российская национальная библиотека. URL: <http://nlr.ru/res/epubl/rue/content.html> (дата обращения: 14.07.2020).

² Биографические словари России: [информационно-справочная система : Электронный ресурс] / Вибе Ирина Николаевна, Шилов Денис Николаевич. URL: <http://nlr.ru/res/epubl/biodictionary/> (дата обращения: 14.07.2020).

³ Иркутяне – Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры ордена Славы / [авт.-сост. А. В. Ануфриев и др.; науч. ред. С. И. Кузнецов]. Иркутск: Оттиск, 2015. 255 с.

⁴ Ярославские губернаторы, 1777–1917: ист.-биогр. очерки / [В. М. Марасанова, Г. П. Федюк]. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. 417, [1] с.

⁵ Путешественники – исследователи Тобольского севера: биобиблиогр. указ. / Ханты-Манс. окр. б-ка. Отд. краевед. лит. и библиогр.; [сост. И. Шевелева]. Ханты-Мансийск, 1993. 18 с.

⁶ Почетные граждане Великого Новгорода. Великий Новгород, [2005]. 18 с.

⁷ «Числюсь по России». Профессора и преподаватели кафедры отечественной истории НГПУ: биобиблиогр. справ. / Новосиб. гос. пед. ун-т; авт.-сост. В. А. Зверев, К. Е. Зверева, Е. И. Косякова. Новосибирск, 2007. 158, [1] с.

⁸ Известные люди Рязанской области: публичные, авторитетные, влиятельные, перспективные, знатные, заслуженные: [справочник : в 2 вып. / редкол.: И. Левченко (шеф-редактор) и др.]. Рязань: Газета, 2007–2009. (Приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь – Русь»).

⁹ Справочный материал по священнослужителям и церковнослужителям Нижегородской епархии в период 1916–1939 гг. / сост. М. В. Циркулева. Н. Новгород, 2011. 528 с., [7] л. ил., портр.

Е. П. Касьянова

Независимое книгоиздание Санкт-Петербурга

В статье уточнено определение понятия независимого книгоиздания. Проанализирована специфика и перспективы развития независимого петербургского книгоиздания как одной из тенденций развития современного книжного дела.

Ключевые слова: независимое книгоиздание, самоиздание, альтернативное книгоиздание, издательское дело.

Ekaterina P. Kasyanova

Independent Book Publishing of St. Petersburg

The definition of the concept of independent book publishing has been clarified. The specificity and prospects of the development of independent book publishing in St. Petersburg as one of the trends in the development of modern book business are analyzed.

Keywords: independent book publishing, self-publishing, alternative book publishing, publishing.

Понятие независимого отечественного книгоиздания привлекает внимание отечественных исследователей начиная с 1990-х гг.¹ и по настоящее время². Причина этого интереса заключается в том, что независимое книгоиздание – заметный тренд отечественной книжной культуры, значимая черта современности, отражающая тенденцию к индивидуализации читательских запросов. В чем заключается специфика этого явления?

Во второй половине 80-х гг. XX в. в отечественных гуманитарных науках возникло понятие независимой печати, распространившееся затем и на книгоиздание, суть которого заключалась в неподконтрольности государству и поддержании традиций самиздата³.

Официальное, лицензированное существование подобного рода издательств стало возможно после принятия в 1990 г. закона «О печати и других средствах массовой информации» и завершения советского периода в целом. Наибольшее число независимых издателей появилось именно в 1990-е гг. Экономические условия, в которых разворачивалась издательская деятельность, были довольно жесткими, инфляция заметно усложняла ситуацию; исследователи отмечают также низкие полиграфические возможности, дефицит качественной бумаги.

Однако на уровне идей и смыслов дефицита не было, и в отсутствие цензуры и идеологического давления в целом издатели разных регионов

России переиздавали классические тексты и открывали читателю новые, недоступные прежде имена.

Так, если 1980 г. в СССР функционировало порядка двухсот издательств, большая часть которых была непосредственно связана с Госкомиздатом, то в 1990–1992 гг. возникают сотни негосударственных издательств, и в уже 1993 г. они выпускали больше книг, чем издательства государственные⁴.

Столкнувшись с серьезными экономическими трудностями, большинство новых независимых издательств прекратило свое существование, однако некоторые из них не только выжили, но и преуспели, став знаковыми явлениями в книжной отрасли. Так, например, московские «Ад Маргинем», «Время», «Ультра. Культура», основанные в 1990-х гг., продолжают активно развиваться и поныне. В Санкт-Петербурге также можно обнаружить несколько подобных примеров.

В 1988 г. было основано старейшее независимое издательство Санкт-Петербурга – «Лимбус-пресс». Начав свой путь с многотысячных тиражей конца 1980-х – начала 90-х гг., издательство открыло читателям имена С. Довлатова, И. Денежиной, Р. Гальего, С. Рушди, Ф. Рота, С. Носова, Фигля-Мигля, А. Снегирева, И. Бояшова, А. Рубанова, В. Аксенова, А. Старобинец, активно публиковало тексты Э. Лимонова, Д. Быкова, К. Букши, З. Прилепина, А. Секацкого, В. Шарова, А. Проханова, Т. Москвиной, Г. Садулаева, А. Етоева, и продолжает оставаться лидером в области современной отечественной литературы.

В 1994 г. было создано издательство «Симпозиум», специализирующееся на иностранной интеллектуальной литературе, благодаря которому русскоязычные читатели познакомились с творчеством Д. Джойса, У. Эко, Э. Елинек, П. Хега, С. Кржижановского, Р. Гари, Ю. Мисимы и др., а также В. Набокова и Саши Соколова.

В 1995 г. появляется издательство Ивана Лимбаха, еще одно значимое некоммерческое издательство гуманитарного профиля, выпускающее книги как современных отечественных (М. Безродный, Л. Гиршович, Т. Кибиров, Л. Рубинштейн, Д. А. Пригов), так и зарубежных (М. Юрсенар, М. Штрерувиц, А.-М. Адамек, М. Флорин, Ж. Перек, Г. фон Лефорт) авторов, произведения классиков, труды по филологии.

В 1995 г. Михаил Сапего основал издательство «Красный матрос» – подчеркнуто некоммерческое, едва ли не подпольное, в котором за последующие 25 лет вышло несколько сотен книг, к настоящему времени ставших библиофильскими редкостями. Были изданы тексты самого разного характера, среди авторов важную роль играли В. Емелин, О. Флоренская, В. Шинкарев, Д. Шагин, В. Гаврильчик, О. Григорьев, В. Яшке. В 2010-е гг. появились новые серии, связанные с низовой городской куль-

турой, такие как «Обрыдалово», «Про...», «Происшествия», продолжается и выпуск репринтов.

Независимые издательства, яркие примеры данной социальной практики, возникшие в Санкт-Петербурге в 1990-е гг., как правило, легко поддаются типологизации. Однако те издательские субъекты, которые появились позднее, зачастую значительно сложнее классифицировать. Границы понятия по-прежнему остаются достаточно неопределенными.

Исторически независимое книгоиздание – это книгоиздание, независимое от государственного финансирования и идеологического давления. Но что представляет собой независимое книгоиздание 2000–2010-х гг.?

Новый этап развития отечественного независимого книгоиздания начинается в 2011 г., когда около ста издательств объединяются с книготорговыми структурами в Альянс независимых издателей и книгораспространителей, ставивший своей задачей поиск новых путей развития отрасли в ситуации, когда на «на смену массовым и мейнстримным авторам, что было характерно для доцифровой эпохи, приходит эпоха авторов культовых, чье творчество формирует язык и вкус определенного сегмента сети или социального множества»⁵, а читательское сообщество теряет свою однородность, дробится и атомизируется. В этих условиях целями Альянса становятся объединение и расширение альтернативного книжного пространства, информационная, правовая и финансово-административная поддержка независимого книгоиздания.

Два независимых петербургских книжных магазина, «Порядок слов» (в 2012 г.) и «Все свободны» (в 2017 г.), обращаются к собственным издательским проектам. Необходимо отметить, что данная тенденция является общероссийской. Так, например, и основатели московского книжного магазина «Циолковский» через несколько лет после его открытия взяли за одноименный издательский проект.

А. Фаустов и Л. Беляцкая, создатели «Все свободны», добавляют к признакам независимого книгоиздания «отсутствие непосредственной экономической взаимосвязи с крупным капиталом, с книгоконцерном „АСТ-ЭКСМО“»⁶. В нынешней ситуации продолжающейся монополизации книжного рынка данная характеристика является принципиально важной и не вызывает возражений. И. В. Лизунова и Е. Н. Савенко объединяют независимое книгоиздание наряду с электронными самопубликациями и краудфандинговыми проектами в рамках понятия «альтернативное книгоиздание»⁷.

Необходимо отметить, что понятие независимого книгоиздания также нередко смешивается с самиздатом или самоизданием, поскольку общепринятое представление о них пока не сформировано, исследователи разграничивают эти термины различным образом⁸.

Рассмотрим такие признаки, отличающие независимое книгоиздание от смежных явлений, как высокий уровень редакционно-издательской подготовки и полиграфического исполнения продукта, государственная регистрация и соблюдение федерального закона «Об обязательном экземпляре документов», коммерческая успешность и просветительский характер книгоиздательской деятельности. Можно с уверенностью называть самоизданием всякую непрофессиональную и неофициальную деятельность по изданию книг. Но каким образом необходимо классифицировать зарегистрированную, но не профессиональную деятельность, как самоиздание или же как независимое книгоиздание?

Упрощение технологической части книгоиздания, приведшее к размытию профессиональных стандартов и снижению профессионализма в целом (освоить Adobe InDesign и называть себя издателем может любой желающий), усложнило ситуацию. А после появления в 2013 г. издательского сервиса Ridero, позволяющего независимым авторам издавать свои тексты без посредников, используя готовые оформительские решения, самоиздание, самопубликация стала возможной на высоком полиграфическом уровне. Создатели Ridero разработали систему автоматизированной допечатной подготовки, позволяющую значительно повысить уровень качества генерируемого макета. Значит ли это, что всех авторов Ridero можно отнести к независимым издателям?

Высокий полиграфический уровень также не может теперь считаться главным признаком независимого книгоиздания, отличающим его от самиздата и самодеятельного издания. Критерий качества, необходимый уровень редакционно-издательской подготовки и полиграфического исполнения, позволяющий отделить самодеятельное издание от независимого книгоиздания, нуждается в разработке.

Перейдем к следующей значимой характеристике книгоиздательской деятельности. Можно ли отнести к самоизданию профессиональную, но не зарегистрированную деятельность, или данная социальная практика относится к независимому книгоизданию?

Регистрация предприятия как юридического лица, осуществляющего издательскую деятельность, фактически более не является основной причиной, позволяющей выделить субъект книгоиздания из области самоиздания.

Например, А. И. Щетников, руководитель издательского проекта «Напрасный труд» – незарегистрированного издательства, существующего уже двадцать лет, и сам затрудняется классифицировать свою деятельность: «С одной стороны, то, чем я занимаюсь, может быть отнесено к самиздату. С другой стороны, это систематическая деятельность: в течение почти 20

лет издано более 200 книг тиражом от 100 и более экз. Я, по сравнению со многими издателями, конечно, профессионал. Хотя они – зарегистрированные издатели, а я – нет»⁹. Коллеги А. И. Щетникова также называют его независимым издателем, аргументируя это наличием четкой издательской политики. Таким образом, с данной позиции, наличие ISBN перестает быть определяющей характеристикой, позволяющей отнести издательский субъект к независимому книгоизданию.

Е. Н. Савенко схожим образом проводит границу между независимым книгоизданием и смежными явлениями. По мнению исследовательницы, «отсутствие регистрации не является основной характеристикой современного самиздата. Самиздатом можно считать лишь то, что печатается авторами в оригинальной редакции без привлечения профессиональных специалистов самостоятельно»¹⁰, в остальных случаях это – независимое книгоиздание.

Описанная тенденция, заключающаяся в снижении значимости официальных процедур для субъектов книгоиздательской деятельности, подтверждается данными отраслевых докладов. Так, например, в 2019 г. только 15% российских издательств отправило в Российскую книжную палату электронные версии обязательных экземпляров выпущенных ими книг¹¹. Среди них 4045 наименований вышло без указания тиража¹².

Рассматриваемая тенденция в значительной степени усложняет статистический анализ российского книжного рынка, делает отраслевые доклады нерелевантными и представляет собой угрозу для нормального развития книжного дела в нашей стране. По этой же причине в настоящей статье отсутствует статистика по заявленной теме: независимые книгоиздатели зачастую не раскрывают данные о тиражах, количестве наименований и проч. На практике наличие или отсутствие регистрации и соблюдение ФЗ «Об обязательном экземпляре» не является признаком, отличающим независимое книгоиздание от самодеятельного.

Но если не налажены официальные способы коммуникации, то, возможно, существуют иные способы взаимодействия внутри независимого книгоиздания? К сожалению, ситуация оставляет желать лучшего. В декабре 2019 г. в рамках ярмарки интеллектуальной литературы «Non/fiction 21» прошел круглый стол «Издательские школы и Fellowship. Новые форматы профессиональной издательской коммуникации в России», участники которого выразили озабоченность проблемой отсутствия налаженной профессиональной коммуникации между издателями из России.

По вопросу коммерческой успешности как признака независимого книгоиздания также существуют различные мнения. Так, М. В. Волкова, С. В. Шуба, А. Ю. Карманов утверждают, что независимое книгоиздание не

может быть коммерчески успешным и не должно ставить себе такие цели. По их мнению, задача независимого издателя сейчас состоит в фиксации и сохранении ценных продуктов современного литературного процесса, в формировании культурной ситуации¹³. Сторонники данного взгляда опираются на позицию Г. С. Альтшуллера, проанализировавшего множество биографий людей науки и искусства и сформулировавшего правило: «если ты хочешь сделать культурный проект – именно культурный, – нужно выбирать: либо ты мало зарабатываешь на этом проекте и смиряешься с этим, либо ты зарабатываешь в другом месте, не очень для тебя важном, а на эти деньги занимаешься культурным проектом. Если быть посередине, то все время будешь разрываться между идеей и заработком на ее осуществление»¹⁴.

Впрочем, не все исследователи согласны с тем, что некоммерческий характер – обязательная черта независимого книгоиздания. Так, А. Л. Посадсков считает, что именно отсутствие цели получения прибыли и отличает самоиздателя от всех остальных разновидностей издательских практик¹⁵.

Однако нельзя не согласиться с участниками дискуссии по данной теме, прошедшей в 2017 г., в том, что «на сегодняшний день независимое книгоиздание в стране в большинстве случаев ассоциируется с небольшими издательствами, существующими благодаря частным инвестициям любителей-энтузиастов», которые не связаны с крупными книготорговыми компаниями, да и не имеют подобных целей; «большинство из них своей миссией считают повышение интереса к чтению как важнейшему фактору развития национальной культуры»¹⁶.

Монополизация отечественного книжного рынка закономерно приводит к разорению небольших издательств, и поэтому независимое книгоиздание выходит из экономических отношений. Небольшая часть книжного рынка перестает быть рынком в полном смысле слова. Благодаря возможностям цифровой печати издаются локальные тиражи, формируются репутации, и успех книги далеко не всегда оказывается связан с ее продаваемостью.

Независимое книгоиздание осуществляет то, что создатели Альянса называют антропологическим поворотом. Книга перестает быть товаром в системе развлечений, источником информации (что закономерно в эпоху, когда любой текст можно найти в сети) и становится «важнейшим элементом формирования новой социальной и городской среды, <...> опорой для новых образовательных программ и источником инновационных оптик»¹⁷.

Рассмотрев опыт деятельности наиболее ярких независимых петербургских книгоиздателей, можно сделать вывод о том, что в современной

ситуации основными характеристиками независимого книгоиздания как такового является именно их независимость (финансовая и идеологическая – от государства, экономическая – от издательств-монополистов) и наличие четкой издательской политики, ярко выраженной идеи.

Независимое петербургское книгоиздание выполняет просветительскую функцию, парадоксальным образом развивается вопреки экономической ситуации и формирует книжную культуру города и страны.

Примечания

¹ См.: Пронина Ю. С. От «самиздата» к независимой печати: из истории альтернативных изданий Сибири периода «поздней перестройки» // Седьмые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (Красноярск, 16–17 мая 2006 г.). 2006. С. 203–206; Тимофеева Л. Н. Альтернативная печать как феномен качественных изменений в политическом процессе России (середина 80-х – начало 90-х годов): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1992. 24 с.; Бобкова Н. П. Становление, развитие и проблематика альтернативных печатных изданий в Западной Сибири (1989–1999 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. 2016. 24 с.; Струкова Е. Н. Независимая печать: к вопросу о термине и хронологических рамках // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 171–172.

² Лизунова И. В., Метельков А. С. Независимое книгоиздание: реалии современности, прогнозы на будущее // Библиосфера. 2017. № 1. С. 79–88; Лизунова И. В., Савенко Е. В. Современное альтернативное книгоиздание: общая характеристика и тенденции развития // Вестник КазГУКИ. 2018. №4. С. 22–29.

³ Струкова Е. Н. Независимая печать: к вопросу о термине и хронологических рамках // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 171–172.

⁴ Митрофанова И. В., Коробов О. В. Тенденции и перспективы развития отечественной издательской отрасли: маркетинговый подход // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2010. № 12. С. 31.

⁵ Кирьянова В. Об альянсе. URL: <https://book-alliance.ru/about/> (дата обращения 22.10.2020).

⁶ Федорченко М. Мир под ногами Левиафана: 5 независимых издательств, формирующих интеллектуальный дискурс сегодня. URL: <https://knife.media/5-diy-publishers/> (дата обращения 19.10.2020).

⁷ И. В., Коробов О. В. Тенденции и перспективы развития отечественной издательской отрасли: маркетинговый подход // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2010. № 12. С. 30–40.

⁸ Лизунова И. В., Метельков А. С. Независимое книгоиздание: реалии современности, прогнозы на будущее // Библиосфера. 2017. № 1. С. 79–88.

⁹ Там же. Где щетников С.

¹⁰ Там же. Савенко. С.

¹¹ Книжный рынок России. Состояние, тенденции, перспективы развития: отраслевой доклад. М., 2020. С. 20.

¹² Перова Г. В., Сухоруков К. М. Книгоиздание России в 2019 году // Библиография и книговедение. 2020. № 1. С. 3–28.

¹³ Лизунова И. В., Метельков А. С. Независимое книгоиздание: реалии современности, прогнозы на будущее // Библиосфера. 2017. № 1. С. 79–88.

¹⁴ Альтшуллер Г. С., Верткин И. М. Как стать гением: жизненная стратегия творческой личности. Минск, 1994. 479 с.

¹⁵ Лизунова И. В., Метельков А. С. Независимое книгоиздание: реалии современности, прогнозы на будущее // Библиосфера. 2017. № 1. С. 79–88.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кирьянова В. Об альянсе. URL: <https://book-alliance.ru/about/> (дата обращения 20.10.2020).

Н. В. Пономарева

**Архивы отечественных библиографов
в структуре библиотечной биографики**

Библиотечная биографика – современное направление изучения деятельности представителей библиотечно-информационного сообщества. Представляется интересным рассмотреть архивы отечественных библиографов как важнейших исторических источников изучения биографий.

Ключевые слова: Архивы отечественных библиографов, библиотечная биографика, Библиотека Российской академии наук.

Nina V. Ponomareva

Archives of domestic bibliographers in the structure of library biography

The library biography is a modern direction of study of the activities of representatives of the library and information community. It is interesting to consider the archives of domestic bibliographers as the most important historical sources of study of biographies.

Keywords: Archives of domestic bibliographers, library biography, Library of the Russian Academy of Sciences.

В 90-е гг. XX в. в историографии утвердилась специальная историческая дисциплина – биографика. Наиболее известными исследователями этого направления в России являются И. Ф. Петровская и С. О. Шмидт¹.

В процессе профессиональной подготовки информационных и библиотечных работников существенное место занимают вопросы преемственности и профессиональной школы. Это влечет за собой интерес к биографическим сведениям о деятелях библиотековедения, библиографии, книговедения и информатики. Формируется отраслевое направление – библиотечная биографика. Значение этого направления как «исследования идей, теорий, систем взглядов ученых, осуществляемое в историческом дискурсе научных биографий библиотековедов, библиографов, библиографоведов, книговедов и лиц, профессионально связанных с библиотечным делом»² обосновала доктор исторических наук, профессор Института биографических исследований Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского Т. И. Кившарь. Библиотеки, прежде всего научные, призваны играть существенную роль в развитии этого направления, так как именно в них сосредоточены основные исторические источники биографики.

Основные виды исторических источников для биографий сформулированы И. Ф. Петровской. С ее точки зрения, существует 11 видов таких

источников, важнейшими из которых являются: 1) дневники, письма, воспоминания изучаемого лица; 2) его литературные, научные и другие труды; 3) официальные документы, удостоверяющие личность, ее права и обязанности – удостоверения, грамоты, патенты о социальном положении, образовании, чинах, наградах и др.; 4) письма, присланные данному лицу разными лицами и организациями; 5) другие письма, дневники, воспоминания разных лиц, включающие сведения о нем и другие источники. Особенную ценность представляет личный архив в целом, когда он сохранился³. Однако современный мир информационных технологий, наряду с несомненными достоинствами, приводит к сокращению большинства видов исторических источников для биографий и, прежде всего, таких, как письма, дневники, черновики научных работ и художественных произведений. Исчезает и понимание значимости этих источников среди наследников и потомков, что приводит к их безвозвратной утрате, причем в мирное время и в отсутствие катастроф.

Личные архивы библиографов и библиографоведов действительно представляют особую ценность не только потому, что в них собраны материалы, позволяющие уточнить биографические данные лица, раскрыть процессы работы над его важнейшими трудами, представить его личность во всем многообразии духовных и творческих возможностей. Ценность архивов библиографов представляется важной еще и вследствие того, что по роду своей деятельности библиографы собирают информацию о других людях или важных в определенные периоды истории событиях и явлениях. Такие материалы существенно повышают значимость архивов библиографов, однако они не всегда способствуют полноценному раскрытию их личностной составляющей. Изучаются и публикуются материалы, собранные библиографом, и значительно реже – архивные сведения о самом библиографе. Вместе с тем, в силу активной включенности в информационное поле своего времени, библиографы оказываются вовлеченными в общественную жизнь, и материалы их личных архивов могут иметь значение не только с точки зрения библиотечной биографики, но и для исследования профессиональной (библиотечной, библиографической) и общественной истории. Об этом свидетельствует опыт работы с личными архивами отечественных библиографов и библиографоведов Библиотеки Российской академии наук (БАН) в Санкт-Петербурге.

Архивы российских библиографоведов в БАН начали формироваться в конце XX в. по инициативе бывшего тогда директором БАН доктора педагогических наук В. П. Леонова и заведующей Научно-исследовательским отделом библиографии и библиотековедения (НАОБиБ) БАН кандидата педагогических наук (ныне – доктора исторических наук) Н. К. Леликовой. Составной частью НАОБиБ является Кабинет (сектор) библиотековедения,

в задачи которого, помимо формирования фонда библиотечно-информационной направленности, входят и некоторые другие функции: составление библиографических указателей, методическая работа с библиотеками академической сети, научно-исследовательская деятельность. Именно в соответствии с научно-исследовательской направленностью деятельности Кабинета библиотековедения БАН в него был передан приобретенный библиотекой в 1992 г. архив российского (советского) библиографа и ученого Николая Васильевича Здобнова. Это положило начало формированию фонда архивов отечественных библиографоведов и научно-исследовательской работе сектора по этой проблеме.

В настоящее время в структуру Сектора библиотековедения БАН включено три личных архива российских библиографоведов, каждый из которых представляет собой самостоятельный фонд: Николая Васильевича Здобнова (1888–1942), Александра Владимировича Ратнера (1948–1991), Эмилии Константиновны Беспаловой (1930–2007). Есть некоторые предположки к появлению в нашем фонде еще одного личного архива – петербургского библиографа, декана библиотечного факультета Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской (ныне – Санкт-Петербургского государственного института культуры) кандидата педагогических наук Нины Григорьевны Чагиной.

Опыт Сектора библиотековедения БАН показывает, что существует устойчивый интерес к архивам деятелей библиографии, книжного и библиотечного дела. Это становится особенно очевидно, если обратиться к личному фонду Н. В. Здобнова. Архив Н. В. Здобнова был полностью обработан и научно описан в БАН к 1997 г. Он является наиболее полным по содержанию среди архивов этого библиографа, находящихся на государственном хранении, и насчитывает 640 ед. хр. Если сравнивать его с другими архивами, то архив Н. В. Здобнова в Российской национальной библиотеке составляет 100 ед. хр., в Научно-исследовательском отделе библиографии Российской книжной палаты – 36 ед. хр., а в Государственном архиве Курганской области – 11 ед. хр.

С материалами архива Н. В. Здобнова работали ученые Санкт-Петербургского и Московского государственных институтов культуры, Московского государственного университета печати, Алтайского и Челябинского государственных институтов культуры и искусства, научные сотрудники Российской Национальной, Российской Государственной и других крупных научных библиотек. За почти тридцатилетний период работы с архивом Н. В. Здобнова только сотрудниками Сектора библиотековедения было опубликовано более 30 статей и публикаций, основывающихся на его письмах и других материалах.

Изучение документов архива Н. В. Здобнова позволило осуществить уникальный проект: выход в свет комментированного издания его главного труда «Истории русской библиографии от древнего периода до начала XX века». Судьба «Истории русской библиографии...» весьма характерна для советского периода отечественной библиографии. Монография была подготовлена Н. В. Здобновым в 1940-х гг., но в 1941 г. ее автор был репрессирован. Однако, с 1944 по 1955 г. вышли в свет три издания монографии, хотя Н. В. Здобнов в то время еще не был реабилитирован. Особенностью всех трех изданий было то, что их редакторы из самых лучших побуждений вносили изменения в авторский текст – сокращали и объединяли параграфы, вставляли цитаты (в частности, Сталина), изменяли количество частей в монографии. В ходе работы по научному описанию архива Н. В. Здобнова было выявлено наличие полного текста рукописи «Истории русской библиографии до начала XX века» и машинописной копии первой половины этого труда. На этом основании в 1996 г. было принято решение подготовить авторский текст монографии с текстологическим и научным комментарием, раскрывающим современные точки зрения на проблемы, рассматриваемые автором⁴. Был создан творческий коллектив, в который вошли 19 ведущих научных сотрудников из Библиотеки Российской академии наук, Российской Национальной библиотеки и Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Их усилиями был подготовлен научный комментарий, раскрывающий имена и события, выпавшие из современного научного библиографического контекста, и включающий новые сведения о рассмотренных Н. В. Здобновым сюжетах. В текстологическом комментарии отражены все особенности работы автора над текстом, в том числе, вставки и вычеркивания автора, по которым удалось выявить фрагменты текста Н. В. Здобнова, не вошедшие в окончательный вариант рукописи и использованные редакторами опубликованных ранее изданий монографии. В 2012 г. комментированное издание было опубликовано, став первым в области российской библиографии академическим изданием⁵.

В настоящее время ведется работа по переводу материалов архива Н. В. Здобнова в электронную форму и создания базы данных «Архив Н. В. Здобнова».

В 2006 г. БАН приняла на хранение и обработку архив Александра Владимировича Ратнера – историка, библиографа, книговеда, члена редколлегии журнала «Советская библиография», – включающий письма, записные книжки, дневники, подлинные документы, воспоминания, биобиблиографические карточки, неопубликованные работы. Определенную ценность в архиве А. В. Ратнера представляют материалы других лиц: литературоведа Александра Вениаминовича Храбровицкого (1912–1989) известного знатока творчества В. Г. Короленко, помогавшего собирать материалы для книги

А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», друга и духовного учителя А. В. Ратнера, и архив московских купцов-старообрядцев Владимира Павловича и Николая Павловича Рогожиных (1825–1895?)⁶. В настоящее время архив А. В. Ратнера полностью описан (413 ед. хр.) и открыт для изучения.

Несомненный интерес для исследователей представляет поступивший в Сектор библиотековедения БАН в 2008 г. архив Эмилии Константиновны Беспаловой (1930–2007) – видного библиографоведа, педагога, теоретика в области рекомендательной библиографии, библиографоведения, истории русской библиографии. Сейчас этот архив находится в стадии разбора материалов и научного описания. Разобраны уже примерно две трети материалов, и они наглядно демонстрируют многогранность ученого, оригинальность ее подходов к изучению актуальных проблем библиографической теории и практики. Вызывают интерес дневники и записки, которые характеризуют Эмилию Константиновну не только как ученого и педагога, но и как интересного и разностороннего человека.

В состав архива Э. К. Беспаловой включены материалы, связанные с деятельностью ее мужа Михаила Никитича Беспалова – библиографоведа и книговеда, кандидата педагогических наук, заведующего кафедрой библиографии Московского государственного института культуры, оказавшего значительное влияние на формирование ее как педагога и ученого. М. Н. Беспалов – автор первого в России учебника по экономической библиографии, специалист по работе библиотек с экономической литературой и библиографией, и его материалы позволяют заполнить еще одну страницу истории российской библиографии.

Работа по разбору и научному описанию архива Э. К. Беспаловой продолжается. Одновременно ведется изучение архива, выявление неопубликованных и частично опубликованных работ, материалов, отражающих методику ее работы над научными и учебными работами. Несомненно, что материалы архива будут востребованы, однако для их полноценного использования необходимо завершить его научное описание и осуществить создание электронной базы данных «Архив Э. К. Беспаловой».

Проводимая в Секторе библиотековедения работа с архивами российских библиографов позволяет сделать некоторые выводы. Главным из них является тот, что архивы деятелей библиотечного дела, библиографии, книговедения, имеющие рукописные, машинописные, эпистолярные материалы, должны приобретаться и храниться в библиотеках, так как уже имеется печальный опыт утраты этих материалов в результате небрежности и непонимания их ценности наследниками. Оптимальным местом хранения архивов библиографов представляются научно-исследовательские отделы или секторы библиографии и библиотековедения научных библиотек, в ко-

торых ими будут заниматься квалифицированные специалисты, способные оценить их значение, исследовать и ввести в научный оборот архивную информацию. Современные технические средства позволяют достаточно быстро осуществить оцифровку архивных материалов и сделать их доступными широкому кругу заинтересованных пользователей. Использование методов библиотечной биографики как отраслевой исторической дисциплины будет способствовать выполнению важнейшей функции рефлексии информационной деятельности, осознанию ее места в общей структуре человеческой деятельности, достойному освещению ее истории, теории и методики в различные периоды существования общества.

Примечания

¹ Петровская И. Ф. Биографика: введение в биографику: источники биограф. информ. о россиянах 1801–1917 гг. СПб., 2003. С. 55–56; Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. См. также: Валевский А. Л. Методологические основания биографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990; Валевский А. Л. Основания биографики. Киев, 2003.

² Кившарь Т. И. Библиотечная биографика как раздел специальной биографики // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности: в 2 т. Т. 1, ч. 1. Культурно-историческое пространство и книжная культура: к 285-летию основания Академии типографии в России: материалы V междунар. науч. конф. (Москва, 24–26 ноября 2012 г.) / Рос. акад. наук [и др.; редкол.: В. И. Васильев (отв. ред.) и др.]. М., 2012. С. 176–177.

³ Петровская И. Ф. Биографика...

⁴ Подробнее см.: Леонов В. П. Новая версия классического труда: (к выходу в свет коммент. издания монографии Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века») / В. П. Леонов, Н. М. Баженова, Н. К. Леликова, М. П. Лепехин // Библиография. 2004. № 6. С. 18–25; Леонов В. П. Обаяние подлинности: (о подгот. к изд. текстол. и науч. коммент. рук. Н. В. Здобнова «История русской библиографии с древнейшего периода до начала XX в.») / В. П. Леонов, Н. М. Баженова, Н. К. Леликова, М. П. Лепехин // Вестник РАН. 2005. № 1. С. 51–55; Бокан М. Г. «История русской библиографии до начала XX века» Н. В. Здобнова: судьба и время / М. Г. Бокан, Н. В. Пономарева // Библиография. 2010. № 4. С. 14–18.

⁵ Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века: коммент. изд. / Б-ка Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка; под ред. Н. К. Леликовой, М. П. Лепехина; [науч. рук. В. П. Леонов; отв. ред. Н. К. Леликова; редкол.: Н. М. Баженова и др.]. М.: Рус. слово, 2012. 1243 с. (История русской науки: исслед. и материалы / ред. серии П. Г. Гайдуков, М. П. Лепехин).

⁶ Рогожины – владельцы фабрики шелковых тканей. Сыном одного из братьев Рогожиных был довольно известный библиограф и библиофил Владимир Николаевич Рогожин (1859–1909). Среди его трудов – «Материалы для русской библиографии 18 – 1 половины 19 столетий. Том 1. 1902; Том 2. 1922», и «Указатель к труду В. С. Сопикова «Опыт Российской библиографии».

Г. В. Холодных

Библиография запрещенной и нелегальной литературы: критерии классификации

Классификация библиографии запрещенной и нелегальной литературы коррелирует со структурой библиографии в целом, критерий ее классификации в системе специальной библиографии – конкретно-исторический, социально обусловленный статус первичного и/или вторичного ресурса. Библиография запрещенной и нелегальной литературы отражает борьбу идеологий.

Ключевые слова: специальная библиография, запрещенная литература, нелегальная литература, бесцензурная литература, запрещенные ресурсы, самиздат, тамиздат.

Galina V. Kholodnykh

Bibliography of prohibited and illegal literature: criteria classification

The forbidden and illegal literature bibliography classification correlates with the structure of the bibliography in general, criterion of its classification in the special bibliography system is the concrete historical, socially caused status of primary and/or secondary resource. The bibliography of banned and illegal literature reflect the struggle of ideologies.

Keywords: special bibliography, forbidden literature, prohibited books, condemned books, illegal literature, uncensored literature, banned resources, samizdat, tamizdat.

Библиография запрещенной и нелегальной литературы – один из древнейших видов библиографии – в досоветский, советский и постсоветский период – актуальное направление отечественной библиографической работы. Библиографию запрещенной и нелегальной литературы в функциональной классификации ошибочно сопоставляли (или противопоставляли) либо с критической, либо с рекомендательной библиографией (например, Г. Шнейдер¹). Правильней сравнивать данный вид с библиографией разрешенной литературы². Л.-Н. Мальклес рассмотрела библиографию «приговоренных и цензурованных книг» в составе общей национальной библиографии³.

Библиография запрещенной и нелегальной литературы по признаку особенностей объектов библиографирования является подвидом специальной библиографии⁴, для которого существенным является комплексный критерий *статусов* (их может быть несколько одновременно) отражаемых *первичных и/или вторичных ресурсов*. Ниже нами сделана попытка упорядочить и обобщить знания о классификации рассматриваемого массива изданий: 1) степень обнаруженности:

- обнародованный (но, например, не прошедший редакционно-издательскую обработку);

- необнародованный;

2) степень опубликованности:

- опубликованный (прошедший редакционно-издательскую обработку);

- неопубликованный: библиография депонированных рукописей, диссертаций (авторефератов диссертаций), других неопубликованных документов;

- публикуемый;

- непубликуемый: библиография личных (письма), секретных документов;

3) степень официальности:

- официальный;

- неофициальный;

4) степень законности:

- легальный;

- нелегальный: нелегальная литература, самиздат⁵, тамиздат;

5) степень подцензурности:

- неподцензурный: не подлежащие цензуре издания (правительственные и т. д.);

- подцензурный: подлежащие цензуре издания, цензурованный – прошедший цензуру;

- бесцензурный: подпольная печать;

6) степень разрешенности (санкционированности), неразрешенности (несанкционированности) или запрещенности:

- разрешенный⁶ (санкционированный);

- неразрешенный (несанкционированный);

- запрещенный: запрещенная литература («безусловно запрещенная», «полузапрещенная»);

7) степень доступности:

- «открытый» (публичный, свободный);

- ограниченного доступа (доступный при авторизации, платный);

- «закрытый»: а) ограниченного пользования (ограниченного распространения)⁷: ресурсы с грифом «для служебного пользования» (спецхраны и спецфонды)⁸, ведомственные издания; б) секретный⁹.

Статус ресурса – понятие конкретно-историческое и социально обусловленное, зависит от политического строя. Статусы присваиваются ресурсу на этапах создания, распространения и потребления, поэтому библиография запрещенной и нелегальной литературы отражает издательский репертуар, распространяемый книжный ассортимент и состав фон-

дов книгохранилищ страны (спецхраны). Потребность активных действий на информационном поле определяет *субъектов-генераторов библиографии запрещенной и нелегальной литературы*:

- властные структуры (церковные и гражданские цензурные ведомства¹⁰), контролируя информационное поле, первыми начинали составлять соответствующую библиографию;
- оппозиция (внутренняя и/или внешняя – эмиграция) позднее подключалась к процессу библиографирования запрещенной и нелегальной литературы в стремлении «обвинять» власти и при этом каталогизировать свои «достижения» и «потери»;
- третьи лица («нейтральные» составители), генерировавшие подобную библиографию в практических и академических целях книжного дела;
- акторы зарубежных «политических оппонентов»¹¹ в процессе международной политической борьбы составляли пособия в целях дискредитации и «обвинений» законных властей страны.

Классификация библиографии запрещенной и нелегальной литературы коррелирует со структурой библиографии в целом. В рамках одной общественно-политической формации *по хронологическому охвату* отражаемых ресурсов представлены следующие разновидности библиографических пособий запрещенной и нелегальной литературы.

1. Оперативные¹² составлялись в первую очередь по инициативе властных структур, их можно отнести к официальной *текущей* библиографии, фиксировали новые произведения и издания, подлежавшие изъятию или уничтожению; такие пособия могли быть легально изданы, но часто носили «закрытый» характер (имели секретный статус) и предназначались для служебного пользования¹³;

2. Кумулятивные¹⁴ («сводные»¹⁵);

3. Ретроспективные косвенно свидетельствует об устойчивости общественных идейных установок, политической преемственности и стабильности как властных структур («закрытые» пособия¹⁶), так и оппозиции. Пособия, генерируемые оппозицией, выглядят как обвинения и приговор «душителям свободы», показывая, что оппозиционные силы собирают и обобщают сведения о «своей» литературе. «Открытые» пособия, составляемые третьими лицами, также не свободны от идеологического влияния¹⁷.

В случае смены политического строя и прихода к власти оппозиционных сил, которые обретают легитимность, создаются:

- «Открытые» легальные неофициальные ретроспективные библиографии литературы, запрещенной и нелегальной при предыдущем режиме¹⁸, генерируемые «нейтральными» составителями. В период господства «новой» идеологии отражаемые в такой библиографии ре-

судьбы уже потеряли «текущий» статус запрещенности и нелегальности, активно издаются и переиздаются. Новыми властями не ставится под сомнение актуальность подобных пособий, которые носят политический характер как свидетельство «вины» старого режима перед «всей прогрессивной общественностью» для оправдания ведшейся с ним идейной борьбы.

- «Закрытые» легальные официальные оперативные, затем *кумулятивные* библиографии литературы, запрещенной и нелегальной уже при «новом» режиме, имеющие статус «ограниченного пользования» или секретные. Часть этих пособий отражает «старую» или «новую» литературу с идейными установками предыдущего строя («старая оппозиция» с «идеологией контрреволюции»). В процессе идейной борьбы появлялись пособия, отражающие литературу «новой оппозиции» (самиздат¹⁹), позднее происходило сращивание «старой» и «новой» оппозиции, были созданы библиографические пособия, отражающие весь спектр инакомыслия (тамиздат²⁰, публикации издательства «Посев»²¹).

Специфическое преломление в библиографии запрещенной и нелегальной литературы получили признаки, формирующие *комплексный институциональный критерий*.

Административно-территориальный охват определяют одновременно два признака:

1) Место издания, по которому выделены:

- международная (интернациональная), например, официальная, составлявшаяся церковной цензурой вплоть до середины XX в.;
- национальная (государственная), особенность которой в том, что это был в первую очередь официальный библиографический учет²² со стороны властных структур, а затем уже со стороны оппозиции или «нейтральных» составителей неофициальный библиографический учет изданий, выпущенных внутри страны²³;
- региональная²⁴ (издательский репертуар субъекта) и краеведческая (литература о субъекте);

2) Место распространения: в пособиях отражены издания, *опубликованные за границей*, и лишь *ввозимые* в конкретную страну с целью дезинформации, политической агитации и пропаганды; такие пособия могут быть рассмотрены также в составе библиографии «экстериорики» (например, «россики», «советики»).

Язык отражаемой литературы в составе следующих массивов:

1) литература на государственном языке конкретной страны, легально изданная, но запрещенная (полузапрещенная) впоследствии для распространения и чтения.

2) литература на государственном языке конкретной страны, изданная нелегально (подпольная печать, самиздат²⁵) и распространяемая внутри страны.

3) литература на государственном языке конкретной страны, изданная за границей (агитационно-пропагандистская литература зарубежных «политических оппонентов»), нелегально ввозимая и специально предназначенная для распространения внутри страны, для чтения «местным» читателем на его родном языке.

4) литература эмиграции и внутренней оппозиции²⁶, изданная за границей (тамиздат), на иностранных языках и/или на государственном языке конкретной страны, на которую как на идеологически чуждую автоматически распространялся запрет (ограничения) для распространения внутри страны.

5) зарубежная литература на иностранных языках, на которую вводится запрет для распространения внутри страны²⁷.

Критерием отбора источников в библиографии запрещенной и нелегальной литературы является *характер институции*: субъект-объектом могут выступать страны (государства), этнические общности, организации, объединения, группы людей, в том числе религиозные²⁸ и политические (политические движения и партии).

Особенность библиографических пособий запрещенной и нелегальной литературы в том, что в них (обычно в официальных) помимо библиографической информации о запрещенном ресурсе часто указываются сведения об официальном документе, который служит основанием для запрета или ареста издания²⁹ – решение суда, приказ, циркуляр. В пособиях «нейтральных» составителей в аннотациях или в примечаниях указываются причины запрета.

Очевиден круговорот произведений в составе библиографии запрещенной и нелегальной литературы, постоянный пересмотр списков в соответствии со сменой политического курса и идеологии.

Примечания

¹ Schneider G. Listen guter und schlechter bücher // Handbuch der Bibliographie / Georg Schneider. Leipzig, 1930. S. 104–117. Пер. загл.: Списки хороших и плохих книг.

² Список книг, подлежащих возвращению в общие фонды библиотек: Рассылается по списку. М.: Всесоюз. кн. палата, 1964. 52 с.

³ Malcles L.-N. Livres condamnés, livres à clefs // Les sources du travail bibliographique / L.-N. Malcles. Genève, 1950. Т. 1, [Pt. 1, Ch.] 7. P. 133.

⁴ Холодных Г. В. Общая и специальная библиография: критерии классификации // Библиография и книговедение. 2019. № 6. С. 60–67; Холодных Г. В. Функциональная классифи-

кация библиографии // Библиография и книговедение. 2019. № 4. С. 56–63.

⁵ Библиотека самиздата: выставка по материалам Отдела специальных коллекций Центра социально-политической истории ГПИБ России. 1–26 июня 2015 г. URL: https://www.shpl.ru/readers/today_library_open/biblioteka_samizdata/ (дата обращения: 23.11.2019).

⁶ РСФСР. Главный репертуарный комитет. Репертуарный указатель ГРК : [Список разрешенных и запрещенных к исполнению на сцене произведений] / под ред. Н. А. Равича; Глав. ком. по контролю за репертуаром. [М.]: Теа-Кино-Печать, 1929. 195 с.

⁷ Махотина Н. В. Проблемы формирования и использования фондов литературы ограниченного распространения в крупнейших библиотеках страны // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма, 27–28 мая 2014 г. / Ленинград. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. СПб., 2015. С. 336–340.

⁸ Махотина Н. В. Литература спецхранов крупных научных библиотек: прошлое, настоящее, перспективы дальнейшего развития // Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 13. Т. 2: Библиотеки в контексте социально-экономических и культурных трансформаций: материалы всерос. науч.-практ. конф. Кемерово. 25–29 сентября 2017 г. Новосибирск, 2018. С. 38–44; Список книг, подлежащих хранению в спецфондах библиотек по «Алфавитному списку устаревших изданий 1948 г.»: рассылается по списку. М.: изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1958.

⁹ СССР. Главное управление по охране государственных тайн в печати. Список иностранных периодических изданий, запрещенных к ввозу в Союз ССР: только для органов цензуры: список литературы охватывает период до войны, т. д. [до 1939 года] / Уполномоченный СНК Союза ССР по охране военных тайн в печати, Отдел контроля иностранной литературы. М.: [б. и.], 1937. 2, 37 л. На тит. л. карандаш. запись: Список изданий охватывает период с 1917 до 1950 гг.

¹⁰ Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / Рос. нац. б-ка. СПб.: Сев. звезда, 2013. 619 с.

¹¹ Samizdat, Tamizdat, and beyond: transnational media during and after socialism / ed. by Friederike Kind-Kovács, Jessie Labo; Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. [S. l.]: Berghahn Books, 2013. XII, 365 p. (Studies in contemporary European history; 13).

¹² Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях: сост. в Гл. упр. по делам печати по 1 окт. 1903 г. СПб., 1903. 27 с. Загл. обл.: Алфавитный указатель произведений печати...

¹³ Алфавитный каталог книг на русском языке, запрещенных к обращению и перепечатанию в России. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1870. [2], 20 с.

¹⁴ Дополнение I к алфавитному каталогу сочинениям, запрещенным иностранною цензурою или дозволенным к обращению с исключением некоторых мест, на языках французском и немецком с 1 июля, на английском с 1 января 1869 г. по июля 1871 г. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1871. 53 с. Без тит. л. Описано по обл.

¹⁵ Сводный список изданий, запрещенных к обращению в библиотеках общественного пользования и книготорговой сети. Алма-Ата, 1953. 30, [2] с.

¹⁶ Алфавитный список книг на польском языке, запрещенным иностранною цензурою безусловно и для публики с 1830-го по декабрь месяц 1852-го года включительно. СПб.: тип. Э. Праца, 1853. 33 с.; Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению: секретно / Главное управление по охране гос. тайн в печати при Совмине СССР (Главлит). М., 1976.

¹⁷ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: (Книги и периодические издания) / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др.; сост.: С. С. Левина, Л. Н. Петрова, Н. К. Аргутинская и др. М., 1971. 9 т.

¹⁸ Козловский Б. И. Нелегальные и запрещенные издания XIX века в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина // Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Труды. М., 1965. Т. 8. С. 5–23; Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями / М-во культуры Рос. Федерации, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 403 с.; Каталог изданий книг авторов, репрессированных в годы советской власти. Книги из собрания Владимира Петрицкого / Музей истории ГУЛАГа, Фонд памяти; [сост.: Марина Абрамова и др.]. М.: Музей истории ГУЛАГа, 2018. 460 с.

¹⁹ Струкова Е. Н. Дело об одесской библиотеке самиздата // Библиография. М., 2012. № 2 (379). С. 50–59. Прил.: Материалы из одесской библиотеки самиздата, переданные в ГПИБ России. С. 58–59; Струкова Е. Н. Фонд нетрадиционной печати в ГПИБ России // Библиография. М., 2013. № 3 (386). С. 39–51; Савенко Е. Н. Проблема библиографирования традиционного и «нового» самиздата / Е. Н. Савенко, Н. А. Балуткина // Библиографии. 2019. № 6. С. 10–18.

²⁰ «Тамиздат»: от осуждения – к диалогу. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 122 с.; ТамИздат: 100 избранных книг / [сост. М. Сеславинский]. М.: Русский путь, 2012. 519 с.

²¹ Антиквариат издательства «Посев» = Possev Antiquariat: каталог. [Франкфурт-на-Майне]: Посев, [197-]. Парал. загл. части вып. не указано.

²² Алфавитный список произведений печати, которые на основании высоч. повел., 5-го янв. 1884 г. не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1884. 12 с.; «Книжная летопись», разделы под загл.: «Из числа книг, помещенных в „Книжной летописи“, изъяты из продажи...» (до № 5 1909 г.), «Правительственные распоряжения», (№ 5 1909 г. – № 5 1914 г.), «Алфавитный перечень запрещенных изданий», (№ 5 1914 г. – 1917 г.), «Перечень запрещенных изданий» (1917 г. – 25 февр. 1917 г.).

²³ Аркадьев Е. И. Запрещенная литература: Книги, брошюры, газеты и журналы, арестованные в 1911 г. Сызрань: тип. «Печать», 1912. 38 с., 3 л. портр.

²⁴ Курусканова Н. П. Нелегальные издания сибирских социал-демократов (1901 – февраль 1917 гг.) / М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации. Омский гос. аграр. ун-т. Омск: Омский гос. аграр. ун-т, 2002. 188 с.

²⁵ Московские коллекции самиздата: справочник: материалы к сводному каталогу самиздата и независимой периодической печати / [Московская независимая общественная б-ка]; сост. Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М.: Из глубин, 1992. 263.

²⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. М.: Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК: Жизнь и знание, 1924. 118 с. (Библиотека документов, записок и воспоминаний).

²⁷ Алфавитный каталог сочинениям на французском, немецком и английском языках, запрещенным иностранною цензурою или дозволенным к обращению с исключением некоторых мест, с 1856 по 1 июля 1869 года. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1870. 442 с. разд. паг.; Список генерально запрещенных иностранных периодических изданий: послевоенная литература. [Б. м.]: [б. и.], 1948. 47 л.; Зарубежные нелегальные и запрещенные издания XIX века: (на русском языке): каталог коллекции: в 2 ч. / М-во культуры РСФСР. Гос. публ. ист. б-ка, Отд. редких книг; [сост. Л. Б. Шицкова]. М., 1984. Сплош. паг. Ч. 1. Книги. С. 1–83. Ч. 2. Периодика. Хронол. указ. С. 84–112.

²⁸ Пыпин А. Н. Ложные и отреченные книги русской старины // Русское слово. 1862. Вып. 1, отд. 2. С. 86–88.

²⁹ Список книг и брошюр, подлежащих аресту: Сост. по 15 окт. 1906 г. СПб.: типо-лит. т-ва «Свет», 1906. 14 с.; Федеральный список экстремистских материалов / М-во юстиции РФ. URL : <https://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения : 20.01.2020).

О. А. Александрова

Декомпозиция в информационном моделировании качества электронных информационных ресурсов

Рассматривается процесс построения иерархической модели критериев качества электронного информационного ресурса и особенности применения метода декомпозиции в создании информационной модели. Подробно описывается этап скаляризации, дается обобщенная формула вычисления показателя качества, учитывающая связи между показателями критериев качества разных уровней.

Ключевые слова: электронные информационные ресурсы, анализ качества, метод декомпозиции, информационное моделирование

Oksana A. Aleksandrova

Decomposition in information modeling of quality of electronic information resources

This article examines the process of constructing a hierarchical model of the quality criteria of an electronic information resource and features of usage of decomposition method in creation of an information model. The article gives a detailed description of scalarization stage and gives a generalized formula for calculating the value of quality, that takes into account connections between criteria values of different quality levels.

Keywords: electric information resources, quality analysis, decomposition method, information modeling

Задачи анализа качества объектов любой области научных исследований основываются на анализе взаимосвязанных свойств его качества. Качество часто является центральным звеном многокритериальных задач в самых разных областях по принятию решения необходимости улучшения качества и понимания перспектив развития объектов исследуемого качества, а также в сравнительном анализе качеств, экономических затрат и других задач.

Термин «качество» в любой предметной области имеет важное смысловое значение. Исторически понимание этого термина претерпевало изменения. В границы понятия «качество» входило и одно свойство, и совокупность свойств объекта (процесса, продукции, услуги, ситуации, материала...), оно рассматривалось как целое или часть целого (степень качества)¹ в зависимости от целей анализа качества объекта в конкретной предметной области. Понятие качества в применении к электронным информационным ресурсам (ЭИР) сети Интернет отсутствует в государственных стандартах.

Приведем определения термина «качество», данные применительно к понятиям «продукция и услуги», «программный продукт» в документах по стандартизации (ГОСТ) Российской Федерации.

Таблица 1. Определения термина «качество» в ГОСТах

Определение терминов	Источник
Качество продукции – совокупность свойств продукции, обуславливающих ее пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением	ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения»
Качество продукции и услуг организации определяется способностью удовлетворять потребителей и преднамеренным или непреднамеренным влиянием на соответствующие заинтересованные стороны. Качество продукции и услуг включает не только выполнение функций в соответствии с назначением и их характеристики, но также воспринимаемую ценность и выгоду для потребителя.	ГОСТ Р ИСО 9000-2015 Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь
Качество программного средства – совокупность свойств программного средства, которые обуславливают его пригодность удовлетворять заданные или подразумеваемые потребности в соответствии с его назначением.	ГОСТ 28806-90 Качество программных средств. Термины и определения

Еще одно значимое для ЭИР определение рассматриваемого термина дают Н. И. Колкова и И. Л. Скипор: «Качество электронных информационных ресурсов может определяться как совокупность характеристик ЭИР, определяющих их способность удовлетворять установленные или предполагаемые информационные потребности пользователей в соответствии с их назначением»². Анализируя представленные дефиниции, определим качество ЭИР при их использовании как совокупность только тех свойств ЭИР, которые характеризуют их способность по конкретным получаемым результатам удовлетворять определенные информационные потребности пользователей ЭИР в соответствии с их назначением. В этом понимании термина «качество» отражается структурно-содержательный аспект качества объекта, который характеризует качество с точки зрения его свойств и их взаимосвязей. В то же время отражается еще и аспект его социальной важности с точки зрения востребованности у пользователей и его функциональности.

При оценивании качества ресурса эти аспекты проявляются через его свойства (критерии). Необходим анализ всех критериев, учитываемых при проектировании ресурса для выявления тех из них, от которых зависит оцениваемое потребителем качество определенного вида ресурса с учетом как его инвариантных критериев, так и вариативных, зависящих от конкретного вида ресурса. В первую очередь необходимо выделить такие критерии ЭИР, совокупность которых в достаточно полной мере будет

характеризовать качество ресурса как результат определенной степени удовлетворенности пользователей полученной информацией и «общением» с ресурсом.

Взаимосвязанную совокупность наиболее значимых для конкретного вида ресурса критериев, характеризующих качество, определим как комплексный критерий качества ресурса. Можно сказать, что качество как интегративный критерий ресурса имеет структурную организацию, а, значит, возможна его декомпозиция – разделение на более простые по составу комплексные критерии на разных уровнях создаваемой иерархической структуры.

По нисходящей линии иерархии формируем группы более простых комплексных критериев. Они имеют разный характер и разную степень влияния на связанный с ним комплексный критерий уровнем выше, в целом воздействуя прямо или опосредованно на разноуровневые комплексные критерии. Для дальнейшего изложения материала обозначим формируемые разноуровневые комплексные критерии в соответствии с конкретным уровнем иерархии (0-го, 1-го, 2-го и т. д.).

При использовании метода декомпозиции необходимо принимать во внимание такие требования к формируемым комплексным критериям³:

- полнота критериев (необходимое и достаточное число критериев);
- операциональность (ясность и однозначность смысла критерия);
- декомпозируемость (упрощение представления качества ресурсов);
- избыточность (критерии не должны отражать повторно характеристику качества);
- минимальность (меньшим количеством критериев отражать полноту характеристик качества);
- измеримость (критерии должны иметь возможность оценивания количественно или качественно).

В некоторых случаях на практике возникают противоречия при одновременном выполнении требований, например, минимальности, избыточности и операциональности или декомпозируемости и полноты. В этих случаях решение принимается компромиссное. Особое внимание следует уделить декомпозируемости, т. е. разумной детальности и смысловой конкретности в упрощении представления критериев качества с учетом аспекта их необходимого в дальнейшем оценивания в решении рассматриваемой задачи определения качества.

Процесс построения иерархии продолжается до тех пор, пока не будут получены уровни с единичными критериями, не имеющими на следующем уровне их составляющих. Единичный критерий в научной литературе определяют еще и как дифференциальный критерий. Единичными

критериями условно могут быть приняты комплексные критерии в целях упрощения изложения или невозможности декомпозиции комплексного критерия в силу отсутствия нужных знаний. При дальнейшем уточнении структуры или декомпозиции критериев на последнем уровне точность оценки качества увеличивается. В этой ситуации единичный критерий воспринимается как комплексный текущего уровня иерархии, а его составляющие – единичные.

Иерархии внутренне могут и не быть присущи природным объектам, как утверждает американский ученый профессор Т. Саати в своей фундаментальной книге «Метод анализа иерархий»: «Мы просто используем их из-за ограниченной способности обрабатывать информацию. В любом случае они представляют собой очень эффективный способ исследования сложных проблем»⁴. Иерархию исследуемого объекта можно построить разными способами, но «...однако если суждения людей схожи, то их результаты будут близки. Кроме того, этот процесс малочувствителен, т. е. различия при детализации в пределах иерархии на практике не приводят к существенным изменениям в результатах»⁵.

Декомпозиция является в данном случае инструментом аналитического этапа информационного моделирования. С помощью этого инструмента создается информационная модель качества как образ подобия качества ЭИР. По определению профессора Г. Ф. Гордукаловой, информационное моделирование – это «технология формирования информационной модели объекта в фиксированном предметном поле с определенными критериями подобия»⁶.

Получаемая информационная модель иерархической структуры комплексного критерия качества отражает качественную сторону ресурса, выполняя функциональную роль определения сущностных критериев и их связей. Многокритериальная задача становится однокритериальной, скалярной задачей при имеющемся признаке иерархичности, как в данном случае, и при условии обеспечения измеримости единичных критериев нижнего уровня иерархии. В дальнейшем применяемая агрегация (свертка) показателей комплексных критериев разных уровней иерархической структуры, начиная с низших, позволяет получить интегральный показатель качества ресурса.

Для проведения этапа скаляризации (представления многокритериальной задачи однокритериальной) необходимо дополнение создаваемой модели информацией, которая обеспечит возможность оценить критерии разных уровней количественно. Этой дополнительной информацией о каждом комплексном критерии в своей группе на каждом уровне иерархии является:

1. Статус комплексного критерия – качественный параметр, определяемый по характеру и степени важности его влияния в группе критериев одного уровня со смысловым значением – доминирующий (Д) или компенсируемый (К):

- доминирующий критерий характеризуется большим весом и главным влиянием при неравнозначности критериев между собой и в группе; сколь угодно низкое его оценивание, вплоть до нулевого значения, не может быть компенсировано другими сколь угодно высокими количественными оценками компенсируемых критериев; его нулевое значение является фатальным и обнуляет общий результат качества ресурса – это важное условие во взаимоотношении критериев, влияющее на выбор формулы расчета интегрального показателя качества;

- компенсируемый критерий имеет взаимно компенсирующий характер влияния в своей однородной группе критериев; он является дополнительными к доминирующему критерию при совместном существовании в одной группе и в этом случае определяет в ней смешанный тип связи критериев; формула так называемой скалярной свертки состоит из комбинирования двух формул расчета интегрированного показателя.

2. Вес – количественный, весовой коэффициент значимости влияния критерия в группе на общий результат критериев одного уровня.

3. Оценка по принятой для данной модели шкале количественного оценивания критерия, т. е. определение его показателя (наиболее распространены балльные оценки порядковой шкалы с градациями 3, 5, 7, 10).

На этом этапе постановки однокритериальной задачи используют мнения экспертов (коллективные или индивидуальные) для определения статуса, веса и оценки единичных критериев информационной модели.

Способ комбинирования (интеграции) показателей критериев разных уровней, определяющий формулу скалярной свертки зависит в общем случае от 1) типа задачи, 2) характера вклада каждого критерия в комплексный критерий высшего нулевого уровня, 3) типа взаимосвязи критериев на разных уровнях иерархии. Наиболее распространенные формулы – это аддитивная (сложение показателей комплексных критериев разного уровня) и мультипликативная (умножение показателей). Применение аддитивной формулы правомерно при отсутствии доминирующих критериев в иерархической структуре комплексных критериев модели. Существуют такие задачи, при решении которых «не всегда потеря качества по одному критерию компенсируется приращением по другому»⁷, т. е. не учитывается статус доминирующего критерия и как следствие – результат определения качества будет ошибочным. Для решения этих задач применяют мульти-

пликативную свертку, поскольку аддитивная свертка не чувствительна к малым значениям критериев.

В общем виде формула, включающая как аддитивную, так и мультипликативную форму свертки группового показателя на разных уровнях иерархической структуры информационной модели качества имеет вид:

$$P_{u-1} = \underbrace{\sum_{i=1}^n v_{iu} K_{iu}}_{\text{Аддитивная}} \times \underbrace{\prod_{j=1}^m D_{ju}^{v_{ju}}}_{\text{Мультипликативная}}, u = h, h-1, \dots, 0,$$

Аддитивная
форма форма
свертки свертки

где h – общее число иерархических уровней информационной модели;
 u – текущий уровень иерархии;

P_{u-1} – вычисляемый групповой показатель комплексного критерия на уровне иерархии ($u-1$);

v_{iu} – вес показателя (i) компенсируемого критерия, входящего в количестве (n) в одну группу с доминирующими критериями на уровне (u);

K_{iu} – показатель компенсируемого критерия (измеренного или оцененного) с соответствующим весом v_{iu} ;

D_{ju} – показатель доминирующего критерия (измеренного или оцененного) с соответствующим весом v_{ju} ;

v_{ju} – вес показателя (j) доминирующего критерия, входящего в количестве (m) в одну группу с компенсируемыми критериями на уровне (u);

$n+m$ – размер одной смешанной группы компенсируемых и доминирующих показателей.

По данной формуле свертки общего вида или отдельно по любой ее составной части оценивается интегративный вклад каждого критерия по его показателю в соответствующий комплексный критерий уровня выше, и так до комплексного критерия высшего, нулевого уровня иерархии. В результате таких сверток получаем показатель интегрального комплексного критерия качества как синтез показателей критерия качества иерархической структуры в единую комплексную оценку качества электронного информационного ресурса.

Примечания

¹ ГОСТ Р ИСО 22514-1-2015 Статистические методы. Управление процессами. Часть 1. Общие принципы. Введен 01.07.2016. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200127243> (дата обращения 06.09.2020).

² Колкова Н. И., Скипор И. Л. Электронные информационные ресурсы: современные подходы к оценке качества // «Библиотеки и образование: роль электронных ресурсов»: 23 международная конференция «Крым–2016» «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса». Судак, 2016. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2016/disk/056.pdf> (дата обращения 06.09.2020).

³ Цит. по: Гафт М.Г. Принятие решений при многих критериях. М., 1979. С. 20, 22.

⁴ Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе. М., 1993 С. 6.

⁵ Там же.

⁶ Гордукалова Г. Ф. Технологии анализа и синтеза профессиональной информации: учеб.-практ. пособие. СПб., 2015. С. 360.

⁷ Гарипов В. Р. Многокритериальная оптимизация систем управления сложными объектами методами эволюционного поиска: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.01. Красноярск, 1999. URL: <http://www.dslib.net/sys-analiz/mnogokriterialnaja-optimizacija-sistem-upravlenija-slozhnymi-obektami-metodami.htm> I (дата обращения 06.09.2020).

РАЗДЕЛ 2. БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

SECTION 2. LIBRARY SCIENCE

Доклады секции, посвященной 95-летию
со дня рождения А. Н. Ванеева (1925–2019)

«Вклад А. Н. Ванеева

в библиотечно-информационную науку и практику»

Section reports, commemorating to the 95th anniversary
of the birth of A.N.Vaneev (1925–2019)

“A. N. Vaneev’s contribution to library and information science and practice”

Организаторы Секции:

кафедра библиотековедения и теории чтения СПбГИК,

Отв. – зав. кафедрой, доктор пед. наук, профессор М. Н. Колесникова

30.01.2020 г. исполнилось 95 лет со дня рождения выдающегося библиотковеда, профессора Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктора педагогических наук, академика А. Н. Ванеева (30.01.1925 – 14.09.2019). Несколько месяцев не дожил ученый до своего юбилея и 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, к которой он имел прямое отношение как ее участник, фронтовик, отмеченный государственными наградами за боевые заслуги.

В память об ученом и в связи с юбилейными датами кафедра библиотековедения и теории чтения организовала в рамках всероссийской научной конференции с международным участием «XXI Смирдинские чтения» секцию «Вклад А. Н. Ванеева в библиотечно-информационную науку и практику». В ее задачи входило рассмотрение трудов библиотековеда в связи с развитием библиотековедческой мысли и библиотечной практики, их преемственности с работами учеников и последователей академика, продолжения в современных библиотековедческих исследованиях разной тематической направленности – история библиотечного дела, методическая деятельность библиотек, продвижение чтения и др.

Ввиду ограничений, связанных с проведением Смирдинских чтений в онлайн-формате в условиях пандемии коронавирусной инфекции, в данном издании публикуется только часть представленных к текстовой форме докладов Секции.

М. Н. Колесникова, Е. В. Бахтина

Методическая деятельность библиотек в трудах А. Н. Ванеева

Представлен вклад выдающегося отечественного библиотековеда А. Н. Ванеева в исследование и разработку вопросов научно-методической деятельности библиотек. Дано описание личной картотеки ученого по указанным вопросам. Охарактеризованы работы Ванеева, оказавшие влияние на формирование и развитие концепции научно-методической работы библиотек; рассмотрено их продолжение в диссертационных исследованиях научной школы библиотековеда.

Ключевые слова: научно-методическая деятельность, библиотеки, А. Н. Ванеев, вклад

Marina N. Kolesnikova, Elena V. Bakhtina

Methodical activity of libraries in the works of A. N. Vaneev

The article presents the contribution of the outstanding Russian librarian A. N. Vaneev to the research and development of issues of scientific and methodological activity of libraries. A description of the scientist's personal file on these issues is given. The article describes the works of Vaneev that influenced the formation and development of the concept of scientific and methodological work of libraries; their continuation is considered the dissertation research of the scientific school of librarian.

Keywords: scientific-methodical activity, library, A. N. Vaneev, the contribution

Научно-методической деятельностью А. Н. Ванеев начал заниматься в 1948 г., когда перешел в методический отдел Кировской областной научной библиотеки (ОНБ), сначала приобретая опыт библиотечной работы в отделе обработки и библиографическом отделе библиотеки. Именно стезя методиста раскрыла его аналитический и творческий склад ума, организованность, целеустремленность, ответственность, трудолюбие – те личные качества, которые в соединении с уже значительным библиотечным опытом способствовали назначению Ванеева заместителем директора библиотеки в 1957 г.

Практический опыт явился базой, как принято говорить, «творческой лаборатории» будущего ученого. Шаг за шагом набирая библиотечные знания и навыки, А. Н. Ванеев обретал профессиональное мастерство. Одним из важных вспомогательных средств его творческой лаборатории стала картотека публикаций по проблемам научно-методической деятельности, организации и управления библиотечным делом, начало которой было положено в начале 1950-х гг. (передана ученым в дар методической службе

ЦГПБ им. В. В. Маяковского в 2018 г.). Эта картотека является культурным артефактом, важным для исследования и осмысления биографии ученого, равно как и для постижения феномена методической деятельности библиотеки. Тщательное описание и анализ картотеки должны стать предметом отдельной статьи, но предварительно можно представить ее наиболее интересные характеристики. Картотека находится в деревянном каталожном шкафу из шести ящиков. Карточками плотно заполнены четыре с половиной ящика. Всего в картотеке 4227 карточек, которые систематизированы разделителями с рубриками в алфавитном порядке в количестве 177 заглавий. Самая ранняя публикация, отраженная в картотеке, датируется 1920 г., самые поздние относятся к 2010 г. Подавляющая часть рубрик посвящена вопросам методической работы библиотек в том или ином аспекте, хотя встречаются рубрики и по другим смежным с нею вопросам, имевшим особую злободневность в тот или иной период времени, например: «Автоматизация. Технические средства» (самая ранняя карточка относится к 1953 г.), «Библиотеки АН СССР», «Библиотекведение, библиография и информация», «Библиотечная эстетика», «Деловые игры», «Зональные областные библиотеки», «Клубы библиотечные», «Маркетинг», «Медицинские библиотеки», «Научно-исследовательский институт библиотекведения и рекомендательной библиографии», «Опорные библиотеки», «Паблик рилейшинз», «Плакаты печатные – Составление и издание», «Платные услуги», «Проектная деятельность» (самая ранняя карточка относится к 1983 г.), «Реклама» (самая ранняя карточка относится к 1997 г.), «Труд библиотекаря», «Фандрайзинг» (самая ранняя карточка относится к 1994 г.), «Чтения библиотечные», «Шефство библиотек», «Экономика библиотечного дела» (самая ранняя карточка относится к 1947 г.) и др. Даже самый беглый просмотр рубрик позволяет увидеть те изменения, которые на протяжении десятилетий происходили в работе библиотек, как рождались одни объекты их пристального внимания и освоения, и уходили, за моральною устарелостью, другие. Показательные примеры – «Инспекторы библиотечные», «Кабинеты библиотекаря», «Кружки библиотечных», «Лагеря летние библиотечных», Ленин В. И. Пропаганда произведений и литература о нем. Методическая помощь», «Методисты внештатные», «Открытый доступ – Методическая помощь», «Показательные библиотеки», «Производство. Изучение библиотечными», «Рационализация», «Университеты библиотечной работы», «Устные журналы для библиотечных», «Четверги библиотечные» и др.

В картотеке отражено некоторое количество публикаций на иностранных языках – английском (1), немецком (15), польском (7), чешском (45). Методической работе за рубежом посвящено 14 рубрик картотеки, где собраны публикации об опыте Англии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР,

Монголии, Польши, Румынии, Скандинавии, США, Финляндии, Чехословакии, Югославии. В «доинтернетную» эпоху, в отсутствие свободного доступа к иностранным источникам, такие публикации в отечественной печати, были очень важны с практической точки зрения.

А. Н. Ванеев описывал в картотеке такие виды изданий, как книги, сборники статей, статьи и разделы из сборников и книг, диссертации, авторефераты диссертаций; по назначению их можно условно разделить на научные публикации, инструктивно-методические, правовые, справочные материалы, учебные пособия, библиографические пособия. Места изданий были самые разные – от Хабаровска на востоке страны до Таллина на западе, Ашхабада – на юге. В круг расписываемых изданий попали все знаковые библиотечные журналы советского и постсоветского времени – «Библиотекарь» (ныне – «Библиотека»), «Советское библиотечное дело» (ныне – «Библиотечное дело»), «Научно-технические библиотеки», «Библиография», «Библиотечное дело» и др. Чрезвычайно интересен состав авторов публикаций, среди которых как известные всему библиотечному сообществу имена выдающихся ученых, когда-то только начинавших свой путь в профессии и науке, так и имена библиотечных практиков, делившихся своим передовым опытом с коллегами. Просто перечислять их в данной статье представляется несущественным, в научных целях важнее провести анализ авторского состава и результатов его публикационной деятельности, что требует отдельного исследования.

Методическая работа в научной библиотеке предполагает публикации в том или ином формате. Первая публикация А. Н. Ванеева появилась в 1951 г., вторая в 1952 г., и обе были подготовлены в соавторстве с директором К. М. Войханской в жанре методической помощи библиотекарям (памятка и материалы), а уже третья по счету 1953 г. – это первая самостоятельная статья А. Н. Ванеева в журнале о проведении городской методической секции библиотекарей¹. С самых первых публикаций определилась тематика одного из важных направлений его научных интересов – методическая деятельность библиотек, и это было вполне закономерно. Ванеев писал о том, чем сам занимался в Кировской областной библиотеке, что хорошо знал и чем мог поделиться с коллегами. В последующие 20 лет данная тематика стала ведущей в научных исследованиях ученого, о чем свидетельствуют публикации 1950-х – начала 1970-х гг.

Справедливости ради надо сказать, что не только методическая деятельность библиотеки находилась в фокусе внимания А. Н. Ванеева в этот период. У него были статьи и о работе с читателями, пропаганде разных видов литературы. Но смотрел он на эти направления работы библиотек все равно глазами методиста, и в его публикациях, в первую очередь, ана-

лизовался и оценивался передовой опыт библиотек, давались советы библиотечным специалистам по его использованию.

В 1964 г. А. Н. Ванеев уже как опытный специалист и руководитель из высшего звена (зам. директора) Кировской ОНБ в своем публикационном творчестве перешел от памяток, заметок, статей к более объемным работам. Библиотека издала его методическое пособие «Как самостоятельно работать с технической книгой» в 78 с.², а вот первое учебное пособие «Методическое руководство библиотеками» появилось в ЛГИК в 1968 г.³ С этого времени пособия учебно-методического характера стали часто появляться в списке публикаций ученого, что вполне объяснимо: с 1968 г. А. Н. Ванеев был принят в штат кафедры библиотековедения ЛГИК им. Н. К. Крупской. Теперь, по прошествии времени особое значение этого события для сферы профессионального библиотечного образования осознается наиболее глубоко. Талант библиотекаря счастливо соединился с талантом педагога высшей школы, что в итоге привело к рождению научно-педагогической школы А. Н. Ванеева, интегрировавшей в своих научных разработках практики не только отечественного, но и зарубежного библиотечного дела.

В эти годы в жизни Ванеева произошло и другое ключевое событие – подготовка и защита кандидатской диссертации «Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР» (1966)⁴, что позволило ему углубить и развить в научном плане свой потенциал опытного специалиста-практика и стать одним из ведущих ученых в области научно-методического обеспечения библиотечной деятельности, управления библиотеками. Об этом свидетельствует, в частности, участие А. Н. Ванеева в подготовке важных для библиотечного дела нормативно-справочных документов, в которых освещались вопросы методического руководства, давались ссылки на его работы или рекомендации для изучения/использования в практической деятельности.

В этом плане самым ярким примером является создание в 1985 г. «Справочника библиотекаря», фактически ставшего первым в своем роде изданием, как подчеркивали авторы и составители, поясняя, что «выпущенный в 1930 г. под редакцией М. А. Смушковой «Справочник библиотекаря» является, скорее, сборником руководящих материалов по библиотечному делу»⁵.

Учитывая, что «Справочник...» 1985 г. появился, когда советская страна еще была единым огромным пространством, организованным вокруг общего руководящего центра, директивно определявшего развитие всех сфер ее жизни и деятельности, то, безусловно, выход «Справочника...» для всей библиотечной отрасли, включавшей на конец 1981 г. 329 тыс. библиотек, стал уникальным, заметным событием. Этот «систематизированный

свод сведений об организации библиотечного дела»⁶ тиражом в 100 тыс. экземпляров был настольной книгой библиотекарей еще в течение 15 последующих лет до выхода первого постсоветского издания 2000 г.⁷, но и сегодня не утратил своего значения.

Ключевая роль «Справочника...», определившая его уникальность, состояла в том, что он аккумулировал те лучшие достижения советского библиотечного дела, обобщенные библиотечной наукой, которые были накоплены за предшествующие десятилетия. В разделах издания была отражена самая актуальная информация практического характера, призванная обеспечить повышение уровня методического руководства библиотекарями, повышение квалификации библиотекарей.

В списке дополнительной литературы к разделу «Научно-методическая работа» рекомендовались три работы А. Н. Ванеева: учебное пособие «Основные направления методического руководства библиотечным делом в СССР» (1980)⁸, статьи «Организационно-методическое руководство в условиях централизации библиотечной сети» (1982)⁹ и «Управление передовым библиотечным опытом» (1983)¹⁰.

Содержание раздела отразило ту концепцию методической деятельности, которая сложилась в советском библиотечном деле. Система методического руководства считалась составной частью *государственного управления*, основанной на межведомственной координации и взаимодействии органов управления и библиотек-методических центров. Тем самым, однозначно определялось, что методическая деятельность – *инструмент регламентации и контроля* деятельности библиотек. В «Справочнике...» были названы основные направления научно-методической работы – *консультационно-методическая помощь, внедрение передового опыта, анализ работы библиотеки (сети библиотек)*.

Если сравнить перечисленные направления с теми, что названы в предыдущих публикациях Ванеева, например, «Методическая работа областной библиотеки»¹¹, «Методическая работа районной детской библиотеки»¹², «Методическая работа районной библиотеки»¹³, «Внедрение передового опыта и формы методического руководства библиотеками»¹⁴ и других, уже названных выше¹⁵, то можно увидеть, как складывалась в понятийном и концептуальном плане структура методической деятельности библиотек как комплекса функциональных видов деятельности, и уже в 1960-е гг. получила законченное оформление, в том числе благодаря трудам А. Н. Ванеева.

Более того, можно увидеть смысловую идентичность перечисленных основных направлений научно-методической работы с теми, что названы в учебном пособии А. Н. Ванеева «Методическое обеспечение библиотечной

деятельности» (2000)¹⁶ и «Справочнике библиотекаря» того же года издания (да и в последующих тоже)¹⁷, хотя и произошло терминологическое обновление: внедрение передового опыта получило наименование «*инновационная деятельность*», анализ работы библиотек – «*аналитическая деятельность*». Консультационно-методическая помощь сохранила свое название. Как видим, концепция научно-методической работы библиотек, сложившаяся в советское время, сегодня является *профессиональной классикой*.

Кардинальной новацией сферы научно-методической деятельности библиотек во второй половине 1990-х гг. стал отказ от понятия «методическое руководство». Изменившаяся практика библиотек, бурные постсоветские дискуссии о содержании и принципах их деятельности, социальной роли и функциях в другой политической, социально-экономической реальности страны привели к пересмотру советской концепции библиотечного дела и библиотечно-информационной науки. Ванеев был активным участником этих дискуссий и автором полемических публикаций: «Проблемы перестройки методической деятельности»¹⁸, «Об объекте библиотековедения и методической работе»¹⁹, «О «кризисе» и «застое» в библиотековедении»²⁰, «Нужно ли библиотекам методическое руководство?»²¹. Вопрос о сохранении системы методической работы библиотек стоял достаточно остро. Высказывались и самые крайние точки зрения – до полной ликвидации методических служб и передачи всей «власти» самим библиотекарям. Однако подобные начинания, предпринятые в библиотечной среде, успехом не увенчались. Прав был А. Н. Ванеев, предупреждая в своих статьях и выступлениях о негативных последствиях отказа от методической деятельности и разрушения сложившейся системы безвозмездной помощи низовым библиотекам со стороны центральных библиотек территорий.

В конечном итоге переосмысление библиотечным сообществом оснований своей деятельности в эпоху демократизации страны, перехода к рыночной экономике привело к замене директивной функции методического руководства библиотеками со стороны органов административного управления на *методическое обеспечение их деятельности со стороны библиотек-методических центров*, о чем Ванеев сказал в первых строках своего учебного пособия 2000 г.: «Предоставление библиотекам самостоятельности, определенное Федеральным законом «О библиотечном деле», лишаящим учредителей права вмешиваться в творческую деятельность библиотек (ст. 10), привело к отказу от методического руководства как управленческой функции и переходу к методическому обеспечению библиотечной деятельности»²².

Так советская концепция научно-методической работы библиотек получила новую жизнь в новое время на принципах децентрализации, откры-

тости, рекомендательности, адресности, сохранив свою главную цель – «совершенствование деятельности библиотек»²³. Свою лепту в это, безусловно, внес и А. Н. Ванеев как методист-практик и ученый в одном лице, который всегда был открыт прогрессивному новому, не на словах, а на деле совершенствующему библиотечно-информационную практику. Поэтому не случайно он стал инициатором введения на факультете необходимой и своевременной функциональной специализации «Методическая и маркетинговая деятельность в библиотеках» (2001)²⁴, разработал ее программу, руководил дипломными работами, а также двумя профильными кандидатскими диссертациями – Д. И. Ступина «Маркетинг как стратегия вхождения общедоступных библиотек в новые экономические условия» (1998), С. А. Аверьянова «Продвижение библиотечных услуг в общедоступных библиотеках» (2001).

Идеи и разработки Ванеева развивались его многочисленными учениками и сегодня «прорастают» в их практической и научной деятельности, как ветви древа методического знания. Проблемам *методического руководства работой библиотек* были посвящены диссертации первой ученицы А. Н. Ванеева В. А. Ермаковой «Проблемы эффективности методической деятельности областной библиотеки» (1979), затем последовали диссертации З. В. Руссак «Педагогические проблемы методического руководства библиотеками» (1980); Ю. Б. Авраевой «Совершенствование методической деятельности в централизованных библиотечных системах (на примере Восточной Сибири)» (1987); Б. Нурыева «Аналитическая деятельность методических центров как фактор совершенствования библиотечной практики» (1991 г.), А. Ф. Хорунжего «Областная универсальная научная библиотека как центр методического обеспечения деятельности централизованных библиотечных систем» (1992 г.), Нгуен Тхи Лан Тхань «Методическое обеспечение деятельности массовых библиотек во Вьетнаме» (1993). Вопросы методического руководства рассматривались и в диссертациях, касавшихся *централизации библиотек, организации их деятельности* – Е. И. Георгиевой «Проблемы централизации сети читальных библиотек Народной Республики Болгарии» (1984), С. А. Басова «Организация целевого управления ЦБС (на примере государственных массовых библиотек)» (1985), С. А. Порошина «Совершенствование работы массовых библиотек в помощь интенсификации сельскохозяйственного производства» (1987), В. Г. Попроцкой «Нормирование труда в условиях крупных научных библиотек» (1990), Ле Ван Вьет «Применение принципа централизации сети массовых библиотек в условиях Вьетнама» (1991).

Влияние трудов А. Н. Ванеева на развитие отечественной научно-методической мысли не требует доказательств. Многие поколения методистов

приобщались к своей профессии благодаря учебным, методическим, справочным пособиям, статьям, созданным пером ученого. Эта сторона его научного творчества ждет глубокого изучения.

Примечания

¹ Ванеев А. Н. Методическая секция библиотекарей / А. Н. Ванеев // Проф.-техн. образование. 1953. № 8. С.31.

² Ванеев А. Н. Как самостоятельно работать с технической книгой: метод. пособие / А. Н. Ванеев. Киров: [б. и.], 1964. 78 с.

³ Ванеев А. Н. Методическое руководство библиотеками: учеб. пособие по курсу «Библиотекведение» / А. Н. Ванеев; ЛГИК, каф. библиотекведения. Ленинград: ЛГИК, 1968. 41 с.

⁴ Ванеев А. Н. Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по специальности «Библиотекведение») / Моск. гос. ин-т культуры. Москва: [б. и.], 1966. 24 с.

⁵ Справочник библиотекаря / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; сост. С. Г. Антонова, Г. А. Семенова. Москва, 1985. С. 4. – Среди авторов: А. Н. Ванеев.

⁶ Справочник библиотекаря / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; сост. С. Г. Антонова, Г. А. Семенова. Москва, 1985. С.3. – Среди авторов: А. Н. Ванеев.

⁷ Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. Санкт-Петербург: Профессия, 2000. 425 с.

⁸ Ванеев А. Н. Основные направления методического руководства библиотечным делом в СССР: учеб. пособие / А. Н. Ванеев. Ленинград: ЛГИК, 1980. 75 с.

⁹ Ванеев А. Н. Организационно-методическое руководство в условиях централизации библиотечной сети / А. Н. Ванеев // Актуальные вопросы библиотечной работы: теория и практика: сб. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Москва, 1982. С. 67–73.

¹⁰ Ванеев А. Н. Управление передовым библиотечным опытом / А. Н. Ванеев // Научная организация труда как фактор повышения эффективности работы библиотек. Москва, 1983. С.26–36.

¹¹ Ванеев А. Н. Методическая работа областной библиотеки / А. Н. Ванеев // Библиотекарь. 1959. № 3. С.61–62.

¹² Ванеев А. Н. Методическая работа районной детской библиотеки / А. Н. Ванеев; Киров. обл. дет. б-ка. Киров: [б. и.], 1962. 20 с.

¹³ Ванеев А. Н. Методическая работа районной библиотеки / Кировская обл. б-ка им. А. И. Герцена. Киров: [Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-е], 1969. 43 с.

¹⁴ Ванеев А. Н. Внедрение передового опыта и формы методического руководства библиотеками / А. Н. Ванеев // Методические центры страны – в помощь библиотекам. Москва, 1970. Ч.2. С. 290–310.

¹⁵ Ванеев А. Н. Методическое руководство библиотеками: учеб. пособие по курсу «Библиотекведение» / А. Н. Ванеев; ЛГИК, каф. библиотекведения. Ленинград: ЛГИК, 1968.

41 с.; Ванеев А. Н. Организационно-методическое руководство в условиях централизации библиотечной сети / А. Н. Ванеев // Актуальные вопросы библиотечной работы: теория и практика: сб. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Москва, 1982. С. 67–73; Ванеев А. Н. Основные направления методического руководства библиотечным делом в СССР: учеб. пособие / А. Н. Ванеев. Ленинград: ЛГИК, 1980. 75 с.; Ванеев А. Н. Управление передовым библиотечным опытом / А. Н. Ванеев // Научная организация труда как фактор повышения эффективности работы библиотек. Москва, 1983. С. 26–36.

¹⁶ Ванеев А. Н. Методическое обеспечение библиотечной деятельности / А. Н. Ванеев // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. Санкт-Петербург, 2000. С.325–339.

¹⁷ Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. Санкт-Петербург: Профессия, 2000. 425 с.; Ванеев А. Н. Методическое обеспечение библиотечной деятельности / А. Н. Ванеев // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург, 2001. С. 339–353; Ванеев А. Н. Методическое обеспечение библиотечной деятельности / А. Н. Ванеев // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. Изд. 3-е, испр. и доп. Санкт-Петербург, 2005. С. 387–402; Ванеев А. Н. Методическое обеспечение библиотечной деятельности / А. Н. Ванеев // Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев. Изд. 4-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург, 2010. С. 517–558.

¹⁸ Ванеев А. Н. Проблемы перестройки методической деятельности / А. Н. Ванеев // Книга в развитии культуры народов Востока: история и современность: материалы междунар. конф. Душанбе, 1990 С. 17–20.

¹⁹ Ванеев А. Н. Об объекте библиотекведения и методической работе / А. Н. Ванеев // Науч. и техн. б-ки. 1992. № 1. С. 28–30.

²⁰ Ванеев А. Н. О «кризисе» и «застое» в отечественном библиотековедении / А. Н. Ванеев // Библиотековедение. 1996. № 1. С. 10–19.

²¹ Ванеев А. Н. Нужно ли библиотекам методическое руководство? / А. Н. Ванеев // Науч. и техн. б-ки. 1999. № 8. С. 4–14.

²² Ванеев А. Н. Методическое обеспечение библиотечной деятельности: учеб. пособие / А.Н. Ванеев. Москва: Профиздат, 2000. С. 5.

²³ Ванеев А. Н. Методическое обеспечение библиотечной деятельности / А. Н. Ванеев // Справочник библиотекаря / науч. ред. А.Н. Ванеев. Изд. 4-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург, 2010. С. 517.

²⁴ Ванеев А. Н. Методическая и маркетинговая деятельность в библиотеках: рабочая программа / А. Н. Ванеев, В. Г. Горев, Д. И. Ступин // Современное библиотечно-информационное образование: учеб. тетради. – Санкт-Петербург, 2001. Вып. 6. С. 103–113.

Е. Г. Ахти

Зачем библиотеке методист

Методическая деятельность прошла путь от «методического руководства» до «методического сопровождения». Несмотря на период отрицания, методическая работа не потеряла своей актуальности и меняла свои формы в соответствии с социальными запросами библиотек. Современная методическая работа – это развитие библиотеки, перевод из существующего состояния в желаемое, поэтому инновационная концепция методической деятельности становится самой перспективной.

Ключевые слова: методическая работа, методическое обеспечение, метод, инновации, методист, методические службы.

Elena G. Akhti

Why does the library need a Methodist

Methodological activity went from «methodological guidance» to «methodological support». Despite the period of denial, methodological work has not lost its relevance and has changed its forms in accordance with the social demands of libraries. Modern methodological work is the development of the library, the translation from the existing state to the desired, therefore the innovative concept of methodological activity becomes the most promising.

Keywords: methodological work, methodological support, method, innovations, methodologist, methodological services.

Методическая работа является неотъемлемой частью библиотечной деятельности. С момента ее становления и до сегодняшнего дня менялись ее функции и отношение к ней библиотечных специалистов.

В советский период в нашей стране была создана мощная система методического руководства библиотечным делом. Библиотекам отводилась идеологическая роль организаторов массового чтения и просвещения населения, что потребовало от органов управления библиотечным делом организации адекватного методического обеспечения библиотечной деятельности в масштабах страны. Со временем научно-методическая работа приобрела явный государственный, во многом даже надзорный характер и жестко регламентировалась партийными органами. Кроме этого, на методические службы были возложены типичные для сегодняшнего времени методические функции: организация библиотечных сетей, координация деятельности различных ведомств и общественных организаций в области библиотечного дела, методическая помощь библиотекам, статистический учет и профессиональная подготовка библиотечных специалистов¹.

Вместе с тем она в значительной мере была бюрократической системой с ярко выраженными чертами диктата, подчас слабой компетентностью исполнителей, бумажными потоками, круговоротом согласований. В условиях командно-административной системы основной функцией методических отделов было инспектирование, надзор, а не консультирование и рекомендации.

С крахом советской политической системы и распадом СССР стали разрушаться все созданные прежде системы. Не стала исключением и методическая деятельность. Усугублял ситуацию закон от 29.12.1994 N 78-ФЗ «О библиотечном деле», который предоставил библиотекам право самостоятельно определять содержание и формы своей работы. В первое время этот процесс был принят как «вздох облегчения»: после многих лет методического диктата, он освобождал библиотеки от жесткого контроля, регулярных проверок, от исполнения указаний и регламентов. Это создавало иллюзию самостоятельности. В 90-е гг. прошлого столетия среди видных библиотечных теоретиков и практиков, таких как Б. Н. Бачалдин², Е. А. Фенелонов³, Ю. А. Гриханов⁴, С. А. Басов⁵, шли порой ожесточенные дискуссии о том, что представляет собой методическая деятельность и нужно ли методическое руководство библиотекам. И в профессиональном сообществе были разные, иногда взаимоисключающие мнения – от полного отрицания методического руководства, до предложений усилить его административно-управленческие функции.

А. Н. Ванеев в статье «Нужно ли библиотекам методическое руководство?» аккумулировал различные подходы к реализации функций методического обеспечения. Ученый высказал и свою точку зрения: «Отказ от методического руководства не означает отказа от накопленного опыта методической помощи библиотекам ... Цель методического обеспечения заключается в том, чтобы всемерно помогать библиотекарям делать их работу наиболее разнообразной, каждой библиотеке найти «свое лицо»; основными направлениями являются консультационно-методическая помощь библиотекам в совершенствовании их деятельности, инновационная деятельность (формирование и освоение библиотечных новшеств), повышение квалификации и переподготовка библиотечных кадров»⁶.

На практике ряд библиотек, отрицая необходимость методической помощи, сокращали штат методических сотрудников и даже ликвидировали научно-методические отделы. Примером может служить расформирование научно-методической службы ГПНТБ России, хотя работа в этом направлении не прекратилась.

По прошествии времени стало очевидно, что, кроме положительных моментов, отсутствие централизованного методического руководства привело к профессиональной разобщенности, пониманию недостаточ-

ности методического самообеспечения для развития библиотеки в современных условиях. Социально-политические и экономические преобразования сняли налет идеологической составляющей с научно-методической работы, и стало очевидно, что она как «вид библиотечной деятельности, направленной на повышение эффективности библиотечной работы, выявление и распространение лучшего опыта, инноваций, использование результатов научных исследований»⁷ не потеряла актуальность и трансформируется в соответствии с преобразованиями библиотек.

Сегодня методическая работа носит не директивный характер, а рекомендательный, и используются другие понятия – методическая помощь, методическое обеспечение или сопровождение. Разнообразие трактовок объясняется отсутствием общепризнанного термина для обозначения методической деятельности библиотек, неоднозначностью понимания ее содержания. Все эти термины объединяет понятие «метод».

Метод – способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом⁸. Принимая во внимание, что библиотека – это «живой организм», который постоянно меняется вследствие развития, можно констатировать, что методическая деятельность представляет собой взаимосвязанную совокупность аналитической, консультационной, инновационной работы и повышения квалификации библиотечных специалистов. Другими словами, сущность методической работы – развитие библиотеки, перевод из существующего состояния в желаемое.

Аналогичное понимание методической работы представлено в Положении «Научно-методическая деятельность центральной библиотеки субъекта Российской Федерации»: «Научно-методическая деятельность (НМД) – деятельность, направленная на повышение эффективности работы библиотек (библиотечных систем) на основе управления социальными и технологическими нововведениями (инновациями), включающая в себя организационные, исследовательские и педагогические функции»⁹.

Анализируя публикации в профессиональной печати, библиотечные ресурсы интернет, отчеты библиотек о работе приходится отметить, что в части случаев методисты сводят свою деятельность к организации и проведению культурно-массовых мероприятий. Особенно ярко это прослеживается в работе муниципальных и поселковых библиотек. В соответствии с таким подходом к методической работе формируется подсобный фонд с разделами: культпросвет работа (дискотеки, вечера отдыха, обрядовые вечера), нравственное и эстетическое воспитание, краеведение, литература для детей (школьные праздники, игры, клубы по интересам, в помощь школьному театру), праздники книг, вечера, конкурсы и т. д.¹⁰ И выпускают

ся методические пособия, которые можно объединить названием «Мероприятие в библиотеке: как организовать и провести?».

Интересен опыт ЦГБ им. А. М. Каутского, ЗАТО Александровск, Мурманская область. Ведущий методист библиотеки – бывший работник СМИ. Выполняет функции корреспондента, редактора, оператора, монтажера и звукорежиссера. Занимается видеопроектами. Ведет мастер-классы по созданию видеороликов, презентаций, виртуальных выставок; по обеспечению мультимедийной поддержке профессиональной деятельности. Это необходимые направления работы для современной библиотеки, но сложно отнести их к методической работе.

Можно говорить о том, что это очень узкое и устаревшее понимание сущности методической работы. Сегодня методисты ведут активный поиск нестандартных форм продвижения книги и чтения, внося в традиционную работу новые идеи, разрабатывают интересные программы мероприятий, направленные на привлечение читателей, создавая позитивный образ библиотеки.

В публикациях последних лет, выступлениях на научно-практических конференциях большинство специалистов связывают содержание методической работы с инновациями, внедрением новшеств. По мнению А. С. Басова, «инновационная концепция методической деятельности на сегодняшний день принимается большинством специалистов как бы сама собой, т. е. как вполне очевидная, не требующая специальных доказательств»¹¹. Это подтверждают библиотечные практики на основе современных технологий, в которых уделяется особое внимание использованию ресурсов Интернета: «Горячая линия для специалистов» для оперативного консультирования на сайте библиотеки (РГДБ); «Методическая онлайн-школа» для профессионалов детских библиотек (Челябинская областная детская библиотека имени В. Маяковского). Муниципальной информационно-библиотечной системой Кемерово проводится игра «От „Я“ к „Мы“», представляющая собой деловую дискуссию о проблемах детской литературы и о сложностях при обслуживании данной категории пользователей.

В научно-методическом отделе областной государственной УНБ имени И. И. Молчанова (Иркутск) создан сектор проектирования и инноваций. Его основная задача – организация и координация деятельности по созданию НКО. Сектор аккумулирует, обобщает накопленный опыт и разрабатывает методические кейсы для библиотек области¹².

В 2019 г. Петербургским библиотечным обществом и Комитетом по культуре Санкт-Петербурга был организован Профессиональный конкурс «Библиотечная инициатива», одной из главных задач которого являлось развитие инновационной деятельности, продвижение новых идей и форм работы библиотек. При оценке проектов обязательно учитывалась успешность ре-

зультатов – срок жизни результатов проекта (до года до пяти лет, свыше пяти лет) и тиражируемость проекта (возможность его внедрения в работу других библиотек). Первое место в номинации «Лучший проект в области информационно-библиотечного обслуживания» заняла ЦГПБ им. В. В. Маяковского.

Таких примеров множество, но необходимо помнить, что любое нововведение должно быть целесообразным, положительно влиять на качество обслуживания и работу библиотеки в целом.

Многообразие форм деятельности методических служб позволяет каждой библиотеке выбрать свой собственный вариант, который более всего отвечает ее ресурсным, в том числе и кадровым возможностям, местным традициям и условиям. Методисты не должны ограничиваться пассивной помощью библиотекам по их запросам, а стремиться активно влиять на их работу.

Примечания

¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII: Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: в 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917–1918 г. Москва, 2012. 1176 с.

² Бачалдин Б. Н. Методическая служба: какой ей быть // Сов. библиотекосведение. 1991. № 5. С. 12–23.

³ Фенелонов Е. А. Идти в будущее не забывая прошлого // Науч. и техн. б-ки. 1995. № 3. С. 77–82.

⁴ Гриханов Ю. А. Содействие и рекомендации – единственно возможный стиль работы // Библиотека. 1996. № 6. С. 13–14.

⁵ Басов С. А. Проблемы и перспективы перестройки методической работы // Научные и технические библиотеки СССР. 1988. № 2. С. 3–9.

⁶ Ванеев А. Н. Нужно ли библиотекам методическое руководство? // Научные и технические библиотеки. 1999. № 8. С. 4–14.

⁷ Библиотечная энциклопедия / Российская гос. б-ка. Москва, 2007. С. 697–701.

⁸ Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. М., 2003. С. 628. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/. (дата обращения: 01.08.2020).

⁹ Принято XX Ежегодной конференцией Российской библиотечной ассоциации. Самара, 21 мая 2015 г.

¹⁰ Методические рекомендации по организации и оформлению методического кабинета центральной районной библиотеки (На примере опыта работы Щекинской ЦБС, Тульская область). URL: https://tounb.ru/library/Upload/spektr_2000/77_96.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

¹¹ Басов С. А. Путь методиста: от комиссара до инноватора // На переднем крае библиотечных инноваций: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. «Научно-методическая деятельность библиотек Российской Федерации: актуальные вопросы теории и практики» (Москва, 23–24 октября 2014 г.). М., 2015. С. 30–43.

¹² Библиотека. 2020. № 5.

И. А. Молчанова

**Методическая служба межпоселенческой библиотеки
в обеспечении непрерывного образования специалистов**

Рассматривается деятельность методических служб межпоселенческих районных библиотек в современных условиях. Представлены результаты методического мониторинга и анкетного опроса библиотекарей Устьянской библиотечной системы. Дана характеристика программы непрерывного профессионального образования «Постижение мастерства в библиотечной профессии».

Ключевые слова: методическая служба, межпоселенческая библиотека, программы непрерывного библиотечного образования.

Irina A. Molchanova

**Methodological service of the inter-village library
in providing continuing education of specialists**

The activity of methodological services of inter-settlement regional libraries in modern conditions is considered. The results of methodological monitoring and questionnaire survey of librarians of the Ustyansk library system are presented. The article describes the program of continuing professional education «comprehension of skills in the library profession».

Keywords: methodological service, inter-village library, continuing library education programs.

Методическая деятельность в современных условиях является важнейшим фактором инновационного развития библиотечной отрасли. Методические службы библиотек призваны прогнозировать и определять стратегии деятельности библиотек в динамичной внешней среде, которая, случается, создает непредсказуемые ситуации, кардинально меняющие функционирование библиотечных учреждений, и не только их, как, например, начавшая в 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции. В таких условиях методические службы стали играть роль консолидирующего центра, активно помогающего библиотекам найти свое место в новой реальности, адаптироваться к работе в дистанционных форматах и пр. Эта роль особенно важна для сетей сельских муниципальных библиотек, обладающих гораздо меньшими техническими, финансовыми, кадровыми ресурсами. Хотя в правовом поле данные библиотеки перешли в подчинение администраций поселений, связующей нитью для них стала центральная межпоселенческая библиотека с ее методической службой.

Именно методическая служба может обеспечить создание условий для непрерывного образования специалистов сельских библиотек, которые

зачастую лишены такой возможности в условиях своей работы и мест проживания. Одним из примеров опыта организации повышения профессионального уровня сельских библиотекарей может служить деятельность муниципального бюджетного учреждения культуры (МБУК) «Устьянская межпоселенческая центральная районная библиотека» (МЦРБ) (Архангельская область).

Устьянская МЦРБ была организована в 2006 г. В настоящее время в ее состав входит 32 библиотеки: Центральная районная библиотека, Районная детская библиотека, Дмитриевская библиотека-музей им. М. И. Романа и 29 филиалов. Обслуживание пользователей осуществляют 45 сотрудников. Из них высшее образование имеют 15 специалистов (высшее библиотечное – один), среднее профессиональное образование – 30 специалистов (среднее профессиональное библиотечное образование – 14 человек). Стаж до трех лет имеет пять сотрудников, от трех до 10 лет – 14 сотрудников, свыше 10 лет – 26 сотрудников. В возрасте до 30 лет в библиотеках МБУК «Устьянская МЦРБ» работает всего три человека, от 30 до 55 лет – 28 человек, свыше 55 лет – 14 человек. Эта статистика показывает, что кадровая ситуация в библиотечной системе не столь благополучна: 30% составляют сотрудники пенсионного возраста, весьма недостаточно молодых специалистов, только 35% сотрудников имеют библиотечное образование, из них лишь один – с высшим.

Исходя из Устава, *исследовательской и методической деятельностью* по обеспечению библиотечного, библиографического и информационного обслуживания населения в МБУК МЦРБ является:

- культурно-просветительская и досуговая, направленная на развитие различных форм общения и объединения пользователей по интересам;
- сотрудничество с образовательными, информационными и культурными учреждениями;
- организация специализированного библиотечного обслуживания особых групп пользователей (детей и юношества, престарелых и инвалидов);
- повышение профессионального уровня библиотечных работников, в том числе на основе непрерывного образования;
- комплектование и предоставление пользователям фондов краеведческих документов, создание собственных краеведческих баз данных, издание библиографических и информационных краеведческих материалов.
- организация мероприятий по нравственному развитию, воспитанию гражданственности и патриотизма, повышению информационной культуры и образовательного уровня подрастающего поколения и молодежи.

Методический отдел ЦРБ является главным консультационно-методическим центром для всех библиотек Устьянского района. В методическом

отделе работает двое специалистов, которые обеспечивают методическое сопровождение деятельности библиотек, при этом показатели методической деятельности учреждения не входят в муниципальное задание, что номинально превращает ее во второстепенную деятельность. Фактически же это далеко не так, что показано ниже на соответствующем примере.

Специалисты методического отдела постоянно проводят методический мониторинг, локальные исследования состояния библиотечной сети. В 2019 г. проводилось очередное эмпирическое исследование в форме анкетирования для получения информации об эффективности методической деятельности МБУК «Устьянская МЦРБ», ее недостатках и проблемах, требующих устранения. В опросе приняли участие 40 специалистов (89% от общего числа): четверо заведующих (отделом, сектором, библиотекой), главный библиотекарь, 14 ведущих библиотекарей и 21 библиотекарь.

Результаты опроса выявили следующую картину. Лишь около четверти специалистов не испытывают недостатка в профессиональных знаниях. Это в основном специалисты с высшим и средним специальным (библиотечным) образованием и большим стажем работы. Вместе с тем, по ответам этих респондентов на дальнейшие вопросы обнаружился их интерес к повышению профессиональных умений и навыков.

Профессиональную литературу большая часть библиотекарей читает достаточно часто и по мере необходимости, чаще всего – это журналы «Библиотека», «Библиотечное дело» и «Современная библиотека», также постоянным помощником в профессиональной деятельности, особенно для молодых специалистов, является «Справочник библиотекаря». При подготовке мероприятий библиотекари активно используют журналы «Читаем, учимся, играем», «Библиотека предлагает» и др.

Когда у библиотекарей возникают вопросы, методисты всегда оказывают методическое консультирование, помощь в виде индивидуальных и групповых консультаций, которые являются эффективными для большинства библиотекарей. К наиболее эффективным формам методической помощи библиотекари относят рекомендации, пособия, сценарии, семинары (в том числе выездные), показательные мероприятия и творческие конкурсы.

Библиотекари стремятся постоянно повышать свой профессиональный уровень, осваивать новшества в практической работе, чтобы быть конкурентоспособными на рынке предоставления услуг. Ни один сотрудник не ответил, что он не повышает квалификацию тем или иным образом. Очная форма прохождения курсов повышения квалификации остается наиболее востребованной для половины опрошенных. Очно-заочную и заочную форму обучения положительно оценивает четверть от числа опро-

шенных. К наиболее эффективным формам повышения квалификации библиотекари отнесли семинары, курсы, практикумы.

Библиотекари регулярно посещают семинары, организуемые специалистами методического отдела, на которых рассматриваются различные актуальные вопросы. Так, актуальной темой семинаров остается продвижение литературы и привлечение к чтению. Библиотекари стремятся идти в ногу со временем и отмечают, что применение новых информационных технологий выходит на передний план. Все более востребованной становится и проектная деятельность, как одна из успешных форм современной библиотечной практики.

Отвечая на вопрос анкеты «Какие темы, на Ваш взгляд, нужно осветить на методических семинарах в будущем?», библиотекари назвали следующие темы: «Новые формы работы с читателями», «Маркетинг и реклама в библиотечной практике», «Роль книги и компьютера в жизни современного подростка», «Проектная деятельность в библиотеке», что лишний раз подтверждает сказанное выше.

Благодаря проектной деятельности улучшается не только финансовое состояние библиотек, но и усиливается их роль в местном сообществе, улучшается качество услуг, предоставляемых читателям, библиотеки поддерживают и улучшают свой имидж, появляются новые перспективы в работе. Из полученных ответов библиотекарей стало понятно, что 25% из них активно занимаются проектной деятельностью, еще 50% хотели бы научиться и им в этом необходима методическая поддержка.

В числе пожеланий по улучшению качества работы методического отдела были высказаны конструктивные предложения: «Создать в Интернете группу по обмену практическими разработками среди библиотекарей», «Приобрести современное оборудование для профессиональной печати методических изданий».

Кроме того, респондентами были высказаны замечания, которые специалистами методической службы рассматриваются как справедливые, о недостаточно конкретном планировании методической работы, изданий методических пособий, отсутствии среднесрочных планов и программ по повышению квалификации сотрудников районной сети библиотек. К этому можно добавить также, что пока нет специальных мероприятий для вновь принимаемых сотрудников, не имеющих библиотечного образования.

Результаты методического мониторинга и опроса библиотекарей МБУК «Устьянская МЦРБ» стали отправной точкой для создания двухгодичной программы «Постижение мастерства в библиотечной профессии».

Основная цель программы: обеспечение процесса непрерывного образования специалистов учреждения как решающего фактора улучшения

библиотечного обслуживания населения района и поднятия престижа библиотек как культурно-просветительских центров. Задачи программы:

1. Создание и внедрение в МБУК «Устьянская МЦРБ» системы непрерывного образования кадров на основе дифференцированного подхода в зависимости от стажа работы и образования.

2. Использование разнообразных и дополняющих друг друга инновационных обучающих форм и методов (семинары, круглые столы, деловые игры, тренинги).

3. Обучение основам библиотечной инноватики, формирование профессиональных и личностных компетенций сотрудников библиотечной системы.

4. Поддержание творческих мотиваций библиотечных работников в освоении новых знаний посредством проведения конкурсов профессионального мастерства.

5. Объединение интеллектуального и творческого потенциала библиотечных работников в единое профессионально-информационное пространство.

Исходя из принципов непрерывности обучения и дифференцированного подхода к нему, программа рассчитана на следующие категории работников:

- заведующие библиотеками, главные и ведущие библиотекари;
- библиотекари;
- библиотекари со стажем работы до 3 лет.

Программа включает комплексы мероприятий, входящих в профессиональные блоки:

- Школа начинающего библиотекаря «Осваиваем азы профессии»;
- Практический лицей «Лестница успеха»;
- Спецкурс «Библиотечный ориентир».

Данные блоки не изолированы друг от друга. Библиотекари в зависимости от их желания и производственной необходимости могут принимать участие в любом из занятий, проводимых в рамках программы.

Для обучения используются как лекционные формы занятий, так и интерактивные практические, с помощью которых легче определить, насколько глубоко усвоен материал, какие индивидуальные знания и навыки получили библиотекари.

Для реализации данной программы запланировано издание пособий в помощь библиотекарям, сборников материалов по итогам конкурсов, сценарных разработок, что позволит расширить фонд методических материалов. На сайте МЦРБ в разделе «Коллегам» создана рубрика «Методическая копилка», которая обеспечивает максимальную доступность к профессиональной информации, оперативность и комфортность поиска.

Реализация данной программы предполагает обучение работников без отрыва от их непосредственной работы. К занятиям привлечены специалисты МЦРБ, Районной детской библиотеки, преподаватели Архангельского колледжа культуры и искусства и другие специалисты.

С целью закрепления материала, стимулирования интереса библиотекарей к инновационной деятельности запланированы конкурсы профессионального мастерства районного масштаба. Библиотекари также смогут принять участие в профессиональных конкурсах областного уровня, например, в ежегодном областном конкурсе на создание проектов «Библиоинициатива».

Программа непрерывного библиотечного образования должна быть многоступенчатой, ориентированной на запросы библиотекарей, на актуальную тематику. Каждая новая ступень должна содержать разнообразные и дополняющие друг друга инновационные формы, и методы, которые будут направлены на совершенствование и углубление полученных ранее знаний.

Востребованность и эффективность разработанной программы можно будет оценить по:

- количеству специалистов, принявших участие в основных блоках программы;
- количеству разработанных проектов;
- количеству посетителей на сайте рубрики «Методическая копилка»;
- увеличению числа библиотекарей, принявших участие в профессиональных конкурсах;
- результатам аттестации библиотечных работников.

Повышение квалификации библиотечных специалистов сегодня становится одним из приоритетных видов деятельности методических служб. Эта деятельность должна вестись непрерывно и способствовать развитию профессионального уровня работников в соответствии с современными требованиями и профессиональными стандартами.

При разработке программ, нацеленных на повышение профессионального уровня каждого специалиста в зависимости от возраста, образования и стажа работы, необходимо обеспечивать непрерывность процесса обучения.

Программа непрерывного профессионального образования МБУК «Устьянская МЦРБ» «Постижение мастерства в библиотечной профессии» позволит поддерживать, а для определенных категорий сотрудников – поднимать уровень профессиональной компетенции, тем самым обеспечивая решение уставных задач библиотеки.

О. Л. Чурашева

Концепция руководства чтением А. Н. Ванеева: продолжение дискуссии

Рассмотрена история развития и концептуальные положения теории руководства чтением, проанализирован вклад А. Н. Ванеева в ее разработку. На основе изучения приоритетов государственной политики, в том числе, Национального проекта «Культура», сделан вывод, что руководство чтением (или, в современной терминологии, продвижение чтения) составляет сегодня основу библиотечной науки, практики и образования.

Ключевые слова: теория руководства чтением; А. Н. Ванеев; удовлетворение, развитие, формирование читательских потребностей и интересов; теория мостов; продвижение чтения; Национальный проект «Культура».

Olga L. Churasheva

A. N. Vaneev's concept of reading guidance by: continuation of the discussion

The history of development and conceptual provisions of the theory of reading guidance are considered, and the contribution of A. N. Vaneev to its development is analyzed. Based on the study of the priorities of state policy, including the National project "Culture", it is concluded that the management of reading (or, in modern terminology, the promotion of reading) is now the basis of library science, practice and education.

Keywords: reading guidance theory; A. N. Vaneev; satisfaction, development, formation of readers needs and interests; theory of bridges; promotion of reading; National project «Culture».

Теория руководства чтением на протяжении длительного периода развития библиотечного дела в России рассматривалась как ядро работы с читателем. Наибольший вклад в развитие концепции руководства чтением, а также в рассмотрение влияния данной концепции на практику библиотечной работы в исторической ретроспективе внес Анатолий Николаевич Ванеев. В его работах неоднократно указывалось, что теория руководства чтением имеет для библиотековедения не частное, а общетеоретическое значение, поскольку деятельность всей библиотеки как социального института в конечном счете направлена именно на удовлетворение и развитие интересов и потребностей читателей, то есть на руководство чтением.

Кратко обозначим основные составляющие и исторические вехи развития теории руководства чтением для того, чтобы далее перейти к обсуждению ее значения на современном этапе.

В «Библиотечной энциклопедии» руководство чтением определяется как «целенаправленное воздействие на содержание и характер чтения с помощью различных форм и методов деятельности библиотек»¹. Как из-

вестно, теория руководства чтением начала свое развитие в рамках просветительской концепции работы с читателем, сформировавшейся еще в дореволюционном библиотековедении.

Изначально теория руководства чтения, обоснованная в трудах Н. А. Рубакина, Л. Б. Хавкиной, А. А. Покровского и других, базировалась на следующих гуманистических постулатах:

- безусловная свобода чтения (библиотекарь при этом отводилась не функция «цензора чтения», а скорее рекомендательная, просветительская функция);

- развитие и возвышение читательских интересов и потребностей;

- индивидуальный подход к читателю (вспомним известную цитату Н. А. Рубакина: «Содержание книги – это то, что ею возбуждается; у всякой книги столько содержаний, сколько у нее читателей. Каждому читателю – его книгу!»²);

- руководство чтением рассматривалось как психолого-педагогический процесс и не имело идеологической составляющей.

Подход к руководству чтением, характерный для начальных периодов развития данной концепции, идеально иллюстрирует теория мостов библиотковеда А. А. Покровского, построенная им на основе изучения чтения красноармейцев. Как известно, А. А. Покровский предлагал развивать читательские интересы, литературный вкус, постепенно расширять круг чтения, перекидывая своеобразные литературные мосты от книг, интересных читателям, но не представляющих большой художественной ценности, к шедеврам мировой художественной литературы.

Однако следует признать, что по мере дальнейшего развития в определенных исторических реалиях теория руководства чтением утратила многие просветительские элементы и наполнилась идеологическим содержанием. Как указывает Т. Б. Маркова, в годы советской власти руководство чтением рассматривалось как система, характеризующаяся «идеологической направленностью и связью с агитацией и пропагандой книги и включающая в себя как организацию чтения, так и управление им»³.

Было бы неверно утверждать, что в советские годы руководство чтением свелось к идеологической пропаганде. Так, многое было сделано в плане ликвидации безграмотности, повышения общего культурного уровня населения, популяризации естественно-научных знаний, расширения круга чтения, продвижения чтения в нечитающую среду, развития личных библиотек и т. д. Однако нельзя не согласиться с тезисом, выдвинутым в фундаментальной работе Е. Добренко «Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы»: «Советский читатель, зритель, слушатель – не просто реципиент (или в за-

падном смысле – „потребитель книг“). Согласно «общественно-преобразующей» доктрине, лежащей в основании соцреализма, он – объект преобразования, формовки. Он сам – существенная часть проекта и, в конечном счете, функции советской литературы (как и всей советской культуры) состоят именно в этой „перековке человеческого материала“. В классическом сталинском определении советских писателей как „инженеров человеческих душ“ подчеркивается именно эта обращенность эстетической деятельности на читателя».

Также следует подчеркнуть, что начиная с конца 20-х гг. XX в. индивидуальный подход к читателю все более и более заменяется подходом массовым, шаблонным. Сравним, например, приведенный выше тезис Н. А. Рубакина «Каждому читателю – его книгу!» и разработку так называемых «типовых планов чтения», получивших популярность в советских общедоступных библиотеках.

Такая трансформация теории руководства чтением привела к тому, что в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., в период своеобразной «перезагрузки» общественного и литературного процесса, в период переосмысления мировоззренческих и ценностных установок в целом и задач библиотечной науки и практики в частности, началась знаменитая дискуссия по поводу теории руководства чтением. В данной статье не ставится задача подробного анализа данной обширной дискуссии, развернувшейся на страницах журналов «Научные и технические библиотеки СССР» и «Советское библиотечное дело». Подчеркнем лишь, что руководство чтением критиковалось специалистами за следующие моменты:

- насильственный характер руководства, отсутствие свободы чтения (В. И. Терешин называл это «рукоприкладством к чтению»⁵ и «революционной диктатурой в чтении»⁶);
- излишнюю идеологизированность процесса руководства чтением;
- отказ от индивидуального подхода к читателю, отсутствие полноценного диалога с ним;
- неудовлетворительную реализацию декларируемых теоретических положений в практической деятельности библиотек.

Активное участие в дискуссии принимал А. Н. Ванеев. В его работах как советского, так и постсоветского периода неоднократно подчеркивался просветительский подход к руководству чтением. Так, А. Н. Ванеев акцентировал внимание на следующих аспектах:

- руководство чтением базируется на принципе добровольности в чтении и самостоятельности читателя;
- чтение, являясь индивидуальным процессом, тем не менее, всегда в той или иной степени обуславливается социальными факторами, которые

влиять, в частности, на выбор литературы для чтения и на критерии оценки прочитанного;

- руководство чтением предполагает как наиболее полное удовлетворение читательских интересов и потребностей, так и их развитие, а также формирование новых интересов и потребностей;
- в процессе руководства чтением осуществляется помощь читателю в восприятии прочитанного, а также в повышении продуктивности чтения (то есть то, что в современной терминологии носит название «формирование информационной культуры»);
- руководство чтением представляет собой целостный психолого-педагогический процесс⁷.

Следует отметить, что в более поздних своих публикациях А. Н. Ванеев предложил заменить термин «руководство чтением» термином «управление чтением», которое «с его точки зрения, более адекватно передавало активное, целенаправленное воздействие на содержание и характер чтения, и которое правомерно рассматривать как один из механизмов социального управления духовной жизнью современного общества»⁸.

На рубеже XX–XXI вв. теория руководства чтением, пройдя через закономерный период отрицания и непопулярности, начала возрождаться. Хотя следует отметить, что сам термин «руководство чтением» используется достаточно редко. Ему на смену пришло понятие «продвижение чтения», что не меняет сущности самого явления. Продвижение чтения (в том числе, и в нечитающую среду) в настоящее время является приоритетным направлением развития библиотечно-информационной и культурной политики РФ, что закреплено в библиотечном законодательстве и стратегических программах развития библиотечного дела в нашей стране. По сути дела, задачи в области продвижения чтения, перечисленные в официальных документах, отражают задачи руководства чтением. Среди них: формирование интереса к чтению, расширение круга чтения, развитие читательской (шире – информационной) культуры, развитие литературной критики и рекомендательной библиографии и т. д. Однако нельзя не упомянуть и о различиях между подходами к руководству чтением и его продвижению. В первом случае отмечалось, что работа библиотеки должна быть направлена на различные читательские группы (с учетом их психолого-педагогических особенностей). Во втором случае как официальные, так и научные публикации говорят о необходимости сосредоточить работу по продвижению чтения в детско-юношеской среде. Таким образом, взрослый читатель в настоящее время в значительной степени «выпал» из системы продвижения чтения.

Т. Б. Маркова, говоря о трансформации теории руководства чтением и приоритетах государственной библиотечной политики, отмечает: «В со-

временном обществе руководство чтением приобретает черты мягкого контроля или ориентирования в литературе. Государственная политика в области культуры сегодня направлена на поддержку чтения и реализацию различных программ развития чтения. Следует говорить об «ориентирующем чтении», включающем в себя влияние на процесс чтения книги читателем, консультативную помощь в выборе нужной книги из многообразия литературы, создание оптимальных условий для организации собственной системы чтения, для взаимодействия книги, автора и читателя и предоставление списка интересных и нужных с точки зрения библиографа книг⁹. Автором данной статьи в рамках Национального проекта «Культура» (Федеральный проект «Творческие люди») в 2019–2020 гг. была разработана и реализована программа «Игровые технологии библиотеки в продвижении чтения». Концепция программы базируется как на современных отечественных и зарубежных практиках событийного менеджмента, так и на работах в области теории и практики руководства чтением классиков библиотекovedения и читателеведения (Н. А. Рубакина, А. А. Покровского, А. Н. Ванеева, В. С. Крейденко и др.). Целью программы является формирование комплекса знаний и навыков использования современных игровых технологий в рамках библиотечно-информационного обслуживания в целях продвижения чтения в детской и подростковой среде. За 2020–2021 гг. в рамках программы «Игровые технологии библиотеки в продвижении чтения» было обучено около 1000 библиотекарей общедоступных библиотек, расположенных на всей территории Российской Федерации, от Калининграда до Петропавловска-Камчатского. Программа получила положительные отзывы библиотекарей, что свидетельствует об актуальности вопросов руководства чтением в общенациональном масштабе.

Новое звучание обрел и такой элемент руководства чтением, как вышеуказанная «теория мостов» А. А. Покровского. Например, в статье С. А. Езовой рассматриваются возможности использования данной концепции для совершенствования библиотечного общения¹⁰. Магистрант кафедры библиотекovedения и теории чтения А. В. Абрамов уже более пяти лет использует «теорию мостов» для разработки проектов по продвижению чтения среди подростков в ЦБС Курортного района. Используя методы сравнительно-сопоставительного, биографического и мотивного анализа художественного произведения, А. В. Абрамов на примере различных современных произведений, интересных подросткам, показывает, как сюжеты и общие темы классических произведений по-новому могут предстать через призму книги писателя-современника.

Важно отметить, что современные ученые продолжают опираться на теорию руководства чтением в своих исследованиях и практических раз-

работках. Так, в 2014 г. в МГУКИ С. В. Дорохиной была защищена кандидатская диссертация по теме «Интернет-руководство чтением молодежи как средство развития и поддержки чтения в информационном обществе». Под «Интернет-руководством чтением» автор понимает «педагогический процесс совершенствования читательской деятельности молодежи посредством развития молодого читателя, его читательских потребностей, интересов, культуры, компетентности, осуществляемый для решения широкого круга социально-культурных задач»¹¹. Исходя из просветительских традиций руководства чтением, автор рассматривает его реализацию в Интернет-пространстве как психолого-педагогический процесс, а также подчеркивает необходимость соблюдения принципа свободы чтения. Особая роль в поддержке чтения современной молодежи автор отводит просветительским Интернет-проектам в области культуры, а также рекомендательной библиографии, успешно используемой в современных Интернет-сервисах. Практическим результатом диссертации стала разработка модели Интернет-руководства чтением молодежи.

Развивая тему руководства чтением посредством использования Интернет-технологий, следует отметить, что новый импульс она получила в связи с пандемией коронавируса и переходом российских и зарубежных библиотек на виртуальное обслуживание. В онлайн-среду перешли такие известные формы руководства чтением, как книжные выставки (в том числе, и новых поступлений), библиографические обзоры, лекции, громкие чтения (последняя форма продемонстрировала особую популярность и востребованность среди читателей на фоне пандемии).

Интересно также отметить, что временный переход на виртуальное обслуживание четко отразил следующую тенденцию: по мере снижения интенсивности социальных контактов, возрастал интерес к личности библиотекаря, его литературным вкусам, читательскому опыту, его рекомендациям. Это еще раз доказывает, что принцип свободы чтения ни в коей мере не снижает потребности в библиотекаре как советчике, как в профессионале, обладающем широкими познаниями в области классической и современной литературы и владеющем методами ее продвижения.

Продолжая научные традиции кафедры библиотекovedения и теории чтения, переосмысливая разработки А. Н. Ванеева, В. С. Крейденко, В. А. Бородиной, вопросами продвижения чтения занимаются и молодые исследователи. Так, в 2020 г. студентами кафедры было защищено пять выпускных квалификационных работ по данной тематике:

1. «Продвижение современной художественной литературы среди подростков» (А. В. Абрамов, ВКР магистра).

2. «Продвижение творчества писателей-фантастов в общедоступной библиотеке» (М. А. Андреевна, ВКР бакалавра).

3. «Продвижение литературного наследия в общедоступных библиотеках» (Л. Н. Рыжонкова, ВКР бакалавра).

4. «Экранизация как инструмент приобщения к чтению художественной литературы» (Е. Д. Степанова, ВКР бакалавра).

5. «Продвижение наследия футуристов в общедоступных библиотеках» (А. А. Беляева, ВКР бакалавра).

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе руководство чтением, отбросив свою идеологическую составляющую и сменив название на «продвижение чтения», по-прежнему составляет квинтэссенцию библиотечной науки, практики и библиотечного образования.

Примечания

¹ Гриханов Ю. А. Руководство чтением // Библиотечная энциклопедия. Москва, 2007. С. 900.

² Цит. по: Мелентьева Ю. П. Отражение взглядов российских и немецких ученых в теории библиопсихологии Н. А. Рубакина // Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия. Москва, 2014. С. 45.

³ Маркова Т. Б. Трансформация теории руководства чтением в информационном обществе // Библиосфера. 2015. № 3. С. 42.

⁴ Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. Добренко. Москва, 1997. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/dobr/index.php (дата обращения: 02.03.2020).

⁵ Терешин В. И. Руководство чтением или библиотечная педагогика? / В. И. Терешин // Науч. и тех. б-ки СССР. 1990. № 2. С. 29.

⁶ Ванеев А. Н. Библиотековедение в России конца XX века: учеб. пособие / А. Н. Ванеев. Санкт-Петербург: Профессия, 2007. С. 96.

⁷ Ванеев А. Н. К дискуссии о руководстве чтением // Науч. и тех. б-ки. 1992. № 6. С. 24–29.

⁸ Ванеев А. Н. Библиотековедение в России конца... С. 110.

⁹ Ванеев А. Н. К дискуссии о руководстве чтением... С. 44.

¹⁰ Езова С. А. О возрождении «теории мостов». От метода руководства чтением – к новым способам общения // Библиотечное дело. 2006. № 11 (47). С. 28.

¹¹ Дорохина С. В. Интернет-руководство чтением молодежи как средство развития и поддержки чтения в информационном обществе : автореф. дис. ... канд. пед. наук культурологи: 05.25.03 / С. В. Дорохина; МГУКИ. Москва, 2014. С. 21.

Е. Л. Шаронова

**Есть ли у «Библионочи» перспектива?
К дискуссии по статье А. Н. Ванеева «„Библионочь“ – что это?»¹**

Оценка культурно-досугового мероприятия публичных библиотек – акции «Библионочь». Дискуссия о перспективах продолжения и совершенствования «Библионочи».

Ключевые слова: «Библионочь», культурно-массовая работа библиотек, досуговая деятельность библиотек.

Ekaterina L. Sharonova

**Does the «Biblionight» have a prospect?
To the discussion of A. N. Vaneev «„Biblionight“ – what is it?»**

Evaluation of the cultural and leisure event of public libraries – the action «Biblionoch». Discussion about the prospects for the continuation and improvement of the «Biblionight».

Keywords: «Biblionight», cultural work of libraries, leisure activities of libraries.

Акция «Библионочь» проводится в нашей стране с 2012 г. Это «масштабное сетевое событие общенационального уровня в поддержку социальной авторитетности литературы как исторически национального проекта России»². Изначально акция была задумана для привлечения новой читательской аудитории в библиотеку. Что в итоге получилось? Есть ли у этой акции перспективы?

«Библионочь» была создана по аналогии с акцией «Ночь в музее». Но есть существенная разница: «Ночь в музее» дает возможность посетить музеи во время акции бесплатно, тогда как посещение библиотек бесплатно всегда.

В итоговом отчете Министерства культуры Российской Федерации «Культура в России 2012–2019» приводятся данные о количестве мероприятий, прошедших во время акции «Библионочь»: в 2016 г. – 1,2 тыс. событий, в 2019 г. – 2,6 тыс. событий³. При этом и в 2013, и в 2014 гг. событий было свыше 3 тысяч. Получается, что в первые годы проведения акции интерес к ней у библиотек и других заинтересованных участников культурного поля (издательств и книготорговых организаций) был значительно выше, чем в последующие годы. Не превратилась ли акция, призванная привлекать

читателей в библиотеку и продвигать книгу и чтение, в очередные культурно-массовые мероприятия, пусть и объединенные единой темой «Года культуры», «Года литературы», «Года театра», «Года кино» и т. д.? Согласимся с А. Н. Ванеевым в том, что «большинство массовых мероприятий „библионочей“ даже отдаленно не связаны с книгой, чтением, библиотекой. Преобладают развлекательные акции»⁴. Автор статьи с 2013 г. участвует в этих акциях и организывает их в библиотеке. По опыту работы можно сказать, что привлечь читателей в библиотеку и в дневное время нелегко, а в ночное – тем более. Не будем скрывать, что основные посетители библиотек сегодня – это пенсионеры и дети. Это аудитория, которой физически тяжело не спать ночью, да и какой смысл проводить мероприятия ночью, если все тоже самое можно сделать и днем? Если мы рассчитываем привлечь в библиотеку во время акции нечитающих подростков, молодежь и работающих граждан среднего возраста, то разве придут они, нечитающие и не интересующиеся книгой люди, на встречу с писателем, на обсуждение литературы? Конечно, нет! Их можно заинтересовать только активным досугом (игры, мастер-классы, спектакли, концерты, встречи с интересными для этой аудитории деятелями культуры).

Сегодня интерес к чтению, книге, библиотеке падает. И перед библиотеками стоят не только высокие задачи просветительной миссии и кураторства цифровой грамотности, но и задача по обеспечению присутствия людей на территории библиотек. Цифры посещаемости, которые должны выполнять публичные библиотеки в рамках государственного задания, огромны. Поэтому необходимо идти на различные ухищрения, чтобы помещения библиотек не пустовали.

Да, действительно, «организация и проведение „библионочей“ весьма трудоемкое и затратное мероприятие»⁵. При отсутствии финансирования, для того чтобы составить программу, способную заинтересовать аудиторию, нужно обладать недюжинным организаторским талантом и крепкими дружескими связями в творческой среде.

В 2018 г. Московский институт социально-культурных программ провел исследование «Библионочи-2018», дав оценку эффективности акции⁶. Исследование проводилось в 13 библиотеках Москвы. Опрос был организован Центральной универсальной научной библиотекой имени Н. А. Некрасова. В результате было собрано 635 анкет. «Почти 70% респондентов отметили, что благодаря акции у них появилось желание посещать библиотеки чаще»⁷, но в то же время «каждый пятый участник акции не записан и не планирует (!) записаться в библиотеки после посещения акции»⁸. К сожалению, результаты исследования показывают, что Библионочь «пока слабо способствует цели публичных библиотек – продвигать литературу и чте-

ние», так как «более половины посетителей не получили на акции знаний из области литературы и не взяли книг на дом»⁹.

С другой стороны, 53% респондентов не были в библиотеках последние полгода, и именно «Библионочь» стала причиной для визита туда. Среди опрошенных 44% впервые посетили конкретную библиотеку на «Библионочи» 2018 года¹⁰. Какова бы ни была цель посещения библиотеки, главное, чтобы посетители туда приходили. И в этом «Библионочь» играет свою посильную роль.

Моден ли на сегодняшний день бренд «Библионочь»? В первые годы он, действительно, заинтересовывал публику своей новизной. За годы проведения акции библиотеками разных уровней было перепробовано огромное количество форматов мероприятий, способов организации. Нестандартным осталось только время – ночь. Все формы мероприятий «Библионочи» библиотеками успешно используются и в обычное дневное время работы. Наблюдение за проведением акции из эпицентра событий на протяжении нескольких лет позволяет отметить, что интерес к ней у читателей снижается, а качество организуемых мероприятий не растет, поскольку одного лишь энтузиазма сотрудников недостаточно для успешного осуществления поставленной задачи. По нашему мнению, для достижения качественного результата и устойчивой положительной репутации акция «Библионочь» должна выйти на новый уровень государственного финансирования и перестать быть акцией энтузиастов. Более верным направлением будет сокращение количества в пользу качества. Нет необходимости привлекать к участию как можно больше библиотек. Более целесообразным будет проводить конкурсный отбор проектов для акции.

В процессе подготовки акции «Библионочь–2020» Российская библиотечная ассоциация провела опрос о ключевой теме акции, и 47% респондентов из 5432 выбрали тему «Память нашей Победы» (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне)¹¹. Напрашивается вопрос – зачем дублировать запланированные мероприятия празднования Победы 9 мая? Мы все чтим память Победы, но как соотносить с этой темой ночные, и зачастую развлекательные мероприятия «Библионочи»? Не устанут ли наши посетители слушать и говорить о войне? Тем не менее, тема памяти нашей Победы победила заявленные ранее темы: к 125-летию со дня рождения С. А. Есенина, «Это Фантастика!», «Сверхреальность» (предложена ЦГПБ им. В. В. Маяковского) и др. Перед библиотеками стоит трудная задача проведения Библионочи на тему «Памяти нашей Победы» в 2020 г., который объявлен Указом президента РФ Годом памяти и славы в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тема патриотизма –

это сложная тема для Библионочи. Но творческие библиотекари, и с ней, можно быть уверенным, справятся.

«Библионочь» интересный и нужный библиотекам бренд, способный привлечь посетителей (нечитателей) в библиотеки. Однако он нуждается в достойном финансировании и режиссуре для того, чтобы превратиться из библиотечной самодеятельности в высокопрофессиональное событие культурной жизни страны.

Примечания

¹ Ванеев А. Н. «Библионочь» – что это? // Библиосфера. 2015. № 2. С. 95–97.

² Библионочь. URL: <https://web.archive.org/web/20161226225417/http://biblionoch.ru/about/biblionoch12/index.php> (дата обращения 29.02.2020).

³ Годовой отчет – 2019 Министерства культуры РФ. URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/index.php> (дата обращения 29.02.2020).

⁴ Ванеев А. Н. «Библионочь» – что это? С. 96.

⁵ Ванеев А. Н. «Библионочь» – что это? С. 95.

⁶ Библионочь-2018. Оценка эффективности акции. URL: <http://miscp.ru/assets/docs/biblionight-2018.pdf> (дата обращения 09.03.2020).

⁷ Библионочь-2018. Оценка эффективности... С. 17.

⁸ Библионочь-2018. Оценка эффективности... С. 17.

⁹ Библионочь-2018. Оценка эффективности... С. 17.

¹⁰ Библионочь-2018. Оценка эффективности... С. 17.

¹¹ Опрос о теме Всероссийской акции «Библионочь-2020». URL: <http://www.rba.ru/activities/oprosy/opros-o-teme-vserossiyskoy-aktsii-biblionoch-2020/> (дата обращения 09.03.2020).

Н. Н. Волкова

Как феномен социальных медиа и цифровой контент меняют философию и технологию продвижения книги и чтения в библиотечной практике

Предпринята попытка ответить на актуальный вопрос: как в условиях виртуального медийного пространства меняется одна из фундаментальных функций библиотеки – продвижение книги, сопровождение чтения. Как меняется контент, способы и формы его представления в обстоятельствах, когда читатель это – интернет-пользователь, а практика чтения становится практикой потребления информации в цифровом виде. Рассматриваются успешные кейсы, технологические и методологические решения и подходы.

Ключевые слова: цифровизация, социальные медиа, контент, чтение в цифровую эпоху

Natalia N. Volkova

How the phenomenon of social media and digital content are changing the philosophy and technology of promoting reading books in library practice

An attempt was made to answer an urgent question: how, in the context of virtual media space, one of the fundamental functions of the library is changing – book promotion, reading support. How does the content, methods and forms of its provision change in circumstances where the reader is an Internet user, and the practice of reading becomes the practice of consuming information in digital form. Successful cases, technological and methodological solutions and approaches are considered.

Keywords: digitalization, social media, content, reading in the digital age

Сегодня уже ясно: феноменальная доступность информации – то, что в условиях революционных технологических перемен осознавалось современной библиотекой как вызов и угроза – таит в себе и реальный шанс для нее.

Объем генерируемой человечеством информации стал совершенно немыслимым, большим, чем люди могут потребить и усвоить, и роль специалистов, которые могут взять на себя роль информационного фильтра, постоянно возрастает. Не поиск информации, но ее толкование, отбор – вот что важно для современного читателя!

Нил Гейман, английский писатель-фантаст в своей выдающейся лекции «Почему наше будущее зависит от библиотек, чтения и фантазии» подчеркивает: «Я думаю, что тут все дело в природе информации. Информация имеет цену, а правильная информация бесценна... В последние годы мы отошли от нехватки информации и подошли к перенасыщению ею. Согласно экспертам из Google, теперь каждые два дня человеческая раса создает столько информации, сколько мы производили от начала нашей цивилизации до 2003 года. Это что-то около пяти

эксабайтов информации в день, если вылюбите цифры. Сейчас задача состоит не в том, чтобы найти редкий цветок в пустыне, а в том, чтобы разыскать конкретное растение в джунглях. Нам нужна помощь в навигации, чтобы найти среди этой информации то, что нам действительно нужно...»¹.

Ему вторит Дэниел Левитин, ученый-нейробиолог и автор книги «Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки». Он считает, что человек – самый успешный биологический вид, обитающий на нашей планете. «Этим успехом мы в значительной мере обязаны нашим когнитивным способностям, то есть гибкости ума и его умению эффективно обрабатывать информацию. На протяжении тысяч лет эволюция человека происходила в гораздо менее многофакторной среде и при намного более слабой информационной нагрузке. В нынешней реальности наши фильтры внимания то и дело перегружаются. Успешные люди – и все, кому позволяют средства, – нанимают целый штат сотрудников, выполняющих функцию внешних фильтров внимания...»².

Но рядовые люди тоже нуждаются в подобных услугах! Оказывать их населению могут и должны библиотечные специалисты. Для этого у них уже есть важнейшие компетенции: они хорошо ориентируются в многообразии информационных ресурсов, владеют методами отбора, анализа и синтеза информации.

То есть, даже в постпечатном мире одна из фундаментальных функций библиотеки остается востребованной: навигация в информационном потоке, профессиональное сопровождение чтения, экспертная оценка и проверка фактической и фактографической достоверности... А вот способы и формы осуществления этой функции, технологические решения, и даже коммуникационную среду, в которой эта деятельность должна осуществляться, библиотеке необходимо менять – и очень быстро!

Это обусловлено, прежде всего, тем, что у современного читателя отпала необходимость физического посещения библиотеки для поиска и получения информации. Киберпространство и тотальная цифровизация стерли границы между виртуальным и сущим миром, и вообще – стерли границы и уничтожили расстояния. Именно поэтому часть своих базовых функций библиотека должна выполнять в виртуальном пространстве, в том числе, в пространстве социальных медиа.

Данная статья – своеобразный дайджест, выборка. Попытка зафиксировать и одновременно осмыслить некоторые успешные кейсы, технологические и творческие решения российских и зарубежных коллег в поддержку книги и чтения – для ориентира и в надежде понять, в каком направлении двигаться дальше. В фокус обзора попали также диджитал тренды, возникающие в IT-сфере, музейном деле, маркетинге, рекламе, журналистике... Креативные практики и инсайты специалистов этих отраслей, особенно те, что воплощаются в пространстве социальных

медиа, могут и должны быть переосмыслены и взяты на вооружение библиотечным сообществом для выполнения своих специфических функций.

В формате социальных медиа

Почему сегодня социальные сети так важны для библиотек и других учреждений культуры? Потому что это едва ли не главный канал продвижения вообще чего-либо в современном мире: не только товаров и услуг, но и идей, знаний, теорий. ... Именно там находится практически вся целевая аудитория библиотек, и, значит, именно там библиотеки должны выстраивать с этой аудиторией взаимоотношения, получать быструю и ценнейшую обратную связь, осуществлять свою гуманистическую и просветительскую миссию, в том числе, по продвижению книги и чтения.

Надо сказать, что уже есть немало примеров, когда библиотеки очень умело и изобретательно используют специфические возможности соцсетей – их технологии, инструменты, форматы. ...

Например, Краснодарская муниципальная молодежная библиотека им. Н. А. Островского к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне решила рассказать о книге знаменитой летчицы Натальи Кравцовой «От заката до рассвета». Но рассказать так, таким языком, в такой стилистике, чтобы даже нынешним молодым людям стали понятны и близки события тех далеких военных лет. Для этого в Инстаграме был зарегистрирован аккаунт @nebo_meklin, который велся от лица юной Натальи Кравцовой (Меклин) – обычной девушки, которая только-только вступает во взрослую жизнь. Как и принято в Инстаграме, в публикациях она рассказывала о своих буднях, учебе, планах, размещала фотографии, публиковала сторис... На долю девушки и ее подруг – летчиц легендарного полка ночных бомбардировщиков под командованием Евдокии Бершанской – выпало немало испытаний и подвигов, о которых Наташа рассказывала, как очевидец, от первого лица. Это вызывало у подписчиков чувство доверия и сопричастности, помогало видеть в ней не просто книжную героиню, но живого человека. Это чувствовалось и по комментариям: читатели поздравляли хозяйку аккаунта с днем рождения, задавали вопросы, волновались, делились с ней своими мыслями.

Можно уверенно сказать, что эта замечательная мистификация пробудила у пользователей самые благородные чувства и заставила не только прочитать или перечитать книгу, но и обратиться к другим краеведческим материалам.

Феноменальный книжный тег

В борьбе за внимание аудитории библиотекам приходится проявлять изобретательность, выжимать максимум из особенностей виртуальных площадок, на которых они работают. Иногда с ошеломительным успехом «выстреливает» самая простая идея.

Доподлинно неизвестно, кто первый сделал публикацию с хештегом #book-facefriday. Но новую – небывалую! – жизнь эта виртуальная затея, главным дей-

ствующим персонажем которой является книга, получила 29 августа 2014 г. Именно этот день Публичная библиотека Нью-Йорка, которая искала новую идею для своей пятничной рубрики, опубликовала первый bookface. Ирония состоит в том, что это был крайне неудачный опыт! В теле поста так и написано: «...я думаю, что эта штука какая-то жуткая, но идея понятна, да?». Идея была понятна, и она была восхитительна! На первый взгляд простая в исполнении, не требующая никакого дополнительного технического оборудования, никаких специальных навыков, она давала людям возможность создавать своеобразную дополненную реальность, проявлять свою креативность, наблюдательность и чувство юмора. При этом в центре восхищенного внимания была печатная книга!

За шесть лет эта инициатива превратилась в настоящее движение, к нему присоединились тысячи библиотек, книжных магазинов и обычных пользователей по всему миру. Важно подчеркнуть, что найти для инсталляции подходящую книгу не так-то просто, что само по себе ведет к более подробному знакомству с книжными фондами, способствует появлению новых читательских интересов и потребностей. Своеобразным вкладом российских библиотек в развитие этой практики можно считать наличие в постах сопроводительных аннотаций: стремление не просто интересно показать книгу, но и коротко рассказать о ней.

Не только текст, но и контекст!

В цифровом мире, с его информационным изобилием, возможностями тиражирования и моментального распространения, формы и способы подачи материала быстро устаревают и превращаются в рутину.

Сегодня для того, чтобы привлечь внимание к книге, уже недостаточно сфотографировать ее обложку (пусть даже и эффектно!) и поведать (пусть даже и интересно!) о ее содержании. Приходится искать все новые и новые ракурсы освещения и толкования литературоведческой информации, присоединять к ней дополнительные смыслы, искать точки пересечения с другими сферами культурного бытования человека.

В этом смысле удачным опытом стали публикации в Инстаграм-аккаунте Краснодарской краевой УНБ им. А. С. Пушкина, объединенные хештегом #Пушкинка_подорожники. Это серия постов, в которых сотрудники библиотеки делятся впечатлениями о своих реальных путешествиях, связанных так или иначе с литературой или краеведением. Например, рассказывают о своем пребывании в городе, в котором родился тот или иной писатель, предлагают маршруты с любимой книгой в руках, показывают места и улицы, по которым ходили полюбившиеся книжные герои... Пятигорск, в котором все дышит Лермонтовым. Кисловодск, в котором родился нобелевский лауреат Александр Солженицын. Репортажи из Таганрога, откуда родом Антон Павлович Чехов, и откуда родом многие его наблюдения, жизненные впечатления и герои. Крымская Балаклава –

загадочная, просоленная, оваянная мифами о встрече Одиссея с листригонами и описанная Александром Куприным. И так далее...

Почему такие короткие заметки и зарисовки имеют успех и представляются идеальным способом популяризации библиотечных фондов пробуждения интереса к чтению?

Потому что это своеобразная неявная (нативная) реклама, сотканная из эмоций и впечатлений, воздействующая не «в лоб», а опосредовано. Этот прием, кстати, широко используется в маркетинге. Широко известны примеры, когда компания, продающая матрасы, продвигает свой бренд, рассказывая не о матрасах, а о снах; а знаменитая пивоваренная компания рассказывает не о свойствах напитка, а создает «Путеводитель по устрицам» и т.д.

В этом приеме сочетаются и другие яркие тренды последних лет: персонификация информации, сторителлинг и так называемый тревел-блогинг. Люди любят, когда другие люди рассказывают истории, делятся впечатлениями о поездках. Кто-то находит в этом идею для следующего своего путешествия, кто-то – повод перечитать книгу, познакомиться с творчеством писателя, вовлечь в круг этого интереса детей...

Продвижение книги и чтения через личный бренд

Пришло время информационного пресыщения; традиционные приемы продвижения товаров, услуг, идей вызывают у людей неприятие и раздражение; потребители предпочитают верить конкретному человеку или группе людей, а не рекламе или официальной информации. Самый короткий путь – от человека к человеку! Именно поэтому все чаще руководители стали всячески содействовать развитию персональных брендов своих сотрудников, поощрять ведение их личных аккаунтов в социальных сетях и использовать их и для продвижения собственно корпоративной страницы, и как дополнительный канал влияния и убеждения.

Актуально это и для библиотечной отрасли – в числе тех отраслей, компаний, брендов, которым приходится соперничать с многочисленными конкурентами за внимание пользователей. Это помогает выделяться на фоне постоянного информационного шума, раскрываться по-новому, вызывать больше симпатии. Особенно уместным и эффективным это может быть как раз для продвижения книги и чтения. Ведь рекомендация, совет, отзыв человека уважаемого, популярного, лично чем-то интересного, вызывает доверие. И говорить о прочитанном (то есть о своих чувствах, эмоциях, переживаниях) привычнее, удобнее с живым человеком, а не с абстрактной организацией или учреждением.

Этот кейс обсуждался, например, на IX НЕконференции библиотечных блогеров Иркутской областной универсальной научной библиотеки им. Молчанова-Сибирского. Импульсную лекцию «Личный бренд в продвижении библиотеки»³ провела, опираясь на собственный профессиональный и медийный опыт, заместитель директора по социокультурной деятельности СОУНБ им. В. Г. Белинского Е. С. Гармс.

В ходе лекции обсуждалось, какими личностными характеристиками должен обладать брендовый библиотекарь (быть харизматичным, иметь собственный авторский голос и безупречную репутацию, разделять политику своего учреждения, быть онлайн-адвокатом своей библиотеки и т. д.); какие цели должен преследовать (главная – привести людей в библиотеку); на какие темы прежде всего писать (обязательно – книги и чтение); как работать с лидерами мнения, не работающими в библиотеке и т. д.

Подкасты

Еще один актуальный медиа-сегмент, который переживает настоящий бум – это подкасты. Подкасты – это аудиопрограммы, которые слушают через специальные приложения, имеющие все признаки социальных сетей: можно подписаться на обновления популярных подкастеров, можно оставлять комментарии и т. д. Это похоже на Youtube, только аудио. Свою подкаст-площадку уже внедрили «ВКонтакте» и «Яндекс.Музыка».

Жанровое разнообразие подкастов не ограничивается ни формой подачи (бывают разговорные, документальные и художественные), ни темами (они могут быть вообще какие угодно, в том числе, связанные с кругом чтения, популяризацией хорошей литературы). Очень часто подкасты – это просто специально смонтированные интервью или разговор нескольких человек в студии.

Подкасты полномасштабно и давно используются бизнесом. Последнее время и библиотеки стали активно создавать свои подкаст-каналы.

Вот только два, заряжающих оптимизмом примера:

подкаст Российской государственной библиотеки для молодежи «Аудитория». «Один-два раза в месяц главный редактор подкаста приглашает в студию гостей (литераторов, музыкантов, художников, историков и т. д.) «на разговор». В часовой программе ведущий и его гости обсуждают актуальные темы современной культурной жизни в диапазоне от литературы до молодежных субкультур, и погружаются в историю – кино, книги, музыки»⁴

подкаст Центральной городской публичной библиотеки им. Н. А. Некрасова «На дом не выдается»: фрагменты и короткие литературные произведения из оцифрованных фондов Библиотеки им. Н. А. Некрасова. «Мы говорим о культуре – предлагаем узнать неизвестные факты о биографии и интересное из мира кино и искусств. Обо всем этом и о многом другом рассказывают ученые, журналисты, писатели и критики»⁵.

Почему библиотеки создают подобные проекты? Какие возможности они в них видят?

Подкасты – это не просто возможность зацепиться за читательский интерес, но шанс библиотеки продемонстрировать себя с неожиданной стороны: сделать так, чтобы люди услышали, как звучат голоса специалистов, которые в ней работают, узнать, что их волнует, чем им хочется поделиться.

Подкасты помогают библиотекам быть ближе к своей целевой аудитории, которая: а) уже устала от привычных рекламных и информационных форматов; б) давно потребляет контент преимущественно с помощью мобильных устройств (в том числе, через наушники и CarPlay).

И, наконец, создание подкастов – это довольно дешевая технология, не требующая сложного и дорогостоящего оборудования и специфических навыков.

Мультиформатность и интерактивность

Цифровая среда, в которой живет современный читатель, напрямую влияет на способы восприятия текста и на появление новых читательских привычек. Например, таких, как склонность к пролистыванию и «сканированию» текста, тяготение к привлекательной визуализации, наглядности материала. Специалисты, которые занимается продвижением чтения, не могут не учитывать эти процессы: главный ресурс, за который им приходится бороться – это внимание аудитории. Это обстоятельство заставляет менять все: и способы подачи материалов, и в некотором смысле даже философию предъявления этих материалов.

Современный коммуникационный ландшафт характеризуется следующими свойствами:

- мультимедийностью (выигрывает тот материал, где органично сочетается текст, аудио, видео, графика, фотография, анимация);
- интерактивностью (пользователь становится частью коммуникационного процесса; он не только потребляет контент, но имеет возможность реагировать на него, давать ему оценку, становиться соавтором, генерировать в ответ свой контент – участвовать в конкурсах, флешмобах и челленджах).

В этом смысле удачным кажется пример Государственной библиотеки штата Новый Южный Уэльс (Австралия), которая вместе со своими партнерами (библиотеками из Австралии, Сингапура, Великобритании) в июле 2018 г. создала проект Gothic Story Jam, посвященный 200-летию юбилею публикации «Франкенштейна» Мэри Шелли и дню рождения Эмили Бронте.

Смысл проекта – не просто рассказать о литературе в жанре готического романа и посоветовать, что читать поклонникам этого жанра, но вовлечь читателей в творчество, вдохновить читателей на создание интерактивных готических рассказов.

Для этого страница проекта в сети⁶ предлагает пользователям множество возможностей. И «теоретическую базу»: ссылку на список книг на крупнейшем рекомендательном сервисе GoodRead; прямую ссылку на информационные литературоведческие материалы на сайте Британской библиотеки. И «расходные материалы»: изображения из аккаунта Британской библиотеки на Flickr, которые можно использовать, не боясь нарушить авторские права, набор атмосферных звуковых файлов Британской библиотеки, хранящиеся на платформе Soundcloud, которые доступны для использования. И форум – место, где участники проекта могут общаться. И площадку, на которой пользователи могут разместить результаты

своего творчества: прошло уже два года, а на сайте до сих пор можно рассмотреть все 46 интерактивных готических цифровых историй (чаще всего это игры, анимация, созданные в романтическом антураже готического романа). И возможность продвигать свое творчество в социальных сетях: запущен хештег #GothNovJam.

Этот проект кажется таким удачным, потому что продвижение книги и чтения замыкается в нем на пользователе, который в ходе проекта трансформируется из потребителя готовой информации в ее создателя – он имеет возможность выбирать, искать (в том числе познавательную или литературоведческую информацию), коммуницировать и, самое главное, проявлять свои творческие наклонности: сочинять, придумывать, снимать, создавать современные цифровые продукты.

В заключение стоит сказать, что интернет и тотальная цифровизация изменили все вокруг, в том числе схему, сценарий осуществления одной из важнейших социальных функций библиотеки – сопровождение чтения, популяризацию книги. Для успешного выполнения этой миссии современной библиотеке необходимо вписаться в существующий коммуникационный ландшафт, найти свое место в перенасыщенной информационной среде. Контент, популяризирующий книгу и чтение, в наши дни должен быть:

- цифровым (размещенным на актуальных веб-площадках);
- мультимедийным (современным, технологичным, интересным для восприятия);
- персонализированным (доверие и внимание – важнейшие ресурсы, за которые идет борьба);
- интерактивным, вовлекающим (превращающим потребителя контента в активного участника творческого процесса).

В целом, уже понятно: глобальная цифровизация – это не конец света для современной библиотеки, а новый виток в развитии.

Примечания

¹ Gaiman lecture in full: Reading and obligation // The reading agency. URL: <https://readingagency.org.uk/news/blog/neil-gaiman-lecture-in-full.html> (дата обращения 08.11.2020).

² Левитин Д. Организованный ум: как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки / Д. Левитин; пер. с англ. Н. Брагиной, Т. Землеруб. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 31.

³ Импульсная лекция «Личный бренд в продвижении библиотеки»: видеозапись прямого эфира: 9 окт. 2019 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SmQT_bw8X2g (дата обращения 08.11.2020).

⁴ Аудитория: подкаст / Российская государственная библиотека для молодежи. URL: <https://podcast.rgub.ru/> (дата обращения 08.11.2020).

⁵ На дом не выдается : подкаст / Центральная городская публичная библиотека имени Н. А. Некрасова. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/courses/63> (дата обращения 04.11.2020).

⁶ Gothic Novel Jam: проект. URL: <https://itch.io/jam/gothic-novel-jam> (дата обращения 08.11.2020).

М. В. Кустова

**Библиотечная «цензура вкуса»: взгляд современного библиотекаря
13 лет спустя (по результатам социологического исследования)**

Библиотечная цензура чтения – один из вопросов профессиональной библиотечной этики. Проблема кроется в профессиональном сознании библиотекаря. Автоконцепция данной социально-профессиональной группы подразумевает, что библиотекарь способен осуществлять некую «цензуру вкуса». Первое социологическое исследование данной проблематики было проведено в 2006 г.; в 2019 г. оно было повторено по той же методике.

Ключевые слова: цензура чтения, библиотеки, автоконцепция, социологическое исследование.

Marya V. Kustova

**Library censorship of literary taste: present-day librarian's opinion 13 year later
(in view of the results of social research)**

Library censorship of literary taste – is one of the interesting question of professional Library ethic. The problem is librarian's self-identity. Self-conception of this social and professional group implicates that present-day librarian is well positioned to be the censor of literary taste of readers. The first research of this problem took place in 2006. In 2019, it was repeated with the same methods.

Keywords: censorship of reading, libraries, auto-conception, sociological research.

Проблемы профессиональной этики библиотекаря всегда интересовали библиотечное сообщество. Один из интереснейших вопросов этой проблематики – библиотечная цензура чтения.

Исторические основы централизованного управления содержанием чтения в России были заложены в XIX в., когда правовое регулирование открытия библиотек и их деятельности развивалось в рамках цензурных уложений¹. В XIX в. при крупных библиотеках создавались Секретные отделения для хранения запрещенных книг и рукописей, в XX в. их сменили спецхраны. Комплектование библиотеки и вся ее работа осуществлялись в соответствии с государственной идеологией.

Интересной чертой профессионального сознания библиотекаря является то, что он никогда не считал себя просто «выдавателем» книг. Библиотекарь традиционно рассматривается как высокоинтеллектуальная личность, способная оказывать специфическое влияние на чтение посетителей библиотек. Взгляд на библиотекарей как «апостолов культуры» по сути является автоконцепцией этой профессиональной группы². В открытом обществе при отсутствии государственной цензуры возникает проблема

«цензуры вкуса» библиотекарей, которую они вольно или невольно пытаются осуществлять в своей профессиональной деятельности³.

В 2006 г. в ходе исследования «Досуговое чтение библиотекаря как средство его профессионального и личностного становления и развития»⁴ проблема библиотечной цензуры была затронута⁵; в 2019 г. исследование по той же методике было воспроизведено вновь, что дает возможность увидеть изменения, произошедшие за 13 лет не только в картине чтения библиотекаря, но и в его профессиональном сознании в целом.

Для того, чтобы выяснить отношение библиотекарей к этому явлению, им был задан вопрос: «Как Вы считаете, существуют ли такие художественные произведения, от знакомства с которыми читателя нужно оградить?»

В ходе обоих исследований этот вопрос вызывал затруднения у большого количества респондентов. Если в 2006 г. ответ не дали 17% опрошенных, то в 2019 г. – уже 54%. Уменьшилось число тех, кто считает, что таких произведений нет: если в 2006 г. так считал 21% респондентов, то в 2019 г. – всего 13%.

Стоит отметить, что сегодняшние библиотекари в целом менее охотно обсуждали эту тему. Если в 2006 г. формулировки ответов отличались разнообразием («нет, человек свободен и должен сам дойти до оценки любого произведения»; «я за свободу выбора читателя, не считаю возможным вторгаться в столь личное дело»; «чтение – это личное дело человека и у каждого есть свои пристрастия, интересы»; «считаю это некорректным»; «от чтения книг вреда не бывает»; «читателя нельзя ограждать от выбора. Он должен сам решить, что ему читать»; «я думаю, что каждый читатель вправе прочитать любую книгу. Если книга ему не интересна, он сам откажется от нее»; «считаю, что человек имеет право читать то, что ему хочется» и т. д.⁶), то в 2019 г. лишь несколько респондентов поделились развернутым мнением об обсуждаемой проблеме. В частности, было высказано мнение о том, что «должны быть возрастные и эмоциональные ограничения». Один из респондентов, подтверждая наш тезис о склонности библиотекаря к цензуре вкуса, отметил, что у библиотекаря должен быть «индивидуальный подход» к каждому читателю, «знание особенностей читателя», который позволит этого читателя от ненужной ему литературы ограждать.

Как и в 2006 г., так и в 2019 г. большинство библиотекарей ответили утвердительно. 74% респондентов⁷ уверены, что читателя необходимо ограждать от ряда художественных произведений. Если в 2006 г. четверть респондентов, находивших библиотечную цензуру необходимой, подразумевала детскую читательскую аудиторию, то в 2019 г. о детях и подростках упомянули лишь 5% опрошенных.

Большинство же библиотекарей считают, что в ограждении от «вредных книг» нуждаются все читатели. Например, в 2006 г. был такой ответ:

«Обязательно. Неподготовленный читатель может неадекватно оценить даже произведения классиков, например, „Декамерон“ Боккаччо»⁸.

Библиотекарей попросили привести примеры той литературы, от которой, по их мнению, надо оградить читателей. В 2006 г. библиотекари хотели бы наложить вето на три области: секс (20%), насилие (34%), расовые и религиозные меньшинства 91%. В 2019 г. к ним добавились наркотики (15%) и экстремизм (17%).

В качестве примера можно привести такие ответы: «книги, где много жестокости, насилия, порнографии», «все, что связано с насилием», «необходимо оградить читателей от книг, содержащих эротические фантазии», «книги, в которых затрагиваются национальные вопросы», «книги, содержащие пропаганду наркотиков», «экстремистская литература и книги, в которых присутствует расовая нетерпимость и нацизм».

Кроме того, по мнению библиотекарей, читателей надо ограждать от произведений с нецензурной лексикой. В 2006 г. так считали 2,5% опрошенных, в 2019 г. – 13%.

Библиотекари также предъявляют высокие требования к содержательным и стилистическим характеристикам художественных произведений. Встречались такие ответы: «от произведений, написанных топорным языком», «написанных плохим литературным языком», «от произведений, содержащих много негатива, потому что в книге должна быть надежда, как свет в конце тоннеля».

Существенным отличием исследования 2019 г. от исследования 2006 г. стало практически полное отсутствие нападок на популярную литературу. Если в 2006 г. 15% респондентов были уверены, что необходимо оградить читателя от боевиков, детективов, киноманов, «псевдоисторических» романов комиксов, мистики и ужасов, то в 2019 г. только один (!) респондент высказался, что произведения вышеперечисленных жанров «разрушают» голову.

Как и в 2006 г., так и в нынешнем исследовании очень немногие библиотекари назвали конкретных авторов и конкретные произведения. Вполне предсказуемо в обоих исследованиях была упомянута «Майн кампф» А. Гитлера. Вновь были названы произведения Э. Лимонова, В. Сорокина и В. Пелевина.

В 2006 г. в список «неудобных» книг библиотекари включили произведения И. Денежкиной («Нацбест»), В. Ерофеева («Москва-Петушки»), В. Пьецуха, Т. Толстой, Л. Улицкой, С. Кинга, С. Лукьяненко. На это раз в список «недопустимых» попали «Пятьдесят оттенков серого» Э. Л. Джеймс, «Никто» А. Лиханова, «Момент» Д. Кеннеди и (довольно неожиданно) «произведения Солженицына». Если первая книга попала в разряд «недопустимых» по очевидной причине содержания эротики, то о трех остальных произведениях сказать

сложнее. Возможно, причина в «тяжелом» содержании (напомним, что респонденты упоминали о том, что читателя надо ограждать от «негатива»).

Полученные результаты свидетельствуют об определенных изменениях в профессиональном сознании библиотекаря, произошедших за тринадцать лет. Среди респондентов не было тех, кто отнес бы к «неудобным» целые жанры и направления литературы, возникшие, существующие и развивающиеся в силу потребности в них читателей. Большинство библиотекарей по-прежнему охотно берет на себя функции цензоров и, осуществляя «цензуру вкуса», руководствуется личными вкусами и пристрастиями. При этом позиции библиотекарей по отношению к читательским предпочтениям в области популярной литературы определенно смягчились, хотя и трудно сделать вывод, принимают ли библиотекари в расчет особенности литературного и культурно-исторического процессов, специфику формирования читательских предпочтений.

Проблема библиотечной цензуры не имеет, по-видимому, однозначного решения, но этот вопрос без сомнения требует пристального внимания в ракурсе формирования профессионального сознания библиотекаря.

Примечания

¹ Трушина И. А. Цензура в библиотеках: старая проблема в новых условиях / И. А. Трушина // Библиотековедение. 2004. №1. С. 30–34.

² Кустова М. В. Библиотекари: «апостолы» культуры или эксперты читательских предпочтений / М. В. Кустова // Библиотечное дело-2005: Деятельность библиотек и развитие информационной культуры общества: материалы X Международной научной конференции, 20–22 апреля, Москва / МГУКИ. М., 2005. С. 223–227.

³ Равинский Д. К. Библиотеки и цензура: Дилеммы профессиональной публицистики / Д. К. Равинский // Библиотечные фонды в контексте современного библиотековедения. СПб., 1995. С.91–98; Равинский, Д. К. «Вредная» литература – доступность или закрытость? Трудности библиотекарей свободного общества / Д. К. Равинский // Библиотечное дело. 2003. № 5. С. 31–33.

⁴ В исследовании приняли участие 324 библиотекаря из городов и районов Челябинской области. В состав выборки вошли респонденты, различающиеся по возрасту, образованию, специализации, стажу работы, семейному положению.

⁵ Библиотечная «цензура вкуса»: взгляд современного библиотекаря : по результатам социол. исследования / М. В. Кустова // Культура и коммуникация: сб. материалов II Междунар. заоч. конф.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. колл.: Г. В. Абросимова [и др.]. Челябинск: ЧГАКИ, 2006. Ч. 1. С. 200–203.

⁶ Библиотечная «цензура вкуса»: взгляд... С. 202.

⁷ В 2006 г. – 60,5% респондентов.

⁸ Библиотечная «цензура вкуса»: взгляд... С. 202.

Н. С. Беляев

Проблемы изучения истории библиотеки Пушкинского Дома

Изучение истории библиотеки Института русской литературы РАН – одна из важных проблем отечественного библиотековедения. Методика исследования этой проблемы представляет определенный интерес для специалистов. В качестве приложения к статье даны воспоминания об известном русском библиотековед А. Н. Ванееве.

Ключевые слова: история библиотек, Библиотека Пушкинского Дома, библиотековедение.

Nikolai S. Belyaev

The problems of the studying of the history of The Library of The Pushkin House

The studying of the history of the library of The Institute of russian literature of RAS is one of the most important problems of the russian library science. The methods of the studying of this problem are of the particular interest to specialists. As The Appendix by the article, the author gives the own memoirs about the famous russian scientist A. N. Vaneyev.

Keywords: The history of libraries, The Library of The Pushkin House, the library science.

История библиотеки Пушкинского Дома неразрывно связана с возникновением и развитием Института русской литературы (ИРЛИ) Российской академии наук (РАН). На протяжении более чем ста лет она осуществляет свою деятельность, ориентируясь на те цели и задачи, которые ставит перед Институтом филологическая наука. Изучение истории библиотеки позволяет не только восстановить ее малоизвестные страницы, но и создает серьезный базис для совершенствования библиотечно-библиографических процессов, в ней происходящих.

В ходе работы над монографией по истории библиотеки Пушкинского Дома (официальное современное название библиотеки – Отдел Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом)) пришлось решить целый ряд проблем методического и практического характера. Первоначально следовало выделить периоды развития библиотеки, для этого было необходимо принять во внимание целый ряд важных моментов, учитывая исторический путь, пройденный ИРЛИ и БАН (поскольку библиотека поочередно юридически принадлежала этим учреждениям), а также, безусловно, и главные события истории России, СССР, РФ, используя при этом официальные документы – Уставы БАН и ИРЛИ, Положения о библиотеке ИРЛИ, инструкции и другие материалы.

Таким образом, объективно в истории библиотеки ИРЛИ можно выделить три периода развития: первый – 1906–1930 гг. (связан с приобрете-

нием личного собрания А. С. Пушкина, положившего основу ее фонда, и существованием библиотеки в составе Пушкинского Дома), второй – 1930–1991 гг. (определен реорганизацией Пушкинского Дома в Институт новой русской литературы и передачей библиотеки в ведение БАН в связи с созданием сети академических библиотек), третий – 1992–2016 гг. (продиктован существованием библиотеки в новых политических, экономических и социокультурных реалиях современной России).

После определения периодизации истории библиотеки ИРЛИ были сформированы главы монографии, включавшие каждый отдельный период, разделы которых раскрывали основные виды ее деятельности – комплектование, каталогизацию, учет и хранение фондов, формы библиотечно-библиографического обслуживания читателей, научную и библиографическую работу, и общее заключение. Статистические сведения о деятельности библиотеки приводятся внутри текста глав. При создании контента каждого раздела необходимо было придерживаться нескольких принципов: 1) достоверности информации, 2) объективности подачи материала, 3) использования только тех сведений или источников, которые положительно или отрицательно повлияли на судьбу библиотеки («принцип Ванеева»), во избежание засорения книги «информационным шумом». Кроме того, фактическая составляющая монографии сопровождалась обязательным аналитическим обоснованием. Все разделы глав по своему объему должны были быть «пропорциональны» насколько это позволяло, конечно, материал. Специалистам хорошо известно, что при изучении истории отдельных библиотек, как правило, встречается довольно много материала, связанного с вопросами формирования фонда (поскольку документы строгой отчетности – инвентарные книги, акты, и др. хранятся более бережно и надежно), однако, другие направления деятельности библиотек – каталоги, обслуживание читателей, библиографическая работа, научная работа и т. д. освещены в архивной документации далеко не всегда исчерпывающе. В силу этого обстоятельства потребовалось немало усилий на поиск необходимой информации для того, чтобы создать полноценную и достоверную картину работы библиотеки.

Источниковедческой базой для настоящего исследования послужили как опубликованные материалы, так и документы, находящиеся в различных архивохранилищах – в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПФ АРАН), Рукописном отделе ИРЛИ РАН (РО ИРЛИ РАН), Архиве Библиотеки Академии наук (Арх. БАН), Российском государственном историческом архиве (РГИА), а также в Архиве Отдела БАН при ИРЛИ РАН (его фонд включает материалы по истории и современному состоянию библиотеки ИРЛИ, которые затем предполагается передать в Ар-

хив БАН). По своему характеру и информационной значимости данные материалы позволяют создать полноценную картину истории библиотеки со времени ее основания. Архивный материал может быть разделен на следующие группы: документы, содержащие сведения общего характера за определенный хронологический период в форме планов, отчетов, развернутых справок, анкет; источники, зафиксировавшие сведения, касающиеся отдельных направлений деятельности библиотеки (отчеты, планы, протоколы заседаний различных комиссий и советов, акты, паспорта каталогов и картотек и т. д.), а также личные дела сотрудников. Среди всего перечня документов наибольшую ценность представляют как изданные, так и неопубликованные отчеты: они содержат конкретные факты, позволяющие создать истинную картину работы библиотеки за определенный период. В свою очередь, публикации в разных источниках можно разделить на несколько категорий: во-первых, материалы общего характера, во-вторых, материалы, содержащие информацию об определенных видах работ в библиотеке, в-третьих, материалы, позволяющие реконструировать историю библиотечных собраний до их поступления в Пушкинский Дом.

Говоря об архивных источниках, находящихся в СПФ АРАН, следует учитывать, что большая их часть сосредоточена в фонде № 150, в который вошли документы, освещающие деятельность Института русской литературы РАН с 1899 г. и до начала 1950-х гг. (немаловажно, что документы, датированные, начиная с середины 1950-х гг. (продолжение фонда № 150), территориально находятся в РО ИРЛИ), в первую очередь – это документы канцелярии (опись 1) и личные дела сотрудников (опись 2). Сведения о библиотеке содержатся как в общеинститутской документации, так и в самостоятельных единицах хранения, дающих представление о ее деятельности в целом за определенный период или раскрывающих отдельные вопросы комплектования, обслуживания читателей, сохранности фонда и т. д. Однако, специфика формирования дел в фонде № 150 такова, что немалая часть материалов, отражающих деятельность библиотеки, оказалась распылена по многим архивным делам, иногда не имеющим к ней прямого отношения, что увеличило вектор поиска необходимой информации.

Вторым, не менее серьезным источником, является фонд № 158, содержащий в себе документы, связанные с деятельностью Библиотеки Академии наук (1717–1960): в 3-й описи можно обнаружить ценные материалы по истории работы ленинградской сети академических библиотек, куда с 1930 г. входила и Библиотека Пушкинского Дома, в 7-й описи находятся личные дела сотрудников БАН. В ведомственном архиве Библиотеки Академии наук в основном хранятся личные дела сотрудников, а также отчетно-плановая документация, отражающая деятельность библиотеки ИРЛИ

РАН, начиная с середины 1950-х гг. Сведения о личных библиотеках, поступивших в ИРЛИ, можно обнаружить в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (о собраниях П. А. Ефремова, А. Ф. Онегина, Ф. Сологуба и др.); в Государственном историческом архиве в фонде великого князя Константина Константиновича есть документы о его библиотеке, поступившей в Пушкинский Дом в 1920-е гг., а также обширная переписка и официальные бумаги, связанные с приобретением книжной и журнальной коллекции П. А. Ефремова. В архиве библиотеки Пушкинского Дома почти с исчерпывающей полнотой сохранились отчеты о ее деятельности с начала 1930-х гг., материалы по личному составу, положения, должностные инструкции, протоколы заседаний Библиотечного совета и производственных совещаний, развернутые справки о работе библиотеки, в основном составленные в 1930–2000-е гг. и т. д. Кроме того, там хранится первый экземпляр неопубликованной работы А. Н. Степанова¹, посвященной истории библиотеки со времени ее основания и до 1971 г. включительно, – долгие годы являвшийся наиболее авторитетным источником по данному вопросу.

В силу ряда причин до сих пор не были полностью выявлены не только все архивные источники, но и многие публикации, косвенно или напрямую связанные с историей библиотеки Пушкинского Дома.

В ходе изучения опубликованного и архивного материала необходимо было не только максимально выявить все работы по данной теме, но и проанализировать их, с большим уважением относясь к исследованиям тех, кто занимался этой темой ранее, в частности, удалось произвести атрибуции некоторых работ, не имевших авторства.

Однако не следует забывать, что библиотека – это живой организм. Значительный материал для ее истории можно получить от самих сотрудников библиотеки прошлого и настоящего времени. Здесь необходимо грамотно и четко сформулировать вопросы, на которые ожидается получить ответ. Перед публикацией рукопись книги была предложена для ознакомления сотрудникам библиотеки, их замечания и предложения были внесены в текст монографии, что позволило более объективно решить поставленную задачу.

История библиотеки неотделима от судеб самих библиотекарей – во вторую часть монографии вошли биографии ее сотрудников. Наиболее авторитетными изданиями в этом направлении являются «Биографический словарь сотрудников Библиотеки Академии наук»² и «Пушкинский Дом. Материалы к истории»³. Однако заложенные в них принципы отбора материала не позволяют получить исчерпывающую информацию обо всех сотрудниках библиотеки Пушкинского Дома, сыгравших важную роль в ее развитии. Данное обстоятельство потребовало новых архивных изысканий.

В монографии «История библиотеки Пушкинского Дома» для создания биографий сотрудников библиотеки ИРЛИ были использованы фактические сведения, подтвержденные архивными материалами и опубликованными источниками, однако, чтобы «не засушивать текст», были приведены цитаты из документов личного характера (характеристик, служебных записок, автобиографий и т. д.).

Завершает издание «Летопись библиотеки Пушкинского Дома», включающая наиболее важные события из ее истории.

Существенную роль в монографии сыграл тот факт, что ее научным редактором явилась заведующая библиотекой ИРЛИ Г. В. Бахарева (на протяжении 35 лет возглавлявшая это учреждение), рецензентами Т. Г. Иванова – литературовед, крупный специалист в области изучения истории Пушкинского Дома, профессор, доктор филологических наук, председатель диссертационного совета ИРЛИ и М. Н. Колесникова, профессор, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой библиотекосведения СПбГИК. Немаловажно, что ученый совет ИРЛИ принял решение о публикации монографии. Таким образом, в работе над изданием приняли участие специалисты в разных областях, что положительно отразилось на конечном результате.

Следует отметить, что монографии «История библиотеки Пушкинского Дома» предшествовали другие публикации автора, связанные с изучением фонда библиотеки, отдельными вопросами ее практической работы, поэтому данная книга может считаться в какой-то мере итоговой.

Однако история библиотеки Пушкинского Дома в связи с выходом монографии не заканчивается, а продолжается нынешним поколением ее сотрудников, и спустя годы перед будущими библиотековедами вновь возникнет необходимость в подготовке подобного издания, освещающего историю библиотеки уже в XXI в.

От себя лично автор хотел бы поблагодарить кафедру библиотекосведения СПбГИК, на которой 13 лет назад защищал кандидатскую диссертацию, посвященную истории Научной библиотеки Академии художеств, многие методические предложения, высказанные сотрудниками кафедры и, безусловно, большое участие научного руководителя А. Н. Ванеева и в то время, и сейчас помогли автору при работе над нынешним исследованием, посвященным уже библиотеке Института русской литературы РАН.

Приложение

Воспоминание об Учителе

Впервые имя Анатолия Николаевича Ванеева я услышал во время учебы на библиотечно-информационном факультете Санкт-Петербургского

института культуры и искусств в 1994 г. К сожалению, Анатолий Николаевич не преподавал у нас на вечернем отделении, хотя, безусловно, с его наиболее известными работами я был тогда знаком. Спустя несколько лет, уже работая в Научной библиотеке Академии художеств, я решил заняться изучением ее истории. В 2004 г. по совету доцента СПГУКИ Л. Д. Шехуриной я предпринял попытку поступить в качестве соискателя на кафедру библиотекосведения. Именно тогда я и познакомился с Анатолием Николаевичем. Очень хорошо помню эту первую «очную» встречу. Анатолий Николаевич, выслушав меня, и познакомившись с планом моей будущей работы, предложил мне взять какой-либо отдельный аспект деятельности библиотеки Академии художеств, наверное, испытывая, насколько будущий соискатель решителен в своем намерении изучить всю деятельность библиотеки «во всем ее многообразии». И поняв твердость моего намерения, согласился стать руководителем будущей диссертации.

Примечательно, что Анатолий Николаевич относился к своим обязанностям научного руководителя мягко говоря «неформально»: тщательно читал представленный текст, делая важные замечания, даже обращая внимание на стилистику, не говоря уже о библиотечной терминологии. Никогда не забуду его мудрого совета: в научном исследовании надо оперировать только теми фактами, которые сыграли положительную или отрицательную роль в развитии того или иного процесса или явления. Не следует уделять большое внимание незначительным мелочам, которые не влияют на целостность картины исследования объекта. Одновременно он считал, что история любой библиотеки должна быть раскрыта во всех направлениях ее работы: комплектование, фонды, каталоги, обслуживание читателей, научно-библиографическая работа и т. д. При этом не должно быть «крена» в какую-либо сторону в ущерб изучению остальных библиотечных процессов. Спорить с А. Н. Ваневым мне никогда не приходилось, ибо, с одной стороны, он давал свободу выбора, а, с другой, его аргументы были настолько логично выстроенными, что с ними следовало только соглашаться. Любопытно, что Анатолий Николаевич работал с «машинописями» своих диссертантов по старинке, с помощью бумаги, клея и ножниц, не признавая компьютерной техники. Искренне сожалею, что не сохранил его написанные шариковой ручкой замечания к моей диссертационной работе, так заботливо прикрепленные им к тексту рукописи. Безусловно, что многое в профессиональном плане давало именно личное общение с таким специалистом своего дела, каким был А. Н. Ванев. Спустя несколько лет, когда диссертация была завершена и ожидался выход на защиту, он, подбадривая, говорил, что не стоит расстраиваться, если она пройдет не успешно: будет еще шанс попытать свое счастье. Однако все завершилось

благополучно, и в 2008 г. мне был вручен диплом кандидата педагогических наук.

Следующая наша встреча состоялась, когда я был приглашен в качестве второго оппонента на защиту кандидатской диссертации В. Н. Новикова «Просветительная деятельность городских народных библиотек-читален России в конце XIX – начале XX веков» (научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор А. Н. Ванеев, первый оппонент – доктор исторических наук, профессор В. Д. Ермаков). Прекрасно помню его звонок. Осведомившись, что теперь я работаю в Библиотеке Академии наук (в отделе при Институте русской литературы РАН) «на научной должности», что давало право оппонировать, он сразу же попросил четкого ответа: согласен ли я или нет быть оппонентом у его аспиранта. Здесь следовало отметить, что А. Н. Ванеев не любил двусмысленности, какой-то неопределенности, полутонов в межличностных коммуникациях, что очень часто с переизбытком наполняет мир нашей гуманитарной интеллигенции и порою затмевает истинное положение дел. Разговаривая с ним, надо было всегда давать четкий ответ «да» или «нет», быть верным данному слову. Общение с ним давало возможность не только лучше постигнуть «ремесло», но и приучало к настоящим, открытым человеческим взаимоотношениям. Мне особенно было приятно, что он решил доверить «оппонирование» человеку, который сам всего менее трех лет назад был на месте «защищающегося» – значит, вероятно, доверял и считал, что развитие его школы должно продолжиться в учениках. В 2011 г. состоялась моя последняя встреча с Анатолием Николаевичем, когда я был приглашен в качестве второго оппонента на защиту кандидатской диссертации Е. В. Мокшановой «Земское библиотечное дело в культурной среде региона: на примере Санкт-Петербургской губернии 1864–1917 гг.» (научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор М. Н. Колесникова, первый оппонент – доктор педагогических наук, профессор А. В. Соколов).

Примечательно, что в Анатолии Николаевиче, несмотря на его известность в широких кругах библиотечного мира, никогда не было надменности, профессорского пренебрежения к людям, не имевшим больших степеней и высоких наград. В его словах часто можно было уловить нотки юмора, но они никогда не обижали собеседника, а как бы направляли его мысль в нужное русло. А. Н. Ванеев никогда не пользовался никакими «связями», всего достигал сам. Стараясь не быть никому обязанным, он дорожил независимым положением и именно таким образом выстраивал свои отношения с коллегами. Помню его в простом костюме с обычной сумкой через плечо, без профессорских кожаных «атрибутов», за которыми порой скрывается пустота. Все в нем было подлинное и настоящее. Он никогда не переходил на личные панибратские отношения со своими учениками, дистанция чувствовалась

всегда, но именно она и позволяла многому от него научиться и сохранить теплые рабочие отношения на долгие годы. Нельзя сказать, что он как-то особенно опекал, вытягивал своих аспирантов и соискателей. Он считал, что человек должен сам прийти к своей цели, если у него есть стремление и соответствующий потенциал. В противном случае – ему в науке делать нечего. Несмотря на доступность в общении, А. Н. Ванеев осознавал, какая большая ответственность на нем лежала, как на крупном ученом, которому было доверено, по сути, определять развитие библиотечной науки в нашей стране, – безусловно, с легковесными и маловажными профессиональными вопросами к нему обращаться не стоило. Однако можно было получить исчерпывающий ответ по наиболее серьезным и актуальным проблемам библиотечного дела. Примечательно, что он до последних дней не снижал своей публикаторской активности.

В Анатолии Николаевиче прежде всего поражает цельность личности, в которой присутствует и героическое начало (участие в боевых действиях во время Великой Отечественной войны – о чем говорят его награды), и прекрасные человеческие качества, и, безусловно, многогранный талант крупного ученого-библиотечника.

Примечания

¹ Степанов А. Н. Библиотека Пушкинского Дома (исторический очерк) : [машинопись]. Ленинград, 1974.

² Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук : [в 2 кн.] / гл. ред. и сост. В. П. Леонов. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. (Великая Россия: рос. биогр. энцикл. / под ред. А. И. Мелуа; т. 13, 14).

³ Пушкинский дом : материалы к истории, 1905–2005 / Российская акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский дом); [редкол. Н. Н. Скатов (гл. ред.) и др.]. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. 598 с.

С. А. Мамаева

**А. Р. Войнич-Сяноженцкий
в Императорской Военно-медицинской академии**

А. Р. Войнич-Сяноженцкий на протяжении 10 лет возглавлял Фундаментальную библиотеку Военно-медицинской академии. Медик по образованию, автор многочисленных работ по хирургии и практикующий врач, он известен в первую очередь как выдающийся библиотеквед и организатор библиотечного дела, внесший значительный вклад в становление библиотечного образования в России.

Ключевые слова: Войнич-Сяноженцкий, библиотека Военно-медицинской академии, библиотечная профессия, библиотековедение, Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу, Русское хирургическое общество, хирургия, прокол перикарда Войнич-Сяноженцкого.

Svetlana A. Mamaeva

A. R. Voynich-Syanozhentsky in the Imperial Military-medical academy

A. R. Voynich-Syanozhentsky for 10 years headed the Fundamental Library of the Military Medical Academy. A physician by training, the author of numerous works on surgery and a practicing physician, Voynich-Syanozhentsky is known primarily as an outstanding librarian and organizer of library affairs, who made a significant contribution to the establishment of library education in Russia.

Keyword: Voynich-Syanozhentskiy, library of the Military Medical Academy, library profession, library science, First All-Russian Congress on Librarianship, Russian Surgical Society, Surgery, puncture of the pericardium of Voynich-Syanozhentsky.

Алексей Раймундович Войнич-Сяноженцкий являет собой пример успешной самореализации в двух совершенно различных профессиональных сферах – медицине и библиотечном деле. Врачи чтут его как талантливо-го и компетентного медика – анатома и хирурга, а библиотекари – как выдающегося библиотековеда и организатора библиотечного дела. В частности, Анатолий Николаевич Ванеев в своем труде «Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.)» дал высокую оценку вкладу Войнич-Сяноженцкого в становление библиотечного дела как специфической профессиональной сферы, в «разработку учения о библиотечной профессии»¹.

Судьба Войнич-Сяноженцкого, вся его многообразная научная и практическая деятельность тесно связана с Императорской военно-медицинской (до 1881 г. – медико-хирургической) академией.

Достижения в области медицины

Алексей Раймундович родился в 1859 г. в Курской губернии в семье потомственных дворян. Войнич-Сяноженские (Sianożęcki) – польско-литов-

ский дворянский род герба Дрогослав, состоявший в русском подданстве. Их родоначальник Алексей Войнич-Сеножатский был в татарском плену, за что его сын Борис получил в 1562 г. несколько поместий в Рогачевском уезде Могилевской губернии, а его потомки записаны в VI часть дворянской родословной книги².

Окончив Курскую классическую гимназию в 1878 г., Алексей Раймундович поступил в петербургскую Медико-хирургическую академию. Но в 1880 г. оказался в ссылке на родине в Курске за связь с казненным террористом-одиночкой И. О. Молодецким, организовавшим неудачное покушение на популярного генерала, министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова³. Некоторое время Войнич-Сяноженцкий обучался в Киевском университете, в 1883 г. поступил на медицинский факультет Харьковского университета, который окончил уже тридцатилетним – в 1889 г.

После университета работал земским врачом и заведовал Льговской земской больницей под Курском. В 1893 г. опубликовал Медицинский отчет о хирургической деятельности Льговской земской больницы за 1890–1892 гг.⁴ и статью в журнале «Хирургическая летопись», в которой описал и проанализировал несколько хирургических случаев, наблюдавшихся в Льговской земской больнице в те же годы⁵.

Точная дата его возвращения в Санкт-Петербург не установлена, однако известно, что некоторое время Войнич-Сяноженцкий работал в Императорском институте экспериментальной медицины, созданном в 1890 г. по инициативе и при попечительстве известного мецената принца А. П. Ольденбургского, в том самом учреждении, где выполнял свои классические работы по физиологии пищеварения нобелевский лауреат И. П. Павлов. В 1896 г. Войнич-Сяноженцким опубликовано несколько статей по хирургии животных: «Некоторые особенности в расположении переднего средостения» в журнале Архив биологических наук⁶, «Операционный стол для животных»⁷. Предлагаемые им варианты фиксации животных при операциях рассматривает в своей работе «Общая техника физиологических опытов и вивисекций» Иван Петрович Павлов⁸.

Позднее Войнич-Сяноженцкий исполнял в качестве экстерна обязанности ординатора хирургического отделения Обуховской больницы, расположенной на Набережной Фонтанки, и одновременно сдавал экзамены в Императорской Военно-медицинской академии на степень доктора медицины и готовил докторскую диссертацию на тему «К нормальной анатомии передних плевральных границ у человека», которую защитил в 1897 г.⁹

В последующие годы Войнич-Сяноженцкий работал врачом при лазарете графа Шувалова, при Елизаветинской и Георгиевской общинах. И – что для нас особенно важно – служил приват-доцентом в Военно-медицинской

академии при кафедре и клинике Оперативной хирургии (с топографической анатомией), которую возглавлял в то время профессор С. Н. Делицын.

В начале Первой мировой войны он был приглашен на должность старшего врача в лазарет для раненых воинов, организованный при покровительстве великого князя Константина Константиновича при Императорской Академии наук (1914–1916)¹⁰. К этому периоду относятся его публикации по проблемам лечения огнестрельных переломов¹¹.

Войнич-Сяноженцкий публиковался в ведущих медицинских периодических изданиях своего времени: «Архив биологических наук»¹², «Протоколы Виленского медицинского общества», «Военно-медицинский журнал»¹³, «Известия Императорской Военно-Медицинской академии»¹⁴, «Русский хирургический архив»¹⁵, «Хирургическая летопись»¹⁶, «Больничная газета Боткина»¹⁷, «Русский врач»¹⁸. Круг его профессиональных интересов был весьма широк: у него есть статьи о резекции верхней челюсти, о путях распространения брюшного тифа. Его авторству принадлежат работы по проблемам хирургического лечения болезней сердца, почек, органов грудной полости в целом. Он оставил отчет о Втором международном хирургическом съезде, в котором поделился впечатлениями о поездке в Брюссель в 1909 г. Алексей Раймундович участвовал в работе профессиональных медицинских сообществ, в частности сохранились сведения о его участии в заседании биологической секции «Русского общества охраны народного здравоохранения» 15 октября 1901 г.

Он был успешным и востребованным доктором, способным к смелому новаторству. В частности, он предложил и первым применил на практике метод хирургического лечения, названный впоследствии его именем: «прокол перикарда Войнич-Сяноженцкого» – прокол перикарда при экссудативном перикардите, производимый экстраплеврально в пятом-шестом межреберье справа на 2 см кнаружи от края грудины¹⁹. Таким образом, имя Войнич-Сяноженцкого увековечено в медицинском профессиональном тезаурусе.

Его научные труды по медицине не утратили актуальности и через столет. Подтверждение тому – их активное цитирование в диссертациях, посвященных вопросам хирургического лечения перикардита. Например, работа «Операция вскрытия околосердечной сумки и анатомические ее основания», опубликованная в 1897 г.²⁰, упоминается в диссертациях XXI в.²¹

Медицина всегда была частью его жизни. В частности, по утверждению О. Б. Коха: «Не следует думать, что А. Р. Войнич-Сяноженцкий забросил медицинскую профессию, он оставался практикующим хирургом»²².

Однако в зрелые годы, уже на пятом десятке, у Войнич-Сяноженцкого обнаружилось еще одно профессиональное пристрастие, даже – призвание, соперничающее с медициной. Это – библиотечное дело.

Достижения в области библиотечного дела

Опыт библиотечной деятельности

Первое соприкосновение Войнич-Сяноженцкого с библиотечной деятельностью состоялось в 1903 г. – он приступил (на безвозмездной основе) к выполнению обязанностей библиотекаря Русского хирургического общества Н. И. Пирогова. В течение пяти лет он увлеченно разбирал, приводил в порядок и систематизировал книжное собрание Пироговского общества. Здесь Войнич-Сяноженцкий приобрел неоценимый опыт библиотечной работы и, видимо, этот скрупулезный вдумчивый труд пришелся ему по душе. Вся его дальнейшая судьба связана с библиотечным делом.

В 1910 г. Войнич-Сяноженцкий – на тот момент приват-доцент кафедры Оперативной хирургии (с топографической анатомией) – избран библиотекарем Императорской Военно-медицинской академии.

Руководство библиотекой было в тот период, по сути, коллегиальным, оно осуществлялось библиотечной комиссией, конференцией и президентом, а затем начальником Академии. Высшим должностным лицом в самой библиотеке был библиотекарь, у которого имелось 3 помощника. Библиотекаря по сложившейся традиции избирали в основном из числа профессорско-преподавательского состава академии. Претенденты должны были обладать необходимыми для такой работы знаниями, умениями и наклонностями. В декабре 1909 г. на эту должность баллотировались пять кандидатов: Блюменау, Войнич-Сяноженцкий, Буржинский, Дербек и Скориченко. Войнич-Сяноженцкий получил 19 избирательных шаров против 9 неизбирательных²³. На момент избрания библиотекарем Войнич-Сяноженцкий имел 12 печатных трудов по медицине и две работы в области библиотековедения.

Параллельно с руководством академической библиотекой А. Р. Войнич-Сяноженцкий активно участвовал в работе Общества библиотековедения, образованного 18 марта 1908 г. Вместе с П. М. Богдановым, Э. Р. Вольтером, Е. А. Гейнцем и Н. М. Лисовским он разрабатывал устав общества. В разные годы он был членом и секретарем первой Ревизионной комиссии общества, членом комиссии по выработке «Нормального плана постановки библиотечной техники в небольших библиотеках» (1909 г.), членом Библиотечной комиссии библиотеки при обществе, казначеем (1911, 1913 гг.), кандидатом в члены ревизионной комиссии (1912 г.), ее членом и председателем (1913, 1914, 1915 гг.), членом комиссии для выработки плана устройства в Санкт-Петербурге образцовой библиотеки при этом обществе.

Библиотека Военно-медицинской академии одной из первых вошла в состав 29 библиотек общества, представляя академические, крупные общественные и специальные библиотеки.

В августе 1910 г. в Брюсселе планировалось провести международный съезд деятелей архивного и библиотечного дела, для участия в котором

Общество библиотекосведения избрало организационную комиссию (национальный комитет) в составе академика М. Я. Виллие, библиотекарей военных академий А. Р. Войнич-Сяноженцкого и С. Д. Масловского. Правда, делегаты в работе съезда по различным причинам участия не приняли.

С 1 по 7 июня 1911 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Общества библиотекосведения прошел Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу. А. Р. Войнич-Сяноженцкий и его помощники и единомышленники, также сотрудники библиотеки Военно-медицинской академии И. З. Захарьев и Я. А. Лукашевич сыграли важную роль в подготовке и проведении съезда²⁴.

А. Р. Войнич-Сяноженцкий был избран в состав комиссии по выработке программы, правил и положения о съезде. Кроме того, А. Р. Войнич-Сяноженцкий (председатель) и Я. А. Лукашевич были избраны в состав подготовительной комиссии по государственным, академическим и специальным библиотекам.

После получения разрешения на проведение съезда, подготовительная комиссия прекратила свою деятельность, а вместо нее для проведения дальнейших работ была избрана новая организационная комиссия, которая стала объединяющим центром для всех других комиссий по подготовке к съезду. А. Р. Войнич-Сяноженцкий был членом организационной комиссии по съезду и товарищем председателя секции государственных, академических и специальных библиотек.

На съезде А. Р. Войнич-Сяноженцкий выступил с несколькими докладами. Его доклад на пленарном заседании стал одним из наиболее значимых и резонансных. Два доклада прозвучали на заседаниях секции государственных, академических и специальных библиотек. Кроме того, Войнич-Сяноженцкий активнейшим образом участвовал в важнейших профессиональных дискуссиях и часто являлся их инициатором.

В рамках проведения съезда Библиотека Военно-медицинской академии участвовала в организации выставки по библиотечному делу и по обширности экспонированного материала заняла первое место среди академических библиотек.

27 октября 1912 г. на общем собрании Общества библиотекосведения были избраны комиссии по выполнению поручений съезда. В состав академической комиссии вошли А. Р. Войнич-Сяноженцкий и Я. А. Лукашевич.

Вклад в развитие библиотечной науки и практики

Войнич-Сяноженцкий проявил себя как прекрасный организатор и реформатор библиотечного дела, библиотекосвед и методист. Участие в работе Общества библиотекосведения оказывало существенное влияние на его деятельность в качестве руководителя библиотеки, обогащало его повседневную практику, а опыт руководящей работы постоянно давал пищу для научного и методического обобщения, темы и материал для дискуссий на заседаниях

общества. Этот опыт был подобен сообщающемуся сосуду. Ученый подвергал тщательному анализу сложившуюся практику и собственный опыт библиотечной работы, выявлял проблемы и предлагал пути их решения. Благодаря его энергии в стенах библиотеки постоянно пульсировала библиотечная мысль, происходил поиск новых форм, методов, и направлений работы. Библиотека была своего рода полигоном, экспериментальной площадкой для реализации свежих идей и перспективных начинаний.

Его взгляды на организацию библиотечного дела проходили проверку в библиотеке академии. Многие вопросы, особенно дискуссионные, он выносил на обсуждение на заседаниях Общества библиотековедения, делясь своим опытом.

Вопросы каталогизации и систематизации

Многие базовые принципы организации библиотечной работы, привычные и очевидные для нас, в то время только формировались. Это в полной мере относится к вопросам упорядочивания библиотечных фондов, систематизации и каталогизации хранящихся в них изданий, организации каталогов.

Первый библиотечный опыт Войнич-Сяноженцкий подготовил как раз с этим кругом задач. В 1907 г. Войнич-Сяноженцкий подготовил «Систематический каталог библиотеки Русского Хирургического общества Пирогова за первое 25-летие»²⁵, взяв за образец опыт иностранных библиотек. Каталог включал 7727 наименований книг, значительная часть которых составляла многотомные издания, и имел в качестве приложения алфавитный указатель авторов²⁶.

Пользование богатым книжным собранием Русского хирургического общества было затруднено, так как в библиотеке имелся только карточный алфавитный каталог. Инструментов, позволяющих осуществлять в этом книжном массиве тематический поиск и отбор необходимой читателю литературы, не существовало. Создавая печатный систематический каталог, Алексей Раймундович попутно создавал и саму систематизацию – систематический рубрикатор.

По замыслу составителя, структура, форма данного каталога должна была помогать библиотекарю быстро выполнять поисковые требования читателей. С этой целью он ввел полочные шифры (шифры хранения). Читатели вместо названия книги указывали на требовании соответствующий цифровой шифр книги. Первая выделенная жирным шрифтом римская цифра обозначала зал, вторая – шкаф, затем в виде дроби арабскими цифрами указывались полка (числитель) и местонахождение книги на полке (знаменатель).

За годы работы в библиотеке Военно-медицинской академии уже опытный в этом деле А. Р. Войнич-Сяноженцкий подготовил два перечня ее периодических изданий и книг.

В 1911 г. он составил «Перечень текущих периодических изданий, имеющих в библиотеке Военно-Медицинской академии»²⁷.

В академии списки поступлений, в том числе систематические, создавались и ранее.

С 1880 по 1884 гг. в «Известиях библиотеки Императорской Военно-медицинской академии» публиковались списки текущих поступлений в фонд в виде установленной формы, которая использовалась для составления карточек. В 1884 г. издание прекратило существование по постановлению Конференции академии по причине его «бесполезности»: оказалось «излишней роскошью и погибло в расцвете лет», а принятая форма карточек оказалась малоприменимой.

В 1900 г. под редакцией Г. Г. Скориченко тиражом 300 экземпляров был издан «Каталог журнального отделения библиотеки Императорской Военно-Медицинской академии».

Войнич-Сяноженский в 1910 г. возобновил издание списков текущих поступлений при журнале «Известия Императорской Военно-медицинской академии», учтя при этом весь предыдущий опыт и внося полезные и целесообразные изменения в правила их составления и технологию дальнейшего использования.

В «Перечне...» были представлены издания, полученные библиотекой до 1 августа 1910 г. Цель списка – облегчить читателям библиотеки пользование периодическими изданиями по медицине и естествознанию. В дальнейшем, по мере поступления новых периодических изданий, предполагалось регулярно выпускать дополнения.

По мнению А. Р. Войнич-Сяноженского, читатель специальной библиотеки нуждался не только в профильных научных изданиях, но и в справочных изданиях общего содержания. Поэтому они тоже включались в «Перечень...».

Кроме удовлетворения потребностей читателей в специальной литературе, библиотека с особой полнотой собирала литературу, относящуюся к деятельности академии. На этом основании в «Перечне...» присутствуют такие издания, как: «Общий состав Императорской Военно-Медицинской академии и состоящих при ней учебно-вспомогательных учреждений», «Общий список обучающихся в Императорской Военно-Медицинской академии», «Список студентам и вольнослушателям Императорской Военно-Медицинской академии», а также «Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета». Эта традиция хранится и поддерживается в библиотеке академии поныне. Интерес к истории академии в целом, отдельных ее подразделений, а также научных направлений и научных школ, созданных здесь, не угасает со временем. Большая доля

поисковых запросов современных читателей связана именно с подобной тематикой. И мы в определенном смысле являемся продолжателями дела Войнича-Сяноженцкого.

Для того чтобы облегчить читателю пользование текущей литературой, Алексей Раймундович выполнил систематизацию представленных алфавитным порядком периодических изданий. Он придавал этой работе огромный смысл: «Систематизация, – писал он, – одухотворяет сухой и безжизненный алфавитный перечень, дает ему новый смысл и значение и создает весьма наглядное представление об относительном богатстве или скудности каждого отдела, сообразно числу входящих в него изданий, а так как она проведена в натуре, т. е. издания расположены в шкафах по отделам и строго следуя данной системе, то читатель получает возможность быстро ориентироваться и сосредоточить свою работу более или менее в одном пункте, вместо того, чтобы блуждать по всей зале»²⁸.

Актуальность его работы для всего формирующегося библиотечного сообщества подтверждается, к примеру, тем, что именно этой теме – «Наиболее удобные формы печатания списков текущих поступлений» – был посвящен один из докладов А. Р. Войнич-Сяноженцкого на Первом библиотечном Съезде, подготовленный на примере Политехнического института в Санкт-Петербурге и Императорской Военно-медицинской академии²⁹.

Важно отметить, что Войнич-Сяноженцкий был сторонником внедрения новых технологий библиотечной работы. В частности, он рассматривал создание списков как необходимый этап печатания и тиражирования каталожных карточек. Ранее карточки были рукописными.

Форма изготовления карточек на поступающие в библиотеку издания была одним из трудоемких и дорогостоящих вопросов библиотечной техники того времени. Основным отличием списков текущих поступлений, составленных Войнич-Сяноженцким, было то, что он придал им наиболее удобную для тиражирования карточек форму.

Таким образом, мы имеем дело с попыткой перехода от рукописных карточных каталогов к печатным. Это было революционное событие. Тема являлась дискуссионной. Основным аргументом противников карточной формы каталогов было утверждение о дороговизне печатанных карточек по сравнению с рукописными. Возражения Войнича-Сяноженцкого разбивали эти аргументы: «Выгоды печатания списков текущих поступлений, – доказывал он, – почти так же трудно оспаривать, как выгоды книгопечатания по сравнению с перепиской книг»³⁰. Кроме того, по его мнению, оставшиеся отдельные оттиски карточек можно будет рассылать бесплатно или за небольшую плату читателям библиотеки, интересующимся составом книжных поступлений. И самым убедительным образом действовали на

оппонентов сами каталоги нового образца, которые составитель демонстрировал делегатам съезда.

В 1914 г. А. Р. Войнич-Сяноженцкий подготовил «Перечень книг, поступивших в библиотеку Императорской Военно-Медицинской академии в 1910–1911 г.»³¹, в котором было учтено 397 русских книг и около 400 – иностранных.

В предисловии он пояснял, что не все книги в «Перечне...» относились к новейшим изданиям, а являлись лишь новыми приобретениями библиотеки. Объяснялось это тем, что на библиотеку отчислялась очень скромная сумма, почти полностью уходившая на уплату периодических и продолжавшихся изданий, их переплет, на канцелярские и почтовые расходы. Основными источниками пополнения книжного фонда библиотеки служили пожертвования, обязательные поступления, диссертации, защищаемые в академии, и обмен.

Издания в «Перечне...» располагались в алфавитном порядке, сопровождалось подробным библиографическим описанием, шифром хранения, позволявшим точно определить местонахождение сочинения в книгохранилище. В перспективе планировалось такое издание готовить периодически, в зависимости от выхода «Известий Императорской Военно-Медицинской академии», где публиковались новые приобретения книг.

Регламентация библиотечной деятельности

Большое значение Войнич-Сяноженцкий придавал четкой регламентации всех сторон библиотечной работы.

Реорганизацию библиотеки Военно-медицинской академии он начал с обновления нормативно-правовых документов, инструкций и правил, регулирующих все вопросы библиотечного обслуживания. Но эта работа затянулась. Базовыми регламентирующими документами стали «Правила пользования библиотекою Императорской Военно-Медицинской академии» (1913 г.) и «Инструкция для библиотекаря Императорской Военно-Медицинской академии и его помощников» (1914 г.). Оба нормативных документа были (с некоторыми поправками) утверждены начальником академии генералом И. И. Макаевым (1912–1917) и выпущены тиражом 1010 экземпляров.

Инструкция относилась к библиотеке академии к «специальным научным, а не общеобразовательным. Ее задача была снабжать читателей книгами по медицине и тем отраслям естествознания, которые имеют теснейшую связь с медициной»³². Этот документ содержал рекомендации по учету книжного фонда, ведению инвентарных книг форматно-хронологической расстановки, регистрационной ведомости. «Инструкция» предусматривала полное описание книги в каталожной карточке и была разработана на уровне развития теории библиотечного дела в России того времени.

Все эти документы являлись итогом постоянных обсуждений в кругу единомышленников и оппонентов на заседаниях Общества библиотековедения. Так, на одном из собраний общества в 1909 г. А. Р. Войнич-Сяноженцкий сделал сообщение на тему «Беседы по технике библиотечного дела (об инвентарной книге)», вызвавшее продолжительные прения и живой обмен мнениями³³.

Правила пользования библиотекой: доступность vs сохранность

В центре внимания Войнич-Сяноженцкого при разработке всевозможных инструкций и правил находился вопрос о соотношении принципов доступности библиотечного фонда и его сохранности.

Согласно принятым регламентам, библиотека обслуживала не только профессорско-преподавательский состав и учащихся академии, но и посторонних лиц, в том числе не имевших звания врача. Расширение контингента пользователей, читательской аудитории неизбежно увеличивало риски расхищения и порчи книг. Вопрос был животрепещущий, он частенько оказывался на повестке дня собраний Общества библиотековедения.

Войнич-Сяноженцкий был апологетом общедоступности академических библиотек. Как пишет в своей работе А. Н. Ванеев, «Войнич-Сяноженцкий критиковал предоставленное руководству учебных заведений право по своему усмотрению допускать читателей в библиотеки». Он считал, что этим самым «узаконен произвол начальствующих лиц означенных учреждений»³⁴. Его позиция состояла в том, что академические библиотеки должны быть доступны всему населению.

Утвержденные Правила пользования библиотекой Академии в некоторых моментах противоречили представлениям Войнич, из чего можно сделать вывод, что некоторые пункты правил вводились вышестоящим начальством вопреки воле и убеждениям библиотекаря Войнич³⁵.

В то же время, общедоступность в представлении Войнич-Сяноженцкого гармонично сочеталась с самыми тщательными формами контроля за своевременным возвратом библиотечных книг, с жесткими и неотвратимыми мерами по взысканию к нарушителям. Он высказывается за строгие меры по охране и сбережению книжного фонда. Разработал и внедрил в практику работы библиотеки механизм действенного контроля за возвратом книг.

В основе правил контроля, согласно Сяноженцкому, лежит постоянный учет книговыдач. Обеспечить своевременность возврата книг можно только в том случае, если в любой момент времени библиотека располагает точной информацией по поводу каждой выданной книги – кому и на какой срок она выдана. Для успешной работы по возврату выданных книг необходимо работать с читателями, иметь их контактные данные: место работы, домашний адрес, номер телефона.

Он реформировал систему записи читателей в библиотеку, разработал четкую и наглядную систему разделения читателей на категории в зависимости от количества книг, которые они имеют право брать на дом. Он предлагал рассматривать взаимоотношения читателя и библиотеки как разновидность договорных отношений, скрепленных подписью читателя на его читательском формуляре под обязательством беспрекословно подчиняться существующим библиотечным правилам.

Принятые «Правила пользования библиотекою императорской Военно-Медицинской академии» (1913) и «Инструкция для библиотекаря императорской Военно-Медицинской академии и его помощников» (1914) предусматривали строгие меры к читателям, нарушавшим порядок возвращения книг.

Но эта тема волновала Войнич-Сяноженцкого с момента избрания на должность библиотекаря Военно-медицинской академии, и ему было чем поделиться со своими коллегами уже на библиотечном съезде в 1911 г. В докладе «Контроль при выдаче книг и над сроками их возврата. Меры взыскания» (постановка его в Военно-медицинской академии)³⁶ А. Р. Войнич-Сяноженцкий говорил о таком «глубоко вкоренившемся зле», как несвоевременный возврат книг в библиотеку, причинах несоблюдения этого правила библиотек, а также о совершенствовании форм контроля при выдаче и возврате сочинений и поделился опытом контроля над читателями и над взятыми ими для чтения книгами, разработанными им в библиотеке академии в 1910 г. Подводя итог, он отметил: «Пока не будет введено штрафов за просрочки и не принята оценка утраченных книг по двойной продажной цене (если таковая известна) и пока взыскания не будут производиться с одинаковой настойчивостью как по отношению к малым, так и к сильным мира сего – до тех пор будет продолжаться расхищение богатств наших библиотек»³⁷.

К этой теме он возвращался неоднократно. В 1912 г. на одном из заседаний общества был заслушан его доклад «Об умышленной порче книг и о похищении их читателями». Доклад сопровождался демонстрацией испорченных книг по небрежности или по злему умыслу из библиотек и затем проданных книжным торговцам. По итогам выступления была избрана комиссия с участием А. Р. Войнич-Сяноженцкого, которой было поручено выработать меры по борьбе со «всероссийским злом» – порчей и расхищением изданий³⁸.

Данная проблема получила и дальнейшее продолжение на заседаниях Общества библиотекосведения. А. Р. Войнич-Сяноженцкий 1 марта 1914 г. выступил с докладом «О библиотечных правилах и инструкциях», в основу которого была положена «Инструкция...» Военно-медицинской академии. Основные положения его доклада касались доступности библиотеки, мер, необходимых для охраны библиотечного имущества от расхищения и утраты, видов пользования книгами и тех удобств, которые следует предо-

ставлять читателям. Доклад вызвал прения, которые заняли два заседания. 29 марта 1914 г. А. Р. Войнич-Сяноженцкий отмечал: «Правила библиотеки Военно-Медицинской академии никоим образом нельзя считать драконовскими, жестокими. Они в интересах читателя; раз читатель не возвращает вовремя книги, необходимо ее приобрести для другого читателя и для охраны его интересов следует взыскивать двойную плату, иначе легко превратить библиотеку в книжную лавочку. Все эти меры в виде штрафов, лишения права пользования книгами и т. п. введены потому, что только при выполнении их правила не будут мертвой буквой, и охрана интересов читателя будет вполне гарантирована»³⁹.

После революции и в период гражданской войны многие аспекты этой темы были им вынужденно переосмыслены.

Сложилась критическая ситуация с пополнением фонда новой литературой. Формировавшаяся десятилетиями система комплектования библиотеки отечественными и зарубежными изданиями рухнула, а новая еще не сложилась. Поступление иностранной литературы, в первую очередь журналов, по сути, прекратилось, так как советская республика оказалась в изоляции. Договоры с иностранными издательствами и другими учреждениями утратили свою силу, не было валюты для расчетов с зарубежными поставщиками. Отечественная профильная периодика тоже практически перестала поступать в фонд. Какие-то журналы прекратили существование, какие-то приостановили деятельность. Да и внутренние связи между регионами России тоже были нарушены. Книжный рынок не функционировал.

Войничу-Сяноженцкому удалось частично компенсировать недостаток новых поступлений за счет привлечения пожертвований из коллекций частных лиц. Некоторые профессора и преподаватели приносили в дар библиотеке свои сочинения и книги других авторов. Среди них: профессора Скориченко, Федоров, Хлопин, Павловский, Ангелов, Добротворский и др. Были и крупные поступления – в виде личных библиотек. Наиболее значительные дары: главного врача Клинического госпиталя Е. П. Траубе (150 томов), самого Войнича-Сяноженцкого – 500 томов⁴⁰.

Большинство библиотек в России в данный период пополнялись в огромных размерах за счет национализированной и конфискованной собственности. Возникло даже большое количество новых библиотек, целиком укомплектованных из этого источника. Библиотекой же Академии этот источник игнорировался. Со стороны Войнича-Сяноженцкого не было ни одной попытки его использования. Причина тому – сугубо этическая. Им двигало уважение к священному праву собственности, внутренние моральные принципы⁴¹.

На фоне почти полного прекращения комплектования особенно остро проступила проблема сохранения имеющегося фонда. Проблема сохран-

ности встала в жесткое противоречие с требованиями демократизации библиотечного обслуживания, увеличения доступности книжного фонда для различных категорий читателей. В 1918 г. в конференции обсуждался вопрос о расширении права пользования студентами академии.

Согласно правилам 1913 г. право получения книг на дом без залога имели только студенты-стипендиаты (до 2-х томов), а своекоштные студенты имели право получения 2-х книг при внесении залога в 10 рублей. В 1918 г. Конференция постановила: учебники всякого рода выдавать студентам на прежних основаниях, другие же книги на условиях, установленных для других читателей, т. е. по существу был оставлен прежний порядок и почти прежний объем прав пользования библиотекой. Правда, приравнивание студентов к другим читателям означало возможность получения до 5 книг, но одновременно это означало и увеличение залога до 50 рублей против 10 прежних⁴². Но на фоне стремительной инфляции фиксированное увеличение залога не защищало от потери, не могло стать заградительной мерой от расхищения фонда. Утерянные книги восполнить было невозможно. Увеличение залоговой суммы ничего не давало при отсутствии книг в продаже в принципе.

И был даже момент, когда Войнич-Сяноженцкий, ярый поборник самой широкой доступности книжного фонда, лично ходатайствовал об изменении правил работы с читателями – а именно о полном прекращении выдачи книг на дом, как единственно действенном способе сохранения книжного фонда библиотеки при сложившемся дефиците литературы на книжном рынке. Было введено требование (на уровне распоряжения президента академии) не увольнять и не отпускать в отпуск сотрудников без справки из библиотеки о сдаче книг. Только эта мера помогла сохранить библиотечный фонд.

Вопросы дезинфекции книг

Были и другие вопросы, которым Войнич-Сяноженцкий уделял пристальное внимание.

В 1912 г. в журнале «Библиотекарь» было опубликовано «Продолжение вопроса о дезинфекции книг» (на основании исследований докторов Ф. Харитонова и М. Тригубенко), подготовленное А. Р. Войнич-Сяноженцом⁴³. Тема была совершенно неисследованная. Принципы и подходы к дезинфекции фондов только формировались. Войнич-Сяноженцкий предлагал дифференцированный подход, он считал, что «едва ли следует настаивать на обязательности какого-либо одного шаблона, напротив, в этом деле необходимо индивидуализировать приемы, сообразно различным внешним обстоятельствам и считаясь с ценностью, особенностями и качеством подлежащей обеззараживанию книги»⁴⁴.

К проблеме дезинфекции книг члены общества вернулись и на следующий год. В 1913 г. выступление А. Р. Войнич-Сяноженцкого сопровождалось демонстрацией дезинфекционного аппарата. Общее собрание поручило со-

вету общества выступить с инициативой перед Санкт-Петербургским общественным самоуправлением об организации дезинфекции книг, находящихся в городских библиотеках-читальнях в принадлежащих городу камерах. Кроме этого, А. Р. Войнич-Сяноженцкий написал письмо в правление Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. В нем он просил правление поставить в число программных вопросов ближайшего Пироговского съезда вопрос о дезинфекции книг, избрать специальную комиссию для предварительной разработки этого вопроса, а также подготовить доклад на ближайшем съезде и содействовать демонстрации дезинфекции книг на Гигиенической выставке 1913 г. Правление отказало А. Р. Войнич-Сяноженцкому в создании комиссии по причине денежных затрат, а распорядительный комитет съезда уведомил его, что вопрос о чтении доклада о дезинфекции книг также невозможен из-за обилия представленных докладов⁴⁵.

Вопросы форматной расстановки книг

На собрании общества, состоявшемся 9 ноября 1913 г., А. Р. Войнич-Сяноженцкий выступил с докладом «Размещение в библиотеках миниатюрных изданий (лилипут-библиотек)»⁴⁶. Под лилипут-библиотеками понимались миниатюрные издания, не превышавшие ростом 5 см по корешку и 3 см в ширину. Появление миниатюрных изданий на книжном рынке в десятках тысяч экземпляров приводило к тому, что они стали появляться в некоторых библиотеках, поэтому закономерно возникла потребность в особых способах регистрации и расстановки их в библиотеках. Указывая на то, что самой общепринятой и лучшей в тот момент была форматная расстановка книг, А. Р. Войнич-Сяноженцкий предложил четыре наиболее удобных способа хранения миниатюрных изданий. Докладчик представил коробку для лилипут-библиотек; несколько экземпляров миниатюрных изданий; заполненные листы инвентаря 1-го формата (книги, не превышающие 10 см) с занесенными в них миниатюрными изданиями⁴⁷.

У истоков библиотечного образования

Одна из главных заслуг Войнич-Сяноженцкого перед отечественным библиотековедением состоит в инициировании дискуссии о профессиональном образовании библиотекарей. Он внес существенный вклад в становление профессионального библиотечного сознания, в разработку учения о библиотечной профессии – одним из первых в России, наряду с К. И. Рубинским.

Длительный исторический период развития библиотек не ставил вопроса о профессиональной подготовке их персонала. Необходимость специальной подготовки библиотечных работников стала осознаваться и в России только в начале XX в., хотя еще долгое время господствовало мне-

ние, что приобретение профессиональных знаний и навыков – дело чисто практической работы образованного человека в библиотеке. Особенно остро необходимость специальной подготовки ощущалась в научных библиотеках⁴⁸.

Войнич-Сяноженцкий выступил на пленарном заседании Первого все-русского съезда по библиотечному делу в день его открытия с одним из программных докладов «Библиотечное дело, как особая самостоятельная специальность и библиотекари, как обособленная группа в ряду других специалистов»⁴⁹, где изложил свое видение библиотечного дела, как особого рода деятельности, требующего от исполнителей специальной подготовки.

Доклад затрагивал острые и болезненные проблемы восприятия библиотечной профессии обществом. Доклад А. Р. Войнич-Сяноженцкого на данном съезде признается наиболее важным и заметным. Эмоционально и аргументированно он говорил об огромном значении разработки вопросов библиотечной теории и практики, о значении профессиональной подготовки библиотекарей.

«А. Р. Войнич-Сяноженцкий считал целесообразным, чтобы специальные библиотеки возглавляли лица соответствующей специальности, так как им легче разобратся в требованиях и запросах читателей, систематизации книги и т. д. Но и они должны иметь специальные знания в области библиотечного дела»⁵⁰. Однако, с его точки зрения, обучение специальности библиотекаря должно носить прикладной характер. Собственно, он отстаивал свой собственный путь и опыт библиотечной работы – вначале основная специальность, в соответствии с профилем библиотеки, затем дополнительная специальность – библиотекарь⁵¹.

Насколько напряженно и с какой степенью ответственности решался на съезде вопрос о подготовке библиотекарей, говорит тот факт, что прения по этому вопросу продолжались более трех часов. «С этого времени библиотекосведение заявило о своем существовании как особой отрасли знания»⁵².

Дискуссия на данную тему продолжалась и на заседании академической секции, вокруг обсуждения «Записки по вопросу о мерах, необходимых для улучшения постановки дела в академических библиотеках», внесенной Обществом библиотекосведения. Одним из спорных был вопрос о способе технической подготовки библиотекарей: через учреждение кафедр библиотекосведения при некоторых университетах или учреждение специальных, ни с кем не связанных курсов библиотекосведения»⁵³. А. Р. Войнич-Сяноженцкий отстаивал первое решение. Но победила другая точка зрения, большинством в 28 голосов против 17 была принята резолюция об учреждении особых курсов с циклом специально-библиотечных, профессиональных знаний, без включения в них каких-либо общеобразовательных предметов.

В резолюции съезда признавалось «необходимым учреждение специальных высших курсов библиотековедения для теоретической и практической подготовки библиотекарей и их помощников, для лиц с высшим и средним образованием». Незамедлительного практического воплощения это решение не получило, но сама идея организации курсов продолжала жить.

С конца 1917 по апрель 1918 г. состоялось более 10 совещаний в Обществе библиотековедения по организации курсов⁵⁴. Подготовительные работы завершились к весне 1918 г., была подготовлена программа краткосрочных курсов, намечен круг преподавателей. Курсы, которым было присвоено имя известного просветителя Н. И. Новикова, состоялись с 9 июня по 15 августа 1918 г. Они проходили по вечерам в помещении Института инженеров путей сообщения, число слушателей составило 85 человек, хотя заявлений о приеме было гораздо больше. К преподаванию привлекались А. Р. Войнич-Сякоженцкий и Я. А. Лукашевич.

В мае 1919 г. Центральный комитет государственных библиотек принял курсы на свое финансирование, утвердил смету и наметил открыть их в середине мая. Одновременно подготовка и открытие курсов обсуждались на собраниях Общества библиотековедения совместно с будущими преподавателями: образовательный ценз принимаемых, контингент приема и т. д. В частности, предлагалось принимать на курсы всех желающих посвятить себя работе в научных библиотеках, установить контингент в 100 человек, экзаменов не проводить, по окончании курсов выдавать документ о прослушанных курсах и выполненных практических занятиях⁵⁵.

Директором курсов 15 мая 1919 г. совет избрал А. Р. Войнич-Сякоженцкого, ему же и И. П. Мурзину было поручено составление программы преподавания. И уже 24 мая 1919 г. библиотечные курсы начали свою деятельность.

Программу на первый семестр представил Войнич-Сякоженцкий в августе 1919 г., и она была принята советом⁵⁶. Сам он преподавал здесь дисциплину «Введение в библиотековедение».

С начала ноября 1919 г. часть занятий переносится в помещения Публичной библиотеки, а затем постепенно сюда перемещаются некоторые практические занятия, что позволяло использовать в процессе обучения каталоги, формуляры и другие предметы библиотечной техники. Во второй половине 1920 г. курсы стали двухгодичными и были переименованы в Высшие курсы библиотековедения.

Но не только на курсах можно было получить специальную библиотечную подготовку. В ноябре 1918 г. в Петрограде был создан Институт внешнего образования и при нем книжно-библиотечное отделение⁵⁷.

Ядром профессорско-преподавательского состава института стал коллектив единомышленников, специалистов, знающих друг друга еще с дореволюционного времени по совместной работе в двух обществах: Рус-

ском библиологическом обществе и Обществе библиотековедения. Большинство из приглашенных в Институт внешкольного образования принимали участие в 1911 г. в подготовке и проведении Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу. Занимаемые ими до революции должности по службе или общественной деятельности были часто связаны с практикой организации библиотечного дела и нередко с педагогической деятельностью. Их объединяли любовь к книге и просветительские устремления⁵⁸.

Был среди них и А. Р. Войнич-Сяноженцкий, который читал в институте курсы «Гигиена книги», «Дезинфекция», «Книжные вредители». Помощник библиотекаря Военно-медицинской академии, казначей Общества библиотековедения фельдшер Я. А. Лукашевич преподавал «Библиотечное дело-производство».

А. Р. Войнич-Сяноженцкий сочетал преподавательскую деятельность с руководством библиотекой Военно-медицинской академии.

Штат библиотеки в этот период состоял из библиотекаря, трех его помощников и трех служителей. 29 июня 1919 г. приказом по Академии № 29 библиотекарь был переименован в заведующего библиотекой, помощники – в библиотекарей. Правда, количественный состав остался прежним⁵⁹.

Таким образом, Войнич-Сяноженцкий стал первым заведующим библиотекой Военно-медицинской академии.

Заведующий библиотекой приравнивался в отношении содержания к штатным преподавателям первой категории с доплатой за ведение хозяйства и дополнительные занятия. Помощники библиотекаря приравнились к преподавателям второй категории с доплатой за дополнительные занятия.

12 декабря 1919 г. Войнич-Сяноженцкий был арестован органами Советской власти и находился под арестом до 2 марта 1920 г. Причину его ареста документально установить не удалось. Судя по воспоминаниям сослуживцев, арест был связан с антисоветским выступлением Войнич-Сяноженцкого в Обществе библиотековедения.

После освобождения из-под ареста Войнич-Сяноженцкий продолжал работать в должности заведующего библиотекой до самой своей смерти, которая произошла 23 декабря 1920 г.⁶⁰ В текущем году мы отметим столетие этой скорбной даты.

А. Р. Войнич-Сяноженцкий стал первым в истории библиотеки Военно-медицинской академии руководителем, проявлявшим глубокий интерес к библиотечным вопросам, размышлявшим на актуальные библиотечные темы, знакомым с зарубежным опытом организации библиотечной работы, имевшим прогрессивные воззрения на развитие библиотечного дела, на становление библиотечной профессии. Он внес значительный вклад не только в развитие библиотеки Академии, но и в развитие библиотечного дела в России.

Примечания

- ¹ Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.). М.: Пашков дом, 2003. С. 225–232.
- ² Войнич-Сяноженцкие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 6А (12): Винословие–Волан. Санкт-Петербург, 1892. С. 939.
- ³ Кох О. Б. ROFITER – объявляю своим делом. Библиотечно-информационный факультет СПбГИК в эпоху его становления // Петерб. библиот. шк. 2018. № 4–1 (64). С. 9.
- ⁴ Львовская земская больница. Медицинский отчет о хирургической деятельности Льговской земской больницы за 1890–92 гг. / сост. А. Р. Войнич-Сяноженцкий. Москва, 1893. 52 с.
- ⁵ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Несколько хирургических случаев, наблюдавшихся в Льговской (Курская губ.) земской больнице в 1890–92 гг. // Хирург. летопись. 1893. № 36. С. 3–15.
- ⁶ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Некоторые особенности в расположении переднего средостения у животных // Арх. биол. наук. 1896. Т. 5. Вып. 1. С. 41–79.
- ⁷ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Операционный стол для животных // Арх. биол. наук. 1896. Т. 4. Вып. 5. С. 465–475.
- ⁸ Павлов И. П. Общая техника физиологических опытов и вивисекций // Полн. собр. соч. Т. 6. Изд. 2-е, доп. Москва: изд-во АН СССР, 1952. С. 343, 345, 346, 348.
- ⁹ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Къ нормальной анатоміи переднихъ плевроальныхъ границъ у человека (съ 32 рисунками въ текстъ): дис. на степень д-ра медицины А. Р. Войнич-Сяноженцкаго : изъ Городской Обуховской Больницы и Отдѣла Нормальной Анатоміи Императорской Военно-Медицинской Академіи / цензор: А. И. Тарнецкій, К. Н. Виноградовъ, Н. А. Батуевъ. Санкт-Петербург, 1897. 143 с. (Серія диссертаций, допущенныхъ къ защитѣ въ Императорской Военно-Медицинской Академіи въ 1896-1897 учебномъ году ; № 27)
- ¹⁰ Груздева Е. Н. Из истории лазарета для раненых воинов при Императорской Академии наук (1914–1916) // Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук : сайт. URL: http://ranar.spb.ru/files/visual/grant%20RNF/Gruzdeva_Lazaret.pdf (дата обращения 02.11.2020).
- ¹¹ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Заметки по поводу лечения огнестрельных переломов плечевой кости. Пг.: тип. Э. Ф. Мекс, 1917. 46 с.; Войнич-Сяноженцкий А. Р. Крайняя неотложность оперативного пособия в некоторых случаях открытых осложненных переломов конечностей // Воен.-мед. журн. 1915. Кн. 8. С. 551–565.
- ¹² Войнич-Сяноженцкий А. Р. Некоторые особенности в расположении...; Войнич-Сяноженцкий А. Р. Операционный стол для животных...
- ¹³ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Крайняя неотложность оперативного пособия...; Войнич-Сяноженцкий А. Р. Резекция верхней челюсти // Воен.-мед. журн. 1901. № 1. С. 1–23; Войнич-Сяноженцкий А. Р. Хирургические болезни мочеполовых органов. Санкт-Петербург, 1902. 202 с.
- ¹⁴ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Оперативное лечение болезней почек // Изв. Императ. Воен.-мед. акад. 1900. Т. 1. № 4. С. 351–369.
- ¹⁵ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Хирургия заднего средостения : предварительное сообщение // Рус. хирург. арх. 1903. Кн. 4. С. 585–589.
- ¹⁶ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Несколько хирургических случаев, наблюдавшихся...

- ¹⁷ Войнич-Сяноженцкий А. Р. К вопросу о путях распространения брюшного тифа: из докл., чит. 15 окт. 1901 г. в заседании Биол. секции Рус. о-ва охраны нар. здоровья. СПб., 1901. 19 с.
- ¹⁸ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Второй международный хирургический съезд и мои впечатления из поездки в Брюссель: отчет // Рус. врач. 1908, 1909. 208 с.; Войнич-Сяноженцкий А. Р. Заметки по поводу лечения...; Войнич-Сяноженцкий А. Р. Общие впечатления с 8-го съезда Российских хирургов // Рус. врач. 1909. № 1. С. 1–11.
- ¹⁹ Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В. И. Покровский. М.: Медицина, 2001. С. 163.
- ²⁰ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Операция вскрытия околосердечной сумки и анатомические ее основания. СПб., 1897. 250 с.
- ²¹ Айвазян С. А. Хирургическое лечение экссудативного перикардита с синдромом сдавления сердца: дис. ... канд. мед. наук. Н. Новгород, 2012. С. 122; Андин А. В. Тактика хирургического лечения экссудативного сдавливающего перикардита различной этиологии: дис. ... канд. мед. наук. Красноярск, 2012. С. 16; Богопольский П. М. История реконструктивной хирургии пищевода в России: дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 2014. С. 17, 67, 323; Драцкий С. И. Антропологическая и рентгенанатомическая характеристики детей с нефроптозом: дис. ... канд. мед. наук. Красноярск, 2005. С. 15, 126; Сулиманов Р. Р. Сравнительный анализ малоинвазивных вмешательств в диагностике и лечении выпотного перикардита: дис. ... канд. мед. наук. М., 2013. С. 134.
- ²² Кох О. Б. Указ. соч. С. 9.
- ²³ Белоликов В. И. Исторический очерк библиотеки Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (1798-1948). Ленинград, 1948. Машинопись (деп. в Б-ке Воен.-мед. акад.). С. 239.
- ²⁴ Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу 1-7 июня 1911 г.: избр. материалы. СПб.: изд-во РНБ, 2011. С. 6–15.
- ²⁵ Систематический каталог Библиотеки Русского хирургического общества Пирогова за первое 25-летие: 1882–1907 / сост. А. Войнич-Сяноженцкий. СПб., 1907. 224 с.
- ²⁶ Панченко А. М. Подвижник библиотечного дела А. Р. Войнич-Сяноженцкий // Библиография и книговедение. 2016. № 5 (406). С. 85.
- ²⁷ Перечень текущих периодических изданий, имеющихся в Библиотеке Военно-медицинской академии / сост. А. Р. Войнич-Сяноженцкий. СПб., 1911. 41 с.
- ²⁸ Перечень текущих периодических изданий... С. 31.
- ²⁹ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Наиболее удобные формы печатания списков текущих поступлений: докл. // Первый Всерос. съезд по библиотечному делу. СПб.: тип. М. Меркушева, 1911. 6 с.
- ³⁰ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Наиболее удобные формы печатания списков...
- ³¹ Перечень книг, поступивших в Библиотеку Военно-медицинской академии в 1910–1911 годах / сост. А. Р. Войнич-Сяноженцкий. СПб., 1914. 51 с.
- ³² Белоликов В. И. Указ. соч. С. 196.
- ³³ Панченко А. М. Указ. соч. С. 91.
- ³⁴ Ванеев А. Н. Указ. соч. С. 205.

- ³⁵ Белоликов В. И. Указ. соч. С. 187.
- ³⁶ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Контроль при выдаче книг и над сроками их возврата: меры взыскания: докл. // Первый Всерос. съезд по библ. делу. СПб.: тип. М. Меркушева, 1912. 12 с.
- ³⁷ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Контроль при выдаче книг и над сроками их возврата...
- ³⁸ Панченко А. М. Указ. соч. С. 91.
- ³⁹ Панченко А. М. Там же. С. 92.
- ⁴⁰ Белоликов В. И. Указ. соч. С. 255.
- ⁴¹ Белоликов В. И. Там же. С. 257.
- ⁴² Белоликов В. И. Там же. С. 264.
- ⁴³ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Продолжение вопроса о дезинфекции книг: (На основании исследования докторов Ф. Харитонова и М. Тригубенко) // Столетия вестник беспристрастный: юбил. кн. сер., посвящ. 100-летию журн. «Библиотека». Т. II. М., 2013. С. 464–470.
- ⁴⁴ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Продолжение вопроса о дезинфекции книг... С. 464–470.
- ⁴⁵ Панченко А. М. Указ. соч. С. 91.
- ⁴⁶ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Размещение в библиотеках миниатюрных изданий (лилипут-библиотек): докл. 53 общ. собр. О-ва библиотековедения, 9 нояб. 1913 г. СПб., 1914. 16 с.
- ⁴⁷ Панченко А. М. Указ. соч. С. 92.
- ⁴⁸ Шилов Л. А. Высшие курсы библиотековедения Публичной библиотеки: у истоков библиотечного образования // Очерки по истории Российской национальной библиотеки. СПб., 2008. С. 123.
- ⁴⁹ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Библиотечное дело, как особая самостоятельная специальность, и библиотекари, как обособленная группа в ряду других специальностей // Тр. Первого всерос. съезда по библ. делу, 1–7 июня 1911 г.: избр. материалы. СПб.: изд-во РНБ, 2011. С. 54–64.
- ⁵⁰ Ванеев А. Н. Указ. соч. С. 226.
- ⁵¹ Войнич-Сяноженцкий А. Р. Библиотечное дело, как особая самостоятельная специальность... С. 54–64.
- ⁵² Кох О. Б. Указ. соч. С. 9.
- ⁵³ Панченко А. М. Указ. соч. С. 89.
- ⁵⁴ Шилов Л. А. Указ. соч. С. 123.
- ⁵⁵ Шилов Л. А. Там же. С. 124.
- ⁵⁶ Шилов Л. А. Там же. С. 132.
- ⁵⁷ Кох О. Б. Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁸ Кох О. Б. Указ. соч. С. 8.
- ⁵⁹ Белоликов В. И. Указ. соч. С. 258.
- ⁶⁰ Там же. С. 269.

В. В. Орлов

**К истории развития библиотечного законодательства в России:
попытка обобщения**

Рассмотрены основные этапы развития библиотечного законодательства России, а также различные подходы к его периодизации. Статья не фокусируется на конкретных документах, а является попыткой отобразить формирование и развитие сложной системы правового обеспечения библиотечного дела нашей страны.

Ключевые слова: история библиотечного дела, правовое обеспечение библиотечного дела, закон, государство, Библиотека Академии наук, Императорская публичная библиотека, Петр I.

Viktor V. Orlov

**To the history of development of library legislation in Russia:
an attempt to generalize**

The main stages of development of library legislation in Russia and various approaches to its periodization are considered. The article does not focus on specific documents, but is an attempt to reflect the formation and development of a complex system of legal support for librarianship in this country.

Keywords: history of librarianship, legal support of librarianship, law, state, The Library of the Russian Academy of Sciences, The Imperial Public Library, Peter the Great.

История правового регулирования библиотечной деятельности и история развития библиотечного законодательства тесно связаны с историей общественно-экономического, политического и культурного развития государства, книжного и издательского дела и других отраслей деятельности¹. В России ситуация укладывается в общие тенденции – в разное время на развитие библиотечного права в нашей стране влияли факторы политического, социального, культурного порядка. Трудность обобщающего взгляда на генезис и развитие российского библиотечного нормативно-правового регулирования обусловлена рядом обстоятельств: отсутствие единого подхода к его периодизации, длительное отсутствие в его практике понятия «закон» – царская Россия равно как и СССР не смогла спродуцировать библиотечный закон, и библиотечное дело в стране регулировалось отдельными указами, положениями, постановлениями и др., конъюнктурный характер большинства нормативно-правовых актов, которые постоянно менялись, отражая происходящие в обществе изменения и т. д. Следует также отметить, что подобный комплексный взгляд призван не фокусироваться на конкретных документах, а отобразить развитие сложной системы правового обеспечения библиотечного дела нашей страны.

По мнению целого ряда исследователей, библиотечное законодательство появляется в России только в начале XVIII в. – именно тогда впервые принимаются законодательные акты, касающиеся основания отдельных библиотек, организации комплектования их фондов и обслуживания читателей². Петровскую эпоху вполне логично рассматривать в ключе самых различных преобразований. Исходя из указанной логики, первыми такими документами можно считать указ Петра I 1706 г. об основании библиотеки при типографии в Москве (позднее она называлась «Публичная всенародная библиотека») и об открытии в 1714 г. в Петербурге Кунсткамеры и библиотеки при ней, которая затем была преобразована в Библиотеку Академии наук. Однако, по мнению выдающегося библиотековеда и историка библиотечного дела А. Н. Ванеева, уже в средневековой Руси сложилась определенная система взглядов, которую сегодня назвали бы «основами библиотечного права», и которая затрагивала проблемы регламентирования деятельности библиотеки и библиотекаря, правила пользования библиотечными фондами и условия их сохранности, санкции к нарушителям библиотечных правил. В качестве «библиотечного законодателя» выступала церковь³. Поскольку первые библиотеки, возникшие на Руси, были личными и монастырскими, говорить о развитии регулирующей составляющей деятельности библиотек можно уже со времени монастырских библиотек. Ведь правила пользования ими по сути есть локальные нормативные акты. Устав монастырей предусматривал в них особую должность книгохранителя и вменял в обязанности монахам чтение книг. В частности, устав греческого Студийского монастыря, который в XI в. был введен в русских монастырях, предписывал, в какое время дня надлежит заниматься чтением. По монастырским правилам книги читались и вслух во время общей трапезы. Устав обязывал книгохранителя бережно хранить книги, предусматривал меры наказания читателей. Таким образом, можно сказать, что именно *монастырский устав был первым регулирующим библиотечным актом в России*, имеющим к тому же, говоря современным языком, международный характер. Уже начиная со времен Ярослава Мудрого, на развитие библиотечного дела в нашей стране начала влиять византийская культура.

Впоследствии церковные документы продолжали оказывать влияние на библиотечную жизнь России. В XVI в. была составлена памятка библиотекарю «Как со всяким прилежанием книги блюсти книгохранителю и пономарю». В 1721 г. видный деятель петровской эпохи Феофан Прокопович написал «Духовный регламент», в котором отводил большую роль библиотекам при учебных заведениях, а учителей призывал, по сути, быть руководителями чтением. Указ Петра I о монашестве и монастырях (1724 г.) также содержал ряд положений Ф. Прокоповича об организации библиотек⁴.

Кроме монастырских библиотек, крупнейшие государственные библиотеки своего времени также оказывали влияние на развитие правового регулирования библиотечного дела. Это касается как многочисленных документов Библиотеки Академии наук, которая называлась «Императорской библиотекой», а иногда и просто «Библиотекой» (и, по мнению некоторых исследователей, и должна была стать национальной), так и Императорской публичной библиотеки.

Вехой в развитии системы обязательного экземпляра в России стал указ от 23 февраля 1783 г. «О доставлении из всех казенных и вольных типографий по одному экземпляру всякой издаваемой книги в Библиотеку Санкт-Петербургской Академии наук».

Нормативные документы Императорской публичной библиотеки, как и ее штат, утверждались лично императором. Так, 14 октября 1810 г. Александр I утвердил «Положение об управлении Имп. Публичной библиотекой». Двумя годами позже, 23 февраля 1812 г. императором был утвержден уставной документ «Начертания подробных правил для управления Имп. Публичной библиотекой». Необходимо отметить, что при утверждении штатов ИПБ М. И. Антоновским были составлены требования к кандидатам на должность библиотекаря – они по сути являются первыми в нашей стране квалификационными требованиями к представителям библиотечной профессии. Вплоть до 1917 г. проекты нового штата подготавливались и рассматривались в правительственных и законодательных органах⁵.

Большое значение в рассматриваемый период имел и циркуляр Николая I об открытии 52 публичных библиотек в губернских городах России (1830 г.). В его исполнение было издано распоряжение № 777 «Об учреждении в губернских городах публичных библиотек для чтения». В 1849 г. вышел указ «О доставлении в Императорскую публичную библиотеку по два экземпляра всех выходящих в России книг».

Нельзя не сказать, что на регламентацию библиотечной деятельности влияли документы ограничительного характера, связанные с цензурой и т. п. Напомним, что в царской и советской России цензура существовала официально и имела институциональное оформление. Принятие цензурных уставов, временных правил о печати и т. д., деятельность А. Х. Бенкендорфа и позже К. П. Победоносцева и др., безусловно, оказали влияние на развитие литературы и на ситуацию в издательском и библиотечном деле. Можно даже сказать, что «библиотечное законодательство становится составной частью закона о цензуре»⁶. Так, 6 апреля 1865 г. император Александр II высочайше утверждает мнение Государственного Совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях», регламентирующих порядок открытия библиотек. Один из крупнейших российских

специалистов в области библиотечного права В. Р. Фирсов призывает начинать рассмотрение процесса формирования библиотечного законодательства, регулирующего деятельность общедоступных и народных библиотек, именно с этого момента. 15 января 1884 г. императором было утверждено положение «О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения», в 1890 г. Министерством внутренних дел были изданы «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними». Изложенные в нем меры по ограничению развития библиотек просуществовали до 1917 г.

После 1917 г. в стране утвердилась система административно-централизованного руководства и государственного управления библиотечным делом. Декрет Совнаркома «О централизации библиотечного дела в РСФСР» (ноябрь 1920 г.), подписанный В. И. Лениным, закрепил жесткую централизацию управления всей библиотечной сетью страны, оказал значительное влияние на организацию и содержание библиотечного обслуживания. Постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» (март 1934 г.) и постановление СНК СССР «О развертывании сети школьных библиотек и издании литературы для них» (ноябрь 1936 г.) ввели систему руководства библиотечным делом и контроль над деятельностью всех библиотек независимо от их ведомственной принадлежности.

В 1984 г. указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено «Положение о библиотечном деле в СССР» – первый в истории отечественного библиотечного дела нормативный правовой акт после Постановления ЦИК СССР 1934 г., имеющий юридическую силу и определяющий задачи и содержание работы библиотек, систему государственного руководства библиотечной отраслью, принципы организации сети библиотек. «Положение», в сущности, играло роль главного закона для библиотек страны.

После распада СССР снова возникла законодательная пустота – Россия была правопреемником, но не юридическим синонимом СССР, к тому же за десятилетие правоприменительной практики любой юридический документ демонстрирует многочисленные слабые места и лакуны, ставшие особенно очевидными на фоне значительных и очень интенсивных политических, экономических, технологических и культурных изменений, которые произошли в РФ в тот период. Поэтому в историю нормативно-правового регулирования библиотечного дела РФ первая половина 90-х гг. XX в. войдет как абсолютно новый этап формирования системы управления и принятия принципиально важных законодательных актов, в числе которых «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 сентября 1992 г. № 3612-1, федеральные законы «О библиотечном деле» от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ, «Об обязательном экземпляре документов» от

29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ и др.⁷ В последующие годы также значительно изменилось, усовершенствовалось смежное и общерегулирующее законодательство.

Библиотечная деятельность по мере своего осуществления порождает огромное количество различных правоотношений. Поэтому нормативно-правовую базу российских библиотек сегодня составляют акты разного уровня, направленности и юридической силы. Она является многоуровневой, многосубъектной, многоформовой. Как известно, формирование системы правовых источников по библиотечному делу происходит по «вертикали» в соответствии с принятым делением органов власти на федеральные, региональные и муниципальные, и по «горизонтали», где «выстраиваются» источники вышеназванных отраслей законодательства или их отдельные части, нормы которых распространяются на библиотечно-информационную сферу (Конституция РФ, Гражданский кодекс и т. д.)⁸. Таким образом, этими двумя осями образуется большое и сложное нормативно-правовое поле со множеством векторов. По аспектному принципу в это поле могут вовлекаться все новые документы, когда библиотечная деятельность соприкасается одной из своих многочисленных сторон с другими сферами деятельности – смежными и т. д. Условно-регламентирующий характер для библиотечной отрасли РФ также носят стандарты и рекомендательные документы, в том числе и международного характера. Кроме того, на развитие библиотечного дела влияют государственные программы, являющиеся основным инструментом реализации государственной библиотечной политики.

Нарушение равного доступа всех граждан РФ к библиотечному обслуживанию, отсутствие гарантированного финансирования комплектования фондов библиотек, различные проблемы обязательного экземпляра – эти и другие вопросы организации библиотечного дела в России остаются трудными и чувствительными. Институт библиотечного права не получил конституционного оформления. На региональном уровне также нет полного пакета основополагающих законодательных актов в рассматриваемой сфере. Кроме того, многие важнейшие вопросы функционирования библиотек остаются за рамками региональных законов⁹.

Примечания

¹ Бойкова О. Ф. Правовая среда российской библиотеки: учебно-практическое пособие / О. Ф. Бойкова, В. К. Клюев. М.: Либерея-Бибинформ, 2011. 224 с.

² Бойкова О. Ф. Правовая среда российской библиотеки...

³ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в России, XI – начало XX века / А. Н. Ванеев. СПб: СПбГИК, 2018. 348 с.

⁴ Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России...

⁵ Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. Том 1 / Ц. И. Грин, Г. В. Михеева, О. С. Острой, Л. А. Шилов; под общей редакцией Л. А. Шилова. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2003. 687 [1] с.

⁶ Бойкова О. Ф. Правовая среда российской библиотеки...

⁷ Бойкова О. Ф. Правовая среда российской библиотеки...

⁸ Колесникова М. Н. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности: учебник для вузов / М. Н. Колесникова. Москва, 2009. 255 с.

⁹ Колесникова М. Н. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности...

В. Э. Бежовец, Е. Г. Сочилина

**Информационно-аналитические функции и структуры региона
на примере Новгородской области**

Продолжая традиции научных исследований и прикладных разработок в области информационной аналитики, в память о профессоре Санкт-Петербургского государственного института культуры Галине Феофановне Гордукаловой было проведено региональное исследование с целью получения первоначальных базовых представлений о среде/системе информационно-аналитической деятельности региона на макро, миди и микроуровне взаимодействия на примере Новгородской области и Великого Новгорода.

Ключевые слова: аналитика, информация, региональные исследования, информационно-аналитическая деятельность.

Vlada E. Bezhovets, Ekaterina G. Sochilina

**Information and analytical functions and structures of the region
on example of the Novgorod region**

Continuing the tradition of scientific and applied research in the field of information analytics, in memory of the professor of the St. Petersburg State University of Culture – Galina Feofanovna Gordukalova, a regional study was carried out in order to obtain initial basic ideas about the environment / system of information and analytical activities of the region at the macro, midi and micro levels of interaction on the example of the Novgorod region and Veliky Novgorod.

Keywords: analytics, information, regional studies, information and analytical activities.

Задачей нашего исследования стал предварительный аналитический экспресс-обзор информационно-аналитических структур, работающих в регионе, и первоначальный анализ информационно-аналитических функций выявленных структур. Среди методов исследования – анализ доступных открытых источников в сети Интернет, анализ статистических данных, анализ резюме и вакансий региона и др.

Основные положения. На территории Великого Новгорода и Новгородской области действуют разнообразные структуры, имеющие в названии сочетание «информационно-аналитический» и/или фактически выполняющие аналитические функции, – как отдельные учреждения, так и подразделения организаций. Набор этих структур, по всей видимости, типичен для субъектов РФ. Выделяются следующие группы структур:

1) Государственные структуры (в исследовании описаны 4 крупнейшие структуры).

2) Надрегиональные структуры (в исследовании упоминается 6 межотраслевых структур).

3) Отраслевые структуры (отмечено, что лучше всего «аналитически» в области и городе обеспечены структуры развития образования).

4) Отдельные структурные подразделения в составе крупных учреждений (в том числе государственных) – отделы по аналитике или специалисты аналитического профиля, в обязанности которых входит, в основном, ведение баз данных и подготовка отчетности на их базе.

5) Городские (муниципальные) структуры (одно муниципальное учреждение).

6) Информационно-аналитические структуры в сфере культуры и искусства.

7) Информационно-аналитические структуры в сфере туризма.

8) Средства массовой информации.

9) Коммерческие структуры (разнообразные структуры, в исследовании речь идет о 41 коммерческой структуре).

10) Структуры, открытые и доступные для населения.

11) Структуры библиотек.

Рассмотрим более подробно информационно-аналитические структуры и реализуемые ими функции в сфере информационно-аналитической деятельности в Новгородской области и Великом Новгороде.

Крупнейшие в регионе государственные и муниципальные структуры

ГОКУ «Центр по мониторингу и анализу социально-экономического развития Новгородской области» (преобразован из Комитета по мониторингу и анализу социально-экономического развития) создан в январе 2018 г. с целью: «прогнозное и аналитическое обеспечение процесса управления». Центр занимается именно аналитикой, в том числе – статистических показателей; прогнозы по основным составляющим развития есть в открытом доступе на сайте структуры. Однако то ли в связи с «молодостью» структуры, то ли в связи с особой ответственностью поручения, действующие программы стратегического развития города и области разрабатывались сторонними организациями – например, ООО «Институт проблем предпринимательства» (Санкт-Петербург).

ГУ «Новгородский информационно-аналитический центр» фактически занимается «информатизацией Новгородской области», включая «анализ состояния и использования информационно-вычислительных ресурсов области», осуществляет техническую поддержку сетей Администрации Новгородской области и баз данных, обеспечение информационной безопасности.

Общественно-аналитический центр Администрации Губернатора Новгородской области оказывает «содействие развитию деятельности неком-

мерческих организаций, расположенных на территории Новгородской области, а также выявлению проблем в деятельности указанных организаций». В числе функций – аналитика в области НКО, изучение общественного мнения, информационное обеспечение деятельности Общественной палаты Новгородской области, ведение сайтов и порталов профильной тематики.

Управление Администрации Губернатора Новгородской области по внутренней политике – структура, в числе задач которой информационно-аналитическое обеспечение деятельности Губернатора, в особенности – по проблемам развития местного самоуправления.

Надрегиональные структуры

Среди структур этой группы ведущее место занимает филиал ФГБУ ФКП Росреестра по Новгородской области. Управление Роскомнадзора по Новгородской области осуществляет контроль и надзор за деятельностью в сфере связи, массовых коммуникаций, защиты персональных данных, в том числе ведет отраслевую аналитику в этих сферах, но информация не носит публичный характер. Новгородстат (Территориальный орган государственной статистики по Новгородской области) собирает и анализирует данные статистической и финансовой отчетности по региону, частично – анализирует, в том числе по заявкам государственных и муниципальных учреждений, СМИ, выполняет частные заказы на предоставление и анализ данных – на платной основе; работает только с теми данными, что собирает.

В региональной системе информационно-аналитической деятельности не слишком очевидно место Регионального агентства стратегической аналитики (НООО «РАСА», Филиал ассоциации Аналитика на территории Новгородской области), в числе задач которого – «аналитическая, информационная, методическая поддержка предпринимательства» в регионе, помощь членам ассоциации в разработке бизнес-планов и обучающих методик в данном направлении. Из представленных на сайте публикаций понятно, что оно занимается в том числе и информационной аналитикой в политической и социально-экономической сфере на базе как региональной, так и российской, и международной информации.

Так же сложно получить из открытых источников адекватное представление о деятельности организации «Новгородский технопарк», которая объединяет в себе несколько разных субъектов и территориально базируется в НовГУ. Одна из первоначальных функций – именно информационно-аналитическое и методическое обеспечение проектной деятельности университета и его дочерних структур.

Сложно понять функции ОАУ «Новгородский научно-координационный центр» (возможно – одна из структур Технопарка), основная задача

которого – «научные исследования и разработки в области естественных и технических наук», вспомогательная – «исследования рыночной конъюнктуры».

Отраслевые структуры

По результатам исследования, среди отраслевых структур лучше всего «аналитически» в регионе обеспечены структуры развития образования. Информационно-аналитический отдел ГОАУ ДПО «Региональный институт профессионального развития» (образования) занимается отраслевой аналитикой, проводит собственные мониторинги, принимает участие во всероссийских исследованиях, в том числе – занимается мониторингом качества образования, ведет отраслевые базы данных; данные исследований используются как для отчетности и управленческих целей, так и для планирования мероприятий повышения квалификации. На уровне городской Администрации – МАУ методического обеспечения образовательной деятельности «Институт образовательного маркетинга и кадровых ресурсов», выполняющее примерно те же функции на уровне города. Аналогичные собственные службы (размер и «мощность» зависит от размеров сети образовательных учреждений) есть при отделах образования всех муниципальных образований. «Институт образовательного маркетинга» готов выполнять заказы от аналогичных структур в других городах по отраслевой аналитике.

Многие крупные государственные учреждения имеют в своем составе отделы по аналитике или специалистов этого профиля, в обязанности которых входит, в основном, ведение баз данных и подготовка отчетности на их основе. Следует отметить, что оплата труда этих специалистов в регионе – невысокая.

ГБУЗ «Медицинский информационно-аналитический центр» собирает статистическую информацию и оказывает «медицинские информационные услуги» профильным организациям и органам власти.

Министерство культуры Новгородской области собственными аналитическими службами не располагает. Отчасти, в области библиотечного дела функции информационно-аналитической деятельности выполняют методические отделы областных библиотек – Новгородская областная универсальная научная библиотека и Новгородская областная специализированная библиотека для слепых «Веда». ГОБУ «Центр информационно-технического обеспечения, микрофильмирования и реставрации» занимается вопросами технического обеспечения работы архивов области.

На уровне Великого Новгорода специализированных информационно-аналитических учреждений не выявлено, кроме МАУ «Институт образовательного маркетинга». При необходимости, отраслевой аналитикой занимаются специалисты отраслевых комитетов городской администрации.

Достаточно яркая структура, созданная в целях развития туризма в Великом Новгороде по инициативе муниципального комитета по культуре – МБУ Центр развития туризма «Красная Изба», которая оказывает как непосредственные услуги туристам и турагентствам, занимается рекламой города, как центра туризма, так и осуществляет аналитические функции в своей отрасли.

Многие муниципальные организации Великого Новгорода, имеющие в составе названия слова – «информационное» или «информационно-аналитическое», на самом деле либо отвечают за «информатизацию» в своей отрасли, либо за связи с общественностью, ведение сайтов и связь со СМИ. Так, МУП «Информационно-аналитический центр по жилищно-коммунальному хозяйству» из собственно информационно-аналитических функций выполняет функции ведения отраслевых баз данных и разрабатывает рекомендации по формированию цен на услуги ЖКХ. Так же обстоят дела и в муниципальных образованиях области.

СМИ

Областное государственное автономное учреждение «Агентство информационных коммуникаций» (ОГАУ «АИК») – крупнейший медиа-холдинг Новгородской области. Холдинг включает в себя Новгородское областное телевидение, Радио 53, сетевое издание «53 новости», областную газету «Новгородские ведомости» и 18 районных газет. ИА «Великий Новгород» собирает и поставляет информацию о событиях в регионе. ГТРК «Славия», осуществляющая вещание на канале «Россия», – также весьма важный информационный «игрок». Газета «Новгород» – муниципальное издание областного центра, распространяется бесплатно. Другие издания и каналы существенно уступают в охвате аудитории. Большинство СМИ существуют благодаря государственной, муниципальной, частной поддержке, либо являются рекламными.

Аналитика для бизнеса

Бюро «Флавита» ИП Тихонова оказывает частным организациям услуги по анализу рынков, бизнес-анализу маркетинговой деятельности самой организации, а также – услуги по разработке информационно-рекламных материалов и разработке продуктов на основе бизнес-анализа деятельности организации. Интересно, что бюро предпочитает действовать в «удаленном», онлайн, режиме, даже в контактах указывает: «Территориально мы находимся в Великом Новгороде (не Нижнем) — это между Питером и Москвой», т. е. ориентируется не на местный рынок.

ООО «Новинвент-Вест» – «российская консалтинговая компания со штаб-квартирой в г.Великий Новгород, помогающая российским предприятиям осваивать зарубежные рынки, а иностранным компаниям – разви-

вать свой бизнес в России», чьи услуги – исследования рынка, поиск клиентов и партнеров, перевод, инвестиционный консалтинг и др.

Информационной аналитикой занимаются представительства в регионе крупных российских фирм, например, ООО «Консультант», «2ГИС», ЦИАН и т. д., в том числе предлагая профессиональные услуги на местном фотোগрафическом материале.

Из местных организаций целый ряд (около 25) занимается бизнес-консалтингом, предоставляя разные услуги – в основном, консалтинг в узких областях: юридических вопросах, финансово-бухгалтерских, управленческих (обучение управленцев через семинары и индивидуальные консультации). Весьма распространенное направление деятельности – консалтинг в области рекламы и продвижения товаров и услуг, этим направлениям занимаются все рекламно-маркетинговые агентства. Словосочетание «бизнес-консалтинг» присутствует в перечне описаний десятков фирм и организаций, но под этим понимаются практически любые услуги «для бизнеса» – от лицензирования и бухгалтерского сопровождения, до разработки сайтов и технической поддержки.

Несколько организаций (около 10) – в основном, колл-центры и рекламные агентства, – предлагают в числе других услуг социологические и маркетинговые исследования: телефонные и личные опросы населения.

Редко встречаются услуги организации и проведения информационных исследований. Например, ООО «Регистратор» предлагает в числе прочих (юридических и бухгалтерских) услуг услугу «Проверка контрагентов» на добросовестность на основе всестороннего анализа информации (в основном, из общедоступных источников).

В количественном соотношении трудно назвать точные цифры, так как часть организаций в течение последнего года ликвидирована, часть – перестала поддерживать сайты, часть – перепрофилировалась (колл-центры, например, стали просто рекламными сайтами), либо дает информацию о своей деятельности очень уклончиво – «обращайтесь, мы вам во всем поможем».

Реальным анализом бизнес-процессов занимаются, видимо, только собственные подразделения крупных фирм, российских и местных, для удовлетворения собственных интересов и потребностей в аналитике.

По районным центрам сведения об информационно-аналитических услугах искать крайне сложно, выявлены единичные предложения в городах Боровичи и Старая Русса. В других районах такие предложения либо не рекламируются онлайн, либо отсутствуют.

Следует отметить, что в реальности анализом информации в областном центре и области в целом занимаются тысячи людей – от ученых до

риэлтеров. Но рынок информационно-аналитических услуг пока не сформирован в разрезе регионального и локального масштабов. В настоящее время поиск информации и тем более ее анализ – «очень личное» дело или «коммерческая тайна». В обыденном сознании существуют иллюзии, что сейчас это «очень просто», или на аналитику нет спроса, или ценной может быть только информация из закрытых источников.

Рынок труда (спрос и предложение) профессиональных кадров в области информационной аналитики, соответственно, тоже еще не сформирован. В регионе крайне мало открытых вакансий в области информационной аналитики. Так, не более 2–3 вакансий было открыто в течение июня-августа 2019 г. на весь Новгородский регион, включая удаленные вакансии на местных сайтах по трудоустройству, со средней предлагаемой зарплатой 20 тыс. рублей при высшем образовании (в это же число входит работа референта-помощника руководителей).

Для населения

В Великом Новгороде очень высок уровень информатизации населения, практически 90% жителей по своим запросам ищут необходимую информацию в сети Интернет. В связи с высокой информационной грамотностью населения, службы «городской справки», которых в регионе было много еще 10–12 лет назад, перепрофилировались в рекламные сайты, продвигающие (на платной основе) обращающиеся к ним фирмы и организации. Новгородское представительство компании «„Наша справка“: городская справочная (09)» выполняет поиск по запросам не только по «желтым страницам», самостоятельно поддерживает адекватные базы данных товаров и услуг.

Традиционно помощь жителям в поиске информации оказывают библиотеки. Библиографы ведут собственные базы данных – библиографические и фактографические, активно используют открытые Интернет-ресурсы. Новгородская областная универсальная научная библиотека и муниципальные библиотеки имеют краеведческие части Справочно-библиографического аппарата, к ведению которых относятся ответственно и заинтересованно, выполняют самостоятельные краеведческие исследования. К тому же, справки в библиотеках недороги, чаще всего – вообще бесплатны. Архивы в регионе более закрыты и менее популярны: если в библиотеках счет выполненных справок идет на десятки тысяч в год, в архивах – по несколько сотен обращений в год.

Следует отметить, что в регионе встречаются интересные примеры структур, занимающихся информационно-аналитической деятельностью. Так, международная общественная организация «Центр политического анализа и информационной безопасности» предлагает организациям и частным лицам услуги по мониторингу и ситуационному анализу полити-

ческих и экономических процессов, военно-политической обстановки в России, странах постсоветского пространства и в международной обстановке, с подготовкой эксклюзивных прогнозов о дальнейшем развитии ситуации, а также – региональные исследования: «трансформация элит, механизмы принятия политических решений, религиозный экстремизм», реакции населения на те или иные политические события и т. п. Отдельные предложения («Лоббирование интересов заказчика в органах государственной власти; Формирование благоприятного имиджа заказчика среди политической элиты») намекают на связь организации с влиятельными лицами региона. Причем, судя по сайту, организация действующая.

По результатам исследования можно заключить, что государственная и внутриотраслевая аналитика развиты в регионе настолько, насколько этого прямо требует запрос со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Рынок информационно-аналитических услуг не развит. Продукт информационной аналитики не сформирован и, соответственно, не упакован. Коммерческие структуры за последние 2–3 года продолжают закрываться или работают, ориентируясь на внешние по отношению к региону запросы. Подготовка информационных аналитиков в регионе отсутствует. Вакансии аналитиков на региональном рынке труда появляются крайне редко. Содержание работы аналитика часто трактуется применительно к подготовке отчетов, информационным технологиям (автоматизации). По факту вакансии заполняются экономистами, менеджерами, ИТ-специалистами, маркетологами, социологами либо опытными сотрудниками данного ведомства. Наличие крупного регионального университета пока еще не обеспечивает развитие информационно-аналитической составляющей информационной среды.

В то же время приоритетные стратегические задачи социально-экономического развития Новгородской области – «опережающее развитие отраслей „умной“ экономики» и «формирование нового механизма государственного управления» («Стратегия социально-экономического развития Новгородской области до 2025 года», Правительство Новгородской области, 2018) требуют подготовки квалифицированных специалистов, в том числе, в области аналитики. В регионе возможность и целесообразность обучения информационных аналитиков может быть рассмотрена как на базе Новгородского областного колледжа культуры и искусств, так и в рамках программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки библиографов, представителей других профессий, реализуемых на базе различных организаций и учреждений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ • INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александрова Оксана Александровна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат педагогических наук, доцент

Aleksandrova Oksana Aleksandrovna
St. Petersburg State University of Culture
PhD in Pedagogics
oksasalal@yandex.ru

Ахти Елена Геннадьевна
Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского

Akhti Elena Gennadjevna
V.V. Mayakovsky Central city public library
aeg@cspb.ru

Бадалян Дмитрий Александрович
Российская национальная библиотека
кандидат исторических наук

Badalian Dmitrii Aleksandrovich
The National Library of Russia
PhD in History
dmit.bad@gmail.com

Бахтина Елена Владимировна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат педагогических наук, доцент

Bakhtina Elena Vladimirovna
St. Petersburg State University of Culture
PhD in Pedagogics
baev_bif@rambler.ru

Бежовец Влада Эдуардовна
кандидат педагогических наук
Научно-просветительский центр «Идеалогика», Великий Новгород

Bezhovets Vlada Eduardovna
PhD in Pedagogics
Scientific advocacy centre "Idealogica", Velikiy Novgorod
vladakultura@mail.ru

Беляев Николай Сергеевич
отдел БАН при Институте русской литературы РАН
кандидат педагогических наук

Belyaev Nikolai Sergeevich
Russian Academy of Sciences Library, St.Petersburg
PhD in Pedagogics
belyaev_77@mail.ru

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна
Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент

Birr-Tsurkan Lilia Fedorovna
St. Petersburg State University
PhD in philology
l.birr-tsurkan@spbu.ru

Волкова Наталия Николаевна
Краснодарская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина

Volkova Natalia Nikolaevna
A. S. Pushkin Krasnodar regional universal scientific library
baranovasn@inbox.ru

Гиляревский Руджеро Сергеевич
Всероссийский институт научной и технической информации РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор

Gilyarevskiy Ruggero Sergeevich
All-Russia Institute for Scientific and Technical Information, Moscow State University
Honored worker of science of the RF, doctor in philology, professor,
giliarevski@viniti.ru

Гринченко Наталья Александровна
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
кандидат филологических наук

Grinchenko Natalia Aleksandrovna
National Library of Russia
PhD in philology
books@nlr.ru

Жилякова Наталия Вениаминовна
доктор филологических наук, доцент
Томский государственный университет

Zhilyakova Natalia Veniaminovna
Tomsk State University
Doctor of Philology
retama@yandex.ru

Ильина Ольга Николаевна

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

кандидат педагогических наук, доцент

Ilina Olga Nikolaevna

National Library of Russia

PhD in Pedagogics

o_ilina@mail.ru

Касьянова Екатерина Петровна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Kasyanova Ekaterina Petrovna

St. Petersburg State University of Culture

kasssianova@ya.ru

Катина Алена Андреевна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Katina Alena Andreevna

St. Petersburg State University of Culture

alenakatinabif@gmail.com

Колесникова Марина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

доктор педагогических наук, профессор

Kolesnikova Marina Nikolaevna

St. Petersburg State University of Culture

Doctor of Pedagogics, professor

marik008@mail.ru

Корвацкая Елена Сергеевна

кандидат искусствоведения

ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Korvatskaya Elena Sergeevna

The Herzen State Pedagogical University of Russia

PhD in Art Criticism

sun3109@yandex.ru

Куликова Ангелина Викторовна

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Kulikova Angelina Victorovna

National Library of Russia

angelina-alvidas@yandex.ru

Кустова Мария Викторовна

кандидат педагогических наук

Челябинский государственный институт культуры

Kustova Marya Victorovna
PhD in Pedagogics
Chelyabinsk State Institute of Culture
mvic2016@yandex.ru

Липатова Дарья Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Lipatova Daria Anatoljevna
St. Petersburg State University of Culture
lipatova_dasha@mail.ru

Лопачева Мария Каиржановна
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

St. Petersburg State University of Culture
Lopacheva Maria Kairzhanovna
PhD in Philology
lopacheva03@mail.ru

Ляндусова Александра Евгеньевна
Свердловская областная универсальная научная библиотека
им. В. Г. Белинского

Lyandusova Alexandra Evgenjevna
V. G. Belinsky Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library
alyandusova@yandex.ru

Мамаева Светлана Анатольевна
Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
кандидат педагогических наук

Mamaeva Svetlana Anatolievna
S.M. Kirov Military Medical Academy
PhD in Pedagogics
svetanma@list.ru

Маркова Виктория Анатольевна
профессор, доктор наук по социальным коммуникациям,
Харьковская государственная академия культуры,
Харьков, Украина

Markova Victoria Anatoljevna
doctor of social communication, professor
Kharkov State Academy of Culture, Kharkov, Ukraine
vicmark777@gmail.com

Молчанова Ирина Александровна
Устьянская межпоселенческая центральная районная библиотека

Molchanova Irina Aleksandrovna
Ustyansk inter-settlement Central regional library
ir.metod@mail.ru

Мутьев Виктор Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Mutyev Victor Alekseevich
Saint Petersburg State University of Culture
PhD in Pedagogics
victor.mutyev@gmail.com

Новикова Лидия Игоревна
кандидат педагогических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

Novikova Lidiya Igorevna
St. Petersburg state academy of veterinary medicine
PhD in Pedagogics
lilanv@yandex.ru

Орлов Виктор Владимирович
кандидат педагогических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Orlov Viktor Vladimirovich
PhD in Pedagogics
St. Petersburg State University of Culture
viktor_orlov@inbox.ru

Патрушева Наталья Генриховна
доктор исторических наук
Российская национальная библиотека

Patrusheva Natalia Genrikhovna
doctor in history
National Library of Russia
patrusheva@nlr.ru

Петров Кирилл Владимирович
кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Petrov Kirill Vladimirovich
PhD in philology
St. Petersburg State University of Culture
kirill435@mail.ru

Пономарева Нина Васильевна
кандидат педагогических наук, доцент
Библиотека Российской академии наук

Ponomareva Nina Vasiljevna
PhD in Pedagogics
The Russian Academy of sciences Library
nvponomareva@inbox.ru

Попова Екатерина Константиновна
Северо-Западного института управления РАНХиГС

Popova Ekaterina Konstantinovna
SZIU RANEPa, scientific library
popova-ek@ranepa.ru

Розова Нина Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Rozova Nina Jurjevna
St. Petersburg State University of Culture
ninneroz@yandex.ru

Руднев Дмитрий Владимирович
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Rudnev Dmitrii Vladimirovich
PhD in History
St. Petersburg State University
rudnevd@mail.ru

Стаф Ирина Карловна
кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва

Staf Irina Karlovna
PhD in philology
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow
irina.staf@gmail.com

Уткоф Анна Юрьевна
Аспирант
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Utkof Anna Jurjevna
post graduate student
St. Petersburg State University of Culture
an.utkof2010@yandex.ru

Фафурин Геннадий Александрович
кандидат филологических наук
Российская национальная библиотека

Fafurin Gennadii Alexandroich
The National Library of Russia
PhD in Philology
fafurin@nlr.ru

Холодных Галина Викторовна
кандидат филологических наук
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Kholodnikh Galina Viktorovna
PhD in Philology
Lomonosov Moscow State University
kholodnikh@yandex.ru

Чурашева Ольга Леонидовна
кандидат педагогических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Churaheva Olga Leonidovna
PhD in Pedagogics
St. Petersburg State University of Culture
olgatchurashtva@yandex.ru

Шаронова Екатерина Леонидовна
библиотека «MeDiaLog», Централизованная библиотечная система
Красносельского района

Sharonova Ekaterina Leonidovna
«MeDiaLog» library, Centralized library system of Krasnoselsky district

Ельашевич Дмитрий Аркадьевич
профессор, доктор исторических наук
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Elyashevich Dmitry Arkadjevich
Doctor in history, professor
St. Petersburg State University of Culture
dmitry@elyashevich.ru

Сочилина Екатерина Геннадьевна
МБУК Библиотечный центр для детей и юношества «Читай-город»,
Великий Новгород

Sochilina Ekaterina Gennadievna
MBUK Library Center for Children and Youth "Chitai-Gorod", Velikiy Novgorod
refer2@chitajka53.ru